Анатолий Юновидов

Десанты 1941 года

Серия: Великая Отечественная: Неизвестная война
Издательства: Яуза, Эксмо
2009 г.

Даже в 1941 году, в самый трудный и трагический период войны, Красная Армия и флот не только оборонялись и отступали - в первые же дни Великой Отечественной на Дунае боевые действия были перенесены на территорию противника: наши пограничники совместно с пехотой под прикрытием бронекатеров и мониторов Дунайской военной флотилии высадились на румынский берег и захватили город Килиkия-Веке, уничтожив вражеский батальон, усиленный артиллерией, и пограничную заставу. В июле 41-го десантные отряды моряков Северного флота неоднократно высаживались в немецком тылу, срывая наступательные операции противника, а в сентябре полк советской морской пехоты, десантировавшийся с крейсеров и эсминцев, оттеснил румынские войска от Одессы.
В этой книге героическая история десантов 1941 года восстановлена в мельчайших подробностях, многие из которых рассекречены лишь недавно, - так, впервые обнародованы полные данные о причинах провала единственной попытки немцев применить танки на Крайнем Севере и об участии парашютистов-диверсантов в легендарном комбинированном десанте под Григорьевкой.

О чем эта книга (вместо предисловия)

В этой книге читатель не найдет сенсационных разоблачений или «нового взгляда» на хорошо всем известные события. И все-таки, думаю, эта книга покажется большинству читателей новой и необычной.

Уже второй десяток лет в нашей стране больше нет единой точки зрения на события военной истории, и нет больше единой схемы написания книг на эту тему. Круг авторов, пишущих «про войну», необычайно широк как по образовательному и профессиональному уровню, так и по их идеологическим взглядам.
Читатель может без труда найти на полках любого магазина как книжку, рассказывающую, что все было «очень плохо», так и книжку, рассказывающую, что все было «очень хорошо».
С каждым годом все больше страниц Великой Отечественной войны становятся известными читателям, все более широкий круг вопросов получает то или иное освещение.
Но читательский интерес к самой масштабной и самой важной для судеб нашей страны войне не слабеет и, думаю, не ослабнет еще долго, возможно, никогда. Потому что с каждой новой книгой становится еще яснее, как мало мы знаем о войне, как ничтожно узок круг событий, с которыми мы знакомы.
И десантные операции, проводившиеся флотом, не являются здесь исключением. С самого детства большинству людей старшего и среднего поколения знакомы «Малая Земля», Керченско-Феодосийская десантная операция и Евпаторийский десант. Но за годы войны было высажено более 120 морских и речных десантов. Большинство читателей, интересующихся нашей военной историей, не знают даже о существовании подобного количества десантных операций, не говоря уже о том, когда, где и как они проводились.
В последнее время, на волне все более усиливающегося интереса к нашей военной истории, правда, появляется все больше материалов и на эту тему. На страницах книг, статей и сайтов все чаще упоминаются Керченско-Феодосийская, Петсамо-Киркинесская, Григорьевская и другие десантные операции. Но нам все еще трудно получить полное представление даже о самых известных десантных операциях Великой Отечественной войны.
Десантные операции, без преувеличения, являются одними из самых драматичных страниц войны. Их нельзя было прекратить, как неудачное наступление, или сделать прочными и неуязвимыми, как глубокоэшелонированную оборону. Сколько бы ни велась подготовка к таким операциям и какие бы силы к ним ни привлекались, как грамотно ни делались бы расчеты, ни одной армии мира не удалось избежать драматических случайностей при проведении десантов.
К сожалению, наше знание о ходе этих операций часто ограничивается самыми общими сведениями: какие части, когда и где высаживались, с каких кораблей, где и сколько они воевали. Лет 20–30 назад подобная информация, как и любая другая, была ценной и востребованной. Но время не стоит на месте и информационный голод постепенно уступает место информационной открытости. И все чаще после решения вопросов «кто», «где» и «когда» читателя все больше начинает интересовать вопрос «как».
Эта книга и является попыткой дать ответ на этот вопрос, являющийся важнейшим для понимания сути происходивших событий. В этой книге рассматриваются всего три десантные операции из всех проведенных в первый, самый трудный год войны. Но уровень рассмотрения этих операций является самым подробным из всех материалов, обращавшихся к этой теме как в советский, так и в постсоветский период.

Основной задачей книги было создать у читателя своеобразный «эффект присутствия» — дать ему возможность понимания механизма всех происходивших событий. Историю каждой десантной операции я старался дать максимально комплексно, поэтому в книге, кроме самих десантных операций, читатель познакомится с событиями, предшествовавшими этим операциям, происходившими одновременно с ними и иногда являвшимися их следствием.
Эта книга посвящена трем удачным десантным операциям начального периода войны. Обстоятельства, в которых они задумывались и выполнялись, и силы, которые привлекались к участию в них, различны. Но все их объединяет успех, явившийся следствием, как увидит читатель, самых разных причин. Еще одним объединяющим признаком всех рассматриваемых операций является количество высаживаемых частей. Во всех трех операциях десантировался стрелковый полк либо полк морской пехоты.
В последнее время начальный период войны становится предметом все более пристального внимания исследователей. Самый драматичный период Великой Отечественной войны на долгое время оказался наименее освещенным и исследованным. И только в последние годы стали выходить в значительном количестве книги, посвященные различным вопросам, касающимся этого периода. Все большее количество операций становятся предметом обстоятельных и подробных исследований.
Десантным операциям при этом повезло меньше прочих. В первую очередь внимание исследователей привлекли наиболее масштабные события первого года войны. На фоне грандиозных котлов, в которых гибли целые армии, и сражений с участием десятков дивизий десантные операции как-то «терялись».
Масштаб событий при высадке морских и речных десантов был, конечно, несравненно более скромным, и на ход войны они непосредственно не влияли. Но десантные операции первого года войны не менее драматичны и интересны для исследователя, чем крупные наступательные и оборонительные операции. В трудных условиях первого года войны десантные операции являлись отчаянными попытками стабилизировать положение там, где другим путем это сделать уже было невозможно.
И в современной военно-исторической литературе внимания им уделено сравнительно немного. В лучшем случае это отдельные главы на десяток-другой страниц или сборники, сводящие под одной обложкой разные по уровню материалы о различных операциях. К сожалению, в настоящее время книга, которую вы сейчас держите в руках, является первой за много лет, целиком посвященной истории отдельных десантных операций, и фактически единственной книгой такого объема, вышедшей по этой тематике в постсоветский период.
Впервые в нашей литературе в этой книге максимально подробно освещен процесс принятия решений на проведение описываемых операций. Вопросы, кем именно инициировались или, наоборот, кем и почему тормозились подобные решения, не получили пока должного освещения на страницах нашей военно-исторической литературы.
Боевые действия даются на максимально возможном уровне их детализации. Привлечение всех доступных источников, многие из которых раньше не использовались при написании материалов на эту тему, позволило дать

максимально полную и развернутую картину описываемых событий. Огромное количество боевых эпизодов, даже не упоминаемых в современных исследованиях на эту тему, описано с максимально возможной подробностью, какую позволяют свидетельствующие о них материалы.

И положительные и негативные моменты, имевшие место при планировании и осуществлении этих операций, разбираются с одинаковой степенью дотошности. И то и другое — это часть нашей истории и неотъемлемая часть самих десантных операций, в немалой степени обусловившая их развитие таким, каким оно получилось в действительности.

Основной упор я старался сделать на описание тактических и боевых приемов, из которых и складывалось выполнение этих операций. Много внимания уделено и человеческому фактору, роль которого во многих наших успехах и неудачах освещена еще, по моему мнению, совершенно недостаточно и по-прежнему ждет своих исследователей.

В книге читатель найдет много примеров ошибок нашего командования, совершенных на самых разных уровнях и разными людьми. Их обилие не свидетельствует о желании автора очернить историю описываемых событий. Просто эти ошибки, к сожалению, ее неотъемлемая часть.

Такая же, как и старания многих тысяч людей и их вклад в победу. Примеры мужества, желания возможно лучше подготовить и осуществить то или иное решение тоже не получили еще должного признания и известности. Читатель также узнает и о многих поступках десятков людей, которыми мы можем и должны гордиться, хотя в свое время они не получили ни должной официальной оценки, ни широкой известности на страницах книг и статей.

Еще одной задачей данной книги является создание не только максимально подробной, но и максимально объективной картины описываемых событий. Все три операции, выбранные для этой книги, за исключением, возможно, последней, относительно хорошо известны массовому читателю. Но много слышать о чем-то еще не всегда значит много о нем знать.

Думаю, что у большинства читателей изменится представление о боевых действиях на Дунае, проводившихся в первый месяц войны, так же как и о высадке Григорьевского десанта. Внимание обеим темам уделяли многие ставшие в последнее время известными авторы. Соответствующие главы имеются в произведениях Виктора Суворова и Александра Широкорада, на эти темы написаны десятки статей различной степени подробности и достоверности. Надеюсь, эта книга сильно дополнит, а во многих случаях и изменит представления, сложившиеся у читателя после знакомства с этими материалами.

Часть первая Десант на Дунае Первый десант войны

Предыстория

(17 июня 1940 г. — 21 июня 1941 г.)

Участок Дуная от озера Ялуг, где река делится на два рукава (гирла), до впадения Килийского гирла в Черное море относился к району прикрытия № 6 по плану действий войск Одесского военного округа (ОдВО) по прикрытию госграницы.

Из всех планов прикрытия пяти приграничных округов план ОдВО оказался единственным, соответствующим реальной обстановке, в полном объеме выполненным в предвоенный период и успешно реализовывавшимся после начала боевых действий.
И не случайно, что ОдВО к моменту образования 25 июня Южного фронта фактически выполнил поставленную задачу по прикрытию госграницы, что и было отражено в директиве Ставки ГК о создании Южного фронта:
«Задачи Южного фронта: Общая — оборонять государственную границу с Румынией. В случае перехода и перелета противника на нашу территорию уничтожать его и быть готовыми к решительным наступательным действиям».
И именно войска ОдВО уже в течение первой недели войны смогли перенести боевые действия на территорию противника.
В плане прикрытия значительное внимание было уделено возможным действиям врага на Дунае. Основной ударной силой противника являлась румынская «речная дивизия», имевшая в своем составе 7 мониторов австро-венгерской постройки со 120-мм артиллерией, три плавучие батареи со 152-мм орудиями, 3 тральщика с 76-мм орудиями, 4 минных заградителя с 47-мм артиллерией и 13 сторожевых катеров с пулеметным вооружением, базировавшаяся в Галаце, Исакчи, Чатале и Периправе.
Ей противостояла Дунайская речная флотилия под командованием контр-адмирала Абрамова, созданная 17 июня 1940 г., после вступления в состав СССР Бессарабии, из части кораблей Черноморского флота (ЧФ) и Днепровской флотилии.
Она располагала 5 речными мониторами, переданными с расформированной Днепровской флотилии, из которых один был вооружен двумя 130-мм орудиями (остальные 102-мм) и 22 бронекатерами (16 из которых были переданы из шхерного отряда Балтфлота), имевшими по одной башне от танка Т-28 с 76-мм орудием, 5 катерных тральщиков с пулеметным вооружением, отряд глиссеров и 18 вспомогательных судов.
Флотилия базировалась на Измаил, Рени, Килию и Вилково. Совместно с флотилией базировался 4-й черноморский отряд пограничных судов (4-й ЧОПС) под командованием капитан-лейтенанта Кубышкина, включавший до 30 различных малотоннажных судов, в том числе 4 малых охотника за подводными лодками.
Якорные стоянки и места базирования прикрывались 46-мм отдельным зенитным артдивизионом капитана Шило и 6 береговыми батареями.
Две батареи являлись стационарными и размещались на тщательно замаскированных закрытых позициях в орудийных двориках. Самая мощная из них, 724-я батарея, вооруженная 152-мм гаубицами, размещалась у Рени и имела сектора обстрела вверх по Дунаю до румынского военного порта в Галаце, а вниз до Исакчи.
725-я батарея, имевшая 130-мм морские пушки Б-13, прикрывала непосредственно Измаил. Еще 4 батареи имели мех. тягу и являлись подвижными. Из них 2 батареи были вооружены 45-мм пушками и являлись противокатерными, а еще две имели трехдюймовки.
С воздуха прикрытие флотилии осуществляла приписанная к ней 96-я отдельная истребительная эскадрилья ВМФ (96-я ОИАЭ) под командованием капитана Коробицына, имевшая на вооружении 17 истребителей И-153.

Также к флотилии была приписана пехотная рота, которую иногда не совсем точно именуют ротой морской пехоты, однако по документам она таковой не являлась, хотя выполняла функции этого рода войск.
Отдельная пулеметная рота, также приписанная к флотилии и имевшая 22 пулемета «максим», предназначалась для охраны 724-й батареи.
На суше оборону района прикрытия № 6 на участке от Черного моря до озера Ялуг осуществляла 51-я Перекопская стрелковая дивизия (51-я СД) генерал-майора Цирульникова, имевшая опыт финской войны.
Западнее озера Ялуг и выше по Дунаю и реке Прут размещалась 25-я Чапаевская стрелковая дивизия (25-я СД) полковника Захарченко, участвовавшая в освобождении Западной Украины. Обе дивизии входили в 14-й стрелковый корпус (14-й СК) 9-й отдельной армии.
Непосредственное прикрытие левого берега Дуная осуществлялось 79-м Измаильским погранотрядом (79 ПО) подполковника Грачева.
С самого момента создания Дунайской флотилии ее командованию была ясна сложность оперативно-тактической конфигурации участка базирования.
С верхнего течения Дуная имелась угроза действий более сильной румынской «речной дивизии», с устья флотилия могла быть заблокирована кораблями румынской «морской дивизии», базировавшейся на Сулину. И вдобавок ко всему главная база флотилии — Измаил находилась в зоне артиллерийского обстрела с противоположного румынского берега. Существовала реальная возможность разрушения сосредоточенным артиллерийским огнем Измаильского порта раньше, чем он будет подавлен имеющимися в распоряжении командования флотилии и наземных войск огневыми средствами.

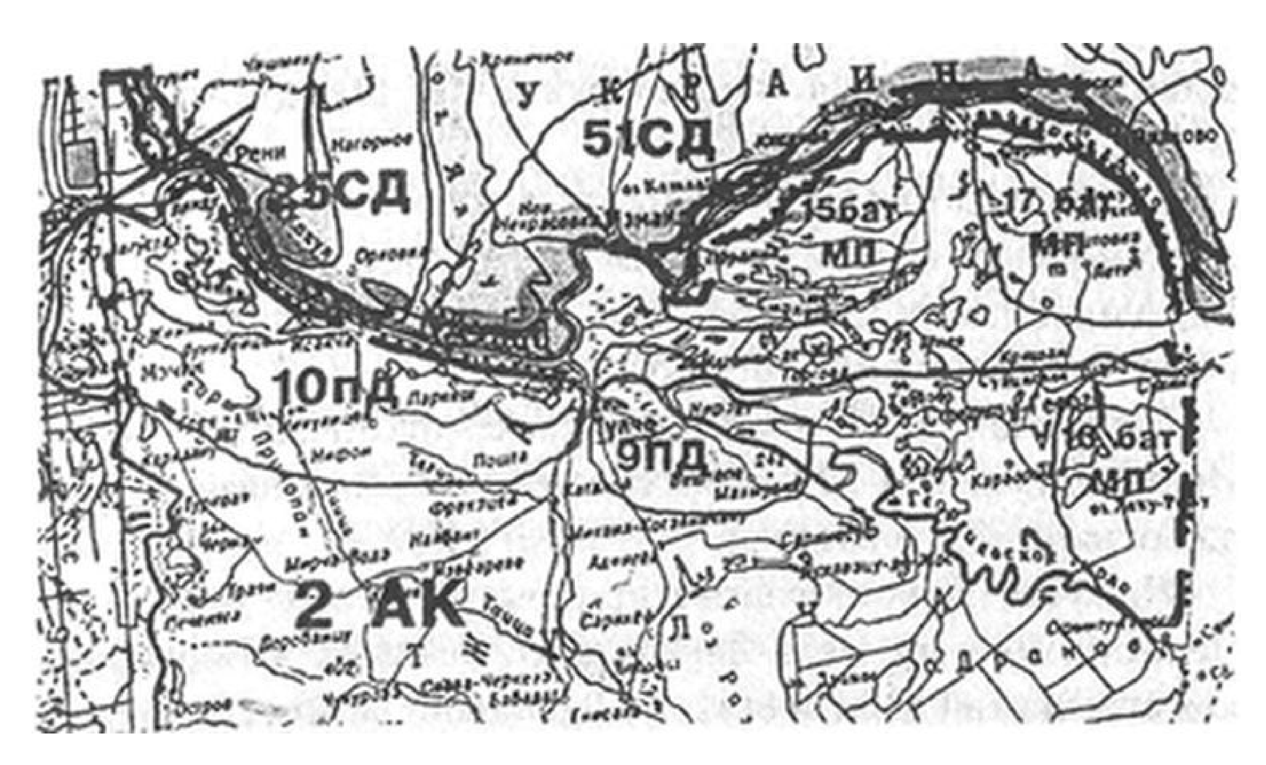

Схема группировки советских войск на Дунае.
Румынский мыс Сатул-ноу находился всего в полукилометре от Измаила. В хорошую погоду на нем без бинокля можно было разглядеть в селении Ласкэр

Катаржу здание румынской пограничной комендатуры. Румыны без труда фиксировали все, что происходило в Измаильском порту, главной базе Дунайской флотилии. В случае войны такой удобный сектор наблюдения превращался в не менее удобный сектор обстрела.
В случае начала боевых действий для сохранения базы флотилии становилось необходимым высадить на правый берег десант и занять там достаточно обширный плацдарм, обязательно включающий район напротив Измаила. Тогда Измаильский порт и сам город были бы избавлены, по крайней мере, от обстрела с близкой дистанции. А флотилия могла бы развертывать дальнейшие боевые действия.
Поэтому на первом же совещании у командующего флотилией было решено включить соответствующий пункт в план первоочередных действий на случай войны, готовившийся для представления в штаб округа. Предварительные расчеты показали, что для захвата плацдарма потребовалось бы немного войск. На сопредельном участке правого берега за грядой холмов начинались тянувшиеся до Сулинского Рукава плавни, способные служить естественной защитой плацдарма, и для занятия минимально необходимых позиций могло хватить нескольких батальонов.
Однако контр-адмирал Абрамов постарался действовать в таком щекотливом вопросе как можно более корректно и максимально коллегиально. Решение было принято при участии комиссара флотилии бригадного комиссара Серебрянникова и начальника штаба кавторанга Григорьева.
На Григорьева была возложена обязанность по согласованию вопроса с командующим 14-го СК генерал-майором Егоровым, в оперативном подчинении которого находилась флотилия, и с командованием ОдВО. Сам адмирал выступать с предложениями о возможном выходе на сопредельную территорию не спешил.
У Егорова предложение командования флотилии особого энтузиазма не вызвало. И позиция, занятая им, была политкорректна не меньше адмиральской:
«— Насколько важно это для флотилии, могу понять. Только где прикажете взять эти батальоны, откуда снять? К тому же поставленная корпусу задана по обороне советской территории не предусматривает действий за ее пределами».
Последнее слово оставалось за командованием округа. Но оно придерживалось коллегиальности в подобных вопросах не менее, чем командование флотилии. Начальник штаба округа генерал-майор Захаров передал предложения операторам штаба.
И после положенной обработки сообщил:
«Все правильно, но об этом речи быть пока не может».
Командующий ОдВО генерал-полковник Черевиченко согласился с мнением начальника штаба, добавив, что *«...если с началом войны флотилия окажется в состоянии предпринять такие действия собственными силами, возражать, очевидно, никто не будет».*
В результате предложения о десантах в план прикрытия не вошли.
Но, несмотря на то что планом прикрытия выход на территорию противника не предусматривался, известно, что с начала мая части 25-й СД проводили систематические совместные учения с подразделениями 51-й СД по высадке и десантированию с судов Дунайской военной флотилии и по наведению переправ через протоки на ближние советские острова.

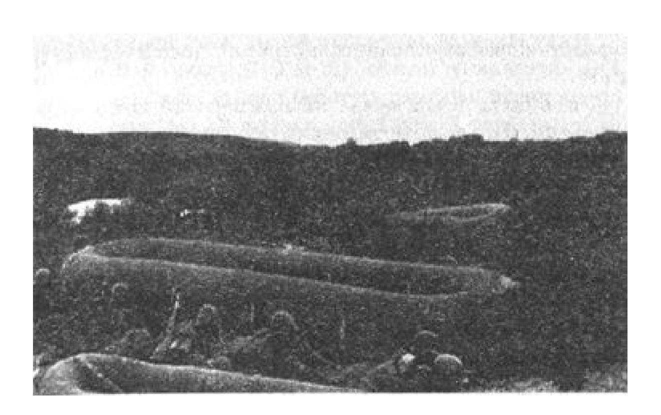
По-видимому, это объяснялось тем, что в последние предвоенные месяцы возможность обстрелов с румынской территории перешла из области предположений в разряд фактов.
Так, 10 июня с острова Татару был открыт огонь по советскому пароходу, один пассажир был убит, двое ранены.
Румынские разведгруппы неоднократно задерживались и на Дунае и на советской территории. Особенно много шуму наделал случай с уничтожением 12 июня румынской поисковой группы, пытавшейся взять «языка» на советской территории.
Но и румыны отдавали себе отчет в смысле проводившихся тренировок.
С 15 июня на румынской стороне в массовом порядке начали проводиться противодесантные мероприятия — выжигались прибрежные камыши, заслонявшие сектора обстрела, натягивалась колючая проволока, отрывались окопы. Иногда на огневые позиции для обстрела советского берега тренировались выходить румынские мониторы. Обстановка стремительно накалялась по обе стороны границы.
17 июня начались большие отрядные учения ЧФ, в связи с напряженностью обстановки проводившиеся в 1941 г. необычно рано — обычно они устраивались в конце летней кампании. По окончании учений флотилии было приказано оставаться в оперативной готовности № 2, которая предусматривала, в частности, рассредоточение кораблей по плану оперативного развертывания.
Три монитора, четыре бронекатера и два катерных тральщика поднялись к устью Прута, в район Рени. Ренийская группа кораблей рассматривалась командованием как передовой отряд флотилии — она сразу же вступила бы в соприкосновение с речным противником, появись он со стороны Галаца. Заблаговременный выход этой группы в назначенный район имел особый смысл: после начала боевых действий туда пришлось бы прорываться под огнем неприятельских батарей.
Возглавлю ренийскую группу командир дивизиона мониторов капитан-лейтенант Кринов. С его кораблями могли взаимодействовать соседняя 724-я береговая батарея и два артполка Чапаевской дивизии.
Два других монитора, включая флагманский «Ударный», с основной частью бронекатеров и тральщиков были укрыты в Кислицкой протоке, а управление этой группой взял на себя непосредственно командующий флотилией. Остальные бронекатера ушли к дунайскому устью, в район Килии-ноу и Вилкова. В Измаиле не осталось к 21 июня ни одного корабля.

Война начинается

(22 июня)
К 4.00 22 июня большинство частей 25-й и 51-й СД заняли подготовленную в инженерном отношении оборону вдоль берега Дуная. Промежутки между соединениями прикрывались силами 79-го ПО.
Вечером 21 июня из Измаила и Рени неожиданно ушли все немецкие баржи, стоявшие под загрузкой зерна.
В 00.55 по распоряжению народного комиссара обороны Тимошенко народный комиссар ВМФ Кузнецов передал командующим всеми флотами и флотилиями

шифрограмму № 3Н/ 87, содержащую приказ о немедленном переходе на оперативную готовность № 1. После этого он связался по телефону со штабами и предупредил оперативных дежурных флотов и флотилий о посланной шифрограмме.
Как вспоминал нач. штаба ЧФ контр-адмирал Елисеев:
«К аппарату подошел я, и между нами состоялся разговор примерно в таком духе. Нарком спросил, получена ли нами телеграмма о переводе флота на оперативную готовность № 1, и добавил, что она должна бы уже дойти. Я ответил, что телеграммы мы еще не имеем и флот находится в оперативной готовности № 2. Тогда он сказал, что надо действовать без промедления. Я доложил, что перевод флота на оперативную готовность № 1 сомнений не вызывает».
В 01 час 03 мин узел связи штаба ЧФ принял шифрограмму:
«Военным советам СФ, КБФ, ЧФ, ПВФ, ДВФ. Оперативная готовность номер один немедленно. Кузнецов».
С получением этой шифрограммы по приказу начальника штаба флота был вскрыт пакет, содержащий секретные документы, определяющие действия оперативной службы при переходе на высшую степень готовности.
Оперативная готовность № 1 была объявлена по Черноморскому флоту в 01 час 15 мин.
Вскоре после объявления оперативной готовности № 1 в штаб флота прибыли командующий ЧФ вице-адмирал Октябрьский и член Военного совета ЧФ дивизионный комиссар Кулаков. С объявлением высшей степени оперативной готовности немедленно была введена в действие и заранее отработанная система оповещения.
Около 01 часа 50 мин народный комиссар ВМФ отправил Военным советам флотов и командующим флотилиями шифрограмму следующего содержания:
«В течение 22.6–23.6 возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности встретить возможный удар немцев или их союзников. Приказываю, перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».
Через 15 минут после отдачи вышеупомянутого приказа народный комиссар ВМФ дал экстренную шифрограмму, в которой говорилось, что обстановка дана *«только для сведения военных советов».*
В 2.00 22 июня Дунайская флотилия перешла на оперативную готовность № 1. Командующий флотилией контр-адмирал Абрамов распорядился рассредоточить и замаскировать корабли и поднять по тревоге подразделения и части.
Связь была переключена на флагманский командный пункт (ФКП), заблаговременно развернутый в укрытии на не простреливаемой с румынского берега территории. Около 4 часов на ФКП пришел условный сигнал «Ураган», означавший, что подразделения ЧФ флота начали боевые действия.
В 4.15 румынские батареи открыли огонь по советской стороне — Рени, Карталу, Измаилу, Килии, Вилково и по кораблям флотилии. За две минуты в действие были

введены все батареи противника, известные по данным предварительной разведки. Измаил обстреливали также два монитора, вышедшие из Сулинского гирла в Килийское, однако вниз по нему не спускавшиеся.
В 4.20, не запрашивая вышестоящее начальство, оценив критичность складывающейся ситуации, контр-адмирал Абрамов самостоятельно отдал приказ открыть ответный огонь и донести о действиях флотилии Военному совету флота.
После введения в действие корабельной артиллерии и артиллерии прикрытия обстрел с румынского берега несколько ослабел. Но тяжелая артиллерия противника, бившая с закрытых позиций, огонь не прекратила, хотя оказалась вынуждена переключиться на контрбатарейную борьбу с береговыми батареями флотилии и артиллерией мониторов.
Артиллерийская дуэль, то разгораясь, то затухая, продолжалась несколько часов. К полудню вражеская артиллерия перешла на постоянный беспокоящий огонь, систематически подавлять который было нечем, так как подвоз боеприпасов осуществлялся из Черного моря и должен был теперь проходить мимо румынского опорного пункта у селения Периправа с тремя простреливавшими весь плес батареями.
Во время артналета флотилия и береговые батареи существенных потерь не понесли, но Измаильский порт был полностью выведен из строя.

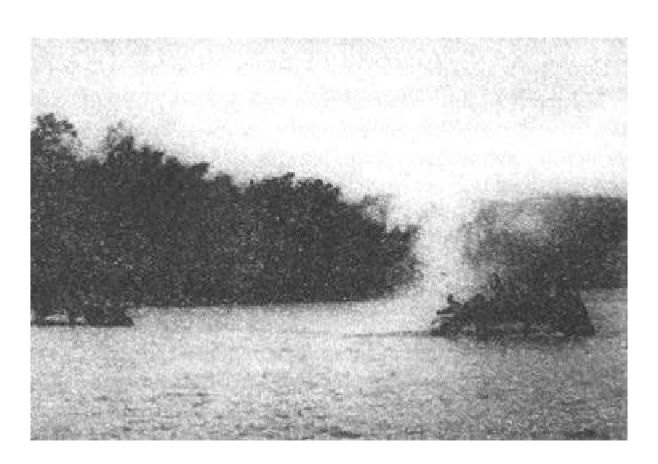
Румынские солдаты готовятся к десанту на левый берег.
Утром 22.06.1941 г. восемь румынских бипланов IAR-37 из Esc.18 Bomb, совершили налет на Измаил.
Данные об этом налете довольно противоречивы.
По румынской версии, был потерян от зенитного огня IAR-37 сержанта Иона Константинеску, а адъютант Константин Макри получил ранение, но все же смог совершить вынужденную посадку.
По советской версии, 96-я ОИАЭ сбила три самолета, и одну машину сбила 463-я зенитная батарея ст. лейтенанта Охоты.
Больше авианалетов в этот день не было — основные удары на рассвете и утром 22 июня румынская авиация наносила по Болграду, в котором располагался штаб 14-го СК.
Корабли флотилии, дислоцировавшиеся в Рени, были вынуждены отойти с Ренийского рейда вниз по течению до устья р. Викета, так как рейд просматривался с румынской стороны и противник имел возможность вести по кораблям прицельный огонь. Ответный огонь советской корабельной, береговой и армейской

артиллерии заставил противника прекратить стрельбу. В течение дня перестрелка несколько раз возобновлялась. Ниже Измаила, на участке Килия-нова, прикрываемом 23-м стрелковым полком (23-м СП), около 9.00 румыны предприняли наиболее крупную попытку высадки десанта на левый берег Дуная. Район городка Килия-нова был одним из наиболее удобных мест для высадки десанта на левый берег.
Командование 23-го полка, отдавая себе в этом отчет, в последние предвоенные дни приняло все меры к отражению возможного внезапного нападения.
В начале июня полк был выведен из бывших зерновых складов на Большой Дунайской улице, в которых размещались его казармы, в летние лагеря. Но командир полка капитан Сирота, иногда ошибочно называемый в исследованиях майором (к званию майора он был уже представлен, но получить его во время проведения десантной операции не успел), счел эти меры не соответствующими складывающейся обстановке.
Опасаясь внезапного артналета на летний лагерь (который находился всего в 2 км от военного городка и тоже был в пределах досягаемости румынской артиллерии) и последующей высадки десанта противника, Сирота сумел принять меры и против того и против другого.
По самому берегу Дуная за восточной окраиной Килия-нова проходила земляная дамба, защищавшая город от весенних паводков. На дамбе были отрыты окопы для двух батальонов полка и оборудованы позиции для 91-го противотанкового дивизиона. Позади них во втором эшелоне окопался третий батальон, а еще дальше, у хутора Чабанские Криницы, расположились позиции полковой артиллерии.
Сирота разместил весь полк непосредственно на боевых позициях, ежедневно выделяя в летний лагерь дежурную роту для демонстрации присутствия полка.
Понимая уязвимость позиции, первый эшелон которой располагался непосредственно по берегу, Сирота, кроме скрытого нахождения на занимаемом рубеже, провел на полигоне ряд батальонных учений, на которых были отработаны заградительный, кинжальный и фланкирующий огонь из всех видов оружия.
Боевой порядок полка составил по фронту около полутора километров, при этом ширина Дуная в этом месте не превышала километра, то есть находилась в пределах досягаемости даже батальонных минометов сторон.
В начале четвертого утра первый сосредоточенный артналет был нанесен именно по летнему лагерю полка, где было разбито, как потом подсчитали, около 200 пустых палаток.
Затем огонь был перенесен на казармы полка и порт, где были уничтожены электростанция и пилорама.
Дамба и укрывшиеся за ней войска были не прицельно обстреляны около 6.00. Сирота распорядился на огонь не отвечать и в артиллерийскую дуэль не ввязываться.
После обстрела с румынского берега, закрытого густым туманом, стал доноситься лязг железа и шум судовых двигателей.
В 9-м часу утра на фарватере, несмотря на сильный туман, были своевременно обнаружены 2 моторных баркаса, движущихся наискосок, сверху — вниз, за которыми держались шаланды, каюки и несколько десятков шлюпок.

Миновав фарватер и войдя в гирло, где течение было слабее, суда противника резко увеличили ход. Одновременно началась артподготовка, причем теперь удар наносился непосредственно по дамбе с последующим переносом обстрела в глубь возможной линии обороны. И снова было отдано распоряжение на огонь не отвечать.

Огневых средств полка не хватило бы на одновременное отражение десанта и борьбу с вражеской артиллерией.

Подпустив противника на заранее отработанное на учениях расстояние, пехотные подразделения батальонов дали по команде общий залп, поддержанный огнем ручных пулеметов и полковой пулеметной роты. Повели беглый огонь батальонные минометы и противотанковый дивизион. Противотанковые орудия вели комбинированный огонь бронебойными и осколочными снарядами. Оба баркаса потеряли ход, дали заметную осадку и были снесены вниз по течению. Несколько шлюпок были уничтожены. Шаланды и каюки, развернувшись, вернулись к своему берегу.

Лодки с румынским десантом под огнем.

После отхода десанта противник возобновил обстрел, но подавить огневые средства полка не смог.

К 10.30 бой прекратился. За это время был израсходован полный боекомплект, что сильно перекрывало установленные нормы. Но повторных атак противник не предпринимал, и снарядный голод пока не ощущался.

На участках обоих взорванных (еще в 1940 г., при отходе румынских войск) мостов — на Дунае и Пруте противник также предпринял попытки высадки десантов. В обоих случаях десанты были незначительной численности и состояли из нескольких шлюпок, буксируемых двумя-тремя катерами. Они были отбиты силами погранзастав.

Всего за 22 июня общими усилиями армейских частей, пограничников и флотилии были отражены шесть попыток противника переправиться через Дунай: в районе Картал, Раздельный, три — у Килии-нова (две последующие производились с наступлением темноты незначительными силами и носили скорее характер разведки боем определенных участков), две — у Вилкова и четыре попытки вброд форсировать Прут близ Рени.

Десант на Сатул-ноу

(23–25 июня)
Беспокоящий огонь по Измаилу велся в течение всего дня, и существовала угроза, что противник рано или поздно установит замаскированные стоянки кораблей и накроет их своей артиллерией.
Корабли и береговые батареи флотилии, ведя контрбатарейную борьбу, выпустили за день свыше 1600 снарядов крупных и средних калибров. Долго так продолжаться не могло, так как из-за обстрела противником плеса под Периправой со снабжением стали намечаться проблемы.
Контр-адмирал Абрамов решил вернуться к предвоенным планам высадки десанта, разрабатывавшимся как раз на такой случай.
Десант нужно было высаживать на близлежащий мыс Сатул-ноу. Артиллерии противника там пока было размещено не очень много, но огонь она вела непрерывный и делала невозможным восстановление работы порта и всех базовых служб флотилии.
Небольшое расстояние до Измаила в принципе позволяло вести по городу и базе флота даже пулеметный и минометный огонь, но главную угрозу Сатул-ноу представлял как идеальная позиция для корректировки огня тяжелых батарей, расположенных в районе Тульчи. В результате с расстояния около 20 км противник вел довольно действенный огонь по частям 51-й СД, по фарватеру, порту и даже по району позиции главных сил флотилии в Кислицкой протоке.
В связи с этим начштаба флотилии Григорьев прибыл на КЛ 14-го СК, связь с которым была прервана, и предложил комкору Егорову выделить хотя бы батальон для организации десанта. Егоров идею десанта в принципе одобрил, но в выделении батальона отказал, видимо, учитывая отданную в 7.15 утра округам директиву № 2:
«ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО
Копия: НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
22 июня 1941 г. в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.
Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.
В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз
приказываю:
1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.
Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.
2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.
Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск.
Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.
На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

ТИМОШЕНКО,

МАЛЕНКОВ,

ЖУКОВ

22.6.41 г., 7.15»

Показав карту, он рассказал, что на участке Рени складывается угрожаемая ситуация, противник, по данным разведки, стягивает туда войска, и добавил, что корпусу, возможно, придется перебросить кое-какие силы на правый фланг.

Не возвращаясь на ФКП, Григорьев отправился в штаб 79-го ПО.

С пограничниками договариваться было проще, особенно после того как утром 4-й ЧОПС был передан в оперативное подчинение флотилии.

Командир отряда подполковник Грачев сказал только: «У меня 200 бойцов, кто еще будет участвовать в этом деле?»

Григорьев заверил его, что в десант пойдут и моряки, кроме того, флотилия организует прикрытие и поддержку. После чего Грачев решил:

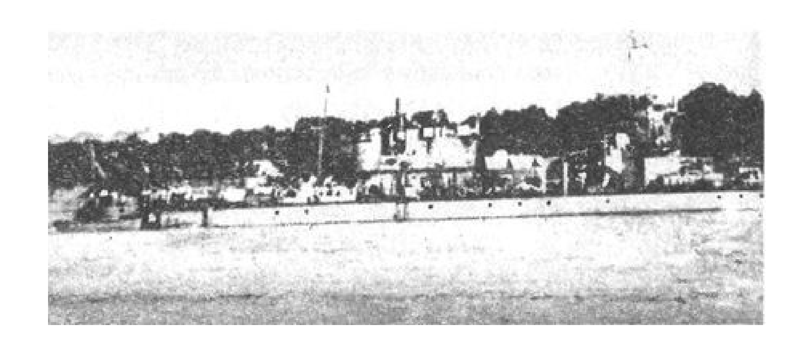
«— Если решите действовать, людей дам. Командовать будет лейтенант Бодрунов».

Вечером на ФКП командование флотилии обсудило сложившееся положение. Людей для десанта было явно маловато.

Абрамов запросил информацию гидрографов о состоянии уровня воды.

Подъем уровня воды в середине лета — характерная особенность Дуная. Он вызывается происходящим в это время интенсивным таянием альпийских ледников, питающих истоки реки. Летний паводок как раз набирал силу, — и это был весьма существенный для операции фактор.

За кромкой правого берега Килийского гирла тянулись к Сулинскому обширные плавни. Паводок превращал их в болотистое озеро, а приподнятая полоска берега с несколькими населенными пунктами от мыса Сатул-ноу до Килии-веке становилась чем-то вроде длинного, узкого острова пли даже гряды островов (твердый берег уже не был сплошным), протянувшейся на десятки километров.

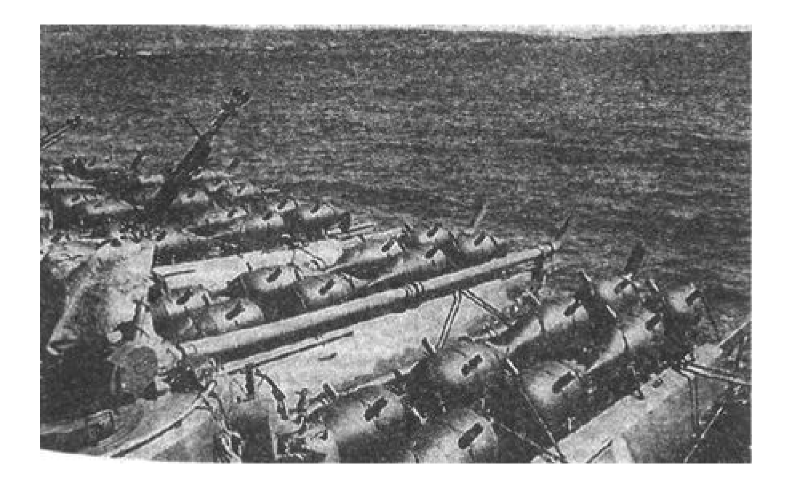

Мониторы на Дунае. На переднем плане «Ударный», позади него «Железняков».

В таких условиях румыны вряд ли могли быстро подтянуть крупные подкрепления. А силы, прикрывающие Сатул-ноу, были не слишком велики: по данным разведки, там находились артиллерийская батарея, около 200 пехотинцев и пограничники местной заставы. 2 взвода прикрывали непосредственно пункт корректировки огня.

Взвесив все обстоятельства, командующий флотилией принял окончательное решение: проводить десант теми силами, какие есть,

Отряду пограничников, составлявшему основу десанта, придавался — в качестве группы первого броска — взвод лейтенанта Кощея из приписанной флотилии пехотной роты. Для высадки выделялись четыре бронекатера, для артподготовки и поддержки десанта — мониторы «Ударный» и «Мартынов», стоявшие в Кислицкой протоке, береговая батарея № 725 и две батареи зенитного дивизиона. Высадка назначалась в ночь на 24 июня.
О планируемой операции в 22.30 было сообщено Военному совету Черноморского флота. И примерно через час, в 23.35 22 июня, было получено «добро» на проведение операции.
Все светлое время 23 июня велась предварительная артподготовка. Не показывая, что этому участку уделяется особое внимание, перенося сюда огонь с других целей и вновь к ним возвращаясь, мониторы «Ударный» и «Мартынов» и 725-я батарея в несколько приемов подвергли мыс Сатул-ноу сосредоточенному обстрелу с расчетом на подавление огневых точек, близких к урезу воды.
Тактическое положение флотилии по-прежнему оставалось тяжелым.
В любой момент противник мог вывести на перехват десанта два монитора, укрывавшиеся в Сулинском гирле, и двинуть вниз от Галаца речную дивизию. Было решено произвести упредительные минные постановки.
Но на флотилии имелось немногим больше сотни мин (часть — типа «Рыбка», какие использовали на реках еще в Гражданскую войну, часть — новые «Р-1» с более мощным зарядом).
На заграждение, которым намечалось пересечь Дунай на наиболее угрожаемом направлении, на подступах к Галацу, командующий разрешил израсходовать до четверти наличного запаса. Но ширина судоходного фарватера в том районе достигала двухсот метров, и было очевидно, что при той плотности заграждения, какую удастся создать, минная опасность для противника будет не столь уж велика.

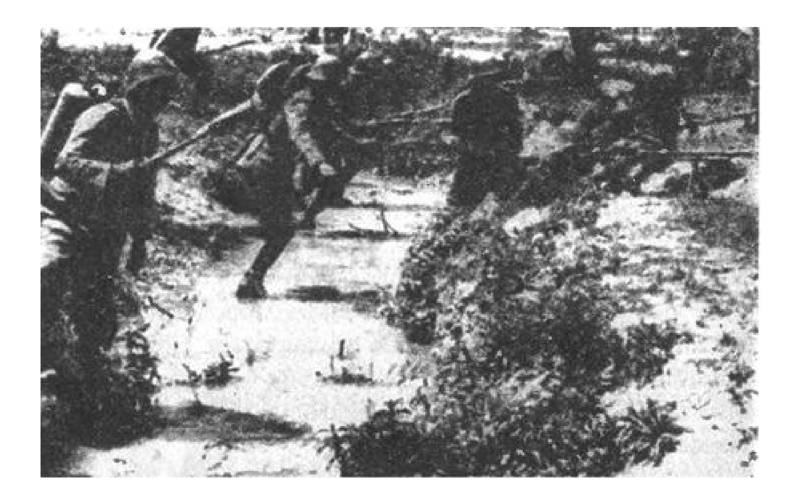

Мины типа «Р-1», размещенные в торпедных желобах.
Флагманский минер флотилии капитан-лейтенант Иссарев предложил отказаться от постановки оборонительного заграждения, а выставить только несколько небольших минных полей в виде активных заграждений на маршруте перехода кораблей противника от мест своей стоянки к Измаилу.
Иссарев предлагал ставить мины открыто:

«Пусть враг видит, как мины ставятся. Сколько мы поставим, он сосчитать не сможет. А тралить помешают наши артиллеристы».
Командующий одобрил это решение. Решено было ставить мины не ночью, а на рассвете, чтобы наблюдательные посты противника смогли не только различить наши корабли, но и разобраться, чем они занимаются.
Фактически минная постановка носила демонстрационный характер, но на случай начала попыток траления должна была иметь все элементы, заставляющие предположить серьезное минное поле: 2–3 малых минных банки, минные линию и полосу. Учитывая, что со временем демонстрационный характер заграждения все равно будет обнаружен, выставлять его было решено одновременно с высадкой десанта.
Штатных минных заградителей флотилия в своем составе не имела.
Для постановки заграждения были выделены 4 бронекатера из Ренийской группы под командованием ст. лейтенанта Шулика.
Вообще-то бронекатера не предназначены для минных постановок. Идея приспособить их для сбрасывания мин на ходу, оборудовав обвесы и откидывающиеся скаты, была предложена и реализована стараниями флагмана Иссарева и начальника техотделения инженер-капитана 3-ранга Мунаева.
Бронекатера приняли на борт 24 мины.
Предполагая, что в городе могла быть вражеская агентура, наблюдавшая за подготовкой к выполнению боевой задачи, мины погрузили на катера до наступления темноты.
С наступлением темноты началась непосредственная подготовка к десанту.
Пользуясь темнотой, два орудия одной из батарей 46-го зенитного артдивизиона под командованием лейтенанта Кашинина переправили в Измаильский порт, где они были установлены на прямую наводку и замаскированы.
Контр-адмирал Абрамов перенес наблюдательный пункт (НП) командования флотилии на НП 725-й батареи. Оттуда полковник Просянов управлял огневыми средствами береговой обороны.
Ночью отряд ренийских бронекатеров вышел из Измаила поднялся вверх по Дунаю на румынскую территорию до устья небольшой речки Писики, где подошел к берегу и остановился. Незадолго до рассвета катера вновь вышли на фарватер и некоторое время плыли по течению с выключенными двигателями. Когда же в темноте появились смутные очертания противоположного берега — сбросили первые мины. Над тихой рекой раздалось несколько отчетливо слышных издалека всплесков. Как и предполагалось, вражеские наблюдатели заметили катера и румыны открыли огонь сначала из пулеметов, а затем из минометов и орудий. В ответ открыли огонь выделенные для огневого прикрытия 724-я батарея и 3 монитора Ренийской группы. Сбросив последние мины, бронекатера, развивая полный ход, пошли к советскому берегу и вышли из зоны обстрела. Один бронекатер, получивший повреждения, при отходе был взят на буксир.
Погрузка десанта на бронекатера производилась в Кислицкой протоке. Там к выделенным ранее четырем бронекатерам был добавлен еще один. На бронекатера была погружена первая волна десанта. Вторая волна должна была выдвинуться на 12 каюках непосредственно из Измаильского порта, после высадки первой и захвата береговой линии.

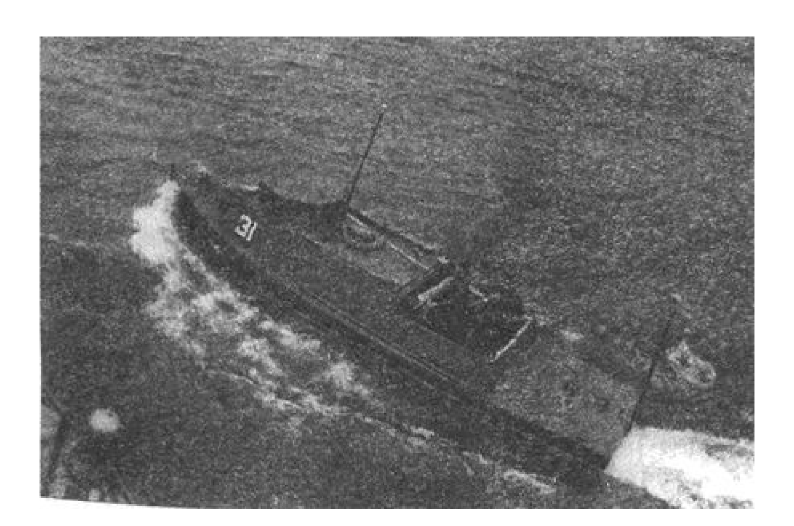
В первую волну входил взвод приданной флотилии роты ст. лейтенанта Кизельбашева под командованием лейтенанта Кощея и около ста пограничников 79-го ПО под командованием лейтенанта Бодрунова. Еще примерно столько же пограничников составляли вторую волну.
Высадку назначили на 2.50, когда только-только начинает светать и бронекатера еще не очень заметны издали, а десантникам уже легче ориентироваться на незнакомом берегу. На переход катерам требовалось около 20 минут. Это время отводилось на артподготовку.
С рассветом батарея № 725 береговой обороны и две батареи 46-го зенитно-артиллерийского дивизиона, мониторы «Ударный» и «Мартынов» открыли огонь по вражеским укреплениям на полуострове.
Орудия лейтенанта Кашинина, ведя огонь прямой наводкой, уничтожили бронебойными снарядами наблюдательную вышку, использовавшуюся для корректировки огня.
Противник ответил немедленно. Дальнобойные орудия из Тулчи открыли огонь по Измаилу. Поднялась стрельба и на Сатул-ноу. Но заградительного огня на пути катеров не встало — их пока не видели с румынского берега. Подойдя к Измаилу, бронекатера развили максимальный ход и без потерь прорвались через недостаточно сильный заградительный огонь, открытый при их обнаружении.
График движения был соблюден полностью. В 2.45 по команде с НП 724-й батареи, зафиксировавшего подход катеров, огонь артиллерии прикрытия был перенесен в глубь румынской обороны. По берегу из пушек и пулеметов открыли огонь сами катера. В 2.50 десантники стали высаживаться в мелкую прибрежную воду. Этот момент вызывал изначально некоторые опасения, так как доразведку берега произвести не удалось и не было уверенности, что по урезу воды десантников не встретят мины и скрытые проволочные заграждения.
Однако высадка на мыс явилась для румын полной неожиданностью, и никаких заграждений на берегу не оказалось.
Бой не был особенно ожесточенным. Румынские солдаты быстро откатывались в плавни. До рукопашных схваток почти не доходило, и гранат было израсходовано мало. Через полчаса бой на полуострове прекратился. Около 70 румынских солдат и пограничников сдались в плен. Было захвачено около 10 станковых и ручных пулеметов и две 3-дюймовых русских пушки с клеймами «1878 г. С-Петербургъ, Обуховский заводъ». Орудий в принципе должно было быть больше, так как полковник Просянов, два дня засекавший огневые точки на мысе, зафиксировал, что огонь вели «не меньше четырех пушек среднего калибра». Было решено, что пару пушек румыны успели утопить…
Десант потерь почти не понес: ни среди моряков, ни среди пограничников не оказалось ни одного убитого.
Через час после окончания боя на мысе был развернут флотский НП, откуда и было доложено в штаб 14-го СК, что десант высажен и закрепляется. Комкор Егоров поздравил с победой и этим, естественно, не ограничился. Егорова заинтересовали возможности расширения плацдарма, особенно по фронту — именно в такой форме информация подавалась наверх.
Было решено выделить для усиления десанта батальон 287-го стрелкового полка (287-й СП) 51-й СД, державшего оборону у Измаила.

Высадка батальона была намечена на 25-е, а пока захваченный мыс посетил для рекогносцировки командир 287-го СП майор Султан-Галиев. В интересах батальона на полуострове оборудовали пост СНиС и протянули из Измаила телефонный кабель.
Отрапортовав начальству, с полуострова вывезли раненых, пленных и трофеи. Были сняты и пограничники. Моряки же, наоборот, были усилены до полуроты, которая и должна была охранять маленький плацдарм до прибытия батальона. Полурота разместилась в домиках охраны разбитой корректировочной вышки. Здания румынской погранзаставы на западном берегу мыса не были ни заняты, ни уничтожены, около них даже не выставили поста. Боевое охранение было редким — по Дунаю на этом участке уже свободно ходили наши катера, а Измаил находился рядышком, всего в полукилометре.
Вечером из Тулчи по Сулинскому гирлу тихо выбрались в Дунай оба румынских монитора и тральщики с моторными шаландами (точное число которых, естественно, осталось неизвестным), на малом ходу подобрались к берегу в густеющих сумерках, тихонько высадили десант и, не сделав ни одного выстрела, в ночной темноте, так же тихо отбыли восвояси, не замеченные сторожевыми катерами 4-го ЧОПСА.

Румынское штурмовое подразделение разворачивается в боевой порядок.
Румыны развернулись в боевой порядок (общее число их тоже осталось невыясненным, но явно не меньше роты) и перед рассветом подобрались к боевому охранению. Оно было уничтожено одним броском, но кто-то успел все-таки выпустить сигнальную ракету.
Бойцы полуроты, спавшие в домиках, успели в последний момент вскочить и открыть огонь.
Домики они не удержали, но смогли, избежав уничтожения и захвата в плен, отойти на восточный берег мыса. Там, напротив Измаила, на сухом месте у просеки, за пересекавшим мыс ериком они заняли оборону и смогли окопаться.
Звуки ночного боя были услышаны в Измаиле, оттуда видели взлетающие ракеты. Батальон, предназначенный к высадке, подняли по тревоге, благо он уже находился у высадочных средств, и первая рота стала спешно грузиться на мониторы «Ударный» и «Мартынов». Вторая полурота приписанной к флотилии пехоты

занимала бронекатера. Мангруппы пограничников среагировали быстрее всех и двинулись к месту боя на своих сторожевых катерах.
Самый маленький из них, имевший на борту всего 5 человек команды с одним «Максимом» и 4 пограничников с двумя ручными пулеметами, быстро пересек фарватер и двинулся к Сатул-ноу еще в темноте, ориентируясь на вспышки выстрелов.
Три пограничника и лейтенант спрыгнули в воду на ходу, оказавшись в тылу вражеской пехоты, на ее левом фланге. Шум боя помешал румынам своевременно увидеть позади себя катер. Но, попав под перекрестный огонь, они не побежали, а стали отстреливаться, сосредоточив огонь на самой опасной цели — катере со станковым пулеметом. Экипаж катера был уничтожен почти сразу.
Спрыгнувшим пограничникам удалось уцелеть и продержаться до подхода монитора «Ударный», высадившего пехоту и открывшего огонь из всех орудий и пулеметов.
Монитор «Железняков» подошел менее удачно, попав под огонь станкового пулемета, перетащенного румынами прямо на берег и оказавшегося в мертвой зоне для 102-мм орудий монитора. Пехота на его борту понесла значительные потери. В конце концов какому-то лейтенанту удалось прямо с борта попасть в пулемет гранатой.

Легкий бронекатер типа «Д». Его уязвимым местом было слабое бронирование.
В отличие от вчерашнего, второй бой за мыс отличался крайним ожесточением и сопровождался большими потерями. В десанте участвовали хорошо обученные румынские морские пехотинцы из 17-го батальона морской пехоты, подготовленные немецкими инструкторами, находившимися в батальоне и во время боя. Однако румыны ничего не могли противопоставить мощному вооружению и крепкой броне мониторов. Их противотанковые ружья на короткой дистанции боя пробивали башни бронекатеров с 20-мм броней, но против мониторов были бессильны. После введения в бой обоих мониторов противник начал отход в глубь мыса, где и закрепился в зданиях бывшей погранзаставы, недоступных для прямого обстрела кораблями.
После чего бронекатера и мониторы вернулись на левый берег за второй ротой батальона.

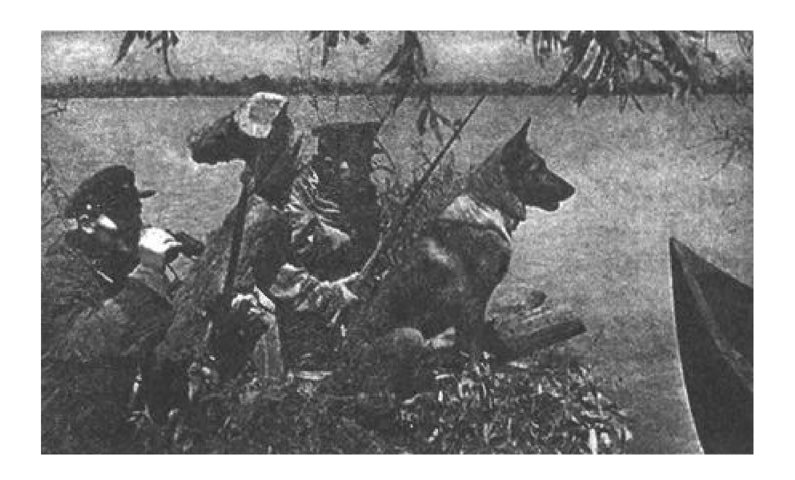
Имена четырех героев-пограничников остались неизвестными даже для их непосредственного начальства. После перехода в наступление они первыми продвинулись за отступающим противником в глубь полуострова, где их следы и затерялись. Второй погранкатер подошел к берегу в 300 метрах правее первого. Находившиеся на нем лейтенант Гордиевский, бойцы Иваненко, Благоверов и другие видели героев, но опознать их на таком расстоянии не смогли.
Засевших в здании погранзаставы румын без поддержки флотилии выбивали оттуда более двух часов. В конце концов они отошли через плавни в глубь румынской территории. В плен было захвачено несколько тяжелораненых. В том числе румынский капитан-пограничник, выполнявший роль проводника.
Случай получил неожиданное (тогда, очевидно, так не казалось) продолжение. Попавший в госпиталь с осколочным ранением живота капитан был допрошен не только армейским начальством, но и управлением НКВД и руководством погранотряда. После чего заявил:
«Знаю пофамильно весь комсостав погранотряда, даже командиров мангрупп и застав».
Сведения он, как выяснилось, получал от жителя Измаила, жившего в ближайшем к пограничным казармам доме. На допросе, который провел лично командир 79-го ПО Грачев, вражеский агент признался, что выполнял задания румынской и немецкой разведок…
После недолгого совещания армейское и флотское командование решило не акцентироваться на некоторой щекотливости создавшегося положения, из которого пришлось бы делать определенные выводы, а считать утренний бой началом операции по расширению плацдарма. В результате изрядно обескровленный утренним боем батальон при поддержке моряков и пограничников завязал новый бой. Теперь уже за расширение плацдарма вниз по течению Дуная. Впрочем, расширение шло довольно споро. Батальон двигался исключительно по берегу, бронекатера не отставали ни на шаг, имея приказ *«оставаться под правым берегом, непрерывно поддерживая батальон».* Противник, которым являлись румынские пикеты и наблюдательные посты, не столько сопротивлялся, сколько отходил после 2–3 снарядов, полученных с воды. Для скорости наступления было решено не форсировать вброд заболоченные и не занимаемые противником участки, а преодолевать их, перевозя пехоту на бронекатерах. Постепенно пехота стала высаживаться на берег только при обнаружении противника.
Пограничники на собственных катерах занимали и проверяли все большие и малые острова по ходу движения батальона. По такой методике были заняты острова Степовой, большой и малый Даллер и селение Пардина. К вечеру размер плацдарма по фронту составлял 40 километров.
К концу дня на Дунае, по существу, стала складываться новая оперативная обстановка, более благоприятная для советской стороны. Измаил больше не обстреливался прицельно, а огонь дальнобойных батарей из Тулчи без корректировки был малоэффективен. Снова заработала военно-морская база. Средний участок пограничного Килийского гирла был полностью взят под контроль, и судоходство на нем в общем-то было свободным, так как господства в воздухе румынская авиация не имела и наносить чувствительные удары по кораблям не могла. Но в руках противника все еще находился значительный

участок правого берега от Килии-веке до устья, на котором имелись два крупных опорных пункта: сама Килия-веке и Периправа. Пока эти пункты были в руках противника, все баржи с грузами, идущие к Измаильскому участку из Одессы, обстреливались румынами и несли значительные потери, а флотилия не могла свободно пользоваться устьем Дуная. Имея сильный гарнизон в Килия-веке, румыны могли в любой момент нанести удар во фланг плацдарму.
Следовало еще сократить этот участок, а потом и вовсе ликвидировать.

Килийская операция

(24–26 июня)
Вечером 24 июня на ФКП уже обсуждался план нового десанта — на Килию-веке, с целью расширения плацдарма за счет его левого, угрожаемого фланга.
«— Высаживать десант нужно не позже чем утром двадцать шестого. И высаживаться должен полк. Для захвата Килии Старой это не много!» — подытожил Абрамов итоги обсуждения планов новой высадки.
Дальше вопрос, естественно, должен был согласовываться с Егоровым.
Но в этот раз комкор был настроен значительно более оптимистично. Он сообщил, что положение на правом фланге корпуса улучшилось. А то, что на Дунайском участке удалось перенести боевые действия на неприятельскую территорию, Егоров оценивал очень высоко, считая это важным для всей своей полосы обороны. Оказалось, он уже обсуждал со штабными командирами, чем можно усилить десант, причем речь шла именно о полке. Просить, убеждать не потребовалось. Комкора сильно занимала перспектива удвоения размеров занимаемого плацдарма. Вопросы о том, что плацдарм на правом берегу мало целен в оперативном отношении, не имеет перспектив расширения в глубину и даже выхода на левый берег расположенного за ним Сулинского гирла, не изменит оперативной обстановки (так как у румын для свободного выхода в Черное море в этом случае останется еще одно гирло — Георгиевское), как-то не обсуждались…
В десант назначался 23-й СП капитана Сироты. Для поддержки десанта, кроме береговой батареи № 65, стоявшей у Вилкова, и двух мониторов, которые, оставаясь в протоке, под прикрытием островов, переходили на новые огневые позиции, из Татарбунар перебрасывался 99-й гаубичный артиллерийский полк (99 ГАП) 51-й СД. Высаживать десантников должны были 14 кораблей килийско-вилковской группы — бронекатера и бывшие погранкатера — капитан-лейтенанта Кубышкина, назначенного командиром высадки.
Для первого броска капитан Сирота выбрал лучший батальон, с которым шел и сам. Батальону снова придавался взвод морской пехоты. Высаживаться было решено прямо у Килии-веке, чтобы сразу связать боем гарнизон основного опорного пункта противника. А оттуда одним подразделениям надлежало быстро продвигаться вниз, к устью, другим — вверх, на соединение с батальоном 287-го СП.
Приказ комдива Цирульникова о форсировании Дуная, отданный в тот же вечер, был сугубо общим и никаких решений на операцию не содержал:
«Операцию по форсированию Дуная с целью захвата вражеской Килии-веке и уничтожения там укрепрайона противника начать 26 июня 1941 года в два часа

пополуночи. Командир десанта капитан Сирота, за высадку войск отвечает капитан-лейтенант Кубышкин. Огневая поддержка возлагается на полковую артиллерию капитана Отянова, на береговую батарею № 65 и артдивизион капитана Волошина».
Детализировать боевой порядок подразделений и разрабатывать последовательность высадки пришлось нач. штаба 23-го СП капитану Поплавскому и командиру дивизиона бронекатеров капитан-лейтенанту Кубышкину, назначенному после присоединения 4-го ЧОПС к флотилии командиром Килийско-Вилковской группы кораблей.
Кубышкина, естественно, больше всего волновала численность кораблей, выделенных для десанта.

Пограничный секрет, прикрывающий берег.
Ему удалось сверх назначенного включить в десантную группу малый охотник «СК-125», еще 17 июня выделенный из Аккерманского дивизиона малых охотников для доставки в Килию-нова из Днестровского лимана контр-адмирала Воробьева. Произведя 18–19 июня рекогносцировку советской части дельты Дуная, контр-адмирал сухим путем убыл в Одессу, а малый охотник остался прикомандированным к флотилии.
Но и с «СК-125» все выделенные для операции суда могли перебросить за один рейс не больше двух рот пехоты, которые вполне могли быть сброшены с берега до прибытия второй партии десанта. Кубышкин предлагал, как и при высадке на Сатул-ноу, перебросить еще до роты пехоты на каюках. Поплавский находил это рискованным.
Комполка Сирота, будучи очень осторожным и предусмотрительным командиром, не принял позиции ни одной из сторон:
«Хватит, товарищи. Время не терпит, приказ есть приказ. Здесь не парламент, а боевой штаб… Берите у лейтенанта Овчарова распоряжения и приступайте к их точному выполнению. Всем штабным быть на месте, не отлучаться».
После чего Сирота пришел к выводу о необходимости доразведки обстановки в районе высадки.
В ночь на 25 июня было решено провести предварительный поиск разведчиков. Однако специальных разведчастей, способных выполнить такую задачу, ни на флотилии, ни у пограничников, естественно, не было, а армейские разведчики не знали местность на сопредельной стороне.

Организация поиска была поручена начальнику Килийской погранкомендатуры майору Бурмистрову. Проводить поиск предстояло ночью, на местности с сложным рельефом. Поэтому была сформирована группа, не совсем обычная по составу. В нее вошли сержант пограничных войск сверхсрочник Ермолин, имевший большой опыт задержаний нарушителей границы, местный браконьер Гадияк, выполнявший функции проводника… и местный бандит Кравченко.
Павел Кравченко был уроженцем соседнего с Измаилом городка Килия-веке, оставшегося после вступления в состав СССР Бессарабии на румынской территории. Он совершал налеты на дома рыбопромышленников и кулаков, на казенные конторы и лабазы и на проезжих торговцев на единственной среди дунайских плавней дороге, связывающей Килию-веке с Сулиной. В 1938 г. он застрелил начальника сигуранцы Килия-ноу Михая Менеску. За три месяца до войны, будучи плотно обложенным румынской полицией, он укрылся на одном из глухих островов, Салманке, а затем перешел на советскую сторону, встретив полное сочувствие и понимание. Личностью он был хорошо известной по статьям в приграничных румынских газетах и поэтому без особых проблем с НКВД (проверяли его всего неделю) обосновался на советской территории. Причем не обошлось без маленького казуса. Бывший гайдук чувствовал себя в советской Бессарабии настолько уверенно, что отказался от предлагавшегося ему трудоустройства в рыбколхоз, согласившись только на работу в городском коммунхозе Килия-ноу.
После полуночи группа отвалила на каюке от ближайшего к Килия-ноу советского острова Степового, где остался ожидать доставивший ее туда и выполнявший роль прикрытия малый охотник СК-125 лейтенанта Тимошенко, и скрытно достигла румынского острова Татару (Иванешты). На острове разведчиками был обнаружен телефонный кабель, уходящий под воду на румынский берег. Двигаясь по кабелю, группа обнаружила наблюдательный пост, с узлом связи из двух солдат и офицера. Разведчики сумели захватить всех троих, после чего, уничтожив коммутатор и вырубив кинжалом двадцать метров кабеля, отошли к СК-125.
Пленные показали, что кабель тянулся в Тулчу, для корректировки огня тяжелой артиллерии. Офицер сообщил, что противник подтягивает к району боевых действий батальоны морской пехоты, приписанные к речной дивизии, собираясь возобновить попытки десанта при поддержке мониторов. Гарнизон Килии-веке усилен одним из этих батальонов, 15-м, а также артдивизионом орудий среднего калибра, саперами и пулеметной ротой. В речной дивизии и в батальонах находятся немецкие инструкторы.
На следующий день подразделения полка успели провести тренировки (в низовьях Дуная нашлось подходящее для этого, скрытое от противника место). Батальон первого броска совершил учебную посадку на катера.
Каждый из участвующих в десанте бронекатеров и погранкатеров дополнительно довооружили двумя станковыми пулеметами и выдали на все пулеметы ленты с трассирующими пулями, благо запасы флотилии пока это позволяли.
На мониторы были загружены дополнительные боекомплекты к крупнокалиберным орудиям.
Рядом с Измаилом спешно оборудовались позиции для еще одной дальнобойной батареи — 726-й.

Ее 122-мм орудия, доставленные баржами из Одессы, сразу после захвата Сатулноу, могли бить на 20 км, но к моменту десанта огневые позиции не успели оборудовать, и установка орудий была не закончена.
9 СБ из 78-й ОАЭ майора Бадербенкова взлетели с Николаевского аэродрома и в 04.48 неожиданно для противника сбросили на район Килия-веке 70 ФАБ-100. Одной из бомб в речном порту была потоплена баржа. Румыны были застигнуты врасплох, и советская группа без потерь вернулась на свой аэродром. В течение дня производили огневые налеты мониторы и батареи гаубичного полка.
Плацдарм, захваченный 24 июня, держался уверенно, весь день он обстреливался дальнобойной артиллерией из Тулчи и стрелковым огнем из плавней, но попыток отбить его противник не предпринимал..
Под вечер на КП 23-го СП приехал второй секретарь Ново-Килийского горкома партии, по совместительству являвшийся командиром местного истребительного батальона, и предложил включить в десант своих бойцов. Поплавский сгоряча одобрил эту идею, но Сирота вовремя расставил все по своим местам:
«Мы даже всех своих, обученных и обстрелянных, бойцов взять не можем. А „ястребки“ ваши пусть зорко охраняют важные объекты, наш тыл от диверсантов и вражеских парашютистов».
В течение дня «СК-125», опустив мачты ниже камыша, ходил по рукавам, ерикам и близлежащим протокам, выясняя, не перебросили ли румыны в них скрытно мониторы или катера.
Было решено в ночь на 26 июня осуществить вторую минную постановку, чтобы заблокировать Сулинское гирло и помешать возможному подъему по нему двух отстаивающихся в Сулине мониторов.
Вечером на реку лег плотный туман, и румыны прекратили артобстрел раньше обычного.
В последний вечер Сирота принял решение изменить состав первой волны десанта. Теперь в нее включалась только одна стрелковая 3-я рота лейтенанта Юрковского, которая усиливалась двумя взводами полковой пулеметной роты лейтенанта Стадника, взводом минометчиков и двумя «сорокапятками» с полными расчетами. Такой выбор был не случаен.
Лейтенант Юрковский, награжденный в 1940 году орденом Ленина, имел опыт боевых действий в сложных условиях, в отрыве от основных сил. Тогда, будучи еще младшим лейтенантом и командуя взводом во время штурма линии Маннергейма в районе ст. Тали, он, будучи отсеченным огнем от основных сил, уничтожил укрепленный дот. После чего потерял ориентацию на местности в снежном буране, но через два дня смог выйти с бойцами за линию фронта.
Сразу после принятия этого решения у Юрковского произошел конфликт с комполка Сиротой. С того момента, как дальновидный и осторожный Сирота разместил полк в траншеях, прошло уже 3 недели, четыре последних дня из которых бойцы находились под постоянным обстрелом.
Узнав о назначении роты в 1-ю волну десанта, Юрковский потребовал разрешения вывести своих бойцов из траншей на дамбе в частично разрушенные бомбами казармы на Большой Дунайской улице:
«— Бойцов надо как следует накормить и дать им часа четыре отдохнуть!»

Осторожный Сирота колебался, зная, что казармы расположены недалеко от порта, который периодически обстреливался:
«— А если казармы снова обстреляют? Операция сорвется».
Юрковский стал доказывать, что противник вряд ли повторит артналет глубокой ночью и при сильном тумане. В конце концов Сирота согласился.
Примерно в это же время Кубышкин наконец убедил Поплавского, что все-таки надо рискнуть и отправить за первой волной каюки, чтобы хоть как-то усилить 3-ю роту.
После чего соединенными усилиями удалось уговорить Сироту еще раз изменить план операции. Роту Юрковского решено было дополнительно усилить комендантской полуротой лейтенанта Клеткина, взводом приписной роты лейтенанта Мустафы и отделением пограничников, которых должны были перевозить 12 каюков, предоставленных рыбколхозом «Заветы Ильича».
Вторая волна должна была состоять из двух стрелковых рот и двух пулеметных взводов из роты Стадника.
Юрковский отнесся к предстоящей операции крайне серьезно и готовился с максимальной тщательностью. Показателен разговор, произошедший во время подготовки к высадке между первым помощником начальника штаба (ПНШ-1) 23-го полка лейтенантом Овчаровым и командиром одного из отделений роты Юрковского Сабуром Курбатовым:
«— А вы, товарищ сержант, почему не спите? И вам следует отдохнуть. Ведь не на ярмарку собрались!
— Мине нельзя спать, товарищ лейтенанта! Я командир отделения. Перед бой надо сильно думать. Надо ловить ошибка, смотреть все винтовка, сапога и портянка. Грязь, дирка — худо! Сейчас чинил — завтра поздно».
С наступлением темноты одиннадцать катеров, назначенных в десант, скрытно ошвартовались у причалов на западной окраине Килии-ноу. Несколько ниже по течению, у элеватора приткнулась дюжина каюков. Гребцами являлись колхозные рыбаки.
Лейтенант Юрковский, разместив роту, отправился к элеватору и стал опрашивать гребцов. Вопрос его интересовал только один:
«— Кто из вас служил в румынском войске и прошел переподготовку в Красной Армии?»
Таких нашлось несколько человек. С их помощью Юрковский составил план Килия-веке, стараясь, чтобы он был как можно более адекватен в военном отношении.
Среди рыбаков путем опроса он также разыскал Самсона Харланина, 4 года прожившего в Килия-веке, и отправил его в 1-й взвод лейтенанта Швеца, в котором собирался находиться сам, в качестве проводника.
Но и это показалось ему недостаточным.
Юрковский отправился на дамбу и оттуда на лодке в течение двух часов пытался в бинокль уточнить план города, отмечая на нем хотя бы наиболее высокие строения, на которых могли быть наиболее опасные огневые точки. Из наиболее важных построек в городе он выделил здание «капитании порта», казарму «граничар», церковь и уточнил подходы к ним.

Пулеметы десанта грузят на бронекатера.

Под руководством председателя рыбколхоза Харлампова на каюки погрузили саперов и разведчиков. Они должны были разминировать зону высадки, проделать проходы в проволочных заграждениях, а в случае обнаружения противником засечь все заработавшие огневые точки и отойти на свой берег.

Каюки высадили разведчиков и саперов прямо у проволочных заграждений за два часа до высадки десанта и отошли на 30 метров, непрерывно выгребая против течения, чтобы держать лодки на траверзе тех мест, где высадились саперы.

Саперы на основных участках целиком сняли притопленную в воде колючую проволоку, а на менее важных за недостатком времени проделали в ней отдельные проходы, которые были помечены прутьями вербы.

Затем саперы продвинулись на берег и стали искать мины, постепенно продвигаясь к второй линии проволочных заграждений, установленной вблизи румынских траншей.

В конце концов они были обнаружены и отошли, не отвечая на открытый противником огонь. Согласно докладу, сделанному командиру полка, в заграждении было проделано два широких прохода, оставлены отметки для десанта, мин перед румынскими позициями обнаружено не было.

Десант в это время сосредоточился у причалов, и первая волна производила скрытную посадку на бронекатера.

Назначенные на минную постановку бронекатера Ренийской группы, как и в прошлый раз, до темноты приняли в Измаиле мины (учитывая сложность обстановки, на головном катере пошел флагманский минер Иссарев), а в 2 часа ночи снялись и малым ходом пошли к Сулинскому гирлу. Но в густом тумане и темноте бронекатера проскочили мимо него, не разглядев ответвления, и поднялись выше по Дунаю на румынскую территорию.

Ошибка была обнаружена только после того, как отряд наткнулся на выступивший из тумана памятник солдатам Рязанского полка, погибшим при форсировании Дуная в 1877 г., находящийся под Мэчином, — восьмиметровую чугунную пирамиду. Обнаружив ошибку, бронекатера легли на обратный курс. Когда они спустились до Сулинского гирла и повернули в него, уже начинало светать, и туман стал редеть.

Внезапно в ста метрах от головного катера в камышах показались борт и башни замаскированного ветками румынского монитора. Стоянка мониторов оказалась гораздо ближе, чем предполагали на флотилии.
Впоследствии Иссарев долго жалел о том, что катера были не торпедными…
Открыв огонь по ближайшему монитору, он стал разворачиваться, одновременно сбрасывая мины. Из трех следовавших за ним бронекатеров, в условиях внезапно начавшегося боя и маневра на отход (который стали выполнять, развивая максимальную скорость), сбросить мины успел только один. В результате поставленными оказались всего 8 мин.
Одновременно с минами катера стали сбрасывать и дымовые шашки — оборудования для постановки дымзавес на них не было. Ответный огонь румын был не менее беспорядочным, чем огонь бронекатеров — серьезные повреждения получил только «БКА-112».
От двух прямых попаданий румынских снарядов на катере вышли из строя гребной вал и рулевое управление, в одном из отсеков возник пожар. Благодаря усилиям экипажа пожар удалось потушить, но катер не имел хода.
«БКА-111» взял его на буксир и дотащил до Прута.
Мониторы «Ударный» и «Мартынов» до рассвета заняли огневые позиции в Кислицкой протоке.
В начале четвертого бронекатера отошли от причалов и двинулись вниз по Дунаю малым ходом, моторы для скрытности работали на подводный выхлоп. На фарватере отряд построился в кильватерную колонну с «БКА-132» лейтенанта Майорова (с командиром отряда лейтенантом Козловым на борту) в качестве головного и, заглушив двигатели, продолжил движение самосплавом со сносом в сторону правого берега.
Как только десант вышел на фарватер, началась артподготовка. Расчет на артподготовку делался следующим образом: бронекатера должны были пройти самосплавом около трех километров при скорости течения более метра в секунду. На безопасной дальности от своего огня десант должен быть находиться в течение 15 минут.
Первой открыла огонь артиллерия дивизии, затем береговые батареи и в последнюю очередь мониторы, имевшие приказ значительную часть боезапаса оставить для непосредственной поддержки десанта. Огонь велся в максимальном темпе.
Вражеская артиллерия в этот раз открыла огонь несколько раньше, чем планировалось. И огонь оказался довольно точным — от близких разрывов среди находившихся на палубах десантников появились первые убитые и раненые.
Бронекатера перешли на надводный выхлоп, выполнили поворот «все вдруг» и понеслись, ревя моторами как самолеты на старте, строем фронта к непосредственным местам высадки.
Береговые батареи и мониторы немедленно перенесли огонь в глубь берега для борьбы с вражескими батареями.
В результате артиллерийский огонь по кораблям ослабел, но открыли огонь неподавленные огневые точки у уреза воды, благоразумно помалкивавшие во время обстрела берега.

По ним стали бить сами катера. Огонь противника усиливался, и бой еще до момента высадки стал приобретать упорный характер. Противник сосредоточил огонь на головном катере, ставшем после перехода в строй фронта левофланговым. На «БКА-132» бронебойными снарядами и осколками были повреждены кожух машинного отделения, воздушная магистраль, электропроводка, коллектор охлаждения двигателя и запасной масляный бак. Он начал сбавлять ход.
Чтобы прикрыть командующего высадкой, «БКА-133» и «БКА-134» обошли его слева и повели непрерывный огонь из всех видов оружия. Танковые башни били по дзотам, пулеметы трассирующими пулями по окопам, по ним же стреляли с палуб и десантники. Быстрый ход позволил дойти до берега без потерь среди кораблей.

Румынский пулемет ведет огонь.

Первыми до берега добрался «БКА-131» лейтенанта Перышкина, обогнавший поврежденный «132-й» справа. Глубина оказалась недостаточной, чтобы подойти к берегу вплотную, и бронекатер, остановившись, стал высаживать десантников с борта в воду. После чего сразу получил прямое попадание в рубку. Перышкин был контужен и получил два осколочных ранения в плечо и грудь, однако продолжал руководить высадкой.
Чуть позже подтянулись «133-й» и «134-й». Но под водой обнаружились не замеченные разведчиками и саперами вбитые колья, и подойти к берегу оказалось сложно.
Заметившие заминку шедшие сзади катера стали забирать левее. У «БКА-132», восстановившего ход, места и времени на маневр уже не оставалось, и он приткнулся между «134-м» и «131-м», сумев подойти на достаточное для высадки расстояние. С него также стали прыгать пехотинцы.
По десантникам, высаживавшимся пока всего с двух катеров, открыла огонь румынская минометная батарея. Десантники залегали под рвущимися минами на самой кромке берега, а иногда и в воде. Часть десантников не решалась прыгать с катеров в глубокую воду, кипящую от минных осколков, но и на палубах их настигали очереди пулеметов и осколки румынских снарядов.
Первым задержку заметил несколько отставший от бронекатеров малый охотник «СК-125», но позиция его была уже не очень удобной для подавления батареи, находившейся на окраине города, и поэтому командир охотника Тимошенко,

коротко посовещавшись с Юрковским, приказал комендорам и наводчикам пулеметов подавлять самые близкие огневые точки на берегу.
За батареей стал охотиться монитор «Мартынов», находившийся дальше от берега и имевший лучший обзор.
Пока корабли прикрытия пытались подавить огневые точки, десантникам удалось под шквальным огнем выбраться на берег. Часть командиров была уже выбита, и с бронекатеров для командования десантниками отправили на берег дублеров командиров кораблей — бывших курсантов Черноморского военно-морского училища, которым 24 июня 1941 года приказом наркома Военно-Морского флота было присвоено звание «лейтенант».
Один из них, Федор Образко, уже через несколько минут был убит разрывом мины, получив два смертельных осколочных ранения…
На левом берегу, узнав о сложившейся ситуации, Сирота отдал приказ погрузить два взвода на буксиры «ИП-22» и «ИП-23» и направить их к месту высадки десанта.
К берегу чуть позже удалось пристать пограничному «ПК-25», на котором был перебит бензопровод, но мотористы катера сумели срастить его под огнем. Высадившиеся с него пехотинцы смогли помочь десантникам продержаться на берегу еще немного. Юрковский, оценив положение на берегу, приказал Тимошенко приставать к берегу.
Подходить на самом крупном судне десанта, имевшем к тому же сильный перегруз и как результат большую осадку и маленькую скорость, к берегу, на котором были не подавлены еще огневые точки, было довольно рискованно, но терять уже было нечего.
Подойдя чуть наискосок, «мошка» продолжала вести огонь из двух 45-мм орудий, двух ДШК и двух «максимов».
На риск пришлось пойти еще раз: когда днище чиркнуло по камням, Тимошенко приказал в трубку машинного отделения «обороты прибавь» и буквально надвинул малый охотник на берег.
«СК-125» подошел левее вкопанных кольев, и проблем с высадкой у него не возникло, не считая, конечно, того, что люди спрыгивали с бортов и двигались к берегу по горло в воде.
Для малого охотника это было серьезным достижением, так как он был из-за своего более крупного по сравнению с бронекатерами размера, более мощного мотора и вооружения настолько перегружен десантом, что ватерлиния ушла под воду, а осадка достигла полутора метров.
Одновременно с высадкой десантников с «мошки» Юрковский приказал на «тузиках» (малых шлюпках) перевезти с бронекатеров минометы. К этому времени сначала «БК-134», а затем и «БК-133» тоже начали высаживать десант. «БК-133», правда, так и не смог вплотную подойти к берегу и, отдав якорь, стал высаживать людей прямо в глубокую воду. Умеющие плыть поддерживали тех, кто плавать не умел, оружие и людей перевозили на «тузике», надувных камерах, выданных на каждый катер для аварийной эвакуации десантников, и на всем, что помогало держаться на воде.

Румынский пехотинец в окопе.

Юрковский первый спрыгнул в воду прямо через перила и, выбравшись на берег, стал организовывать людей для атаки на траншеи, сосредоточивая бойцов напротив разрушенных участков проволочного заграждения, тут же прозванных бойцами «ворота смерти».

Монитор «Мартынов» наконец обнаружил среди развалин на окраине города минометную батарею. Но минометчики, очевидно, имели боевой опыт и были отлично подготовлены. Батарея перенесла огонь на монитор и, несмотря на предельную для нее дистанцию, добилась накрытия.

Взяв лево на борт и пойдя малым ходом, монитор открыл огонь по батарее. Через несколько минут два снаряда орудий главного калибра наконец накрыли батарею, после чего та прекратила дуэльную стрельбу и стала менять позицию. Значение этого в общем-то небольшого успеха было в тот момент настолько велико, что командир «Мартынова» капитан-лейтенант Шик передал по корабельной трансляции: *«Только что отличился старшина 2-й статьи комсомолец Андрей Майборода. Это его расчет подавил фашистскую минометную батарею».*

Высаженные минометы стали засыпать румынские траншеи минами.

Огонь противника стал ослабевать, и в ходе боя наметился перелом. Это почувствовали и бойцы. Постепенно десантники стали подползать к проходам в проволоке. Собрав достаточно сил, Юрковский скомандовал атаку. Забросав противника гранатами, десантники бросились сквозь проходы в проволоке. Румыны начали отход по ходам сообщения. Однако в последний момент на бруствер траншеи выскочил пожилой румынский капрал и во фланг атакующим разрядил магазин ручного пулемета. На месте были убиты красноармейцы Трифон Решетняк и Иван Москаленко, несколько человек получили ранения. Десантники залегли.

Капрал, сумевший за мгновения переломить ход боя, спрыгнул обратно в траншею и, сменив магазин, продолжил огонь из-за укрытия. К нему стали подтягиваться отступившие румынские стрелки. Юрковский метнул в траншею гранату и, стреляя, бросился следом, его поддержали. В рукопашной схватке траншея была

захвачена. Около двух десятков румын, не успевших отойти, сдались в плен. Бойцы стали закрепляться в румынских окопах.
Бронекатера, прекратившие с началом атаки огонь по берегу, после достигнутого успеха стали уходить за второй волной десанта.
«БК-133», отдавший якорь, теперь не мог его поднять — очевидно, отданный якорь зацепился за колья и застрял.
Командиру отделения Бабошину пришлось нырять и очищать якорь.
Пока «БК-133» пытался вновь обрести подвижность, на него доставили захваченных пленных. Но охранять их было уже некому, оставшейся в строю команды хватало только на управление бронекатером в бою. Его командир старший лейтенант Ткачёнко распорядился: *«Всех пленных в нос и на корму! Держать под прицелом пулеметов! Чуть что — огонь!»* И бронекатер наконец двинулся в обратный путь.
В это время к месту высадки подтянулись буксиры. Получив подкрепление, Юрковский стал выкуривать румын из прибрежных дзотов, на очищенном от противника маленьком плацдарме перед городом постепенно сосредоточился 1-й батальон Васицкого. Огонь противника по фарватеру заметно ослабел, и доставка основных сил десанта прошла без особых проблем, с небольшими потерями: два катера получили незначительные повреждения, один матрос был убит, двое тяжело ранены.
Начался бой непосредственно за город, но он не носил уже такого ожесточенного характера, как бой на берегу. Единой системы обороны у противника в городе не было. Если возникали заминки, то наиболее опасные опорные пункты штурмовали десантники роты Юрковского. В целом наступлением в городе фактически руководил также Юрковский, со своей ротой продвигаясь впереди основных сил через город по его центру, а комендантская полурота Клеткина и взвод приписной роты Мустафы двигались через западные кварталы вдоль протоки Татару. Обе группы, по замыслу Юрковского, с двух сторон вышли к городскому кладбищу, где находились позиции румынской артиллерии. Румыны отошли, успев вывезти только одну батарею из трех занимавших позиции у кладбища — остальные были либо частично разбиты во время дуэли с мониторами, либо потеряли лошадей. Одна из батарей 37-мм пушек была захвачена неповрежденной — она находилась в толстостенном кирпичном складе, с окнами-амбразурами, глядящими на причалы в затоне Татару на случай попытки обхода по протоке, и участия в бою не приняла.
Юрковский дал белую ракету, означавшую прекращение поддержки десанта огнем с катеров.
На захваченном берегу была организована радио-, а затем и телефонная связь. Телефонный кабель через Дунай из-за сильного течения удалось завести только с третьей попытки, когда к нему через равные промежутки были привязаны тяжелые камни.
После этого на берег перебрался ПНШ-1 Овчаров.
В городе имели место стычки не только с румынскими солдатами, но и с колонистами-осадниками. Это были вышедшие в отставку унтер-офицеры и капралы, получившие земельные участки за беспорочную службу. Осадники помогли солдатам одной из румынских рот 15-го морского батальона, которые не имели боевого опыта и, находясь в резерве, были окружены в районе кладбища,

вырваться из окружения и отойти на ближние хутора, расположенные в 3 км от Килия-веке. Их преследовал взвод Мустафы.
К 8 часам утра бой в городе в целом прекратился. Только на колокольне в центре города продолжал отбиваться из пулемета немецкий офицер-инструктор с несколькими румынскими солдатами. На подавление пулемета, который не удалось уничтожить силами штурмовых групп из-за понесенных потерь, были выделены сначала «БКА-134», а затем и монитор «Мартынов». Пулемет замолчал, но, когда на площади перед колокольней появились Овчаров и секретарь комсомольского бюро полка лейтенант Буров, собиравшиеся водрузить на ней красный флаг, открыл огонь снова. Тогда колокольню стали обстреливать из подтянутой «сорокапятки». После трех выстрелов с колокольни спустились трое румынских солдат, кричавших, что они сдаются.
Потом один из них, показывая что-то жестами, поднялся вместе с Овчаровым и Буровым на площадку, где стоял пулемет и валялся убитый немецкий офицер. Солдат объяснил, что они сами убили его, чтобы прекратить напрасное сопротивление. Лейтенант Овчаров вместе с комсоргом подняли на колокольне красный флаг.
За этот подвиг лейтенанты Овчаров и Буров указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.07.1941 г. в числе других 45 участников Дунайских боев были награждены орденами Красного Знамени…
Возня с пулеметом продолжалась около часа.
Только в начале 10-го Овчаров доложил с плацдарма по телефону Сироте: «Противник наголову разбит, город Килия-веке занят нашими подразделениями». Однако Сирота поостерегся сразу рапортовать Цирульникову и посоветовался с Поплавским, стоит ли считать операцию законченной.
Возможно, на его сомнения повлиял удар с воздуха, только что нанесенный по захваченному плацдарму группой из 6 тихоходных румынских гидросамолетов SM.55S в охранении такого же количества истребителей IAR80. Прикрывавшие плацдарм с воздуха истребители 96-й ОИАЭ завязали с противником бой, после которого о потерях не сообщила ни одна из сторон. На земле было убито несколько человек, ранен проводник Самсон Харламов.

Румынские пленные.

Поплавский предложил подождать со сводкой на всякий случай еще час, а заодно подсчитать за это время трофеи.
Сирота согласился и сказал в телефонную трубку:
«— Вот что, Овчаров. Пусть бойцы Юрковского и Стадника далеко в глубь вражеской территории не забираются. Нельзя распылять силы. Следите за появлением врага на реке».
Пулеметная рота Стаднюка оседлала дорогу на Сулину, тянувшуюся по песчаной гряде через плавни.
Комендантская полурота совместно с взводом Мустафы и подтянувшимися подразделениями осадила хутор Килия и другие ближние хутора, куда откатились остатки гарнизона. Однако румыны имели там много жителей, бежавших из города, и бой принимать не стали, вступив в переговоры. С румынской стороны переговоры вел командир роты 15-го батальона морской пехоты капитан Ефтимие Кроатору, с советской — лейтенант Яков Мустафа.
Румыны, не сумевшие отступить на Сулину, в большинстве сложили оружие — плавни были не везде проходимы, правда, часть солдат все равно попыталась уйти через них. Некоторым это удалось, некоторые были задержаны бойцами пулеметной роты, прикрывавшей дорогу.
Число сдавшихся румын в сводках в конце концов достигло 510, в официальных сообщениях, скорей всего, это количество не сильно завышено, причем, возможно, за счет захваченных в плен на других участках и в первом десанте.
В дневнике одного из участников событий, лейтенанта Овчарова есть запись его разговора с сержантом Курбановым во время конвоирования пленных:
«— Сержант Курбанов, сколько пленных ведете?
— Двести тридцать две штука, товарищ лейтенанта! А первый раза сегодня мы вела пристань сто восемьдесят рядовой. Всего четыреста двенадцать. Из них — три офицер.
— Хорошо считаете, товарищ сержант!.. — А откуда вам известно, что среди этих рядовых есть офицеры? Они все без мундиров… Сами признались?
— Зачем я должна плохо считать, товарищ замполитрука? Я до армии работал колхозна бухгалтер. А румынска офицер… Сама он не говорил — молчал. Я по шелковый белья узнал! Солдат совсем дешевый мануфактура на рубахе».
Сами румыны оценили потери в 358 человек, учитывая, что в плен была захвачена и часть осадников, не являвшихся военнослужащими. Общая цифра в 412 пленных, названная Овчарову, представляется вполне правдоподобной.
Захваченных винтовок было значительно больше, около тысячи, так как много их было обнаружено на складах в городе. Также было захвачено 8 орудий и больше двух десятков ручных и станковых пулеметов.
Что касается потерь десанта и флотилии, в официальных источниках называлась совершенно нереальная цифра — 5 убитых и 7 раненых, явно не имеющая никакого отношения к действительным потерям, которые никак не могли быть меньше 100 человек.
К 10 часам утра новый плацдарм имел размер 12 километров по фронту и 4 километра в глубину. 2-й и 3-й батальоны полка занялись его расширением, двигаясь на бронекатерах и мониторах, как и 24 июня.

К концу дня полк капитана Сироты вверх по течению сомкнул свой правый фланг с левым флангом плацдарма, захваченного 24 июня. Вниз по течению удалось продвинуться вплоть до Периправы, захватить которую с ходу не удалось. Общая длина плацдарма по фронту составила 75 км. Были захвачены и все расположенные на этом участке острова.
Об успехе стали докладывать по инстанциям.
В оперативной сводке штаба Южного фронта от 26 июня 1941 г. формулировка была еще достаточно осторожной:
ОПЕРСВОДКА № 06/ОП К 20.00 26.6.41
ШТАБ ЮЖНОГО ФРОНТА ВИННИЦА
Карта 1000 000
Первое. В течение ночи и дня 26.6.41 г. на всем фронте противник активности не проявлял, за исключением района Скулени, где противник после полудня, получив подкрепление, вновь перешел в контратаку. Бой продолжается.
Нашими частями и пограничниками, по непроверенным данным, в районе Килиа-Поуэ форсирована р. Дунай (северный рукав), взято до 500 человек пленных. На остальном фронте без перемен.
Второе. 18-я армия — положение без перемен. Части армии продолжают сосредоточение.
Третье. 9-я армия — по всему фронту артиллерийская и пулеметная перестрелка. В районе Скулени идет бой с частями противника, перешедшими в атаку. Части армии совместно с пограничными частями форсировали р. Дунай в районе Килиа-Поуэ. На остальном фронте армии без изменений.
Четвертое. Погода ясная, сухая. Состояние дорог удовлетворительное.
Начальник штаба Южного фронта

ШИШЕНИН

Заместитель начальника Оперативного отдела

ЛЯМИН

А 27 июня вся страна узнала из сообщения Совинформбюро, что *«в ночь на 27 июня группа наших войск при поддержке речной флотилии форсировала Дунай и захватила выгодные пункты, 510 пленных (в том числе 2 офицеров), 11 орудий и много снаряжения».*
Дата не была точной, но что поделаешь, считалось, что Совинформбюро должно сообщать о событиях, происходящих в последний час.
Командование Черноморского флота стало подумывать о развитии успеха. Причем тактика решения вопроса была той же, что и у командования флотилии перед первым десантом.
Только теперь уже вице-адмирал Октябрьский поручил контр-адмиралу Абрамову выяснить, как смотрит командование 14-го корпуса на возможность совместной — силами флота, армейских частей и Дунайской флотилии — наступательной операции с целью овладения черноморским портом Сулина.
Командование 14-го СК смотрело на возможность совместной наступательной операции по-прежнему. Егоров пояснил, что не имеет достаточных сил и средств, а

чуть позже добавил, что провести десант «не позволяет общее положение на фронте».

Набег румынских мониторов

(27 июня)

Группа из 5 румынских мониторов, стоящая под Галацем, была самой большой головной болью командования Дунайской флотилии.

Еще в довоенном «плане действий войск Одесского военного округа по прикрытию госграницы» отмечалось превосходство румынской речной дивизии «как в количественном, так и особенно в качественном отношении (артиллерия, бронирование)».

Тогда же флагартом Дунайской флотилии Подколзиным были сделаны расчеты на бой мониторов флотилии с мониторами вероятного противника. И расчеты эти были неутешительными. Существовала лишь чисто теоретическая возможность пробить советскими 100-мм снарядами броню румынских мониторов — «при стрельбе с очень короткой дистанции и при встрече снаряда с броней под прямым углом». Более крупные, 130-мм орудия, не имевшие таких проблем, были только на «Ударном».

В такой ситуации значительную роль приобретала береговая артиллерия, вооруженная орудиями крупного калибра — 152- и 130-мм. Поэтому при первой же возможности из Одессы были переброшены орудия для еще одной батареи — 726-й. Баржи со 122-мм орудиями были первыми, разгруженными в Измаильском порту, как только он начал действовать.

Батарея была размещена недалеко от Измаила вблизи хутора Копаная балка. Командовал новой батареей капитан Кривошеев. Однако ввод батареи в действие задерживался, главным образом из-за недостатка соответствующих снарядов, которых не было на складах дивизии, а подвоз из Одессы затруднялся еще и тем, что всем идущим оттуда судам приходилось подолгу отстаиваться в районе Жебрияны, прежде чем удавалось проскочить румынские батареи под Периправой.

На случай появления мониторов на фарватере был разработан вариант их штурмовки истребителями 96-й эскадрильи. Для «чаек» были приготовлены 100-кг бомбы и соответствующие узлы подвески. 3 звена бомбардировщиков СБ из 78-й ОАЭ майора Бадербенкова 25 июня пытались обнаружить мониторы, но не смогли это сделать и сбросили бомбы на Галац.

Авиаразведке засечь их также не удавалось. На минные же постановки из-за их демонстрационного характера особой надежды не возлагалось.

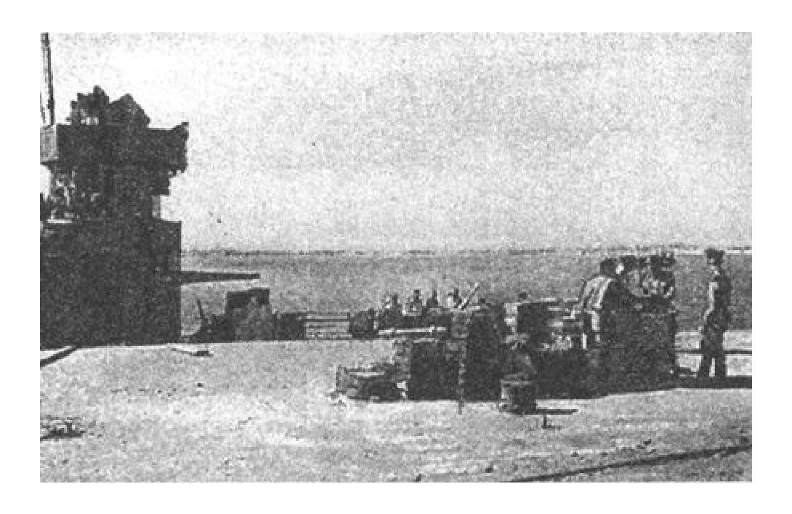
Было ясно, что попытка введения в действие мониторов неизбежна и с увеличением успехов флотилии вероятность их применения все больше возрастала.

Гром грянул вечером 27 июня.

27 июня, после 21 часа, незадолго до наступления сумерек, на ФКП от командира Ренийской группы, с 724-й батареи и с расположенного у Рени поста СНиС почти одновременно поступили донесения о том, что со стороны Галаца показалась и идет вниз колонна мониторов противника. Одновременно по позициям Ренийской группы открыли огонь дальнобойные батареи из Галаца, Тулчи и Исакчи.

Немедленно был передан условный сигнал частям 14-го СК и береговой обороны.

Для удара по прорывающимся мониторам планом действий предусматривался вызов бомбардировочной авиации, но с учетом того, что она базировалась под Одессой, самолетам просто бы не хватило подлетного времени до наступления темноты. Но эскадрилья флотилии, базировавшаяся на аэродром Измаил-Кираклия, успевала долететь до цели засветло. Капитан Коробицын получил приказ направить на штурмовку все боеготовые истребители.
У артиллеристов вступила в действие плановая таблица боя, разработанная для координации огня ренийской группы кораблей, 724-й батареи и 99-го гаубичного артполка.
Для 724-й батареи цель была досягаема почти с момента обнаружения, и она открыла огонь первой. На ее НП, выгодно расположенном, находились и артразведчики гаубичного артполка.
Орудия мониторов и полевые гаубицы включились в огневой налет на пределе своей дальнобойности. Донесения от них поступали каждые две-три минуты, открытым текстом, и во всех сообщалось в общем-то одно: «Колонна мониторов продолжает идти вниз».
По мере уточнения данных выяснилось, что в колонне следуют только 4 монитора из 5.

Погрузка снарядов на монитор.
У командования появилась мысль бросить им навстречу для боя на короткой дистанции Ренийскую группу мониторов капитан-лейтенанта Кринова. Но при отсутствии среди них «Ударного» со 133-мм орудиями такой бой имел бы, скорей всего, фатальные последствия, а главное, ни при каком результате все равно не давал шансов на успех — из Тулчинского гирла в любой момент могли появиться еще два монитора.
По мере приближения мониторов по ним стали вести огонь с берега и воды все без исключения орудия, находившиеся в районе Рени. 96-я эскадрилья добралась до мониторов в полном составе до темноты и приступила к штурмовке, но тут выяснилось, что 100-кг бомбы успели подвесить меньше чем на половину истребителей.
Мониторы бойко отбивались от истребителей, но ни одной машины потеряно не было, хотя некоторые привезли довольно солидные осколочные пробоины в плоскостях.

Сообщений о причиненных противнику повреждениях ни с одного поста не поступало — бывшие австро-венгерские мониторы обладали высокой живучестью. Противник неуклонно приближался к переднему краю, и это могло означать все, что угодно: от попытки разгрома группы Кринова до обстрела Измаила или плацдарма, либо высадки десанта.
В надвигающейся темноте быстро движущийся противник получил бы преимущество и при бое с 724-й батареей.
Скорей всего, складывающаяся ситуация ничем хорошим для флотилии бы не кончилась, так как все возможные меры к воспрепятствованию прорыва уже были применены и оказались недостаточными, но…
Через 8 минут после обнаружения противника ренийский пост СНиС передал: *«Корабли противника резко замедлили ход».*
И еще через минуту:
«Корабли поворачивают назад…»
Пост, конечно, мог и напутать из-за надвигающихся сумерек и дыма от множества рвущихся на фарватере снарядов, но доклад с 724-й батареи подтвердил: *«Мониторы повернули все вдруг и легли на обратный курс».*
Колонна начала уходить обратно к Галацу, сопровождаемая, пока позволяла дистанция, огнем береговой артиллерии. Ни один из мониторов не задымил и не потерял в ходе — причина, по которой противник прекратил прорыв, осталась такой же неясной, как и его намерения.
Скорей всего, сыграло роль выставленное 24 июня минное поле.
Попав под сосредоточенный огонь артиллерии, эффективность которого должна была возрастать с каждым километром, подвергшись штурмовке с воздуха, противник, очевидно, все-таки не решился форсировать в такой обстановке минный барьер, даже зная, что заграждение редкое. При таком плотном огне, ведущемся в видимости корректировочных постов, мониторы, очевидно, не рискнули идти через минное поле на малой скорости. А потом ведь пришлось бы форсировать его вновь, после боя, который еще неизвестно как мог окончиться…
Учитывая все это, было решено утром усилить имеющееся заграждение силами флотилии, также была достигнута договоренность о постановке с воздуха силами авиации еще одного заграждения, почти напротив Рени, от фарватера к правому берегу.
Однако на всякий случай были приняты и дополнительные меры.
Из Одессы прибыли 4 торпедных катера г-5 под командованием капитан-лейтенанта Тууля. На торпедных катерах были опытные командиры. Среди них Африканов и Корымов, впоследствии Герои Советского Союза. Глубокой ночью торпедные катера вошли в устье Дуная. Чтобы уменьшить шум, выключили по одному мотору.
Однако при проходе мимо Периправы катера все равно были обнаружены, выручила только скорость. Сильно шумящие моторы ГАМ-38 советских катеров и дальше продолжали создавать им проблемы по части скрытного передвижения по протокам.
До 3 июля катера караулили на Дунае румынские мониторы, пока не были отозваны ком. флотом в Очаков.

Переход группы Кринова в озеро Кагул

(28–29 июня)

Если Килийская группа кораблей, отстаивающаяся в Кислицкой протоке, с захватом плацдарма на правом берегу Дуная перестала обстреливаться противником, то Ренийская, капитан-лейтенанта Кринова, по-прежнему находилась под обстрелом дальнобойных орудий.

Здесь начинала складываться патовая ситуация.

Расширять плацдарм вверх по Дунаю не представлялось возможным — более важным было расширить его вниз до устья, чтобы хотя бы сделать необстреливаемым участок советского судоходства по Килийскому гирлу, так как по нему шел основной подвоз всего необходимого из Одессы.

Отвести группу Кринова вниз по Дунаю к Измаилу тоже было нежелательно: скованная в отношении маневра, она тем не менее находилась на передовом рубеже с выгодными огневыми позициями.

Три монитора и бронекатера группы поддерживали огнем части 14-го СК, обороняющиеся на Дунае и Пруте, и препятствовали попыткам противника переправиться на левый берег.

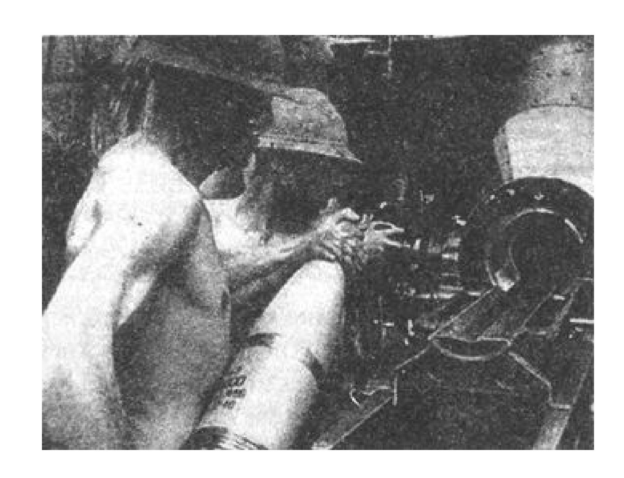
Три монитора, десяток бронекатеров и два тральщика с первых минут войны находились под вражеским огнем. Кораблям пришлось спешно менять стоянки уже на рассвете 22 июня, а потом — по нескольку раз в сутки.

Использовались все возможные способы и приемы маскировки: корабли прятались в камышах, зарослях, закрывались зеленью и срубленными деревьями, заходили под откосы правого (румынского) берега Прута. Однако через несколько часов обстрел из дальнобойных орудий неизбежно возобновлялся.

Самой вероятной причиной такого постоянного обнаружения было применение противником звукометрических средств. Поэтому на кораблях, а особенно на мониторах, когда не велись боевые стрельбы, не включались никакие механизмы, не выходили в эфир рации, но тем не менее каждые 4–6 часов тяжелая артиллерия из Исакчи и Галаца начинала нащупывать позиции кораблей, иногда и накрывая их. К дальнобойной береговой артиллерии иногда подключались и 3 румынские плавучие батареи со 152-мм орудиями, в свою очередь прятавшиеся не менее тщательно, чем советские мониторы, но из-за превосходства румын в тяжелой артиллерии на Ренийском участке они в основном опасались налетов авиации. Одна из таких батарей вела огонь с задунайского озера Крапина.

Охота велась главным образом за мониторами как за носителями дальнобойной артиллерии. Мониторы отвечали тем же. Им удалось подавить одну дальнобойную батарею Под Галацем. Бронекатера в интересах мониторов систематически обнаруживали и уничтожали наблюдательные посты противника за Прутом.

Но мониторы вынуждены были маневрировать на очень коротком участке Прута — около километра от устья до моста, взорванного румынами в 1940 г., фермы которого перегораживали реку.

Тяжелое орудие румын ведет огонь.

В Дунай мониторы высовываться не рисковали, в него на минные постановки и в дозор выходили только бронекатера. После набега румынских мониторов вечером 27 июня возникло предположение, что его целью могла быть как раз попытка ликвидации мониторов Ренийской группы.

В следующий раз такая попытка могла оказаться вполне успешной, так как при подходе еще двух мониторов из Тульчинского гирла судьба группы Кринова фактически была бы предрешена.

Поэтому необходимо было срочно обезопасить Ренийскую группу, не отводя ее при этом вниз по Дунаю.

Выход подсказала румынская батарея на озере Крапина. Кринов обратил внимание на другое озеро, Кагул, находящееся за советским берегом Дуная, несколько ниже Рени. Озеро тянулось на много километров, было достаточно глубоким и имело у берегов густые заросли камыша. Из-за своей протяженности и расположения оно могло использоваться и как огневая позиция, и как укрытие за пределами досягаемости румынских батарей.

Однако входом в озеро являлась несудоходная мелкая речушка Викета, к тому же перекрытая рыбацкой запрудой. Но необычно высокий летний паводок изменил положение до такой степени, что Викета из-за подъема воды в Дунае изменила направление и потекла назад в озеро.

28 июня Кринов послал катерные тральщики обследовать речку, и их командиры доложили, что после подрыва рыболовной запруды переход в озеро мониторов будет возможен. Но воспользоваться такой возможностью можно было решиться только в крайнем случае, так как при падении уровня воды отряд бы оказался запертым в озере. Оставалось надеяться на то, что возможное падение уровня воды не будет слишком резким и при постоянном наблюдении за ним корабли успеют выйти обратно в Дунай.

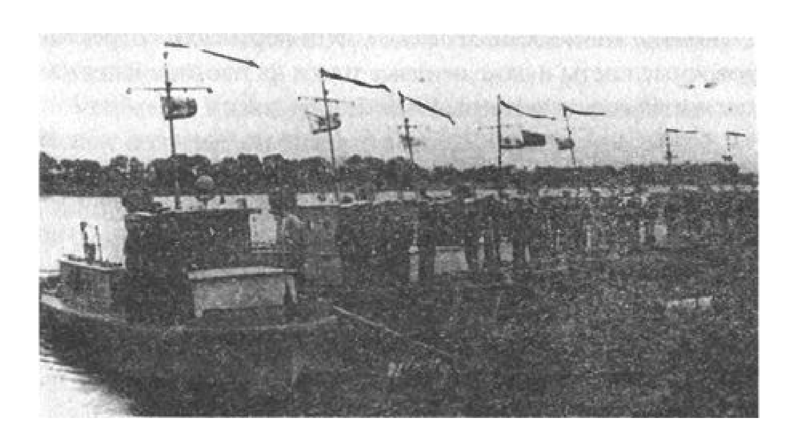
Крайний случай наступил очень скоро. 29 июня обстановка в районе Рени стала тревожной.

Противник не произвел ни одного огневого налета и весь день вел только пристрелку, и пристрелка эта отличалась возросшей точностью. Готовился массированный артналет на корабли и, скорей всего, с привлечением помимо стационарных батарей и тяжелой полевой артиллерии.

Весь день в районе нахождения кораблей велась интенсивная воздушная разведка.

В случае обнаружения группы с воздуха противник сосредоточился бы на атаке мониторов, а им было трудно отбиться даже от небольшой группы устаревших бомбардировщиков.
Зенитного прикрытия Ренийская группа не имела, а средства ПВО мониторов «Железняков», «Жемчужин» и «Ростовцев», входивших в группу, были более чем скромными: каждый имел 4 45-мм универсальных пушки и 4 счетверенных пулемета.
Под вечер 29 июня Кринов собрал на мониторе «Ростовцев» командиров кораблей группы и предложил каждому высказать свое мнение о дальнейших действиях в сложившихся условиях.
Было похоже, что румынское командование рассматривает Ренийскую группу как свою ближайшую цель и набег мониторов 27 июня производился именно на нее, а не являлся попыткой ответа на неудачный набег кораблей ЧФ на Констанцу 25–26 июня, как посчитало сначала командование флотилии.
Командиры мониторов Маринушкин, Визальмирский, Орлов считали, что возможности стоянки в устье Прута исчерпаны. Так же оценивал положение и сам Кринов. После военного совета на «Ростовцеве» он радировал командующему, что считает необходимым этой же ночью перейти в озеро Кагул, с тем чтобы, базируясь в нем, продолжать выполнение прежних боевых задач.
Контр-адмиралу Абрамову, находившемуся у Килийской протоки в несколько другом положении, чем Ренийская группа, опасения Кринова представлялись несколько преувеличенными.
В суровой обстановке завершавшейся первой недели войны оставление без боя боевой позиции вполне могло быть расценено как трусость. Но и проверять опасения Кринова было небезопасно: артналет и удары авиации могли начаться утром и до наступления следующей ночи вполне можно было потерять все мониторы.
Поразмыслив, командующий санкционировал предложенные действия, в том числе и дополнительную минную постановку.
Перед переходом кораблей на новую стоянку было решено поставить минную банку в протоке, соединяющей Дунай с озером Крапина на правом берегу.
Последние шесть оставшихся у него мин Кринов решил истратить, конечно, не ради того, чтобы запереть в Кривно плавбатарею, не имевшую собственного хода. Капитан-лейтенанта беспокоил последний румынский монитор, не вышедший вместе с колонной. По донесению 40-го авиаполка, он был потоплен 27 июня, как раз перед набегом 4 мониторов из-под Галаца, в котором он участия действительно не принимал. Но монитор (речь шла об «Ардеале») вполне мог находиться в озере и выйти оттуда на перехват кораблей.
Дальнейшие события подтвердили небезосновательность опасений капитан-лейтенанта. Несмотря на заверения советского командования, «Ардеал» снова был замечен в строю. Некоторые авторы, правда, до сих пор оптимистично считают, что «Ардеал» был все-таки потоплен, но, сев на грунт, лишь немного ушел в воду, что позволило его быстро поднять, отремонтировать и снова ввести в строй. Но документальных подтверждений эта версия пока не находит.
Мины успешно поставил (на этот раз скрытно) бронекатер лейтенанта Кондакова.

С наступлением темноты мониторы и остальные корабли, не включая двигателей, спустились по течению до устья Викеты и благополучно вошли в нее, а затем и в озеро. К утру на месте разрушенной рыболовной запруды был натянут имитировавший ее трос с чурбаками, чтобы воздушная разведка не заметила никаких перемен. На Викете оборудовали водомерный пост для непрерывного наблюдения за уровнем воды. Здесь же развернули корпост трех мониторов. Другой корпост находился в расположении одной из батарей гаубичного полка близ Картала.

Катерные тральщики.

В озере Кагул три монитора избавились от каждодневного обстрела тяжелыми батареями. Здесь было легче рассредоточивать и маскировать корабли, и румынам не удавалось обнаружить их стоянки. Сами же мониторы, выдвигаясь на огневые позиции в северной части озера (ближайшей к району их прежних позиций в устье Прута), могли, как и раньше, поддерживать сухопутные части и препятствовать противнику в форсировании Дуная.

Штурм плацдарма

(30 июня)

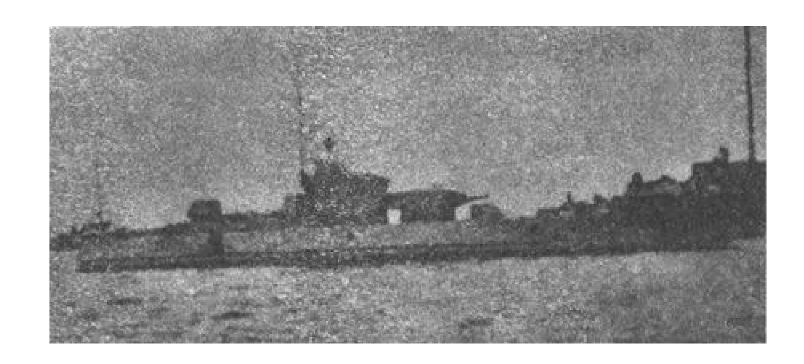
75-километровая неглубокая полоса правого берега Дуная удерживалась крайне ограниченными силами. К 28 июня 2 и 3-й батальоны 23-го стрелкового полка были сняты с позиций и переброшены на левый берег. Теперь весь плацдарм удерживался двумя батальонами, имевшими после тяжелых боев за удержание Сатул-ноу и захват Килии-веке, как это сообщалось в докладах комдива Цирульникова, «неполный состав».

Продолжавшийся подъем воды облегчил оборону, но при этом придал боевым действиям довольно специфический характер. Плавни были относительно непроходимыми, и весь плацдарм превратился в цепочку островов и полуостровов разной формы и размеров, со всех сторон окруженных водой.

Румын это не останавливало. Они перенесли корректировочные посты и даже огневые точки на плотики и держали плацдарм под непрерывным беспокоящим обстрелом.

Десант мог воспользоваться огневой поддержкой только в случае начала серьезного наступления противника. На такой случай за Дунаем постоянно находились корректировщики гаубичного полка, береговых батарей и мониторов.

Организации боевого управления войсками на плацдарме, по существу, не было. Поскольку два батальона разных полков действовали в интересах флотилии и разрозненные опорные пункты на правом берегу снабжались только по воде и поддерживались в основном огневыми средствами флотилии, Егоров вскоре пришел к заключению, что флотилия и должна отвечать за плацдарм, со всем на нем находящимся.
Оба батальона, которые уже стали называть в штабе корпуса «задунайскими», устным распоряжением Егорова были оперативно подчинены флотилии, которая в свою очередь (и уже совсем не устно) оперативно подчинялась ему же…
30 июня мыс Сатул-ноу, находящийся напротив Измаила, подвергся необычно сильному обстрелу, после чего из плавней начались фактически непрерывные атаки румынской пехоты.
По прямому телефонному проводу, благо ФКП флотилии находился как раз напротив, комбат капитан Турган постоянно докладывал об осложняющейся обстановке.
На командном пункте флотилии хранили олимпийское спокойствие, так как, по донесениям, попытки «выбить десант с плацдарма», «сбросить десант и форсировать Дунай» предпринимались противником ежедневно и всегда заканчивались тем, что «атака успешно отбита», «под сильным огнем румыны были вынуждены отступить», «румыны вынуждены отойти, у врага большие потери»…
Но когда противник, по сообщениям, стал вклиниваться в оборону, контр-адмирал Абрамов приказал своему начальнику штаба кавторангу Григорьеву:
«— Берите… катер и отправляйтесь туда. На месте виднее, что можно сделать. И не возвращайтесь, пока положение не упрочится».
Григорьев, правда, непосредственно на плацдарм не поехал, а сначала заскочил на КП 287-го СП и с ходу попросил у комполка подкреплений. Майор Султан-Галиев подкреплений не выделил, сообщив, что резервов у него нет, но отправил вместе с Григорьевым на плацдарм капитана из своего штаба, чтобы составить собственное представление о том, что происходит на плацдарме.
На месте выяснилось, что Турган несколько перестраховался — вклинения не было, десантники по-прежнему находились в своих траншеях полного профиля, в которых особых потерь от артобстрела не несли, но пехота противника находилась в пределах прямой видимости и в солидном количестве: не меньше трех батальонов. На фронте до трех километров она полукольцом охватывала позиции батальона и постепенно усиливала огневой нажим, потихоньку подбираясь ближе.

Бронекатер с башней от танка Т-28.

Шел ожесточенный огневой бой. Все огневые средства, имеющиеся в распоряжении батальона, были уже задействованы. Когда на одном из участков румынам удавалось приблизиться на 200–300 метров, отбрасывать их Тургану было уже нечем. При переброске сил с других участков обороны противник отползал, но траншеи сразу оголялись, и ситуация повторялась на другом участке. Григорьев забеспокоился, что противник сможет рассечь боевые порядки батальона.

Связавшись с ФКП, он потребовал:

«Добавить сюда огня за счет чего угодно!»

Батальон уже поддерживали оба монитора — «Ударный» и «Мартынов», стоявшие в Кислицкой протоке, и 725-я береговая батарея (ее новая соседка, 726-я батарея, все еще не действовала). Поэтому на ФКП не очень поняли, за счет чего, собственно, начальнику штаба угодно добавить огня. О чем и сообщили Григорьеву.

Из Кислицкой протоки в принципе можно было вывести бронекатера. Но, опасаясь авианалетов днем, их с замаскированных стоянок не выводили. Получить санкцию Абрамова на вывод бронекатеров без реального вклинения вражеской пехоты было проблематично.

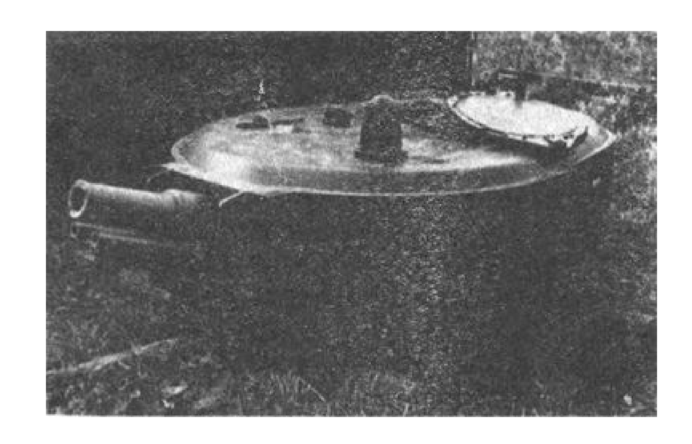
Поколебавшись, начштаба решил, что указание Абрамова выправить ситуацию на месте предоставляет право принимать те меры, которые он сочтет нужными, а от возможного налета румынской авиации можно и подстраховаться.

После чего, еще раз связавшись по телефону с ФКП, он вызвал через оперативного дежурного на штурмовку два звена истребителей, а по рации приказал отряду бронекатеров идти к Сатул-ноу.

Добираться и тем и другим было недолго, но истребители успели подняться в воздух и долететь раньше и приступили к штурмовке. Подходившие бронекатера под откосом берега у уреза воды встретил адъютант начштаба, старшина Троян, и просемафорил: «Бить по видимым целям».

Видимой целью была пехота противника. Пушки катеров действовали как штурмовые орудия на переднем крае, с дистанции примерно в полкилометра ударив по наседающей вражеской пехоте из своих скорострельных трехдюймовок и из счетверенных пулеметов.

Пока бронекатера и истребители, делавшие заход за заходом, сосредоточились на одном участке, Турган с Григорьевым перебросили большую часть пехоты и ротные минометы на другой. В ходе боя стал намечаться перелом.

Башня танка Т-28, демонтированная с бронекатера проекта 1124.

Налет вражеской авиации, даже гидросамолетов, после ухода истребителей мог снова осложнить ситуацию, но авианалета не последовало — вся румынская авиация была задействована в это время на более северных участках фронта.

Противник попробовал бить по бронекатерам силами дальнобойных батарей из района Тулчи, но корабли успешно прикрывались от них самим мысом, держась в «мертвой зоне» под откосом берега, сами при этом успешно обстреливали вражескую пехоту, пользуясь изгибом береговой линии.

Румынская пехота стала отползать обратно в плавни, после чего огонь кораблей был перенесен на ближнюю часть камышовых зарослей, чтобы не дать противнику сосредоточиться для новых атак.

Через полтора часа Григорьев смог доложить Абрамову, что «положение на плацдарме восстановлено, и противник активности не проявляет». В вечерней сводке количество противника, пытавшегося ликвидировать плацдарм, было увеличено до двух полков.

Контрбатарейная борьба

(1–7 июля)

В последующие дни после боя на мысе Сатул-ноу противник активных попыток захвата плацдарма не предпринимал и сосредоточился на артобстрелах, реализуя свое превосходство в дальнобойной артиллерии.

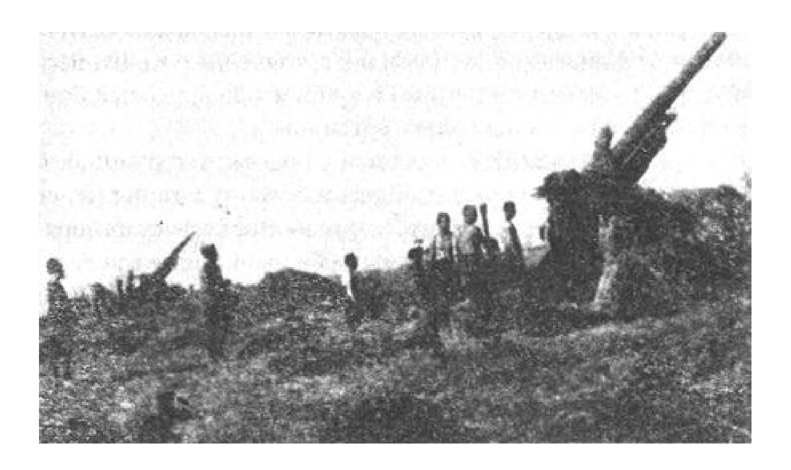
Ситуацию должен был до какой-то степени изменить ввод в действие 726-й батареи — единственной подвижной дальнобойной батареи, имевшейся в распоряжении командования флотилии.

Ввести ее в строй не могли больше недели. Доставленная на баржах еще 25 июня и в первую очередь разгруженная в Измаильском порту после возобновления его работы, она не имела ни оборудованных позиций, ни личного и командного состава, ни боеприпасов.

Если позиции были оборудованы довольно быстро, проблему с личным составом решили за счет перевода людей с соседних батарей и доставки из Одессы артиллеристов, призванных из запаса, то вопросы с комсоставом и особенно с доставкой боеприпасов решались медленнее.

Командир батареи, капитан Кривошеев, видя интенсивность контрбатарейной борьбы на участке флотилии, изо всех сил старался повысить боеспособность

батареи до ее введения в бой, зная, что она расположена в пределах досягаемости численно превосходящих батарей противника.
Пользуясь тем, что боезапаса к 122-мм пушкам А-19 на флотских складах не имелось, а подвоз их из Одессы затягивался из-за трудности преодоления обстреливаемого участка под Периправой, он все имевшееся время тратил на тренировки личного состава, приучая его к специфике контрбатарейной борьбы. Капитан даже рисковал проявить некоторую «неполиткорректность»: если на соседних 725-й и 724-й батареях плановые политзанятия проводились на утвержденную в отделе политпропаганды флотилии тему «Готовность к самопожертвованию — высшая доблесть советского воина», то на 726-й по приказу командира тема была изменена на «Лучшая броня батареи — отличная маскировка».
После оборудования орудийных двориков, командного пункта, погребов боеприпасов и укрытий тракторов Кривошеев поднялся в воздух на У-2 и несколько раз пролетел над батареей на разных высотах, пока не убедился, что маскировка надежна.
Когда снаряды наконец были доставлены и личный состав два дня занимался разгрузкой, Кривошеев перед переводом батареи на огневую позицию оба дня просидел на НП батареи и корректировочных постах, изучая расположение и состав румынских батарей, перепроверяя расстояние до видимых по вспышкам и уточняя положение предполагаемых по звукометрии…

Румынская тяжелая батарея ведет огонь.
В ночь на 3 июля батарея была скрытно переведена на огневые позиции. В ту же ночь заместитель командира батареи по политчасти Жуков был вызван в отдел политпропаганды флотилии, где находились уже все политруки подразделений. Командующий флотилией контр-адмирал Абрамов, держа в руках телеграфную ленту, объявил:
«По радио предстоит важное сообщение. Желательно всем — и командирам, и политработникам, и штабным — находиться в подразделениях, обеспечить слушание передачи из Москвы…»
По этой причине первое открытие огня батареей было снова отложено, теперь до окончания передачи — так как после него мог завязаться огневой бой, и тут уже было бы не до важных сообщений…

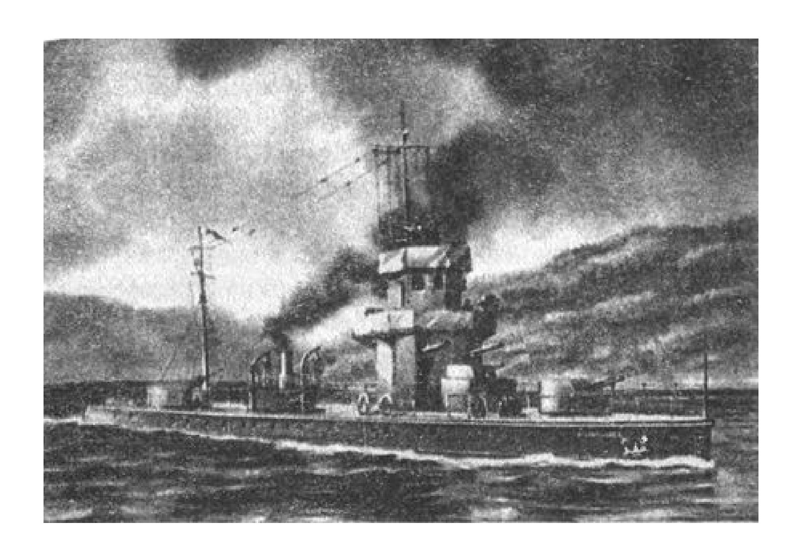
Важное сообщение оказалось речью Сталина — первой после начала войны. После такого события, естественно, был устроен митинг, на котором в порядке субординации начали последовательно выступать командир батареи, политрук и секретари партийной и комсомольской организаций.
Когда секретарь комсомольской организации сержант Царев в свою очередь заверял от имени всего личного состава партию и правительство, что, защищая Родину, бойцы батареи будут биться с врагом до последнего дыхания и до последней капли крови, румыны, успевшие, видимо, засечь появление орудий на огневых позициях, первыми начали огневой налет, не дав комсоргу договорить.
Румынские снаряды начали рваться в нескольких сотнях метров от батареи, но расчеты, подготовленные Кривошеевым, быстро и организованно вступили в свой первый бой, хотя он и застал их несколько врасплох.
Впрочем, Кривошеев предвидел подобную ситуацию, и у него были свои меры для подъема боевого духа, не менее эффективные, чем у политработников. Все командиры орудий, наводчики и водители тракторов были взяты с воевавших уже неделю батарей и имели боевой опыт.
Один из них, командир 2-го орудия Герасименко, успевший уже повоевать на 725-й батарее, по команде Кривошеева сумел даже первым выпустить заранее заготовленный для фотосъемки снаряд со сделанной мелом надписью: «Антонеску — на память!»
После нескольких залпов вражеская батарея прекратила обстрел.
В 17.30 командующий флотилией доложил Военному совету Черноморского флота, что батарея № 726 успешно опробовала свои орудия. После доклада батарея немедленно включилась в боевую работу, которая велась круглосуточно.
Ввиду сохранявшегося превосходства противника в дальнобойной артиллерии решено было по ночам орудия батареи под руководством флагарта флотилии Просянова использовать в качестве кочующих.
Трактор буксировал орудие вдоль берега, на другом тягаче везлись снаряды. В заранее подготовленной точке делалась остановка. Орудие производило несколько выстрелов по вражеским батареям, расположенным в районе Тулчи, и тут же передвигалось на 400–500 метров дальше. Снова делалось несколько выстрелов, а затем следовал такой же быстрый переход на следующую временную позицию. Стрельба велась по площадям с помощью планшета.
Противник, довольно точно засекая временные позиции, открывал по ним ответный огонь. Рассчитывать, что он примет выстрелы кочующего орудия за появление на берегу новых батарей, не приходилось (если иногда и мог принять, то ненадолго). Но отвлекать таким образом часть огня дальнобойной артиллерии врага все-таки удавалось. И сам обстрел — тоже дальнобойными орудиями — со все новых, неожиданных позиций должен был создавать для него добавочное напряжение.
Наиболее часто артиллерия румын обстреливала Измаил, а советская — Тулчу и Галац, так как, стреляя по городу даже с большой дистанции, промахнуться трудно.
Сама контрбатарейная борьба с обеих сторон отличалась низкой эффективностью — почти за месяц боев противнику не удалось полностью вывести из строя ни одной батареи.

Поврежденные орудия сразу же ремонтировались. Периодически той или иной батарее приходилось ненадолго прекращать огонь, чтобы избежать поражения. Не случайно долгое время береговая артиллерия имела потери только ранеными, да и то небольшие. Бывало, что осколками прямо обсыпало пушку, но ее расчет успевал укрыться в нишах орудийного дворика.
Накрытие стационарной батареи приводило к прекращению ею огня, но, переждав обстрел и произведя небольшой ремонт, она сама наносила огневой удар, обычно по какой-нибудь из стреляющих в этот момент батарей, и, в свою очередь, вынуждала ее прекратить огонь.
Однако и советская артиллерия не могла похвастаться тем, что полностью уничтожила какую-нибудь из тяжелых румынских батарей, удаленных от переднего края.
Сводки об этом давались регулярно, но потом «уничтоженные» батареи снова оживали.
Вот одна из типичных сводок, поданная 724-й батареей: «… начиная с боя на границе батарейцы уничтожили 2 вражеские батареи, 2 железнодорожных эшелона с войсками, речной буксир, несколько шлюпок с десантниками, взорвали мост, подожгли снарядами военный завод, уничтожили сотни солдат и офицеров врага».
Но 724-я оказалась и единственной из стационарных батарей, которую румыны ухитрились однажды не просто подавить, но и выкурить с занимаемых позиций.
5 июля батарея, бывшая образцовой (на флотилии даже была выпущена листовка «Берите пример с батареи Михаила Спиридонова»), попала под сосредоточенный огонь сразу нескольких румынских дальнобойных батарей и, возможно, мониторов.
Тяжелые снаряды падали десятками. Спиридонов принял решение вывести орудия с основной позиции. При этом одно из орудий оставалось на месте для введения противника в заблуждение. Как ни странно, но подвести трактора и перевезти орудия удалось без потерь материальной части.
Не пострадало и оставленное для прикрытия орудие сержанта Соленого.
Оставление позиций было признано оправданным, и 14 июля командир батареи ст. лейтенант Спиридонов и командир огневого взвода лейтенант Величко были награждены орденами Красного Знамени, а сержант Соленый медалью «За отвагу».

Прорыв группы Кринова в Измаил

(8 июля)
Обстановка в нижнем течении Дуная не претерпевала особенных изменений, но общая ситуация на Южном фронте после начала 2 июля операции «Мюнхен» становилась все более неблагоприятной: противник занял город Бельцы и вел наступление на Кишинев. Был форсирован Прут в районе Фэльчиул-Цыганка, угроза нависла и над Болградом. Противник обходил правый фланг 14-го корпуса, вынуждая его части отходить на рубеж озера Ялуг.
8 июля на КП 14-го СК комкор Егоров сообщил срочно вызванному туда начштаба флотилии Григорьеву об отводе частей корпуса на рубеж озера Ялуг, во избежание охвата продвинувшимся севернее противником. В связи с этим флотилии

предписывалось этой же ночью вывести из озера Кагул в район Измаила все находящиеся там корабли.
«— Они там свое сделали, а теперь держать их в Кагуле слишком рискованно», — сказал Егоров и добавил:
«— Отвечать-то за ваши мониторы и мне…»
Отвод кораблей Ренийской группы означал не просто Переход к Измаилу, а прорыв.
Более 40 километров маршрута приходилось на плес, не прикрытый правобережным плацдармом и простреливаемый румынскими батареями. Не исключался и выход на перехват двух румынских мониторов, оставшихся в Сулинском рукаве, — светлые, лунные ночи вполне это позволяли.
Времени на подготовку к переходу оставалось совсем немного.
После передачи приказа в Ренийскую группу на ее стоянке в озере Кагул, около села Этулия, на мониторе «Железняков» состоялось совещание командиров кораблей, заместителей командиров по политчасти и секретарей партийных организаций.
Командир группы капитан-лейтенант Кринов сообщил о приказе командующего флотилией:
«Я благодарю командиров, политработников, старшин и краснофлотцев за героизм и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками — задача, которая стояла перед нашей группой кораблей, выполнена. Теперь перед нею новая задача: сегодня ночью мониторам „Железнякову“, „Жемчужину“ и „Ростовцеву“, бронекатерам „БКА-111“, „БКА-113“ прорваться мимо Исакчинского укрепленного района врага в свою главную базу — Измаил. Не имеющий хода подбитый катер „БКА-112“ взорвать».
Немного погодя решили взорвать и два катерных тральщика, имевших слишком малый ход, чтобы успевать за группой.
В 22.30, построившись в колонну, корабли начали движение. Дозорным шел «БКА-111», за ним двигался «Железняков», который вел сам Кринов, заменив заболевшего командира, следом «Жемчужин», «Ростовцев» и остальные корабли группы.
Около полуночи корабли, шедшие малым ходом, вышли по Викете в Дунай.
В районе выхода уже кружились истребители 96-й ОИАЭ. Ее командир капитан Коробицын имел приказ, чтобы все имевшиеся у него летчики-ночники, сменяя друг друга, непрерывно летали над Дунаем, заглушая шумом моторов работу корабельных машин.

Монитор «Железняков» (с картины В.М. Иванова).

Выйдя на фарватер, корабли перестроились в порядок движения: мониторы в колонну с интервалами в два кабельтова, бронекатера, имевшие более слабое бронирование, левее их, на траверзе интервалов, чтобы держаться подальше от вражеского берега и в то же время иметь возможность вести огонь одновременно с мониторами.

По Дунаю корабли начали спускаться самосплавом.

Группе нужно было пройти 4 опасных участка: Крапину, Исакчу, Сулинское гирло и мыс Чатал. И чем удаленней от Измаила были эти участки, тем меньше возможностей влиять на ситуацию было у командования флотилии.

Траверз озера Крапина располагался немного ниже устья Викеты. При его прохождении по «Железнякову», шедшему теперь головным, неожиданно открыла огонь четырехорудийная батарея, с наступлением темноты скрытно выдвинутая к самому урезу воды. Монитор немедленно открыл ответный огонь из всех орудий и пулеметов, ориентируясь по вспышкам на берегу. Группа развила максимальную скорость, опасаясь ударов плавучей батареи, находящейся в озере. Через три минуты батарея прекратила огонь. Придя в точку поворота, «Железняков» изменил курс и вышел из зоны досягаемости батареи. В это время батарея возобновила огонь, на этот раз по проходившему мимо нее «Жемчужину», и уже всего двумя орудиями. Монитор также ответил огнем, и батарея снова замолчала. Когда мимо нее проходил концевой «Ростовцев», огонь она уже не вела. Плавбатарею противник в бой ввести не успел.

Пока отряд двигался к Исакче, противник успел разобраться в том, что происходит прорыв, и на всем протяжении береговой линии открыли огонь многочисленные пулеметные расчеты. Прислуга открытых огневых точек кораблей вынуждена была укрыться в надстройках.

Район Исакчи обладал мощными огневыми средствами, подавить которые артиллерия мониторов не смогла бы даже сосредоточенным огнем — там находилось 10 артиллерийских батарей и 38-й пехотный полк.

Как только показались мечети, служившие ориентиром Исакчинской крепости, с «Железнякова» был передан сигнал:

«Придерживаться правого берега».

И корабли, сойдя с фарватера, стали приближаться к правому, вражескому берегу, входя в мертвую зону для румынской артиллерии, расположенной на высоком берегу и не имевшей возможности поражать цели под берегом.
Пока корабли шли под берегом, они обстреливались из пулеметов и противотанковых ружей, что не причиняло им особого вреда. Когда прибрежные кручи были пройдены, на всех мониторах и катерах стали ставить дымзавесу. Соответствующего оборудования в отряде не было, и матросы сбрасывали дымовые шашки за борт под пулеметным огнем.
После постановки импровизированной дымзавесы корабли прекратили огонь, чтобы не обозначать себя, и уходили максимальным ходом. Все 10 батарей вели беглый огонь с такой интенсивностью, что на ФКП под Измаилом, находившемся на расстоянии около 30 км, были хорошо видны отсветы от залпов, превратившиеся в мерцающее непрерывное сияние.
Чтобы уменьшить вероятность попаданий от такого плотного огня, интервалы в колонне были увеличены вдвое.
Корабли в общем спасло только то, что противник не имел навыков стрельбы по быстроходным целям, закрытым дымзавесой, в ночных условиях. Румынские артиллеристы в темноте не поняли, что устанавливаемая шашками дымзавеса все время находится позади кораблей, и поэтому подавляющее большинство снарядов, как было отмечено на кораблях, ложилось с недолетом.
Если редкие снаряды падали в десятке-другом метров от какого-нибудь катера, обсыпав его осколками, последний отклонялся от курса, выполняя энергичный маневр, и корректировки прицеливания уже не следовало.
При подходе к Сулинскому гирлу румыны учли допущенные ошибки и изменили тактику.
В Сулинском гирле противник имел два монитора с выгодно расположенными корректировочными постами, а в районе Тульчи — дальнобойные стационарные батареи.
Учтя сложность стрельбы по дымзавесе, румыны, пользуясь хорошей системой корректировки, при приближении кораблей поставили за 4 кабельтовых до головного монитора неподвижную огневую завесу силами всех достававших сюда батарей и обоих мониторов.
Траверз Сулинского гирла уже находился в досягаемости 725-й и 726-й береговых батарей, хотя и на пределе их дальнобойности, поэтому все их орудия при подходе кораблей стали бить по батареям под Тульчой, но без корректировки их огонь оказался малоэффективен.
В Кислицкой протоке в полной готовности и к огневой поддержке и к выходу на помощь группе Кринова стояли мониторы «Ударный» и «Мартынов», но, учитывая, что прорыв проходит успешно, командование решило их в бой не вводить.
Оценив плотность огня выставленной завесы, Кринов понял, что, просто прячась за дымом, проскочить ее без потерь не удастся. Наблюдением за разрывами было установлено, что залпы батарей следуют через 12–15 секунд. Поэтому все корабли сбросили скорость и стали подходить к огневой завесе на самом малом ходу. Когда осколки от разрывов начинали долетать до кораблей, — резко переключали ход до самого полного. В результате корабли проскакивали участок заградительного огня

в промежутках между залпами. Румыны несколько раз переносили огневой барьер вперед по ходу кораблей, но успеха не имели.
У мыса Чатал корабли сделали поворот и вошли в Килийское гирло. Это место также считалось опасным. На заболоченном мысу румыны прятали в плавнях кочующую батарею противотанковых орудий, повреждавшую патрульные катера, которые не раз после этого приходилось уволакивать на буксире. После того как 1 июля батарее удалось утопить «БКА-114», а «БКА-113» повредить, батарея являлась постоянной головной болью командования. Батарею пытались подавлять артогнем и даже захватить со стороны Сатул-ноу, прочесав плавни, но батарея вовремя исчезала, а потом открывала огонь снова.
Опасаясь повреждения мониторов, Абрамов приказал сосредоточить на этом участке значительные силы. Бронекатера при подходе отряда выставили в Кислицкой протоке дымзавесу, а 725-ю батарею, работавшую по Тулче, перенацелили на Чатал. В воздухе по-прежнему дежурили истребители 96-й эскадрильи.

Противотанковая пушка румын у уреза воды.
Из-за выставленной в протоке завесы, которую стало сносить в сторону мыса, противотанковая батарея вынуждена была открыть огонь слишком рано. Мониторы на ходу вступили в огневую дуэль, по мысу немедленно стала бить 725-я батарея, а с воздуха обнаружившую себя батарею проштурмовали истребители.
Последний опасный участок также был пройден без потерь.
Прямо у трапа капитан-лейтенант Кринов доложил командующему флотилией, что: *«..мониторы прорвались без повреждений и потерь в людях и готовы к выполнению любых новых задач…»*
Дальше, правда, выяснилось, что оба катерных тральщика были уничтожены без санкции командования, но проведенное разбирательство установило:
«Изучение всех обстоятельств прорыва ренийской группы убедило, что попытка вывести неполноценные в маневренном отношении корабли могла дорого обойтись остальным. То, как поступил с ними капитан-лейтенант Кринов, признано правильным». Кринов принял руководство дивизионом мониторов, однако в число награжденных за бои на Дунае включен не был.

Последняя попытка расширения плацдарма

(9–11 июля)
9 июля командование 14-го СК еще раз обрадовало штаб флотилии, сообщив, что части корпуса отводятся от Дуная, за исключением небольшого прикрытия на самом плацдарме, и вся ответственность за оборону 90-километрового участка от Рени до устья возлагается на флотилию.
Нач. штаба корпуса полковник Рыбальченко сказал бодрым голосом, звоня в штаб флотилии:
«Принимайте оборону, моряки», после чего армейская разведка предупредила — в районе Тулчи противник сосредотачивает до 6 тысяч человек.

Вариант бронекатера пр. 1124 с двумя 76,2 мм зенитными орудиями Лендера.
На не прикрытом теперь вообще ничем участке берега от Измаила до Рени решено было установить пулеметы на все имеющиеся посты СНиС и доукрепить их, превратив в небольшие опорные пункты, благо все посты имели стереотрубы и налаженную связь.
Но нужны были хоть какие-то стрелковые подразделения для прикрытия батарей и патрулирования 20 километров берега, не прикрытого правобережным плацдармом.
Тыловые службы флотилии отправили на берег всех, без кого была возможна боевая работа. В распоряжение флотилии был передан спешно мобилизованный Измаильский истребительный батальон — около 600 человек. Часть людей уступило местное управление НКВД. Всего вместе с тыловыми службами флотилии и полуэкипажем в строю оказалось около тысячи человек, многие из которых не имели оружия. Всех довооружили трофеями от десантов, конфискованным охотничьим и переделанным учебным оружием. 10 июля, с разрешения штаба флота, при флотилии был образован собственный сводный полк. Командовать полком был назначен начальник участка ПВО полковник Матвеев. Матвеев за сутки сформировал подразделения, вывел их на позиции и организовал боевое управление. По-новому были расставлены батареи зенитного артдивизиона — с расчетом на стрельбу не только по воздушным целям. В качестве подвижного

огневого резерва сводного полка была введена в строй имевшаяся в секторе береговой обороны учебная батарея — четыре старые трехдюймовые пушки на конной тяге.
Даже после снятия сил 14-го СК противник не мог решиться на форсирование Дуная днем.
Бронекатера, как и прежде, несли по ночам дозоры. Но теперь и мониторы выводились ночью ближе к правому берегу, чтобы при необходимости оказать максимально быструю и действенную поддержку плацдарму
Два монитора командующий решил перевести ближе к устью, для блокирования опорного пункта противника в Периправе. Там, напротив Вилкова, находился опорный пункт с гарнизоном в несколько сот солдат и тремя простреливавшими весь плес батареями. Из-за них буксирам и баржам с грузами для флотилии очень трудно было входить в Дунай с моря. Приходилось задерживать каждый караван в Жебриянах, пока советские батареи хотя бы ненадолго заставят замолчать румынские, а огонь неподавленных орудий отвлекали, вступая с ними в перестрелку, бронекатера.
Три других монитора во главе с «Ударным» оставались под Измаилом, где десантники занимали самые важные позиции, защищающие базу флотилии. Один или два из них дежурили по ночам вблизи Сатул-ноу.

Бронекатер после взрыва и пожара.
После отвода частей 14-го СК флотилия не имела даже теоретической возможности захватить Периправу, но Абрамов решил попробовать вывести из строя хотя бы береговые батареи, высадив небольшой десант для их уничтожения.
Для выполнения задачи был сформирован диверсионный отряд под руководством начальника разведотделения штаба старшего лейтенанта Зайцева. Зайцев нашел подходящее место высадки — чуть ниже Периправы, изучил возможные подходы к вражеским батареям и подобрал для выполнения задачи 25 краснофлотцев и старшин.
Предполагалось, что штурмовые группы десантников, избегая боя с основным гарнизоном Периправы, проникнут на позиции батарей, дезорганизуют управление и связь, а затем подорвут несколько орудий. Поддерживать и прикрывать действия и отход отряда должны были две береговые батареи, два монитора и бронекатера,

открывая огонь по сигналам командира десанта. Сама же высадка планировалась в ночь на 11 июля, без артподготовки, скрытно.
Десант готовился в большой спешке, детали операции остались неотработанными даже в начальных фазах операции.
Расчетное время выхода было нарушено, и корабли вышли позже, чем следовало, подойдя к цели, когда видимость на реке была уже значительно выше необходимой. На позициях, охранявших батареи, имелись противотанковые орудия, открывшие огонь бронебойными подкалиберными снарядами. Легкие противотанковые пушки румын успели отработать стрельбу по бронекатерам еще на опыте кочующей батареи на мысе Чатал. Огонь их был точен, снаряды поражали машинные отделения.
Два бронекатера с десантом, «БКА-113» и «БКА-134», потеряли ход, не успев подойти к берегу.
После чего огнем полевой артиллерии один из катеров был разбит, а другой подожжен.
18 моряков и десантников были убиты, 20 ранены. Снять команды и десантников с бронекатеров не удалось, раненым пришлось вплавь добираться до советского берега. Сделать это смогли не все. Среди погибших оказался и старший лейтенант Зайцев.
Повторная попытка убрать или ослабить вражеский огневой заслон в устье Дуная таким же способом, разумеется, исключалась. Свой гарнизон в Периправе после попытки налета румыны немедленно усилили.

Второй набег румынских мониторов

(10–16 июля)
С отводом частей 14-го СК характер боевых действий в дельте Дуная стал меняться, за счет переноса акцента на действия речных судов. Флотилия максимально стремилась использовать свои возможности, благо характер местности этому способствовал.
Из мониторов и бронекатеров были созданы три ударные группы, которые, подходя к румынскому берегу, уничтожали его живую силу и технику артиллерийским и пулеметным огнем.
Противник, заметив усилившуюся активность бронекатеров и мониторов, стал предпринимать ответные меры по борьбе с ними.
Летний паводок продолжался, вода стояла высоко, и румыны, пользуясь этим, стали использовать подвижные минометные установки на плотиках и шлюпках для борьбы с кораблями флотилии.
Минометчики скрытно подкрадывались плавнями на минометный выстрел небольшими группами, быстро делали несколько залпов, меняли позицию и снова продолжали обстрел. Такая тактика оказалась эффективной. Экипажи кораблей стали нести потери от осколков внезапно начинающих рваться мин противника. Налеты румынских минометчиков стали приобретать тотальный характер.
Для противодействия подвижным минометам было решено использовать отряд глиссеров.

Истребительные группы на глиссерах без запуска моторов, на веслах уходили в камыши, тщательно маскировались и, обнаружив вражеские шлюпки с минометами, уничтожали их пулеметным огнем. Выходили же глиссеры из засад на максимальных оборотах моторов.
Дивизион бронекатеров также создал свою истребительную группу под командованием старшины 2-й статьи Кудрицкого. Действуя на шлюпках, эта группа в основном охотилась за плотиками. Все члены группы были вооружены только автоматическим оружием: ручными пулеметами, самозарядными винтовками и автоматами.
Днем минометы обнаруживались в плавнях. А с наступлением темноты шлюпки тихо подкрадывались к плотикам и уничтожали с короткой дистанции сосредоточенным огнем.
Через пару дней румыны отказались от минометного терроризма, но ажиотаж вокруг шлюпок продолжался. Теперь румыны стали формировать ударные группы по образцу успешно действовавшей против них истребительной шлюпочной группы Кудрицкого, но более многочисленные и имеющие, кроме автоматов и пулеметов, еще и противотанковые ружья.
«БКА-221», осуществляя дозор в паре с «БКА-304», наткнулся на такую группу в Тулчинском рукаве. Группа лодок буксировалась самоходной баржей, почему и была своевременно обнаружена парным дозором.
Ночью скрытно, без запуска мотора «БКА-304» вошел в рукав. По приказанию командира, лейтенанта Шаронова, матрос Швецов и старшина 2-й статьи Углов спустили бронекатер по течению на швартовых концах, бесшумно подойдя таким способом на минимальное расстояние к противнику. Бронекатер замаскировали на траверзе скопления лодок.
Утром в бинокль в пределах прямой видимости была обнаружена стоящая у берега баржа с лодками. Беглым огнем часть лодок противника была уничтожена прежде, чем противник понял, откуда ведется стрельба.
После этого случая бронекатера снова «довооружили»: на них было выдано большое количество ручных пулеметов для отражения возможных попыток захвата. Этим дело не ограничилось. С легкой руки политработников на дивизионе было развернуто движение под лозунгом «Комсомолец, дело твоей чести — в совершенстве знать автоматическое оружие!».
Было решено, что всем мотористам, радистам и рулевым необходимо овладеть пулеметами и при необходимости пополнять боевые расчеты.
В то время как в сводном полку флотилии не хватало винтовок, вооруженные до зубов экипажи бронекатеров готовились к возможному отражению вражеских десантов.
Утром 13 июля Измаил неожиданно подвергся артиллерийскому обстрелу с двух румынских мониторов, находившихся в Сулинском гирле. С поста СНиС на ФКП доложили:
«Артиллерийский огонь ведут два монитора, вышедшие из Сулинского рукава».
Однако мониторы были обнаружены с опозданием и донесение лишь на минуты опередило открытие ими огня. Обстрелу подверглись Измаил и район расположения двух ближайших к нему береговых батарей.

Румынский солдат, замаскировавшийся для действий в плавнях.

Хотя ночь уже миновала, командование флотилии сразу заподозрило худшее, не исключая возможности каких-то более широких действий против левого берега или плацдарма, не исключая и сосредоточенного удара по Измаилу.

Однако активности со стороны противника где-либо еще не наблюдалось. Мониторы же вели себя осторожно: выйдя на фарватер, они продвинулись вниз совсем немного и целиком переключились на дуэль с 726-й и 725-й береговыми батареями. Огневой бой шел на больших дистанциях и без особых успехов с обеих сторон. Через полчаса мониторы прекратили огонь и скрылись.

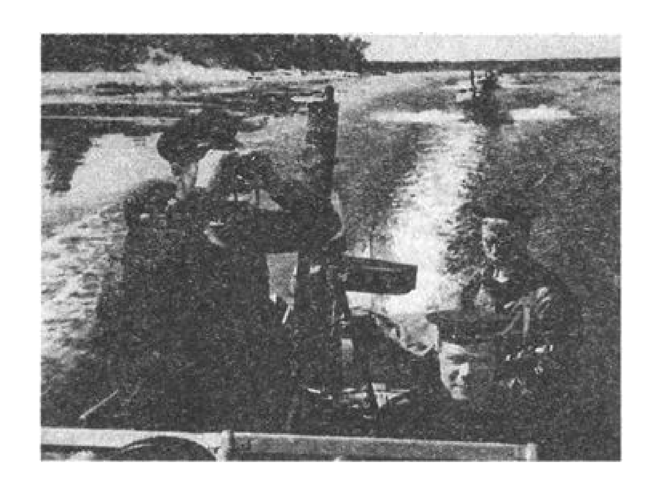
Выход румынских мониторов, скорее всего, был разведкой боем и почти наверняка должен был повториться, поскольку ушли они безнаказанно. Были разработаны несколько вариантов возможного боя, с применением мониторов из Кислицкой протоки и с использованием авиации.

К утру следующего дня в плавнях в районе выхода из Сулинского гирла была развернута сеть выносных корректировочных постов. Но сложилось так, что самым нужным оказался запасной корректировщик, который вообще-то даже не был артиллеристом.

На посту «Раздельный», расположенном почти напротив того места, где начинается Сулинский рукав, служил радистом-наблюдателем старший краснофлотец Яков Поляков. Это был кадровый матрос, успевший стать превосходным специалистом. Он обладал отличным глазомером, досконально знал местные ориентиры, на учениях неоднократно включался в состав корпоста.

Старший лейтенант Молчанов, возглавлявший участок СНиС, предложил подключить Полякова к корректировке артогня.

Радиста проинструктировали, снабдили рацией «6-ПК» для прямой связи с НП полковника Просянова, расположенным на НП 725-й батареи, определили, где ему дежурить на укрытой в камышах надувной шлюпке (и быть готовым, если понадобится, вброд продвинуться с рацией к самому краю плавней). Обеспечили и прикрытие — в плавнях, пусть и на своем берегу, оно было необходимо.

Глиссера и полуглиссера активно использовались действий на мелководных и труднодоступных участках рек.

Румынские разведчики в плавнях.

Полякову, можно сказать, повезло: находясь в камышах, он сумел разглядеть румынские мониторы в нескольких сотнях метров от себя — они остановились на фарватере, удерживаясь на месте машинами. Поляков сообщил о появлении мониторов по рации и доложил, что готов вести корректировку огня береговых батарей.

Получив после пристрелочных выстрелов его поправки, батареи, несмотря на большую дистанцию стрельбы, накрыли цель. Один из кораблей получил два прямых попадания в корму.

Это еще не означало, что он выведен из строя — броня бывших австро-венгерских «речных дредноутов» была крепкой. Но досталось монитору, по-видимому, изрядно. А батареи усиливали огонь, к ним присоединились, получив от Просянова целеуказания, мониторы, стоявшие в Кислицкой протоке. И противник, прекратив обстрел Измаила, ретировался, прикрываясь дымовой завесой.

Перед тем как уйти, мониторы густо обстреляли из пулеметов плавни на левом берегу. Должно быть, румынским или немецким офицерам стало ясно, что такая точность стрельбы из-под довольно далекого отсюда Измаила не случайна. А корпост мог укрыться поблизости только в плавнях.

Полякова и прикрывавших его моряков вражеские пули не задели. Корабли противника, поставив дымовую завесу, ушли обратно в Сулинский рукав. Но

теперь огонь по возможному месту нахождения корректировщиков начали вести артиллерийские батареи из Тулчи и Чатала.

Корректировщика с прикрытием решили оставить на месте на случай возвращения мониторов. Возможно, один из мониторов оказался серьезно поврежденным — румынские батареи не ленились продолжать обстрел подозрительного участка плавней до вечера.

А когда стемнело, на плотиках с румынского берега переправились несколько десятков граничар и начали прочесывание плавней. Корректировщик с группой прикрытия вброд по плавням ушли к поселку Новая Некрасовка. За образцовое проведение корректировки Поляков был награжден орденом Красного Знамени.

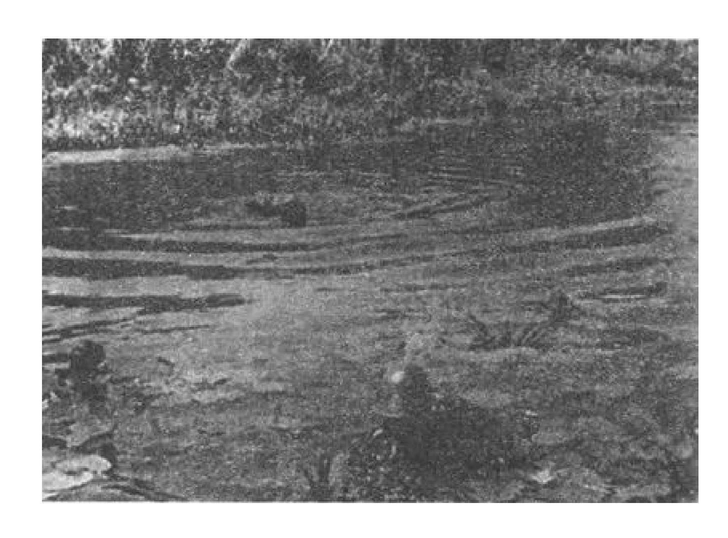
На следующий день за этот участок, столь удобный для корректировки, разгорелся настоящий бой. Бойцы приписной роты два дня выбивали граничар из плавней, при этом захватив в плен несколько человек. Но румынские мониторы на этом участке больше не появились.

Невозможно было без сплошной обороны на суше, без прожекторов, которыми флотилия не располагала, полностью пресечь просачивания с правого берега мелких групп противника (особенно если они ночью в глухих местах пересекали Дунай на одной-двух лодках, бесшумно гребя обернутыми мешковиной веслами). Но противник убеждался, что от более крупных вторжений советский берег по-прежнему защищен, и дальше мелких налетов, обстрелов постов и поисков разведчиков дело не заходило. Прочно удерживалась и румынская территория, занятая в результате десантов.

На ночь корабли рассредоточивались так, чтобы сектора наблюдения с них перекрывали друг друга. Благодаря высокой воде оказалось возможным ввести два бронекатера по узкой протоке в озеро Ялуг, и там они тоже несли дозор, содействуя отошедшим на рубеж озера частям 14-го СК. Но на Дунае корабли не могли больше действовать выше Измаила. А как раз между Измаилом и Рени чаще всего приходилось отбивать попытки врага зацепиться за левый берег.

Если это происходило далеко от позиций береговых батарей, часть орудий превращалась в кочующие. Батарея на конной тяге — подвижной артрезерв Матвеева — не раз выдвигалась к Карталу, где до недавнего времени стояли гаубицы артдивизиона 51-й СД. Выручали и пулеметные гнезда, созданные на постах СНиС.

Подводя итоги прошедшего боевого дня и готовясь к завтрашнему, в штабе флотилии ломали голову над тем, как и чем укрепить уязвимые участки обороны. На левом фланге надо было не дать врагу отрезать флотилию от моря. На правом — удержать Рени. Подразделения, прикрывавшие городок в устье Прута, возглавил начальник оргстроевого отделения штаба подполковник Комаров. В некоторых донесениях тех дней его часть упоминается как сводный полк Комарова. Фактически же флотилия имела под Рени — кроме 724-й батареи и пулеметной роты — не больше батальона.

Румынский отряд движется через протоку.

Из Севастополя телеграфировали: «Можем прислать до тысячи краснофлотцев, если найдете, чем вооружить». Запасом винтовок ЧФ на тот момент не располагал. Но и флотилии неоткуда было их взять, так как все трофейные уже пошли на вооружение частей Матвеева и Комарова. В результате от столь необходимого пополнения пришлось отказаться.

Повышенная нагрузка легла и на прикрывавшую флотилию 96-ю эскадрилью. Летчики капитана Коробицына теряли счет вылетам за день — иногда для воздушного боя, но чаще на штурмовки. И никто не жаловался на перегрузку. Однако побывавший в эскадрилье инспектор флотских ВВС признал, что личному составу необходимо хотя бы двое суток передышки, и из Одессы прилетела на подмену другая истребительная эскадрилья. А морские бомбардировщики продолжали по заявкам флотилии наносить удары по Тулче, Исакче и Периправе.

Новый начальник разведотделения капитан Оссовский, назначенный вместо погибшего Зайцева из сухопутных пограничников (он еще носил свою прежнюю форму с зеленой фуражкой), докладывал сведения о продолжающемся сосредоточении на правом берегу вражеской пехоты со средствами усиления.

Флотилия готовилась отстаивать Измаил. В обкоме партии, у Кузнецова, обсуждались меры укрепления обороны города, которые предусматривали использование всех наличных сил и ресурсов.

В целом, по сравнению с другими участками откатившегося фронта, обстановку можно было считать не изменившейся.

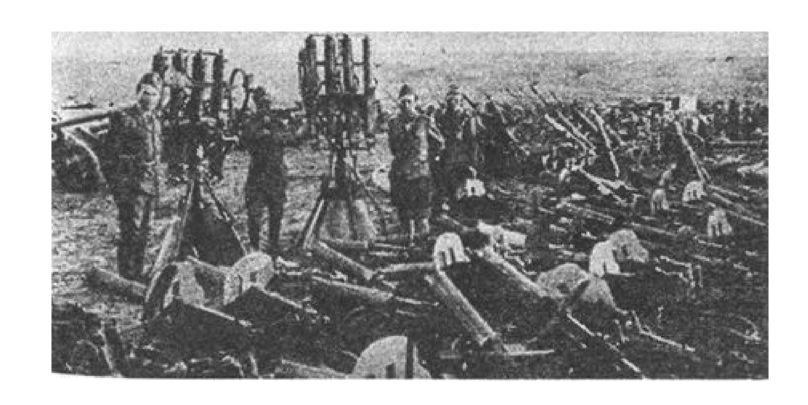
КП 14-го корпуса по-прежнему был в Болграде, генерал Егоров оставался оперативным начальником флотилии. Положение, при котором флотилия своими силами, только с двумя стрелковыми батальонами на правобережном плацдарме, держала дунайский фланг Южного фронта, не могло сохраняться долго и являлось временным, переходным. Но к чему переходным — никто не знал.

Эвакуация плацдарма

(16–18 июля)

Общая обстановка на Южном фронте тем временем продолжала неуклонно ухудшаться.

16 июля 35-й СК не удержал Кишинев, отдав его 4-й румынской армии, и вслед за ним пришлось откатываться и 14-му корпусу, тем более что все явственней обозначалось намерение противника наступать на Одессу.
Становился неизбежным отход 14-го СК к Днестру, иначе он мог быть отрезан. Решение об отводе флотилии, прикрывавшей отход частей корпуса, было принято на удивление быстро. Уже вечером 16 июля пришел приказ военного совета ЧФ, предписывающий флотилии, прикрыв отход частей 14-го корпуса, прорываться в Черное море и идти в Одессу. Подвижные батареи сектора береговой обороны, как и зенитчики, должны были следовать туда же по суше.
Затем приказ подтвердило командование 14-го СК. Из Москвы пришла телеграмма от наркома Военно-Морского Флота, которая могла доводиться до личного состава только после объявления приказа об отходе.
Всю ночь штаб флотилии готовил плановую таблицу на свертывание плацдарма и последующий прорыв.
Утром началась эвакуация хозяйства тыловых служб на вспомогательных плавсредствах. Флагмех флотилии Богомолов и начальник техотделения Мунаев обеспечивали корабли, особенно мониторы, добавочным аварийным имуществом. Речные корабли не приспособлены плавать по морю. В сороковом году их готовили к переходу с Днепра на Дунай чуть ли не месяц. Теперь надлежало хотя бы запасти брусья, распоры для подкрепления бортов и переборок, материал для заделки возможных пробоин.
Интенсивное движение судов вниз по Дунаю не осталось незамеченным для противника. Румыны активизировали боевые действия, особенно в районе села Периправа. Вскоре стали поступать сообщения от разведки флотилии о подготовке противником десанта по захвату города Вилково.
Командующий флотилией принял решение: в ночь на 18 июля переправить в район Вилково на мониторе «Железняков» 7-ю (приписную) роту Кизельбашева, выполнявшую функции морской пехоты.
Пока монитор добирался до Вилково, на его борту успели провести комсомольское собрание на тему: «Скажи, сколько ты убил врагов, и мы скажем, как ты любишь Родину».
Вообще, во время неуклонно ухудшавшейся ситуации политотделы частей флотилии не дремали, проводя собрания под лозунгами типа «Самопожертвование есть высшая доблесть советского воина».
Трагикомический случай произошел с пилотом прикрывающей флотилию 96-й ОИАЭ Александром Евстигнеевым.
Во время одного из боев тяжелораненый летчик сумел привести подбитую машину на аэродром, посадить и после этого потерял сознание. Находясь в госпитале, раненый летчик написал заявление о приеме в партию, в котором указал: «Хочу умереть коммунистом», после чего замкомандира эскадрильи по политчасти обвинил его в пораженчестве, хорошо еще, что дело замяли.

Трофеи, захваченные румынами при наступлении.

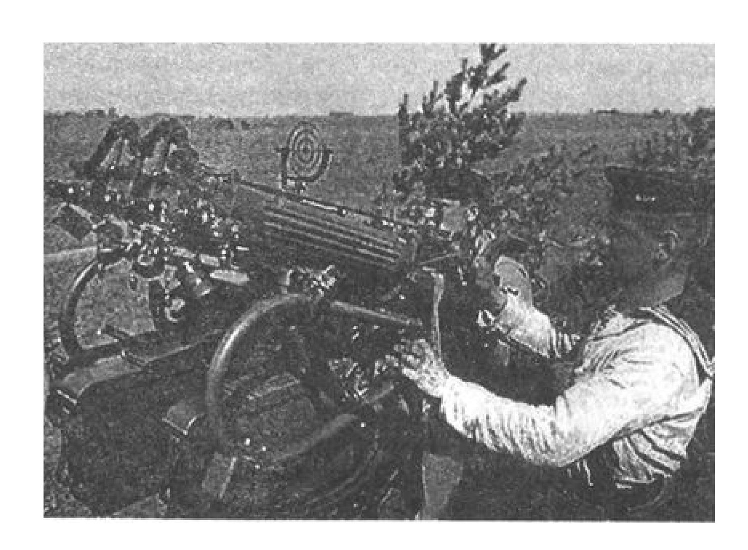
Ночью «Железняков» подошел к пирсу. Морские пехотинцы быстро высадились и заняли окопы на берегу. Командир роты старший лейтенантом Кизельбашев и его заместитель по политчасти политрук Феклин проверили ротную позицию, организовали доставку боеприпасов, обеспечили телефонную связь.

С рассветом 18 июля мониторы «Мартынов» и «Жемчужин», отряд бронекатеров, береговые батареи № 7 (из Вилково) и № 717 (из Жебриян) открыли по Периправе мощный артиллерийский огонь. Артиллеристов поддержали вызванные из-под Одессы бомбардировщики СБ. Они нанесли по батареям врага, его укрепленным точкам и переправочным средствам бомбовый удар. После упреждающего огневого налета попыток высадить десант на левый берег Дуная не было.

В ночь на 18 июля устье Дуная покинули вспомогательные суда: штабной корабль «Буг», минный заградитель «Колхозник», плавмастерская, плавбаза дивизиона бронекатеров, буксирные пароходы, с баржами, на которые были погружены техника, боезапас, горючее, обмундирование и продовольствие.

На рассвете 18-го бронекатера старшего лейтенанта Шулика, еще раз став минзагами, перекрыли заграждением из 32 мин дунайский фарватер в районе устья речки Репида, немного выше Измаила. Руководил постановкой флагманский минер Иссарев. Это была хоть и не очень плотная (учитывая размеры фарватера), но все же преграда для вражеских мониторов, на случай если бы противник, обнаружив отход флотилии, вздумал ее преследовать.

Последние мины были распределены по бронекатерам для постановки после прорыва.

Зенитный расчет моряков.

Вечером свертывался береговой ФКП. Пограничникам, отделу НКВД городской администрации и сводным частям предстояло двигаться на восток по суше (до Днестра — в боевых порядках 14-го корпуса). Управлять маршем «сухопутных дунайцев» командующий поручил капитану 2-го ранга Фроликову. Подвижные батареи, обеспеченные тракторной тягой, и пулеметчики на автомашинах уходили последними. Пока не ушли корабли, они должны были, оставаясь на месте, вести огонь как обычно.

Командование флотилии и оперативная группа штаба перешли на «Ударный», остававшийся пока вблизи Измаила. Корабли были рассредоточены. Два монитора находились в низовьях Дуная.

От Измаила до моря по судовому ходу меньше 90 километров. Но близ устья находилась Периправа с направленными на фарватер батареями. Даже просто подавить их без поддержки эвакуируемой береговой артиллерии уже не представлялось возможным. Намерение отвести флотилию противником было уже понято, что показала его возросшая активность.

Единственное, что можно было предпринять в этой ситуации, — это провести прорыв быстрее, чем его мог ожидать противник. А это во многом зависело от того, удастся ли незаметно снять с правого берега десантные подразделения. После обнаружения румынами эвакуации плацдарма неожиданный прорыв становился невозможным.

Для свертывания плацдарма отводилась первая половина ночи на 19 июля. После отхода частей 14-го СК всех десантников, находившихся на правом крыле плацдарма — в Сатул-ноу, Пардине и на прилегающих островах, мог принять на борт один отряд бронекатеров, способных пересечь Дунай за считаные минуты. Но плацдарм — не порт, перед ним противник, и отойти без потерь можно, только если такой отход останется незамеченным.

Руководство снятием десантников и ответственность за то, чтобы на правом берегу не осталось ни одного бойца, возлагались на капитана 3-го ранга Балакирева. Десантники об отходе заранее не предупреждались. На сбор рассредоточенных взводов и рот командирам давалось не более часа. Расчет был на эвакуацию плацдарма «по-тихому», совершенно скрытно. Но на тот, крайне нежелательный, случай, если бы пришлось прикрывать снятие десанта огнем, в распоряжении Балакирева находились два монитора.

С левого берега велся в обычном режиме методичный огонь. Бронекатера, принимавшие десантников на борт постепенно и в разных точках, подходили к правому берегу так, чтобы это было похоже на маневрирование ночного корабельного дозора. Противник нигде не всполошился, все шло как будто гладко. Но что плацдарм действительно удалось свернуть так, как было задумано, в том числе и ниже, у Килии-веке, где десантников переправляли бронекатера другого отряда вместе с бывшими погранкатерами, стало окончательно ясно лишь позже, когда Балакирев доложил: все армейские подразделения без потерь и без отставших доставлены в пункты сосредоточения на левом берегу.

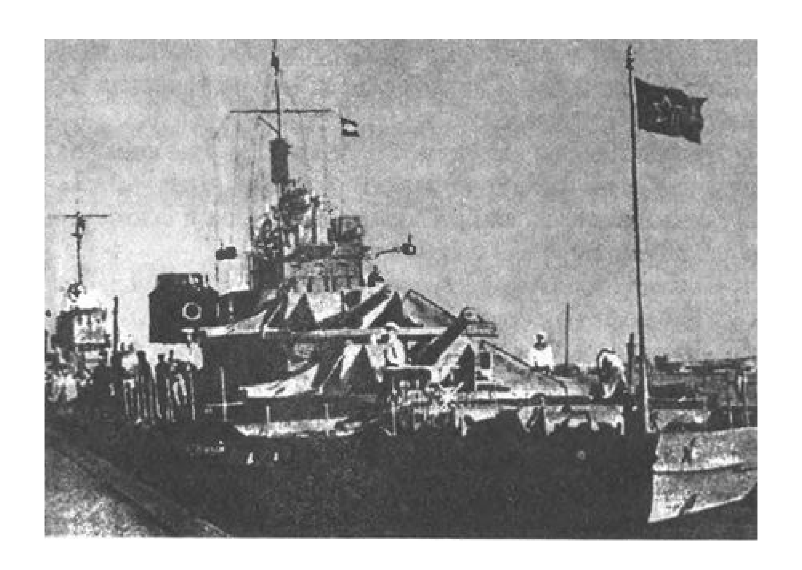
Все переброшенные с полуострова Сатул-ноу, с островов Малый и Большой Даллер, Татару, из села Пардино, а также артиллерийские батареи флотилии были сведены в группу под командованием капитана 2-го ранга Фроликова. Эта группа

двигалась на Аккерман и Одессу. Вместе с частями 14-го стрелкового корпуса отходили из Рени через Болград береговая батарея № 724 и прикрывавшая ее 17-я пулеметная рота.
Подполковник Малец, доложив о снятии правобережного поста СНиС, не преминул упомянуть, что смотан и протянутый через Дунай кабель. У хозяйственного начсвязи такие ценности не пропадали даже в сложной обстановке.

Прорыв

(ночь на 19 июля)
Пока десант снимался с плацдарма, флагманский монитор «Ударный», на борту которого находилось командование флотилии и оперативная группа штаба, в сопровождении двух бронекатеров, прикрывавших его для верности собой от огня с правого румынского берега, прошмыгнул мимо Периправы на малом ходу и укрылся в Очаковском гирле, ожидая результатов готовящегося прорыва.
То, что противник, опознав флагманский монитор, имевший более крупную артиллерию и визуально легко отличаемый от остальных даже неопытным наблюдателем, мог подготовиться к предотвращению прорыва, контр-адмирала, очевидно, волновало мало.
Лунные ночи кончились. После полуночи становилось, хотя и ненадолго, по-настоящему темно. Это определяло тактику прорыва: пока противник не обнаружит корабли — огня не открывать. Артиллерия мониторов была не в состоянии самостоятельно подавить батареи в районе Периправы. А даже единичные уцелевшие орудия могли нанести флотилии большой урон: позиции у них были выгодные и хорошо укрепленные, Дунай суживался, и до фарватера оставалось 300–400 метров.
Провести мимо этих батарей, по существу — кинжальных, надо было ни много ни мало сто один вымпел — столько кораблей насчитывала к исходу дня 18 июля флотилия, включая глиссеры и штабные катера.
В соответствии с разработанным планом корабли двигались несколькими группами, чтобы не создавать слитного гула машин, и с большими интервалами внутри каждой, чтобы не сближать для противника цели.
Впереди шли мониторы «Железняков» и «Ростовцев». На подходе к Периправе были выключены дизеля и моторы, и корабли, удерживаемые рулями на фарватере, несло вперед течением. На палубах все замерло, слышалось только журчание воды за бортом. Тишина стояла и на берегу.
Группа за группой, тихо, без боя, вышли из Килийского гирла еще два монитора, много мелких кораблей. Огонь был открыт только по кораблям последней группы, да и то с опозданием. Прикрывая арьергард, вступили в бой батарея под Вилковом и мониторы, занявшие позиции в Очаковском рукаве дунайской дельты.
Бронекатера, прикрывавшие концевую группу, завязали бой и метались под самым румынским берегом, ставя дымзавесу и ведя такой интенсивный артиллерийско-пулеметный огонь, на какой только были способны. Миновавшие Периправу мониторы также открыли огонь из своих дальнобойных орудий. Но и румынская артиллерия развила максимально интенсивный огонь.

За пару минут скрытно проходивший и успешный прорыв превратился в ожесточенный бой с довольно сомнительными шансами на успех.
Около десятка кораблей оказались серьезно повреждены и имели потери в людях.

Монитор «Ударный».

Больше всех не повезло «БКА-133». Как и остальные бронекатера, он находился ближе всех прочих судов к противнику, отчаянно маневрировал и старался подавить хотя бы противотанковые пушки румын.

На короткой дистанции бронебойно-фугасный снаряд противотанковой пушки пробил броню рубки и разорвался внутри. Все находившиеся там были убиты или ранены. Бронекатер на какое-то время прекратил маневрировать и тут же получил в корму снаряд крупного калибра.

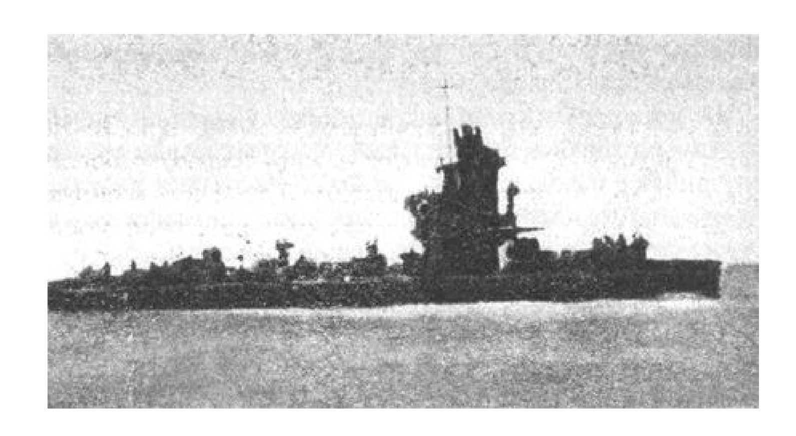
Вышли из строя рулевое управление, гребной вал, днище корпуса взрывной волной выгнуло вверх. Воспламенилось горючее. Катер превратился в горящий факел. Течением его несло к берегу противника, откуда беспрерывно велась стрельба. Невероятными усилиями экипажу удалось потушить пожар и направить потерявший ход катер в сторону советского берега. Прежде чем румынская артиллерия окончательно добила его еще двумя снарядами, он смог подойти к мели у советского берега, что дало возможность спасти часть экипажа и даже снять несгораемый ящик с документами.

Концевую группу флотилии спасло от полного разгрома только то, что румынская артиллерия открыла огонь с опозданием. Бронекатера, шедшие концевыми, поставили на фарватере остававшиеся мины.

Следующий день флотилия провела в дунайской дельте. Корабли рассредоточились и замаскировались в камышах. Море слегка штормило, и надо было подготовить корабли к предстоящему походу. Команды ставили распоры, подкрепляли борта и подпирали переборки.

К концу дня подошли крейсер «Коминтерн» и два эсминца — прикрывать флотилию на переходе, если вдруг из Сулины покажутся эсминцы и торпедные катера румынской морской дивизии.

Под вечер корабли стали сниматься с якорей по дивизионам и отрядам. Замыкала движение канлодка из Одесской базы, принявшая на борт демонтированные орудия последней дунайской батареи.

Монитор типа «Железняков».

Волнение моря достигло 3–4 баллов. Плоскодонным речным кораблям приходилось туговато. Довольно скоро начали поступать семафорные донесения об изгибах корпусной стали, о первых трещинах. Личный состав стоял по отсекам в готовности к борьбе за живучесть кораблей. На некоторых приходилось откачивать воду.

Но людям на кораблях после пережитой смертельной опасности все это казалось совершенно незначительным. Рассказывали, что на одном из бронекатеров, потрепанных в последнем бою у Периправы, был поднят буквенный флажный сигнал: «Ни черта, дойдем».

Переход по неспокойному морю дался нелегко: некоторые мониторы и катера получили повреждения, каких не имели за месяц боев. Но все вымпелы, выведенные из Дуная, дошли к утру 20 июля до одесских причалов.

В 9 ч 16 мин утра корабли флотилии стали швартоваться у стенки Карантинной гавани в Одессе. Тут же на пирсе сошедший с «Ударного» контр-адмирал Абрамов в присутствии подошедшего члена Военного совета ЧФ дивизионного комиссара Кулакова наконец зачитал вызванным к нему командирам всех кораблей поступившую еще 16 июля телеграмму наркома. В ней говорилось:

«Дунайская флотилия действовала храбро и решительно, полностью выполнив поставленные перед ней задачи, показав прекрасные образцы боевой работы. Уверен, что славные дунайцы и впредь будут бить противника так же, как они били его на Дунае. Кузнецов».

Дунайская флотилия как критерий достоверности Виктора Суворова

В 14-й главе своей книги «Ледокол», названной «До самого Берлина», Виктор Суворов (в миру Владимир Богданович Резун) пробует использовать Дунайскую военную флотилию как критерий усиления наступательной мощи Красной Армии, предлагая посмотреть, была ли она оборонительной.

Я предлагаю сделать то же самое и тоже использовать Дунайскую военную флотилию (ДВФ) как критерий — критерий достоверности утверждений самого Виктора Суворова.

Начнем по порядку, то есть с самого начала.

А начинает Владимир Богданович с утверждения, что *«Дунайская военная флотилия включала в свой состав около семидесяти боевых речных кораблей и катеров».*

Суворов сильно преувеличивает количество боевых кораблей флотилии.
В «Записке по плану действий войск Одесского военного округа по прикрытию госграницы», согласно директиве народного комиссара обороны № 503874 от 6 мая 1941 г., состав боевых кораблей флотилии дается в 33 единицы, из которых 5 составляют мониторы, 22 — бронекатера, 5 — катерные тральщики и 1 — минный заградитель.
Другие военные корабли, находившиеся на Дунае, — дивизион глиссеров и переданный флотилии в начале войны 4-й черноморский отряд пограничных судов, включавший до 30 различных малотоннажных судов, планом прикрытия не рассматривались из-за невозможности их применения как тактической силы в боевых действиях (они использовались только в охранных целях и как вспомогательные суда). Но Владимир Богданович их рассматривает и подсчитывает, из чего его выводы, естественно, расходятся с выводами плана прикрытия, где прямо сказано, что ДВФ уступает противостоящей ей румынской флотилии «как в количественном, так и особенно в качественном отношении» и, следовательно, как наступательное средство никак использоваться не может. Какое уж тут наступление при количественном и качественном превосходстве противника.
Дальше в тексте Суворова нельзя фактически пропустить ни слова, так как ни одно слово в нем не соответствует истине.
«В случае оборонительной войны вся Дунайская флотилия с первого момента войны попадала в ловушку: отходить из дельты Дуная некуда — позади Черное море».
При этом Суворов просто-напросто забывает о том, как Дунайская флотилия, собственно, и оказалась на Дунае. А попала она туда, совершив в 1940 г. переход с Днепра на Дунай тем же самым Черным морем. И в 1941 г., после отвода частей 14-го стрелкового корпуса от Дуная, флотилия перешла в Одессу — тоже Черным морем, естественно…
При этом необходимая подготовка к морскому переходу речных кораблей, не приспособленных изначально к плаванию по морю, в 1940 г. была проведена в плановом порядке в течение месяца, а в 1941 г. и вовсе в течение двух дней.
«В оборонительной войне Дунайская военная флотилия не только не могла по характеру своего базирования решать оборонительные задачи, но оборонительных задач и не могло тут возникнуть!»
В «Записке по плану действий войск Одесского военного округа по прикрытию госграницы» согласно директиве народного комиссара обороны № 503874 от 6 мая 1941 г. задачей ДВФ, входящей по плану в район прикрытия № 6, является:
«совместно с частями 14-го СК 9-й КД, 25-й и 51-й СД и 25 и 79-м погранотрядами
1) во взаимодействии с сухопутными войсками РП № 6 воспретить свободное плавание каких-либо судов противника по р. Дунай;
2) не допустить форсирования пр-ком р. Дунай на участке устье р. Прут, устья Килийского рукава;
3) при проникновении пр-ка на сев. берег р. Дунай оказать содействие сухопутным войскам в уничтожении прорвавшегося пр-ка».
Идем по тексту:

«Дельта Дуная — это сотни озер, это непроходимые болота и камыши на сотни квадратных километров. Не будет же противник нападать на Советский Союз через дельту Дуная!»

Нападать на внутренние районы Советского Союза с Дунайского плацдарма противник, конечно, не собирался,

Но на Дунае находился стратегически важный крупный речной порт Измаил, через который велась активная торговля со всеми придунайскими государствами. Через Измаильский порт снабжался весь советский берег Дуная. Измаильский порт ДВФ успешно удерживала до самого ухода советских войск с Дуная.

Дальше Владимир Богданович пишет, что:

«существовал только один вариант действий Дунайской флотилии — в ходе всеобщего наступления войск Красной Армии вести боевые действия вверх по течению реки».

Вот как раз такого варианта у Дунайской флотилии и не было.

При подготовке вышеупомянутого плана прикрытия ОдВО флагартом Дунайской флотилии Подколзиным были подготовлены расчеты на бой мониторов флотилии с мониторами вероятного противника. И расчеты эти были неутешительными. Существовала лишь чисто теоретическая возможность пробить нашими 100-мм снарядами броню румынских мониторов — «при стрельбе с очень короткой дистанции и при встрече снаряда с броней под прямым углом».

ДВФ было не до наступательных действий. 5 мониторов, являвшихся основной ударной силой флотилии были не в состоянии выдержать бой с семью румынскими мониторами.

Во время боевых действий на Дунае, при возникновении такой ситуации 27 июня и 14 июля 1941 г. при выходах румынских мониторов на советские участки Дуная, бой с ними велся с дальних дистанций с помощью береговой артиллерии и авиации. А советские мониторы держались на закрытых позициях, и ввод их в бой предусматривался только в самом крайнем случае, если все остальные способы воспрепятствования прорыву противника будут исчерпаны.

«В оборонительной войне Дунайская флотилия никому не нужна и обречена на немедленное уничтожение на своих открытых стоянках у простреливаемого противником берега».

Ложность этих утверждений Суворова доказала сама война.

Владимир Богданович заблуждался относительно открытых стоянок. Открытым для обстрела с румынского берега являлось только место постоянного базирования флотилии — Измаильский порт.

Еще до начала войны, по окончании больших отрядных учений ЧФ, в связи с напряженностью обстановки проводившихся в 41 г. необычно рано, флотилии было приказано оставаться в оперативной готовности № 2, которая предусматривала, в частности, рассредоточение кораблей по плану оперативного развертывания.

Три монитора, часть бронекатеров и тральщиков поднялись к устью Прута, в район Рени. Ренийская группа кораблей рассматривалась командованием как передовой отряд флотилии — она сразу же вступила бы в соприкосновение с речным противником, появись он со стороны Галаца.

Два других монитора, включая флагманский «Ударный», с основной частью бронекатеров и тральщиков были укрыты в Кислицкой протоке, а управление этой группой взял на себя непосредственно командующий флотилией. Остальные бронекатера ушли к дунайскому устью, в район Килии-ноу и Вилкова. В Измаиле, то есть на открытых стоянках, не осталось к 21 июня ни одного корабля. Закрытые же стоянки в протоках были настолько надежны, что ими пользовались до самого окончания боевых действий.
Владимир Богданович сетует на то, что:
«маневрировать флотилии негде».
Почти месяц, пока велись бои на Дунае, до 19 июля 41 г., флотилия продолжала маневрировать — как, впрочем, и противостоявшая ей румынская речная дивизия. Корабли через каждые 5–6 часов, а иногда и чаще меняли места якорных стоянок в протоках, иногда на очень коротких участках. Так, Ренийская группа 16 дней успешно маневрировала и на вовсе вроде для этого не подходящем 2-километровом участке Прута.
Непосредственно в Дунай корабли тоже выходили — для высадки десантов, минных постановок и ежедневного патрулирования. Причем румыны, имевшие численное превосходство, поступали так же — это объяснялось спецификой боевых действий на Дунайском театре, где с обеих сторон активно применялась дальнобойная артиллерия.
«А вот в наступательной войне Дунайская флотилия была для Германии смертельно опасна: стоило ей подняться на 130 км вверх по течению, и стратегический мост у Черновады окажется под обстрелом ее пушек, а это означало, что подача нефти из Плоешти в порт Констанца нарушена. Еще двести километров вверх по течению — и вся германская военная машина остановится просто потому, что германские танки, самолеты, боевые корабли больше не будут получать топлива…»
Смертельная опасность Дунайской флотилии не то что для Германии, а даже для Румынии могла возникнуть только в воображении поверхностно знакомого с особенностями применения Дунайских флотилий обоих формирований Владимира Богдановича Резуна.
Дело в том, что речная флотилия, даже включающая в свой состав 7 таких мощных и хорошо бронированных мониторов (имевших австрийское происхождение и доставшихся румынам в наследство от бывшей австро-венгерской империи), как румынская, не в состоянии была вести изолированные наступательные действия в отрыве от поддерживающих ее наземных войск.
Корабли же ДВФ не выдерживали схваток с румынской полевой и даже противотанковой артиллерией, как это произошло при налете на Периправу и при прорыве Ренийской группы кораблей под командованием капитан-лейтенанта Кринова.
Прорваться на 130 км вверх, идя против течения и даже не вступая в бой с береговыми батареями и успешно уклонившись от их огня, корабли не могли даже теоретически.
При самых оптимистичных прогнозах у мониторов, не способных развить против течения скорость выше 7 узлов (при максимальной 9), на преодоление этого расстояния ушло бы не менее 10 часов. За это время румыны давно бы успели

выставить минное заграждение любой необходимой плотности (как это неоднократно делали во время боев на Дунае советские бронекатера, выполнявшие роль импровизированных минных заградителей).

А протралить минное заграждение, находясь в виду контролируемого противником берега, катерные тральщики, имевшиеся в распоряжении флотилии, просто не смогли бы, так как не только они, но и бронекатера и мониторы, как показал опыт войны, легко уничтожались румынской и немецкой полевой артиллерией, если корабли не имели возможности проскочить мимо вражеских позиций. Таким образом 11.08.41 г. был выведен из строя монитор «Жемчужин», который, прорвавшись через заградительный огонь противника, вернулся и вступил в бой с его полевой артиллерией.

Ну а еще 200 км вверх по течению — это уже из области чистой фантастики. Причем мы даже не рассматриваем возможность ударов штурмовой авиации, от которых были потеряны еще 2 монитора ДВФ. Практика показывает, что советские мониторы были легко уязвимы даже для 37-мм снарядов. Во время прорыва флотилии с Дуная в Черное море 19 июля 1941 г. тремя 37-мм снарядами была выведена из строя левая машина монитора «Ростовцев». С бронекатерами дело обстояло еще хуже. Только во время боевых действий на Дунае огнем румынской противотанковой артиллерии было уничтожено 3 и повреждено еще 2 бронекатера, хотя участие в боях они принимали редко.

Далее Владимир Богданович начинает заниматься подвижными береговыми батареями.

«Интересная деталь: в составе Дунайской военной флотилии было несколько подвижных береговых батарей, вооруженных пушками калибров 130 и 152 мм. Если советское командование и вправду решило, что кто-то будет нападать на СССР через дельту Дуная, то надо немедленно береговые батареи врыть в землю, а при первой возможности построить для них железобетонные капониры. Но никто капониров не строил, пушки были подвижными и оставались подвижными».

Да, батареи никто в землю не врывал и капониров никто не строил. Потому что эти батареи не были береговыми. Владимир Богданович, как всегда, не потрудился детально изучить предмет, о котором пишет. В результате он банально путает подвижные батареи с береговыми батареями, имеющими механизированную тягу. Дунайская флотилия имела и те и другие.

Всего в ее распоряжении было 4 подвижных батареи, но… две из них имели на вооружении 45-мм орудия и являлись противокатерными. Еще две имели на вооружении обычные 3-дюймовки, для агрессии несколько слабовато.

Крупнокалиберные береговые батареи — 724-я, 725-я, как и созданная уже во время войны 726-я, имели мех. тягу, но они не являлись подвижными и имели и капониры и орудийные дворики.

«Была только одна возможность использовать их мобильность и только одно направление, куда они могли двигаться: в наступательных операциях подвижные батареи сопровождают флотилию, двигаясь берегом и поддерживая боевые корабли огнем».

Крупнокалиберные батареи, не имеющие укрепленных позиций и предназначенные исключительно для сопровождения огнем наступающих кораблей, существовали исключительно в воображении Владимира Богдановича. Но подвижность орудий

стационарных батарей могла использоваться и в других целях, кроме безудержного движения вперед.
Мех. тяга, кроме простой транспортировки орудий, использовалась также в случаях необходимости быстрого ухода с позиции, засеченной противником (как это было сделано 724-й батареей), так и для тактики кочующих орудий, то есть делающих несколько выстрелов с последующей сменой позиции (применялись для имитации наличия несуществующих огневых позиций).
Далее Владимир Богданович переходит к «анализу» боевых действий на Дунае, естественно, по своей фирменной методике.
«Слово „война“ означало для советских командиров не оборону, а наступление. Получив сообщение о начале войны, советские командиры завершают последние приготовления к проведению десантной операции».
Да, к десанту на румынский берег готовились еще до войны, но слово «наступление» оставим целиком на совести Владимира Богдановича. Десант на территорию противника преследовал, как это ни парадоксально звучит… чисто оборонительные цели.
Дело в том, что румынский мыс Сатул-ноу находился всего в полукилометре от Измаила. В хорошую погоду на нем без бинокля можно было разглядеть здание румынской пограничной комендатуры. Румыны без труда фиксировали все, что происходило в Измаильском порту, главной базе Дунайской флотилии. В случае войны такой удобный сектор наблюдения превращался в не менее удобный сектор обстрела. Измаильский порт был доступен для обстрела не только из орудий и минометов, но и даже из стрелкового оружия.
В случае начала боевых действий для сохранения базы флотилии становилось необходимым высадить на правый берег десант, занять там достаточно обширный плацдарм, обязательно включающий район напротив Измаила. Тогда Измаильский порт и сам город были бы избавлены, по крайней мере, от обстрела с близкой дистанции. А флотилия могла бы развертывать дальнейшие боевые действия.
Поэтому сразу после перебазирования на Дунай командование флотилии, сделав соответствующие штабные расчеты, обратилось к командованию 14-го стрелкового корпуса, в оперативном подчинении которого находилось, с предложением об организации в случае начала боевых действий десанта с целью воспрещения обстрела Измаила с противоположного берега, предлагая для этого включить соответствующий пункт в план первоочередных действий на случай войны, готовившийся для представления в штаб округа.
Предварительные расчеты показали, что для захвата плацдарма потребовалось бы немного войск. На сопредельном участке правого берега за грядой холмов начинались тянувшиеся до Сулинского рукава плавни, способные служить естественной защитой плацдарма, и для занятия минимально необходимых позиций могло хватить нескольких батальонов.
Сейчас бы такие действия назвали операцией по принуждению к миру, но Виктор Богданович предпочитает видеть в них признаки грядущей агрессии. Впрочем, давайте посмотрим, а как расценило предложения флотилии то самое пресловутое советское командование, для которого слово «война», по Резуну, означало не оборону, а наступление…
Вот решение по этому вопросу командира 14-го СК генерал-майора Егорова:

«— Насколько важно это для флотилии, могу понять. Только где прикажете взять эти батальоны, откуда снять? К тому же поставленная корпусу задача по обороне советской территории не предусматривает действий за ее пределами».
А вот мнения уже более высокого начальства.
Начальник штаба округа генерал-майор Захаров:
«Все правильно, но об этом речи быть пока не может».
Командующий ОдВО генерал-полковник Черевиченко согласился с мнением своего начальника штаба, добавив, что «*… если с началом войны флотилия окажется в состоянии предпринять такие действия собственными силами, возражать, очевидно, никто не будет».*
Вот так командование Одесского военного округа готовилось к «наступательным» действиям на вражеской территории.
Впрочем, позиция, занятая командованием ОдВО, может интересовать кого угодно, только не Владимира Богдановича, обратившегося теперь к фактам по подготовке операции:
«Действия советских флотских командиров, а также командования 14-го стрелкового корпуса, дивизии которого сосредоточены в районе Дунайской дельты, и командования 79-го пограничного отряда НКВД заранее спланированы и тщательно отработаны».
Впрочем, факты эти свидетельствуют как всегда только об одном — о полном незнакомстве Владимира Богдановича с развитием описываемых им событий. Участие 79-го погранотряда в операции по захвату участка противоположного берега не предусматривалось даже не утвержденными предвоенными планами. Командование 14-го СК и после начала войны отказало штабу ДВФ в выделении сил для такого десанта, и только командир 79-го ПО подполковник Грачев согласился выделить 200 человек из состава отряда и из 1-й погранкомендатуры для участия в операции, проводимой силами флотилии, без всякого участия в высадке частей 14-го СК и, в частности, входящей в него 51-й стрелковой дивизии. Что и было согласовано и утверждено штабом Черноморского флота в 23.35 22 июня 1941 г.
Попробуем проследить, как развивались события, путем приведения в соответствие их последовательности, изложенной Владимиром Богдановичем, с реальным ходом событий.
«25 июня 1941 года боевые корабли Дунайской флотилии под прикрытием береговых батарей и артиллерии стрелкового корпуса и дивизий, входящих в его состав, высаживают разведывательно-диверсионные подразделения НКВД на румынский берег».
Разведывательно-диверсионными подразделениями НКВД Владимир Богданович гордо именует все тот же 79-й погранотряд и военнослужащих 1-й пограничной комендатуры — другие части НКВД в операции участия не принимали. Причем групп, специально подготовленных для скрытных действий на сопредельной румынской территории, ни у пограничников, ни у флотилии, ни у частей 14-го СК не было вообще. И когда возникла необходимость проведения разведки участков высадки и первого и второго десантов, пришлось составлять импровизированные разведгруппы с привлечением в них лиц из местного населения, имевших опыт

браконьерства и даже «боевых действий» (перестрелок с полицией) в плавнях, составлявших основную часть будущего плацдарма.
Вот и все разведывательно-диверсионные части, тайно подготовленные советским командованием для действий на румынской территории. И это не удивительно — не планируются наступательные действия, не нужны здесь и части, способные их обеспечивать.
С диверсантами, начинавшими по Резуну высадку, мы разобрались, посмотрим, кто и как ее продолжал.
«Вслед за ними проводится высадка полков 51-й стрелковой дивизии 14-го стрелкового корпуса».
Владимир Богданович и здесь не прав. 51-я дивизия полками не высаживалась. Чтобы разобраться в этом, достаточно было хотя бы ознакомиться с «Хроникой боевых действий Дунайской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза в 1941 г. (22 июня — 1 декабря 1941 г.)».
Всего было проведено три десантных операции, последняя из которых закончилась неудачей.
Ни в первой, ни в последней части 14-го СК (в который входила 51-я СД) участия в высадке не принимали. В первой операции, проводившейся в ночь на 24 июня, был занят мыс Сатул-ноу с расположенным на нем селением Пардина.
После захвата мыса утром состоялся телефонный разговор с командиром 14-го СК генерал-майором Егоровым, в ходе которого решено было выделить для усиления десанта батальон 287-го стрелкового полка, который и был высажен на мыс в ночь на 25 июня.
Единственным полком, принимавшим участие в операциях, был 23-й стрелковый полк капитана Сироты, который был выделен для захвата Килия-веке 26 июня приказом комдива Цирульникова:
«Операцию по форсированию Дуная с целью захвата вражеской Килии-веке и уничтожения там укрепрайона противника начать 26 июня 1941 года в два часа пополуночи. Командир десанта капитан Сирота, за высадку войск отвечает капитан-лейтенант Кубышкин. Огневая поддержка возлагается на полковую артиллерию капитана Отянова, на береговую батарею № 65 и артдивизион капитана Волошина».
В последней операции по захвату населенного пункта Периправа, проводившейся в ночь на 11 июля, части 51-й СД участия также не принимали. Но у Владимира Богдановича полк волшебным образом превращается в полки. Впрочем, это еще не самое интересное.
«В руках советских войск оказался мощный плацдарм на румынской территории протяженностью 70 км. Дунайская флотилия готовится к наступательным действиям вверх по течению Дуная».
Вот здесь Владимир Богданович совершает свою самую главную ошибку и ставит себя просто в смешное положение. Увлекшись придуманной им теорией наступательных действий Дунайской флотилии, Владимир Богданович окончательно перестает замечать, а как же, собственно, развиваются боевые действия и как растет этот *«мощный плацдарм на румынской территории протяженностью 70 км».*

А растет он… в обратную сторону от вожделенных для В. Суворова нефтяных промыслов: 24 июня захвачен Сатул-ноу, 26 июня Килия-веке, 11 июля попробовали захватить Периправу.
Если бы Владимир Богданович хотя бы раз взглянул на карту, он бы увидел, что расширение плацдарма происходило вниз, а не вверх по течению Дуная, — по направлению к устью Дуная.
И это понятно: целью серии десантных операций являлось не развитие наступления в направлении нефтяных промыслов, а освобождение от противника правого берега Дуная на участке от Измаила до его устья, для обеспечения свободного снабжения флотилии и войск 14-го СК из Одессы. То есть действия флотилии с началом войны служили решению все тех же задач довоенного плана прикрытия границы по обеспечению (которую противник так и не смог перейти), но уже несколько иными, чем в плане, средствами — с выходом для этого на территорию противника.
Таким образом, внимательно почитав Владимира Богдановича, становится ясно, что все планы наступательных действий Дунайской флотилии им просто придуманы.
В. Суворов не интересуется ни реальной способностью Дунайской флотилии вести боевые действия вверх по Дунаю, ни реальным характером выполнявшихся ею во время боевых действий задач. Он даже не смотрит на карту. К сожалению, получается, что все написанное им про Дунайскую флотилию при детальном рассмотрении имеет отношение к альтернативной истории (как к одному из направлений ненаучной фантастики), а не к реальной.

Вместо послесловия

Операции Дунайской флотилии в период с 22 июня по 19 июля 1941 г. явились самыми удачными действиями советских войск в начальный период войны. В то время, когда на протяжении всего огромного фронта происходили непрерывные катастрофы разного масштаба, приморский участок Южного фронта оказался единственным местом, где противник в течение почти месяца так и не пересек государственной границы. Более того, советскими войсками был захвачен 70-километровый участок вражеской территории. В то трудное время это имело колоссальное значение.
Сам факт захвата плацдарма на Дунае произвел сильное впечатление даже на руководство Третьего рейха. Йозеф Геббельс записал в своем дневнике 28 июня: «…на юге, на румынском фронте приостановка, небольшие клинья русских, частично на румынской территории».
Советское же правительство сделало дунайский успех событием государственного масштаба. После сообщения Совинформбюро от 27 июня стали готовиться списки отличившихся для массового награждения — события, случавшегося в первые месяцы войны не часто.
Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.07.1941 г. 45 участников дунайских боев были награждены правительственными наградами. Среди награжденных орденами Красного Знамени были контр-адмирал Абрамов, капитан Коробицын и два летчика его эскадрильи, капитан-лейтенант Кубышкин, командир

23-го СП майор Сирота, его пнш-1 лейтенант Овчаров, секретарь ВЛКСМ 23-го СП Буров.
Руководство страны высоко оценило заслуги группировки советских войск на Дунае, не допустившей в течение целого месяца войны нарушения государственной границы.
Конечно, румынские войска и не собирались всерьез наступать с первых дней войны.
3-й и 4-й румынским армиям, входившим в состав группы армий «Юг», по плану «Барбаросса» надлежало обороняться вдоль Прута, обеспечивая южный фланг основных сил группы армий, наносивших главный удар на Киевском направлении. В дальнейшем германо-румынским соединениям следовало наступать, препятствуя «организованному отходу советских войск за Днестр».
В соответствии с решением командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта войска в Румынии, обороняясь, находились в готовности к действию по двум вариантам. Если советские войска начнут отходить, предусматривалась операция «Нахштосс» с целью преследования последних и воспрепятствования их планомерному отводу за Днестр. Операция «Мюнхен» планировалась на случай удержания советскими войсками рубежа вдоль Прута и возникновения необходимости прорыва обороны. 11-я армия с подчиненными ей румынскими соединениями должна была форсировать Прут в его верхнем течении и наступать на северо-восток в общем направлении Могилев-Подольский — Винница для соединения с группировкой, наносящей главный удар.
Но организованные и продуманные действия советских войск на Дунае явились неприятным сюрпризом для румынского командования. В Центральном военно-морском архиве хранится составленный в августе 41 г. любопытный аналитический документ под названием «Выводы и уроки из операций, проведенных до настоящего времени в войне с СССР». Подписан он начальником Генерального штаба румынской армии генералом Мазарини. Вот что он писал:
«…Советская пехота оказывает яростное сопротивление. Сила сопротивления советской пехоты является результатом хорошей выучки. Советская артиллерия стреляет точно. Нужно подчеркнуть, что ответные наступательные действия русских в форме контратак наблюдались весьма часто.
…Советский флот хорошо использовал находящиеся в его распоряжении речные средства. Резюмируя, скажем, что Красная Армия представляет собой хорошо организованное, снаряженное и натренированное для войны войско. Соединения, части и подразделения возглавляются умелыми командирами».
Дунайский участок фронта действительно оборонялся частями, имевшими боевой опыт — 51-й и 25-й стрелковыми дивизиями. Знаний и опыта командования 14-го СК и Дунайской речной флотилии также хватило для успешного ведения боевых действий без массированного применения авиации и бронетанковой техники.
В таких условиях решающую роль приобретала артиллерия. Огневые налеты и контрбатарейная борьба были, по существу, основным видом боевых действий на Дунайском плацдарме.
Обе стороны очень берегли свои мониторы, вооруженные крупнокалиберными орудиями, — что им вполне удавалось в условиях вялотекущих боевых действий.

После перехода в Одессу, в условиях господства в воздухе немецкой авиации и высокой интенсивности боевых действий, 6 из 7 мониторов Дунайской флотилии были потеряны в течение всего двух месяцев.

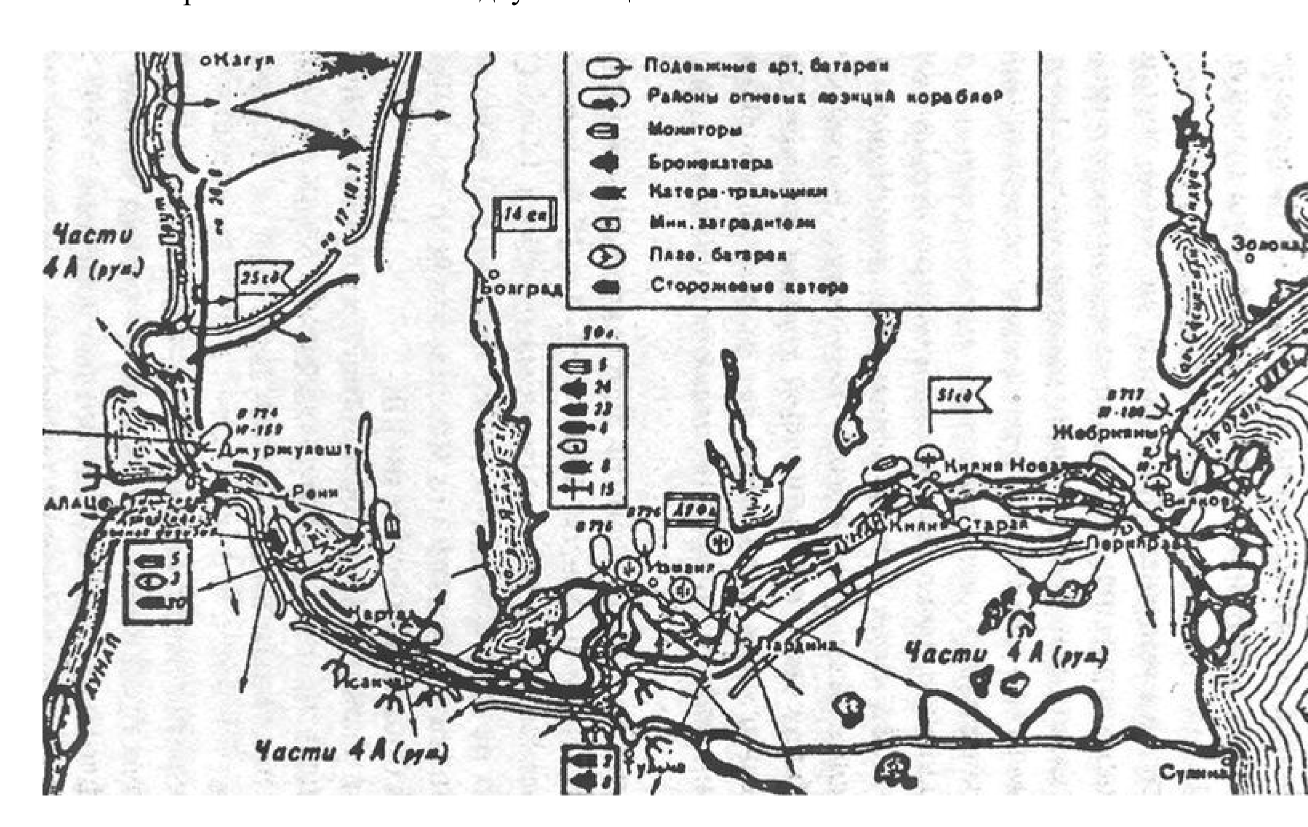

Схема боевых действий Дунайской речной флотилии 22 июня — 19 июля 1941 г.

Боевые действия на Дунае носили по меркам развернувшихся на советско-германском фронте сражений крайне ограниченный характер, но зато давали командованию возможность тщательной подготовки и планирования операций с использованием всех имеющихся возможностей.

И возможности эти максимально использовались. Дунайская флотилия действовала практически самостоятельно, при минимальной поддержке со стороны сухопутных сил.

Десанты, высаженные ею, носили целиком обеспечительный характер и предпринимались в основном в интересах самой флотилии. Флотилии не удалось полностью взять под контроль правый берег Дуная на всем протяжении линии снабжения.

Но удержание в течение нескольких недель 70 километров береговой линии было целиком результатом грамотных действий флотилии, энергично использовавшей все свои боевые корабли, береговую артиллерию и авиацию прикрытия для решения тех или иных задач, диктуемых обстановкой.

Каждый десант тщательно подготавливался с максимальным учетом особенностей меняющейся обстановки.

Силы противников были на Дунае практически равны. Румыны также имели ограниченные возможности и старались использовать их по максимуму. И конечно, их действия не похожи на поведение неорганизованного сброда, которым они представляются в некоторых современных публикациях. Но советское командование, особенно руководство Дунайской флотилии, непосредственно

отвечавшее за оборону плацдарма, сумело более эффективно использовать находившиеся в его распоряжении средства.
И в заключение о потерях, понесенных во время операции по захвату и удержанию плацдарма. Вряд ли когда-то удастся точно установить потери, понесенные частями Дунайской флотилии, 51-й СД и пограничниками в ходе этих боев. Они, конечно, были не так велики, как потери, понесенные этими же частями в последующих боях, но все-таки, очевидно, и не так малы, как это утверждалось в работах советского периода.
Об ожесточенном характере боев, так и не ставших пока достоянием нашей истории, говорит эта записка, найденная в 1958-м на местах боев на плацдарме:
«Июль 1941 г.
Держались до последней капли крови. Группа Савинова. Три дня сдерживали наступление значительных сил противника, но в результате ожесточенных боев под Килией в группе капитана Савинова осталось три человека: капитан, я — младший сержант Останов и солдат Омельков. Погибнем, но не сдадимся. Кровь за кровь, смерть за смерть!»

Часть вторая Десант под Григорьевкой История одной операции

До операции

(19 июля — 4 сентября)
Отход во второй половине июля 1941 г. советских войск за Днестр, дальнейшее отступление их в начале августа, прорыв немецко-фашистских войск севернее Тирасполя создали непосредственную угрозу Одесской военно-морской базе со стороны суши. 4 августа народный комиссар Военно-Морского Флота приказал командованию Черноморского флота (ЧФ) организовать ее оборону с сухопутного направления, а на следующий день Ставка Верховного Главнокомандования предписала: *«Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот».*
8 августа в Одессе было объявлено осадное положение, о чем командиром Одесской военно-морской базы и по совместительству начальником гарнизона Одессы контр-адмиралом Жуковым был издан довольно примечательный приказ:
«1. С 19.00 8 августа с. г. гор. Одесса с окрестностями объявляется на осадном положении.
2. Въезд в город гражданам без специальных пропусков, выдаваемых председателями райисполкомов, запрещается.
3. Во изменение приказа по гарнизону № 21 от 4.08.41 г. движение граждан и всех видов гражданского транспорта с 20.00 и до 6.00 запрещается. Возвращение с работы и следование по служебным делам в этот период разрешается лишь по специальным пропускам, выдаваемым комендантом гарнизона.
4. За всякие диверсионные вылазки (стрельба с чердаков, подача световых сигналов, работа радиопередатчиков) отвечают домовладельцы, управляющие домами и дворники.
5. За нарушение моего приказа виновные будут привлекаться к строжайшей ответственности по законам военного времени.

Начальник гарнизона г. Одессы

ЖУКОВ

Комиссар гарнизона г. Одессы

ДИТЯТКОВСКИЙ

Комендант гарнизона г. Одессы

ПРОЦЕНЮК»

19 августа был создан Одесский оборонительный район (ООР) во главе с контр-адмиралом Жуковым. В состав района вошли силы Одесской военно-морской базы и Приморская армия (25-я и 95-я стрелковые дивизии, ранее входившие в 9-ю армию, 1-я кавалерийская дивизия и незначительные части усиления).
Командующий этой армией генерал-лейтенант Сафонов был назначен по просьбе Жукова заместителем командующего ООР. В связи с организацией Одесского оборонительного района были произведены и некоторые другие кадровые перестановки. Начальником штаба ООР стал генерал-майор Шишенин, командиром Одесской военно-морской базы контр-адмирал Д.И. Кулешов, а начальником штаба — капитан 1-го ранга Деревянко.
Оборона Одессы с моря осуществлялась 42-м и 44-м отдельными артиллерийскими дивизионами береговой обороны, располагавшими 54 орудиями калибром от 203 до 45 мм. На ближних подходах к Одессе с моря в начале войны было поставлено оборонительное минное заграждение. Силы базы несли службу базового дозора, вели поиск подводных лодок и воздушную разведку.
Для поддержки сухопутных войск был сформирован отдельный отряд кораблей Северо-Западного района.
С воздуха Одессу прикрывали зенитная артиллерия флота и Приморской армии, авиация этой армии (около 20 самолетов) и истребительный авиационный полк ВВС Черноморского флота (40 самолетов).

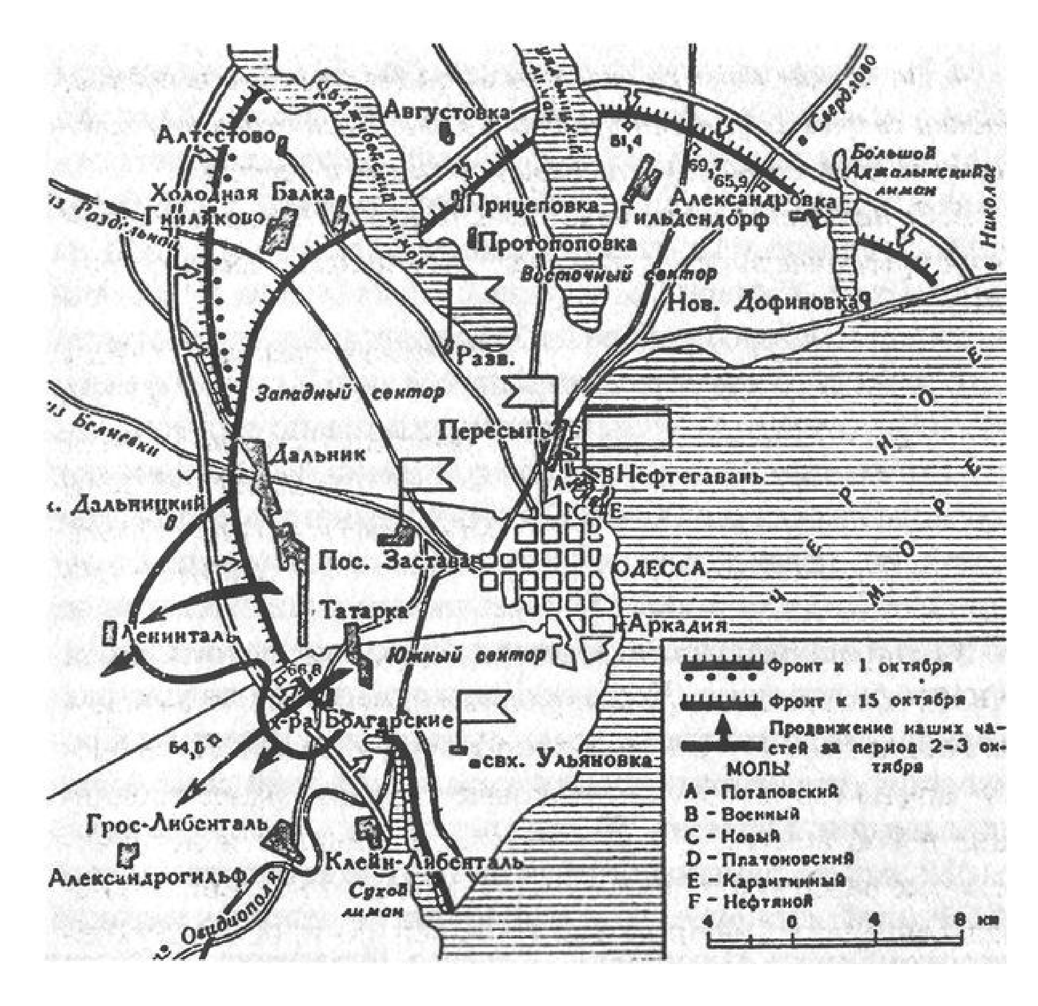

Схема Одесского оборонительного района.

К 19 августа под Одессой было подготовлено три оборонительных рубежа. Первый находился в 20–25 км от города, второй — главный — в 15 км от Одессы и третий — тыловой — был создан почти у городской черты. Весь сухопутный фронт обороны Одессы разделялся на три оборонительных сектора: восточный, западный и южный.

Строительство оборонительных рубежей явно отставало от развития обстановки. Оборудование передового рубежа вчерне завершилось лишь с началом обороны, причем готовность его по некоторым видам работ была в пределах 40 %. Удаление передового рубежа от Одессы обеспечивало невозможность обстрела города и порта дивизионной и корпусной артиллерией противника.

25-я стрелковая дивизия Приморской армии занимала оборону на фронте около 25 км, 95-я — на фронте 20 км. На 1 км фронта приходилось 5–6 орудий. Благодаря использованию в целях сухопутной обороны береговой и корабельной артиллерии плотность огневой системы обороны на важнейших направлениях удалось довести до 50 орудий среднего и малого калибра на 1 км фронта. Командовал всей артиллерией один артиллерийский начальник — командующий артиллерией Одесского оборонительного района.

13 августа войска 4-й румынской армии, выделенной для захвата Одессы, вышли к побережью Черного моря в районе Сычавки, завершив тем самым охват города с суши. 15 августа они предприняли первую попытку наступления на Одессу в направлении Сычавки и Булдинки, но она закончилась безуспешно. Через три дня румынские войска развернули наступление по всему сухопутному фронту и в

результате трехдневных ожесточенных боев к 20 августа вышли в район Карсталь, Выгода.
25 августа румыны заставили части восточного сектора ООР отойти на рубеж Александровка — северная окраина агрокомбината Ильичевка — совхоз Ильичевка — 0.5 км южнее отметки 6.5.
В дальнейшем противник сумел еще несколько продвинуться, заняв 27 августа Гильдендорф и Александровку. Дальнобойные батареи корпусной и армейской артиллерии противника, установленные в районах Чебанки, Фонтанки, высоты 65.9 и Гильдендорфа, стали обстреливать город, порт и подходы к последнему с моря. Кроме того, выйдя к побережью и установив на нем в районе между Большим и Малым Аджалыкским лиманами свои батареи, противник получил возможность обстреливать фарватер, проходивший в 4–5 милях от берега.
2 сентября в восточном секторе противник впервые применил ночные атаки. Силами 421-й стрелковой дивизии (421-я СД), сформированной из войсковых частей Восточного сектора и пополненной четырьмя тысячами одесситов, участок прорыва был закрыт. Дивизия сорвала вражескую атаку и утром уничтожила мелкие группы противника, просочившиеся ночью. Безуспешные атаки предпринимались румынами и на фронте 1-го морского полка.
Однако на следующую ночь атаки были повторены уже во всех секторах обороны. В ночь на 3 сентября на всем протяжении фронта противник нащупывал слабое звено обороны. В Восточном секторе он атаковал вдоль железной дороги в направлении на Корсунцы. 421-я дивизия снова отбила атаки, сохранив свои позиции, и к исходу 3 сентября овладела селом Протопоповка. В Западном секторе противник пытался ночью прорвать линию обороны 95-й стрелковой дивизии (95-я СД). Неоднократно переходя в штыковую контратаку, части дивизии не допустили прорыва. В Южном секторе противник пытался наступать двумя полками, нанося главный удар в направлении Фриденталя и Дальника, но успеха не имел.
Днем почти без перерыва наступление продолжилось в разных секторах. Все атаки были отбиты. Но и в ночь на 4 сентября атаки были повторены на разных направлениях. Авиация непрерывно сбрасывала на город зажигательные бомбы, а артиллерия обстреливала город и порт. Во многих местах Одесса горела.
Линия фронта была бы на этот раз прорвана, если бы не быстро доставленные из Севастополя кораблями маршевые батальоны: как только они прибывали в Одессу, их сразу же, не ожидая темноты, направляли машинами на передний край.

Операция намечается

(5–15 сентября)
Вечером 5 сентября в Одессу на лидере «Харьков», в сопровождении эсминца «Дзержинский», прибыл командующий ЧФ вице-адмирал Октябрьский. Лидер и эсминец привезли оружие, которое выделялось для Одессы из 51-й армии по приказанию Ставки: 5000 винтовок, 150 станковых пулеметов, 300 автоматов, 200 ручных пулеметов, 100 82-миллиметровых и 20 120-миллиметровых минометов с тремя боекомплектами.
При подходе лидера к порту румынские батареи открыли огонь, и встречавшие корабли сторожевые катера поставили дымзавесу. У трапа вице-адмирала

встретили командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Жуков и член Военного совета (ЧВС) ООР Азаров.
Приняв доклад, Октябрьский заметил, что сторожевые катера действовали хорошо, и тут же намекнул Жукову на последствия сужения оборонительного периметра:
— *Да, жарко было от «салюта»... Как дела?*
— *Как видите,* — сдержанно ответил Жуков.
— *Что корабли, идущие в порт, обстреливаются — в этом я только что сам убедился,* — сказал командующий. — *Поехали на командный пункт!*
На собранном по приезде командующего заседании Военного совета основным, естественно, был вопрос о сужении пространства оборонительного района. Доклады сделали практически все члены Военного совета, начиная с нач. штаба ООР генерал-майора Шишенина. Он сообщил, что на фронте ООР действуют 13, 15, 11, 3, 6, 7, 8, 12 и 21-я пехотные дивизии противника. Разведывательные данные, показания пленных офицеров и солдат подтверждают, что взамен убитых и раненых противник регулярно получает пополнения. Количество войск и боевой техники врага под Одессой возрастает, что подтверждается ежедневными непрерывными атаками, интенсивностью налетов авиации и артиллерийского обстрела города и порта. А у частей ООР не хватает резервов, боеприпасы своевременно не доставляются.
Другие члены Военного совета говорили о мерах по мобилизации внутренних ресурсов, о проведенной политорганами работе по повышению устойчивости обороны, но приходили к выводу, что отсутствие резервов ставит обороняющиеся войска в тяжелое положение и вынуждает постепенно отходить. Исключая уход из Одессы, все подчеркивали острую потребность в резервах.
Последним выступил Председатель ВС ООР.
«— Нам понятно указание маршала Шапошникова, сделанное по поручению Ставки, — сказал контр-адмирал Жуков. — *Мы нарушили директиву Верховного Главнокомандующего, отойдя с основного рубежа обороны. Но иного выхода не было. Больше того, части Восточного сектора снова отошли на четыре — восемь километров между лиманами Большой Аджалыкский и Хаджибеевский, хотя совершенно ясно, что новое сужение пространства оборонительного района чревато тяжелыми последствиями...»*
От вице-адмирала Октябрьского не последовало никакой критики, напротив, он заявил, что Военный совет флота полностью согласен с докладом ВС ООР, и согласился с тем, что оградить город, порт и подходные фарватеры от огня вражеской артиллерии можно только одним путем: для этого надо оттеснить врага на расстояние, которое не позволяло бы ему вести действительный огонь по городу. Согласился Октябрьский и с тем, что такую задачу нельзя решить без усиления оборонительного района свежими силами. Он заверил, что Военный совет флота будет просить наркома и Ставку направить в Одессу стрелковую дивизию.

Руководители обороны Одессы: бригадный комиссар М.Г. Кузнецов, дивизионный комиссар Ф.Н. Воронин, дивизионный комиссар И.И. Азаров, генерал-лейтенант Г.П. Софронов, контр-адмирал Г.В. Жуков, полковой комиссар Л.П. Бочаров и бригадный комиссар А.Г. Колыбанов.

Он сообщил, что нарком ВМФ приказал ВС ЧФ произвести высадку тактического десанта у Новой Дофиновки, ударить в тыл группировке противника перед Восточным сектором Одесского оборонительного района и обеспечить наступление наших частей в северном направлении, между Аджалыкским и Куяльницким лиманами. Десант должен быть поддержан сильным артиллерийским огнем с кораблей, авиацией и предварен тщательной разведкой.

Жуков выразил общее мнение Военного совета, сказав, что такая помощь флота приветствуется, но силами, имеющимися в Одессе, такую операцию провести невозможно.

«— Эту задачу можно решить только при условии присылки в Одессу кадровой дивизии. Мы понимаем обстановку в стране и все же считаем, что вопрос о кадровой дивизии для Одессы не может быть снят с повестки дня. Мы просим Военный совет флота поддержать нас в этом…»

Октябрьский и поддержал, подчеркнув, конечно, что вопрос с выделением дивизии ВС флота при всем желании не решает, но полностью поддерживает просьбу ВС ООР о помощи.

На следующий день на очередном заседании ВС ООР был заслушан очередной доклад генерал-майора Шишенина.

«— Хутор Вакаржаны оставлен нами, в остальных секторах на сегодня сохранено прежнее положение, но в войсках — усталость от непрерывных атак противника».

Подводя итоги всему сказанному, Жуков заключил: *«Наше сопротивление растет, но не ослабевает и натиск противника. К сожалению, мы не только не можем восстановить заданную Ставкой линию обороны, но не можем даже оттеснить противника настолько, чтобы порт и город оказались вне артиллерийского обстрела».*

И ВС ООР снова телеграфировал в Ставку:

«Батареи противника интенсивно обстреливают Одессу. За последние десять дней ООР имел только ранеными, размещенными в госпиталях, — 12 тысяч… Местные людские ресурсы исчерпаны. Прибывшие маршевые батальоны пополняют только

убыль. Имеем большие потери людей, особенно в командном составе. В связи с этим снижается боеспособность.
Имеем потери в боевой технике. Имеющимися силами ООР не в состоянии отбросить противника от Одессы. Для решения этой задачи — оттеснить врага и держать город и порт вне артиллерийского обстрела — срочно нужна хорошо вооруженная дивизия».
Напор противника не ослабевал, Ставка ничего конкретного не обещала, и ВС в очередной телеграмме 10 сентября тактично намекнул Ставке, что ей следовало бы сделать:
«На фронт прибыли новые части 10-й пехотной дивизии. Пятидневные бои по ликвидации прорыва в районе Ленинталь не дали успеха. Противник продолжает с боем двигаться в направлении Дальника. Положение напряженное. Для восстановления положения срочно требуется полностью вооруженная дивизия. Целесообразно для ускорения взять ее из 51-й армии».
Вот после этого ответ Ставки не заставил себя ждать:
«ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ
ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ
О МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ОБОРОНЫ ОДЕССЫ
Копия: народному комиссару ВМФ
10 сентября 1941 г. 17 ч 10 мин
Части Одесского оборонительного района свыше трех недель успешно сковывают до двенадцати дивизий противника, нанося им значительные потери.
Однако оборона рубежей, непосредственно прикрывающих Одессу с северо-востока и юго-запада, не имеет достаточно упорного характера. В результате противник, овладев районами Гильдендорф и Ленинталь, держит Одессу под артогнем, что значительно ухудшает условия обороны района.
По имеющимся данным, противник группирует крупные силы артиллерии для наступления с запада на Одессу.
Необходимо:
1. Организовать два-три мощных налета авиации ЧФ, артиллерии кораблей и БО и во взаимодействии с этими средствами поставить войскам задачу — возвратить утраченные позиции в районе хут. Вакаржаны, Фрейденталь, Ленинталь, уничтожив противника, просочившегося в направлении Дольника.
2. Потребовать от войск предельного упорства в обороне каждого метра пространства, повседневно укрепляя и совершенствуя занимаемые позиции.
3. Использовать все возможности Одессы для постройки на передовых позициях прочных перекрытий из металла, бетона, подручных материалов. Привлечь непосредственно к полевым оборонительным работам все силы населения, кадры специалистов флота, сухопутные войска, тыловые учреждения.
4. Пополнить убыль в командном составе за счет всех ресурсов района. Ваши распоряжения прошу сообщить.
Б. ШАПОШНИКОВ»
ВС долго размышлял над тем, как «возвратить утраченные позиции», но, не имея в своем распоряжении никаких резервов, реальный план выработать, естественно, не смог. Впрочем, и имевшимися возможностями руководство ООР распорядилось не самым лучшим образом.

На наблюдательном пункте под Одессой.

Вместо организации комбинированного огневого налета силами морской авиации, флота и береговой артиллерии Военный совет, неспособный организовать после этого налета требуемое наступление, решил и вовсе от него отказаться, попросив ВС ЧФ вместо этого нанести авиаудар… по Бухаресту, с разбрасыванием листовок с заголовками «За многострадальную Одессу».

Как потом объяснял ЧВС ООР Азаров:

«Мы надеялись, что ответные удары по Бухаресту в какой-то мере повлияют на правителей фашистской Румынии и вынудят их воздержаться от варварского разрушения города и убийства мирных жителей».

Между тем противник развивал наступление на Тендровском боевом участке, продолжая двигаться на Малые Копани, Келегей и Скадовск; части 9-й армии отходили на восток.

Тендровская коса являлась стратегическим пунктом, надежно прикрывая коммуникации, связывающие Одессу с Крымом и Кавказом. ВС ООР, не имея уже никаких возможностей влиять на события, опять обратился за помощью к флоту.

На поддержку Тендровского боевого участка Военный совет Черноморского флота бросил Дунайскую военную флотилию. В дело вмешался нарком Военно-Морского Флота Кузнецов и потребовал от Военного совета Черноморского флота удерживать до последней возможности Скадовск и Кинбурнскую косу.

Командующий ЧФ соответственно приказал командиру Тендровского боевого участка не допускать эвакуации с островов Березань и Первомайский, организовав их прочную оборону.

12 сентября Скадовск все-таки был оставлен, и противник сосредоточил на Каховском плацдарме до пяти пехотных дивизий, мотомехдивизию и два танковых полка, готовясь к переходу в наступление на Перекопском и Мелитопольском направлениях.

Но 12 сентября противник продолжал сосредоточивать войска и в районе Ленинталя, в течение дня предпринимая попытки расширить фронт и войти в район Сухого лимана. В результате наступления противника на хутора Октябрь и Важный в Западном секторе 245-й и 161-й стрелковые полки отошли.

В Южном секторе части 25-й стрелковой и 2-й кавалерийской дивизий в основном удерживали свои позиции, но 31-й стрелковый полк был потеснен противником.

Вражеская авиация бомбила и минировала порт. Было сброшено 36 бомб. Убит 121 человек, ранено 162. В госпиталь доставили 1394 человека. На транспорты и

корабли поступило для эвакуации 1209 раненых. Весь следующий день противник пытался расширить фронт прорыва на участке 25-й дивизии в направлении южной окраины Дальника и Болгарских хуторов.

Офицер морской пехоты.

По мере усиления натиска противника части оборонительного района постепенно утрачивали боеспособность. Во 2-м и 3-м батальонах 90-го стрелкового полка оставалось 57 человек, в 7-м кавалерийском полку — 300 человек, в 287-м стрелковом полку — 150–170 человек.

Руководство ООР изыскивало все мыслимые и немыслимые возможности для пополнения обескровленных частей.

Для восстановления выбитых командных кадров были организованы 15–20-дневные курсы лейтенантов, на которых обучались воентехники, штабные и административные работники. Около 700 человек из штабов и тыловых учреждений Приморской армии было направлено на командные должности в войсковые части, сражавшиеся на фронте.

Все население Одессы, способное носить оружие и не занятое производством оборонной продукции, спешно направлялось в войсковые части. В этих целях одесскому областному военному комиссару было дано указание провести всеобщую мобилизацию всех трудоспособных мужчин в возрасте до 60 лет. Призванные контингенты должны были формироваться в маршевые роты и батальоны и после краткого обучения направляться на фронт. Кроме того, было принято решение о дополнительной мобилизации работников милиции, НКВД и даже пожарных команд.

Мобилизация пожарных команд при ежедневных налетах от 15 до 50 бомбардировщиков на город и ежедневно вспыхивавших 20–30 пожарах приносила, конечно, больше вреда, чем пользы, но у Военного совета ООР, по существу, не было выбора — фронт в любой момент мог быть прорван.

Телеграмма Военного совета в Ставку, посланная 13 сентября, напоминала крик о помощи:

«Противник получает пополнение. Подбрасывает новые дивизии. Под давлением его превосходящих сил создается опасность отхода наших частей на рубежи

Гниляково, Дальник, Сухой Лиман. Население, аэродромы, город, порт, корабли будут нести огромные потери от артогня противника. Наша авиация вынуждена будет перебазироваться в Крым. Созданная из местных ресурсов 421-я стрелковая дивизия имеет недостаточное количество пулеметов, артиллерии. Остальные дивизии также нуждаются в пополнении пулеметами и артиллерией. Все стрелковые части имеют 42 % недокомплекта начсостава. Полученные маршевые батальоны влиты в части полностью. За месяц обороны потери только ранеными — 25 тысяч. За 12 сентября только ранеными (учтенными в госпиталях) потеряно 1900 человек. Для обеспечения от прорыва и от артиллерийского обстрела аэродромов, города и порта необходима одна стрелковая дивизия, а также дальнейшее пополнение маршевыми батальонами».

Румынские горные стрелки.

Телеграмма опять осталась без ответа. Но долго так продолжаться не могло. По-настоящему безвыходное положение сложилось уже через день, 15 сентября.
С раннего утра противник начал масштабное наступление в направлении Вакаржаны — Дальник силами трех пехотных дивизий при поддержке танков. Чтобы избежать полного разгрома, 31-й стрелковый полк получил приказ отойти из района Юзефсталь и Францфельд в резерв к поселку Застава. 20-й кавалерийский полк отводился на рубеж села Клейн-Либенталь и прилегающих к нему высот. Вся территория западнее Сухого лимана была занята противником.
Положение резко ухудшилось. Части отошли на рубеж Сухого лимана, и противник получил возможность систематически обстреливать Одессу не только с северо-востока, но и с юго-запада. Прекрасным ориентиром для артиллерии противника, обстреливающей порт и входящие в гавань корабли, мог служить Воронцовский маяк, стоявший на молу у входа в порт. Чтобы оставить противника без ориентира, маяк взорвали еще до конца дня. Артиллерийский обстрел порта от этого, правда, не прекратился, но стал не прицельным. Артобстрелу подверглись также вновь оборудованный Аркадийский порт и аэродромы для авиации ООР.
В Ставку, наркому и командующему ЧФ полетели доклады, что противник прорвался западнее северной окраины села Дальник и накапливает силы для дальнейшего наступления юго-западнее его.
В 4 часа 45 минут Ставкой в Одессу была отправлена знаменитая Директива № 001981, подписанная не только Шапошниковым, но и Сталиным:

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 001981
КОМАНДУЮЩИМ 51-й АРМИЕЙ
И ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ
С ОБРАЩЕНИЕМ К ЗАЩИТНИКАМ ОДЕССЫ
15 сентября 1941 г. 04 ч 45 мин
Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6–7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения.
Получение подтвердить.
И. СТАЛИН

Б. ШАПОШНИКОВ

Впрочем, свое мнение Ставка пересмотрела спустя всего 2 часа. Уже в 7 ч. 05 минут дивизия для переброски в Одессу нашлась:
ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 001988
КОМАНДУЮЩЕМУ ОДЕССКИМ ОБОРОНИТЕЛЬНЫМ
РАЙОНОМ О ПЕРЕБРОСКЕ
157-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ОДЕССУ
Копии: командующему Черноморским флотом народному комиссару ВМФ
15 сентября 1941 г. 07 ч 05 мин
Решением Ставки Верховного Главнокомандования на усиление Одесского оборонительного района с сегодняшнего 15 сентября будет перевозиться 157-я стр. дивизия.
По поручению Ставки Верховного Главнокомандования
Начальник Генерального штаба

Б. ШАПОШНИКОВ

Операция откладывается

(15–19 сентября)
После решения Ставки выделить свежую дивизию в штабе ООР сразу приступили к планированию высадки тактического десанта, благо обоснование о необходимости производства высадки в районе Григорьевки, а не Новой Дофиновки, как это предписывалось приказом наркома, было сделано еще после передачи этого приказа вице-адмиралом Октябрьским 5 сентября.
Но штаб ЧФ несколько опередил события.
Прибывший 15 сентября в Одессу начальник оперативного отдела штаба флота капитан 1-го ранга Жуковский доставил ВС ООР директиву Военного совета флота от 14 сентября. В ней перед эскадрой Черноморского флота и Одесским оборонительным районом ставилась задача: в ночь на 16 сентября обеспечить высадку на левом фланге восточной группировки противника 3-го полка морской пехоты, который своим ударом облегчит наступление частей ООР в северном направлении на участке между Аджалыкским и Куяльницким лиманами. В результате ожидалось полное уничтожение группировки противника и вынесение переднего края Восточного сектора обороны на линию Григорьевка — Мещанка — Свердлово — Кубанка.

Румынские солдаты захватывают дот.

Наступление румын пока продолжалось.

Для этих целей ВС ЧФ формировал два отряда кораблей: десантный отряд в составе крейсера «Красный Кавказ» и четырех эсминцев — «Бойкий», «Безупречный», «Дзержинский» и «Фрунзе» и отряд поддержки в составе бывшего ледокола, а ныне «вспомогательного крейсера» «Микоян», канонерских лодок «Днестр» и «Красная Грузия» и десяти сторожевых катеров.

В штабе ООР несколько оторопели: на заседании Военного совета командующий флотом согласился, что наступление войск ООР может проводиться лишь при условии усиления их свежей дивизией, — и вдруг предлагает наступать прежде, чем началась перевозка наконец выделенной дивизии из Новороссийска.

Обсудив директиву и изучив имевшиеся возможности, в штабе и в Военном совете ООР пришли к выводу: с силами, имеющимися у ООР, вести наступление ни в коем случае нельзя.

Части оборонительного района не в состоянии даже сдерживать врага и в ряде мест вынуждены отходить. 421-я дивизия, имеющая пять не полностью укомплектованных батальонов, несущая ежедневные потери, была неспособна сломить сопротивление врага и перейти в наступление для соединения с десантом, как предписывалось директивой. Против восточного сектора действовали 13-я и 15-я пехотные дивизии, 32-й пехотный полк и части кавалерийской дивизии, а также немецкие батареи и другие войсковые части. Разгром их тремя батальонами 3-го морского полка представлялся явной утопией.

Бригадный комиссар Азаров встречает прибывшее пополнение.

Чтобы не расширять круг лиц, посвященных в замысел командования, и не давать пищу для слухов о противоречиях, возникших между военными советами ООР и черноморского флота, было решено послать с докладом в Севастополь заместителя начальника штаба ООР капитана 1 ранга Иванова.

Иванов должен был предложить провести задуманную операцию после прибытия в Одессу 157-й СД, но и тогда не выносить передний край к Свердлово, Мещанке и Кубанке, так как эта задача нереальна, а отнести его лишь на такое расстояние, которое исключало бы обстрел порта и фарватеров.

В ответ из Севастополя пришло извещение, что десантная операция переносится на одни сутки. Это решение не уменьшило беспокойства Жукова: пока не прибыла 157-я дивизия, нельзя было рассчитывать на успех операции, и полк, который высадится, явно обрекался на гибель. ООР не смог бы поддержать его даже чисто символически, минимальными силами: 16 сентября пришлось из Восточного сектора, где ему предстояло высадиться, перебросить часть войск на ликвидацию прорыва в Западном и Южном секторах.17 сентября ВС ООР телеграфировал Военному совету ЧФ:

«Наступать в направлении Свердлово — Кубанка при явном превосходстве противника невозможно. В Одесской дивизии осталось пять пехотных батальонов, один артполк, мало снарядов… В Западном и Южном секторах идут напряженные бои. Для отражения атак противника брошены части Одесской дивизии, моряки Одесской военно-морской базы и работники НКВД. Просим отменить операцию, 3-й полк незамедлительно направить в Одессу».

Докладывая так, ВС, однако, не прекращал подготовки к десантной операции, в то же время изо всех сил пытаясь оттянуть ее до прибытия 157-й дивизии.

Прибывшие в Одессу начальник оперативного отдела штаба флота капитан 1-го ранга Жуковский, заместитель начальника отдела связи капитан 2-го ранга Гусев, флагманский артиллерист флота капитан 1-го ранга Рулль и другие командиры усиленно занимались разработкой операции. Штаб ООР активно вел воздушную, наземную и морскую разведку.

Штаб ВВС уточнял группировку пехоты, артиллерии и конницы противника в районе Свердлово, Благодарное, Кубанки, Гильдендорф, передвижение его войск в направлениях Петровское — Свердлово, станция Буялык — станция Кремидовка. Штабы дивизий проводили ночные поиски, чтобы выявить нумерацию частей, действующих перед каждым соединением, их смену, перегруппировки и инженерные работы.

Наконец в Одессу начали прибывать части 157-й стрелковой дивизии. Вместе с нею на пополнение поредевших частей переднего края прибыли 13 маршевых рот, хотя такая практика и противоречила строгому указанию Ставки:
«Резерв пополнения усиленно обучать технике ведения ближнего боя и огневой подготовке и ни при каких обстоятельствах маршевые батальоны целиком в бой не вводить».
Первыми прибыли батальоны 633-го стрелкового полка майора Гамилагдашвили.

В частях морской пехоты были и свои снайперы и свои музыканты.
Комиссар полка Карасев доложил, что полк в первые дни войны пополнился в Новороссийске мобилизованными рабочими цементных заводов, которые прошли уже хорошую подготовку и мало отличаются от кадровых красноармейцев.
Вслед за 633-м корабли доставили в Одессу 716-й и 384-й стрелковые полки, артиллерийский полк (24 76-миллиметровые пушки на конной тяге) и тылы дивизии.
На учебном корабле «Днепр» прибыли командир дивизии Томилов и комиссар дивизии Романов. Из доклада Томилова выяснилось, что приданный дивизии 422-й тяжелый гаубичный полк оставлен в Новороссийске и в Одессу направляться не будет.

Как только начали прибывать полки 157-й дивизии, ВС ООР, наученный горьким опытом, начал активные переговоры со Ставкой, чтобы не допустить использования ее по частям, и вскоре получил желаемую телеграмму Ставки с указанием: *«157-ю стрелковую дивизию использовать на направлении главного удара, не распыляя ее на решение второстепенных задач».*
Параллельно ВС убеждал Ставку и Генеральный штаб закрепить 422-й тяжелый артиллерийский полк за 157-й дивизией и прислать в Одессу. Результат этих запросов превзошел все ожидания Жукова, привыкшего уже к тому, что если ООР еще как-то и пополнялся людьми, то артиллерия за весь период обороны не поступала вообще.
Сформированные в Одессе 2-я кавалерийская и 421-я стрелковая дивизии вообще не имели артиллерии, а орудия 25-й и 95-й дивизий уже приходили в негодность. У противника же было до 80 орудий на километр фронта, против 2,4 в Восточном секторе, 4,4 в Западном и в Южном — 5,6 орудия на километр.
По итогам переговоров и просьб пришло сразу две телеграммы из Ставки, в одной сообщалось, что *«в Новороссийск прибыл для Одессы гвардейский дивизион „эресов“»* (48-й отдельный минометный дивизион), а в другой — что *«422-й гаубичный артиллерийский полк будет грузиться для отправки в Одессу».*
Начальник политуправления флота Бондаренко, прибывший в Одессу, внес некоторую «ясность» в распоряжения Военного совета флота относительно подготовки десантной операции. Оказалось, что проведение ее было отложено до 17 сентября только потому, что 3-й морской полк не закончил в указанное ему время формирование, не был укомплектован командным составом и не успел подготовиться к высадке.
Бойцов набирали как из экипажей кораблей и частей, так и из прибывавших на флот запасников. Особые требования предъявлялись к командирам и политработникам: нужны были люди, способные в кратчайший срок подготовить подчиненных к действиям во вражеских тылах, на незнакомой местности. И вдобавок — в ночных условиях. Для тренировок отвели участок берега в районе Казачьей бухты.
На подготовку кораблей и личного состава к высадке отводилось 5 суток.
Были установлены нормативы высадки с учетом ожидаемой погоды. Еще одну тренировку решено было провести на траверзе Херсонесского маяка. Крейсер «Красный Кавказ» попробовал произвести посадку десантников в баркасы при свежем ветре, но не уложился ни в какие нормативы. В срок погрузиться смогли только единичные бойцы.
Проведенная там же пробная высадка всего полка показала, что люди подготовлены еще недостаточно, и срок десанта пришлось отодвинуть. Возникали трудности и с вооружением полка — почти все стрелковое оружие, имевшееся на флоте, уже было отправлено в Одессу. Пулеметы десантникам достались немецкие, из захваченных трофеев.
По числу бойцов сформированная десантная часть далеко не соответствовала нормальному полку. В трех стрелковых батальонах и минометном дивизионе насчитывалось 1617 человек. Из них 180 были коммунистами. Командиром полка был назначен капитан Корень, военкомом — батальонный комиссар Слесарев из политуправления флота.

Кроме того, командование флота насторожили настоятельные просьбы Жукова не торопиться с высадкой, доложенные капитаном 1-го ранга Ивановым, вызвавшие недовольство вице-адмирала Октябрьского и члена Военного совета Кулакова, высказавшихся по адресу ВС ООР довольно нелестно.
Но через сутки ВС ЧФ получил еще и телеграмму, подтверждавшую доклад Иванова заявлением, что наступать на Свердлово — Кубанку при явном превосходстве противника невозможно. Она заставила Военный совет флота снова взвесить все обстоятельства и отложить операцию до 21 сентября, когда в Одессе ожидался 422-й артполк.
Полк прибыл 20 сентября, имея в своем составе тридцать шесть 152-миллиметровых гаубиц и по три боекомплекта к ним. Одновременно прибыл и танковый батальон, приданный дивизии. Численность дивизии после переброски составила 12 600 человек, при 70 орудиях разных калибров.

Операция планируется

(20 сентября)
20 сентября Военный совет ООР слушал доклад генерал-лейтенанта Софронова, отвечавшего за подготовку и проведение наступательной операции в Восточном секторе.
Бригадный комиссар Кузнецов и полковой комиссар Бочаров доложили о проведенной в частях партийно-политической работе. Все с нетерпением ожидали наступления, хотя в замысел его пока не были посвящены.
Утвердив разработанную начальником штаба Приморской армии полковником Крыловым плановую таблицу боя, в ту же ночь ВС ООР доложил Военному совету флота о том, что начало артподготовки намечено на 7 часов 30 минут, атака — на 8 часов 22 сентября, и просил авиацию флота нанести одновременно бомбовый удар по Гильдендорфу, Александровке и совхозу Ильичевка.
В целом плановая таблица выглядела так:
«21 сентября — рекогносцировка исходного положения для наступления на передний край обороны противника; организация взаимодействия и управления войсками;
22 сентября в 1.30 — выброска воздушно-парашютного десанта;
в 3.00— начало высадки морского десанта;
в 4.00 — удары авиации Черноморского флота по резервам противника…
в 6.00—атака вражеских аэродромов… авиацией Приморской армии;
в 7.00 — удары авиации Черноморского флота по вторым эшелонам противника;
в 7.30 до 8.00 — артподготовка; с 8.00—переход в наступление 421-й и 157-й стрелковых дивизий».
Решение на высадку десанта было разработано штабом эскадры ЧФ под руководством капитана 1-го ранга Андреева при участии прибывшего в Севастополь начальника оперативного отдела штаба ООР Иванова.
Планом операции предусматривалось, что днем 21 сентября и в ночь на 22-е авиация флота ударом по аэродромам и скоплениям войск противника в Восточном секторе парализует немецкую авиацию и сорвет сосредоточение вражеских сил. 3-й

морской полк под прикрытием артиллерийского огня кораблей высадится на пересыпи Аджалыкского лимана у деревни Григорьевка.
После высадки десанта корабли перенесут огонь в глубину расположения противника. 3-й морской полк с рассветом овладевает Чебанкой, Старой и Новой Дофиновкой, закрепляется и переходит к длительной обороне. Наступление полка поддерживается огнем кораблей по заявкам командиров подразделений через корректировочные посты, высаживаемые одновременно с десантом.
Пользуясь тем, что внимание противника будет отвлечено боем десанта по ту сторону Большого Аджалыкского лимана, 421-я и 157-я стрелковые дивизии при поддержке 37-й и 38-й батарей Одесской военно-морской базы, танкового отряда и кораблей очищают все пространство между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами, овладевая в конечном счете рубежом 1-й километр юго-западнее Свердлово — хутор Петровский — поселок Шевченко.
Каждая из дивизий непосредственно участвует в контрударе двумя полками. Один полк из 421-й дивизии остается в обороне на перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, а один из состава 157-й выводится в армейский резерв. 422-й артиллерийский полк 157-й дивизии в Одессу еще не прибыл, и рассчитывать на него не приходилось. К имевшимся у дивизии пяти легким батареям командование ООР добавило дивизион 134-го гаубичного полка. Другой его дивизион поступал в распоряжение 421-й дивизии. Обеим дивизиям обеспечивалась поддержка береговых батарей из Южного сектора, 421-й — также и кораблей ЧФ (зато у 157-й имелся танковый батальон).
Истребительная авиация ООР с рассвета 22 сентября поддерживает десант и прикрывает с воздуха корабли. В тылу противника выбрасывается группа парашютистов, которая частными диверсиями и огнем нарушает его связь и боевое управление, создает панику.
Обстановка в секторах Одесского оборонительного района 21 сентября была благоприятной для проведения операции. В Восточном секторе противник активности не проявлял, но готовился к наступлению. В Западном секторе в течение дня он три раза переходил в атаку, но был отбит и понес большие потери. В Южном секторе неоднократно пытался прорвать советскую оборону в направлении южной окраины Дальника, но успеха не имел.
Местом высадки был избран неширокий песчаный пляж, по-местному «пересыпь». Полоса мелкого, плотно сбитого волнами песка как бы «пересыпалась» между морем и лиманом, образовав перешеек, по которому проходит «важная автомобильная коммуникация» — шоссе Одесса — Херсон — Николаев. Справа и слева «пересыпь» была стиснута скалами, кроме того, выбранное место имело еще один недостаток — предельно малые глубины. Подойти непосредственно к берегу даже на баркасе было нельзя.

Особенностью многих частей морской пехоты ЧФ были хорошие вооружение и экипировка.

Вместе с пехотой.

Ввиду того, что десант перебрасывался из Севастополя и должен был пройти около 200 миль, для его доставки решено было использовать корабли, которые могли бы совершить такой переход за довольно короткое время. Кроме того, эти корабли должны были иметь сильную артиллерию, поскольку силы Одесского оборонительного района не могли оказать необходимую огневую поддержку в бою за высадку десанта.

В соответствии с замыслом крейсера предназначались для перевозки десанта и для его артиллерийской поддержки в ходе боя за высадку. Эсминцы имели задачу участвовать в перевозке десанта, а затем оказывать огневую поддержку десанту во время выполнения им задачи на берегу.

Для переброски десанта и обеспечения его боевых действий во время высадки и в дальнейшем предназначался отряд десантных кораблей, который состоял из крейсеров «Красный Кавказ» и «Красный Крым» и эсминцев «Бойкий», «Безупречный» и «Незаможник».

Для непосредственной огневой поддержки действий десанта был сформирован отряд огневой поддержки в составе сторожевого корабля «Кубань» и пяти катеров МО, которые находились в Одессе.
Непосредственным руководителем десанта под Одессой — командиром высадки был назначен, командующий эскадрой контр-адмирал Владимирский, а военкомом высадки — военком эскадры бригадный комиссар Семин. Отряд десантных кораблей, куда входили два крейсера и три эсминца, возглавлял командир бригады крейсеров каперанг Горшков, который еще не знал о том, что только что ему было присвоено звание контр-адмирала. Комиссаром отряда был полковой комиссар Прокофьев.
В районе высадки к десантным кораблям должен был присоединиться отряд высадочных средств из Одесской базы в составе канонерской лодки «Красная Грузия», буксира «Алупка», 22 катеров и 10 баркасов. Они предназначались для ускорения перевозки на берег десантников и их боевого имущества. Для этих же целей корабли десантного отряда имели на борту добавочные легкие катера и моторные баркасы.
В период подготовки кораблей по приказанию Горшкова на крейсера отряда было принято дополнительно несколько баркасов с других крейсеров. Для каждого баркаса и шлюпки определили нормы погрузки с учетом ожидаемой погоды.
Еще в период назначения высадки на 16 сентября Горшков провел с командирами кораблей тактическое занятие по изучению обстановки в этом районе.
Воздушное прикрытие десанта возлагалось на 63-ю авиационную бригаду флота, размещавшуюся на крымских аэродромах, и авиационный полк Одесского оборонительного района.
В целях навигационного обеспечения высадки к моменту подхода кораблей сил высадки в определенной точке запланировали установить светящийся буй, в районе которого все три отряда кораблей должны были встретиться и построиться в боевой порядок. Для обеспечения стрельбы корабельной артиллерии в состав первого броска десанта включили корректировочные посты с радиостанциями. С радистами этих постов и управляющими огнем кораблей провели специальные тренировки. Для сохранения скрытности подготовки десанта в Севастополе распространили слух, что 3-й Черноморский полк морской пехоты готовят для переброски в Одессу. В обстановке того времени это было вполне правдоподобным. Внезапность проведения операции планировалось достичь за счет быстроты и скрытности перехода из Севастополя в район высадки.
Время выхода было назначено с таким расчетом, чтобы начать высадку в полночь 22 сентября. Таким образом, замыслом боя предусматривалось решение задач десантом на берегу в ночное время, хотя согласно существовавшим в то время взглядам высадку десанта рекомендовалось осуществлять в предутренних сумерках, а десанту выполнять задачу в светлое время суток. В данном случае такое решение было обусловлено следующими соображениями: высадка в полночь давала возможность устранить использование противником в начале боя авиации, повышала скрытность подхода, должна была снизить эффективность вражеского огня по высадочным средствам при подходе их к берегу, усложняла для противника тактическую обстановку в районе боя и управление войсками.

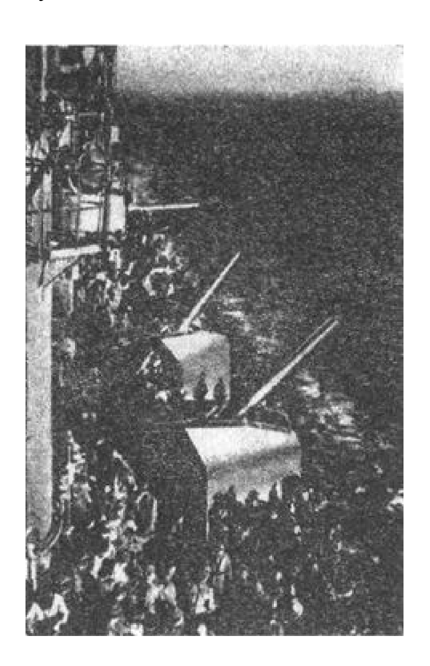
Операция задерживается

(21 сентября)

Вечером 20 сентября 3-й морской полк был сосредоточен в пригороде Севастополя, в районе бухты Казачья.

В 6 ч 21 сентября из Севастополя в Одессу вышел эсминец «Фрунзе» под командованием и. о. командира капитана 3-го ранга Ерошенко, имея на борту командующего эскадрой контр-адмирала Владимирского и группу сопровождавших его офицеров, которые должны были согласовать действия отрядов высадочных средств и непосредственной огневой поддержки с отрядом сил высадки, а также вопросы взаимодействия с сухопутными частями. Среди них находился и представитель командования ООР, начальник оперативного отдела штаба ООР каперанг Иванов, имевший при себе оперативные документы на осуществление высадки. В 7 ч в бухту Казачья вошли и стали на якорь крейсера. За 1 ч 7 мин «Красный Крым» принял на борт 1109 человек с оружием и боеприпасами и два корректировочных поста.

По нормам мирного времени считалось, что крейсер может разместить не более 500 человек. Но война меняла устоявшиеся представления и ломала стереотипы. С каждой последующей операцией ЧФ количество десанта, перевозимого крейсерами, постоянно увеличивалось. Во время Керченско-Феодосийской операции крейсер перевозил уже полк.

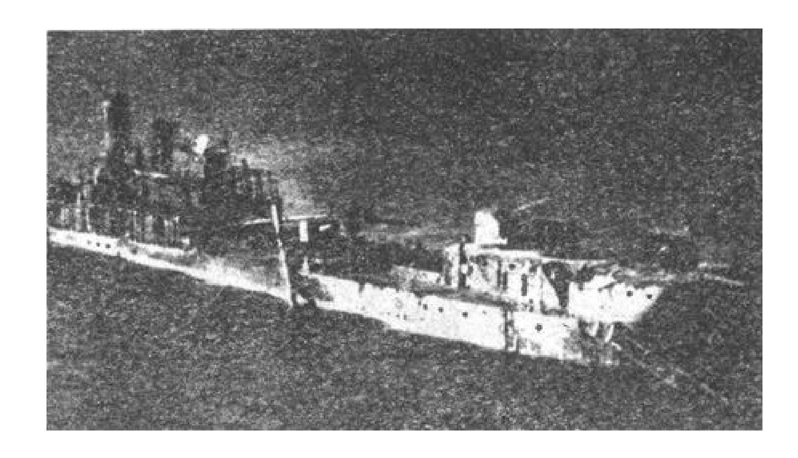

Крейсер «Красный Кавказ» с десантом на борту. В ходе войны крейсерам приходилось перевозить гораздо больше десантников, чем это предусматривалось по штатам.

«Красный Кавказ» за 40 минут принял батальон в составе 696 человек. С берега десантников доставляли на корабельных баркасах — это была своеобразная тренировка в посадке десанта на плавсредства.

В соответствии с планом в 13 ч 40 мин (по некоторым источникам, на 10 минут раньше) корабли отряда сил высадки вышли из Севастополя и взяли курс на Одессу; имея эскадренный ход 18 узлов. На крейсере «Красный Кавказ» находился

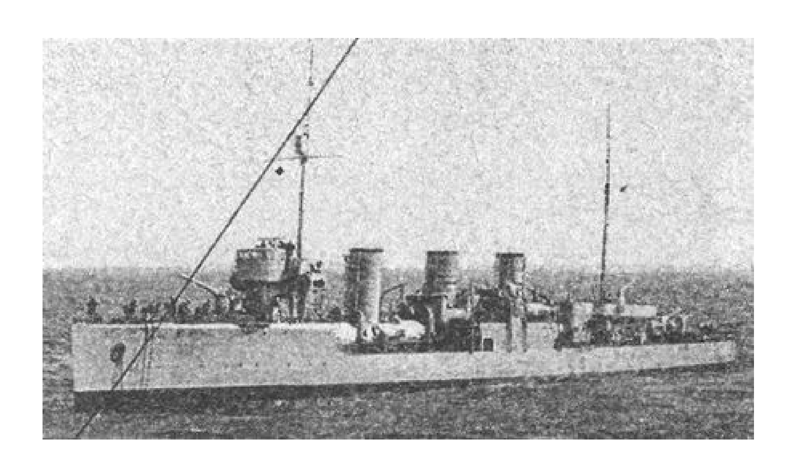
военком эскадры бригадный комиссар Семин, который должен был на переходе организовать разъяснение морякам предстоящей задачи.

Канонерская лодка «Красная Армения» после авиаудара.

Только после выхода личному составу полка и экипажам кораблей было объявлено о цели и предстоящих боевых действиях. Военком эскадры бригадный комиссар Семин, находившийся на крейсере «Красный Крым», зачитал обращение к участникам десанта. В нем разъяснялась боевая задача, ее роль в обороне Одессы и в общем ходе борьбы с врагом на побережье Черного моря. Аналогичные обращения были зачитаны и на других кораблях. Вместе с десантом на кораблях шли политические работники политотдела эскадры: батальонный комиссар Почупайло, старшие политруки Малышко и Макаров, политрук Еремеев. Они возглавили политическую работу на кораблях. Политработникам, партийно-комсомольскому активу, агитаторам кораблей и десанта были розданы заранее подготовленные листовки и обращения, нацеленные на поднятие боевого духа и развитие инициативы личного состава кораблей и десанта. В подразделениях были выпущены боевые листки, проведены митинги и собрания. С вахтенными на боевых постах были проведены индивидуальные беседы. Корабельные агитаторы, свободные от вахты матросы и старшины знакомили десантников, с оружием и боевой техникой, заверяли их в том, что моряки кораблей готовы надежно поддержать действия десантников огнем артиллерии. Считалось, что все это обуславливает высокий боевой настрой десантников и личного состава кораблей. Многие из них в тот день перед боем подали заявления с просьбой принять их в Коммунистическую партию.

Старшие помощники командиров кораблей провели с командирами подразделений десанта инструктаж о порядке выхода из помещений и подхода к трапам, посадке на плавсредства, о действиях при получении кораблем боевых повреждений.

Эсминец «Фрунзе».

Также было решено пойти на весьма нетрадиционный шаг и, учитывая предполагаемую скоротечность действий высаживаемого десанта, вместо сухого пайка выдать десантникам дополнительный комплект боеприпасов.

На переходе у «Фрунзе» поначалу все шло без помех. Но около 15 часов у Тендры сигнальщики эсминца доложили:

«Видим притопленную канонерскую лодку „Красная Армения“, дым, на корабле — никого».

Вскоре стали видны плавающие на воде люди. «Фрунзе» пошел по направлению к ним и спустил шлюпки. Одна из них подобрала и доставила на борт комиссара канлодки Серова.

Из полученной информации выяснилось, что лодка атакована авиацией противника полчаса назад.

Находившемуся поблизости буксиру «ОП-8» контр-адмирал Владимирский дал приказание идти к канлодке и тушить пожар.

Существовала реальная опасность, что бомбардировщики, израсходовавшие боезапас, могут, исходя из подлетного времени, вот-вот вернуться и повторить налет. Обычно при риске налета бомбардировщиков эсминцы находятся на среднем или полном ходу, даже если ведут обстрел берега. Однако командир «Фрунзе» Ерошенко, до этого командовавший лидером «Ташкент» и заменивший в этой операции его прежнего командира Бобровникова, раненного осколком бомбы, и контр-адмирал Владимирский, несмотря на важность поставленной перед ними задачи, остановили эсминец и вместе с буксиром занимались спасением людей.

В этот момент появилась восьмерка пикирующих бомбардировщиков Ju-87, идущая по направлению к «Красной Армении», видимо, с целью добить ее. Обнаружив эсминец, «Юнкерсы» сменили курс и развернулись для атаки. Бросив спущенную на воду шлюпку, эсминец стал спешно развивать ход.

Но устаревший «Фрунзе» не был скоростным кораблем, в отличие от того же «Ташкента», которым до этого командовал Ерошенко. Возможно, в этом одна из причин неудачного маневрирования — эффективность выполнения одних и тех же уклонений на скорости в 23 и 43 узла все-таки разные, а опыта боевого маневрирования таким относительно тихоходным, по сравнению с лидером, кораблем Ерошенко не имел.

Перестроившись в цепочку и последовательно входя в крутое пике, бомбардировщики начали бомбить корабль. И бомбили на редкость метко. Первые

бомбы упали в воду вблизи носовой части. Одна из бомб попала в полубак. Ее разрывом сорвало козырек ходового мостика, трап, вывело из строя переговорные устройства и все приборы, были убиты комиссар корабля Золкин, каперанг Иванов, тяжело ранен осколками в руку и живот командир эсминца Ерошенко, взобравшийся в этот момент для улучшения обзора на тумбу дальномера, легко ранены контр-адмирал Владимирский и старпом Носов.
Последующие свои атаки «Юнкерсы» сосредоточили на корме.

«Фрунзе», все еще живы. Кок эсминца «Фрунзе» Г. Пронин позирует с половником в одной руке и гильзой от снаряда в другой.
Эсминец, продолжая вести бой и маневрировать, управляясь с запасного командного рулевого поста, развил наконец максимальную скорость.
Но тут прямым попаданием в корму было уничтожено кормовое зенитное орудие, и заградительный огонь резко ослабел. «Юнкерсы» смогли без особых помех отбомбиться по корме, снизив высоту сбрасывания бомб от 800 до 100 метров. От повреждений румпельного отделения заклинило руль. Корабль начал описывать циркуляцию.
Добить потерявший управляемость эсминец не составило бы проблем, но в этот момент у «Юнкерсов» кончились бомбы. Пикировщики ушли, оставив «Фрунзе» в тяжелейшем положении: в носовую часть начала прибывать вода, рулевое управление было разбито, но машины и котельные отделения были пока в порядке. Управляясь машинами, эсминец продолжал двигаться в направлении Тендровской косы. Владимирский, принявший командование кораблем, решил в случае, если не удастся справиться с поступающей водой, приткнуться к отмели, чтобы потом облегчить подъем корабля.

Артиллеристы эсминца «Фрунзе».

Машинный телеграф был выведен из строя, и управлять машинами приходилось по телефонам и голосом через расставленных людей, что было довольно сложно. Периодически возникала путаница в передаче команд. В конце концов Владимирский спустился к палубным люкам в машинное отделение и начал командовать прямо в машины.

Но вода продолжала поступать. Сначала крен был небольшой, потом стал постепенно нарастать. Покидать корабль было не на чем. Часть шлюпок была разбита во время бомбежки, а остальные бросили в начале налета, не успев поднять на борт. Владимирский распорядился, чтобы из кубриков вынесли все койки, расшнуровали и разбросали по палубе пробковые матрасы: если корабль пойдет ко дну, чтобы всем хватило спасательных средств… Это оказалось не лишним.

Самолеты противника больше не появлялись. Корабль медленно, но упорно двигался к берегу. Крен тоже нарастал.

Наконец, движение вперед прекратилось. Эсминец уже мог перевернуться. Машинной команде и всему личному составу было приказано оставить внутренние посты и выйти на верхнюю палубу.

Но, несмотря на большой крен — весь правый борт был уже в воде, — корабль не переворачивался и даже перестал крениться: стало ясно, что, осев скулой правого борта, он оперся о грунт; это его и удерживало. Окажись эсминец в таком положении на более глубоком месте, он бы уже давно перевернулся.

С заполнением корабля водой крен стал уменьшаться. Под водой оставались надстройки и часть палубы левого борта, образовавшей с бортом «конек». Большая часть моряков, используя пробковые матрасы, плавала вблизи корабля; раненые оставались преимущественно на рострах, там же находился и Владимирский.

Когда эсминец сел на грунт, к нему подошел сзади ростр буксир «ОП-8» и стал принимать людей. Он подобрал всех — и плававших и оставшихся на надстройках. Ни на воде, ни на корабле не осталось никого.

Последними с корабля сошли его тяжелораненый капитан Ерошенко, не пожелавший эвакуироваться с ранеными, и контр-адмирал Владимирский.

Капитану буксира было приказано идти вдоль косы так близко к берегу, как это возможно, чтобы не сесть на мель.

И в этот момент вернулись «Юнкерсы». Перегруженный буксир не мог эффективно маневрировать. С первого же захода пикировщиков бомба попала в машинное отделение и буксир лег на борт. Почти все, кто до бомбежки находился на буксире, поплыли к берегу.

Борт и надстройки, приняв горизонтальное положение, выступали из воды. На них оставалось восемь-девять тяжелораненых, не способных плыть. Среди них был и Ерошенко. За каждого из раненых отвечал здоровый краснофлотец. Владимирский также остался на буксире.

Увидев, что буксир затонул, «юнкерсы» стали разгружаться от бомб и стрелять из пулеметов по плывущим к берегу.

В числе убитых оказался и командир электромеханической боевой части эсминца Зызак. Чтобы вражеские летчики не видели, что на буксире есть еще люди, оставшиеся на нем спрятались под фальшборт, примостившись на стенках

надстроек. А когда самолеты ушли, выбрались из-под фальшборта наружу. Через 15–20 минут пришел торпедный катер и доставил всех выживших на Тендру.
Утром 21 сентября все члены Военного совета ООР отправились в части для проверки их готовности к наступлению. Во второй половине дня контр-адмирал Жуков начал проведение совещания с целью устранения выявленных недостатков по подготовке операции. Флагманский артиллерист ЧФ капитан 1-го ранга Рулль доложил, что для корректировки огня с кораблей все подготовлено. Корпосты выделены и будут высажены вместе с десантом. Часть огневых точек противника засечена. Таблицы переговоров планировалось доставить катерами на эсминцы к моменту их подхода.
В 16 ч 05 мин вошедший дежурный по связи доложил, что согласно полученной радиограмме час назад эсминец «Фрунзе» атакован авиацией противника и потоплен на траверзе Тендры. О судьбе контр-адмирала Владимирского ничего не известно.
Принятая радиограмма была отправлена с Тендры капитаном 2-го ранга Мельниковым в 16.05 в Севастополь и Одессу. Мельников сообщал, что в 15 часов 7 минут эсминец «Фрунзе» был атакован бомбардировщиками Ju-87 и потоплен в 90 кабельтовых от маяка; к месту гибели выслан буксир. Потоплена и канонерская лодка «Красная Армения»; погиб комиссар дивизиона Славинский.
— *Как будет с операцией?* — поинтересовался генерал-майор Шишенин.
— *Корабли с десантом уже идут из Севастополя. Думаю,* — ответил Жуков, — *что все останется в силе… Особенно то, что зависит от нас.*
Во второй радиограмме, пришедшей с Тендры, сообщалось, что потоплен и буксир «ОП-8», а буксир «Тайфун» поврежден бомбами.
— *Неужели корабли с десантом повернут обратно?* — спросил командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронов.
— *Думаю, не повернут*, — возразил Жуков.
Командующий ЧФ, получив радиограмму о гибели «Фрунзе» и не имея сведений о контр-адмирале Владимирском, приказал возглавить операцию каперангу Горшкову. Во изменение прежних распоряжений он приказал также крейсерам сразу после высадки возвращаться в Севастополь, чтобы затемно оторваться от Тендры, а миноносцам остаться для огневой поддержки десанта.
В 19 часов очередная радиограмма с Тендры принесла известие: большинство личного состава эсминца «Фрунзе» спасено, контр-адмирал Владимирский отправился в Одессу на торпедном катере.
Командующий ООР Жуков поехал в порт, чтобы лично встретить Владимирского. Там уже был командир базы контр-адмирал Кулешов. Он доложил, что на «Чапаеве» прибыл дивизион «эрэсов». Жуков распорядился держать этот дивизион в резерве Военного совета.
Кулешов волновался: по времени уже нужно было отправлять высадочные средства навстречу кораблям с десантом, но нет инструкций, поэтому неизвестны ни точки встреч, ни другие необходимые указания — их вез из Севастополя Иванов. Кулешов надеялся, что он прибудет вместе с Владимирским.
Около 21.40 послышался рокот мотора, и вскоре к причалу подошел катер, с которого спустился контр-адмирал Владимирский в кителе, наброшенном на свежие наложенные бинты.

Поздоровавшись с Владимирским, Жуков спросил:
— *Где же наш Иванов?*
— *Убит при первом налете. Документация погибла.* — Владимирский с трудом застегнул китель.
На какое-то время на причале воцарилось молчание…
— *Группа сторожевых катеров и канлодка «Красная Грузия» ожидают инструктаж,* — прервал молчание Жуков. — *Документация вместе с Ивановым погибла. Время на исходе. Мы опаздываем. Какие будут указания?*
Владимирский повернулся к Кулешову.
— *Запоминайте, Илья Данилович,* — начал он — *«Красная Грузия» вместе со сторожевыми катерами должна быть в точке рандеву в двадцать четыре ноль-ноль.*
Вам надлежит принять первый бросок и высадить десантников на берег… Огнем своей артиллерии подавить огневые точки врага. Канлодка будет служить ориентиром для баркасов, идущих с десантом… Катерам быть в дозоре, части катеров следовать с «Красной Грузией» — принимать раненых и оказывать им помощь. Сообщите на «Красный Кавказ», что запаздываете.
В 21 час 50 минут начальник штаба базы дал извещение на крейсер «Красный Кавказ», что канлодка «Красная Грузия» и отряд катеров будут в точке рандеву ровно в час.
Контр-адмирал Владимирский отправился к точке рандеву на катере, чтобы как можно быстрее принять участие в руководстве высадкой.
Десантный отряд уменьшил ход, чтобы не прийти к условной точке раньше, чем нужно. Ровно в назначенное время он прибыл на место и стал по диспозиции.
«Красная Грузия» и высадочный отряд запаздывали.
У подходной точки фарватера корабли десанта должны были определяться по Тендровскому маяку. Для более точной ориентировки Одесская база выставила буй с постоянным белым огнем, видимым за три мили, а за внешней кромкой минного заграждения базы — усиленный дозор сторожевых и торпедных катеров.
Каперанг Горшков и бригадный комиссар Семин еще в пути получили от командующего флотом радиограмму, что эсминец «Фрунзе» погиб, а судьба Владимирского неизвестна.

Крейсер «Красный Кавказ» ведет ночной обстрел позиций противника.

Потеря эсминца от одного-единственного налета восьмерки пикировщиков произвела на командование флота сильное впечатление. И несмотря на то что на переходе корабли десантной группы успешно и без каких бы то ни было потерь отразили налет авиации противника, выставив «огненный еж», который ни один «Юнкерс» так и не преодолел, было решено сразу после производства высадки отозвать крейсера обратно в Севастополь, дабы они смогли миновать злополучную Тендру еще под покровом темноты.

Боевые действия под Григорьевкой решено было проводить по существующему плану. В него внесли лишь одно изменение — после высадки десанта крейсерам надлежало сразу же возвращаться в Севастополь. Для огневого содействия продвижению десанта в районе Григорьевки оставлялись три эсминца.

Командование высадкой поручалось командиру бригады крейсеров Горшкову.

Горшков опасался за свою бригаду не меньше Военного совета ЧФ. Считая, что длительное маневрирование кораблей десантного отряда на пеленге Григорьевского мыса рано или поздно приведет к их обнаружению, каперанг Горшков принял решение начать высадку по плану, не дожидаясь подхода остальных отрядов, и использовать для высадки первого броска корабельные баркасы и шлюпки. Не дожидаясь прихода «Красной Грузии», он решил спустить на воду баркасы и приступить к высадке согласно утвержденной диспозиции.

То, что при отсутствии отряда высадочных средств время высадки увеличится в несколько раз и что все это возросшее время людей придется высаживать под вражеским огнем, капитана 1-го ранга не смутило.

В 1 ч 21 мин на корабли десантного отряда был передан сигнал о начале артиллерийской подготовки.

Операция начинается

(1 час 23 минуты — 5 час. 00 минут 22 сентября)

В 1 час 23 минуты крейсера открыли огонь по позициям противника. Став на якорь в 20–25 кабельтовых от берега, они повели огонь по заранее выявленным

оборонительным объектам румын. Корабли вели огонь осветительными снарядами, одновременно начав обработку берега.
Через минуту, когда берег был уже слегка «подсвечен», к ним присоединились и эсминцы.
Стрельба велась в максимальном темпе, благо сравнительно короткая дистанция это позволяла. Частый огонь должен был хоть в какой-то степени уменьшить потери высаживающихся десантников. За несколько минут эсминцы выпустили по сотне снарядов.
Над берегом, заливая его дрожащим, переливающимся светом, ослепительными шарами висели «люстры» осветительных снарядов. Они медленно опускались на парашютах, на их месте яркими вспышками возникали другие.
Но беспрерывные вспышки орудийных залпов неплохо подсветили и море на участке высадки, на протяжении всех 25 кабельтовых, которые еще надо было пройти…

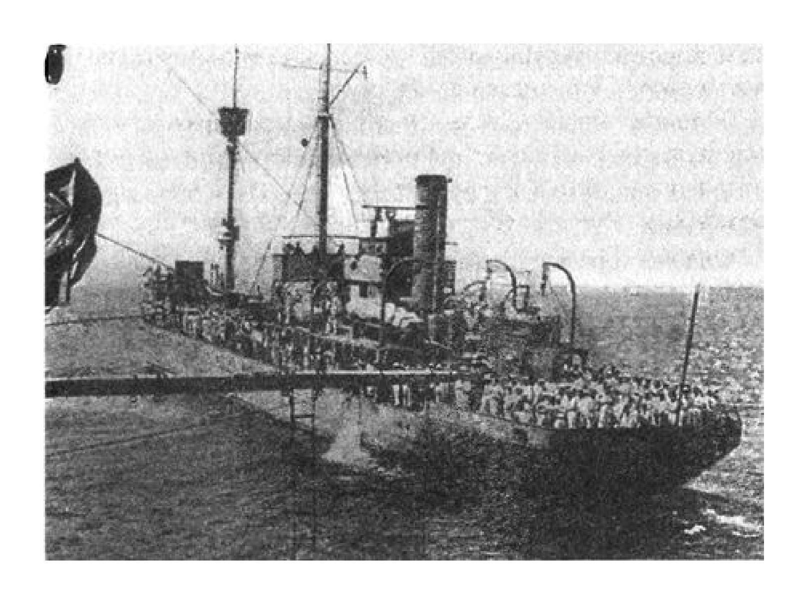

Высадка со шлюпок на мелководье.
В 1 час 30 минут поступил приказ каперанга Горшкова начать высадку.
В 1 час 35 минут первыми от крейсеров отошли баркасы, имеющие моторы, за ними двинулись шлюпки с эсминцев. Ориентиром для них у места высадки должен был служить гакабортный огонь канлодки «Красная Грузия», которая, приткнувшись вплотную к берегу, обязана была поддерживать десант огнем.
Но канлодка запаздывала, и баркасы пошли к берегу самостоятельно, ориентируясь на осветительные снаряды крейсеров и пожары, вспыхнувшие в Григорьевке.
Так основными для высадки стали плавсредства, по плану рассматривавшиеся как вспомогательные. За 10 минут артподготовки уже стала ясна ее довольно низкая эффективность, поэтому вместе с группой первого броска, которую составила рота третьего батальона лейтенанта Чарупы, на баркасах находились и корректировочные посты с крейсеров и эсминца «Бойкий».
Пока первая группа десанта добиралась до берега, что заняло около получаса, корабли как могли поставили огневую завесу на флангах, а потом и по фронту участка высадки. По подходящему десанту велся ружейно-пулеметный огонь, поддерживаемый противотанковыми ружьями, а по шлюпкам, имевшим более тихий ход, с господствующих над пляжем высоток открыли огонь румынские минометы, подавить которые в темноте не удавалось.
Установленные в носовой части каждого баркаса станковые пулеметы вели ответный огонь. У десантников появились первые убитые и раненые. Около 2

часов ночи на сторожевом катере к крейсерам подошел контр-адмирал Владимирский. Высадочные средства к этому моменту вплотную приблизились к месту высадки.
Но при подходе к неразведанному берегу стали сказываться недостатки выбранного участка высадки — в 100–150 метрах от берега баркасы стали натыкаться на мель.
Чтобы выгрузить пулеметы и другое тяжелое вооружение, матросы, спрыгивая в воду под огнем, искали более или менее проходимые для баркасов участки, по которым их вручную подтаскивали к берегу.
В этот момент румынам удалось прижать огнем десантников, фактически почти достигших берега. Люди гибли в нескольких десятках метров от берега, не будучи из-за интенсивного огня в состоянии добраться до него по колено в воде.

Расчет румынского миномета ведет огонь.
Неподвижные баркасы стали удобной целью для румынских минометчиков, и те немедленно перенесли на них огонь. В этот момент десантники понесли чувствительные потери и от минометного огня. На одном из баркасов осколками разорвавшейся рядом мины был полностью уничтожен пулеметный расчет. Командир баркаса старшина 1-й статьи Бойко бросился к пулемету и заменил пулеметчиков.
В этот критический момент комиссар высадочных средств старший политрук Еремеев по рации приказал группе прикрытия, обеспечивающей высадку, подавить огневые точки противника на берегу.
Старшина Бойко и другие пулеметчики вели огонь по окопам трассирующими пулями. От близких разрывов мин пулеметы часто умолкали.
От одного такого разрыва старшина Бойко получил осколочное ранение в живот. Но, видя, что для подавления огневых точек необходимо обозначение целей, а пулеметный огонь по окопам не ведется, продолжил обозначать укрытия противника трассирующими пулями до тех пор, пока не истек кровью.
Усилиями находившихся на баркасах корректировщиков удалось добиться накрытия расположенных за пересыпью окопов. Несколько десантников с лейтенантом Чарупой выбрались на берег, под прикрытием артиллерийского обстрела подобрались к румынским окопам и забросали их гранатами.

Канонерская лодка «Красная Грузия».

Сильно поредевшая третья рота наконец смогла выдвинуться на берег и атаковала позиции минометов, расположенные на высоте за пляжем. Многочисленные жертвы моряков, понесенные из-за отсутствия канонерской лодки и 5 катерных охотников, которые должны были непосредственно поддерживать десант огнем, все же оказались не напрасными. Находившиеся все время под огнем десантников румыны не смогли снять обозначающие таблички с выставленного перед их позициями минного поля. Не выдержав атаки десантников, румыны отошли в расположенную позади них деревню Григорьевку. Участок высадки был захвачен. К этому моменту баркасы успели вернуться к кораблям и снова двигались к берегу со второй партией десанта. В ней находились командир третьего батальона старший лейтенант Матвиенко и военком батальона политрук Прохоров. Со второй партией на берег была доставлена и минометная батарея.

При движении к берегу одним из последних выстрелов румынских минометов был смертельно ранен военком Прохоров и получил осколочное ранение Матвиенко. Как и многие десантники, командир батальона, сделав перевязку, остался в строю. Минеры из его батальона стали снимать минное поле.

В 2 часа 40 минут до места высадки наконец добралась канонерская лодка «Красная Грузия». Надобность в ее огневой поддержке уже отпала, и она, подойдя к «Красному Кавказу», приняла с него оставшихся десантников.

Продолжая продвижение к Григорьевке, рота Чарупы попала под сильный пулеметно-минометный огонь. Не имея уже сил атаковать, Чарупа оставил перед Григорьевкой небольшой заслон, а сам с остатками роты стал обходить Григорьевку с фланга. Выждав момент, когда перед Григорьевкой скопились две роты, которые подтянул Матвиенко, Чарупа неожиданно ударил румынам во фланг, завязав рукопашный бой. 1-я и 2-я роты батальона немедленно поддержали его атакой с фронта, и противник был выбит из деревни. Во время атаки Матвиенко получил второе ранение — на этот раз осколком гранаты.

К 5 часам утра десант был высажен полностью. Высадка его вместо часа по плановой таблице заняла без запоздавшего отряда высадочных средств более трех часов.

Без также запоздавшего к высадке отряда огневой поддержки, только по официальным данным, потери десанта составили 332 человека.
При высадке был смертельно ранен комиссар 3-го батальона Прохоров и убит наповал комиссар 1-го батальона Прокофьев.
После высадки крейсера немедленно снялись с якорей и затемно отправились назад в Севастополь.

Воздушный десант

Одновременно с высадкой десанта с моря, в тыл противнику между деревней Шицли и поселком Булдынка с самолета ТБ-3 ст. лейтенанта Гаврилова 18-го транспортного авиаотряда ЧФ были сброшены 23 моряка-парашютиста под командованием старшины Кузнецова. Задачей десанта были отвлекающие и дезорганизующие действия в ближнем вражеском тылу, в первую очередь уничтожение проводной связи.
Незадолго до принятия решения о высадке десанта по инициативе военкома ВВС флота бригадного комиссара Степаненко для действий по нарушению связи во вражеском тылу была создана нештатная воздушно-десантная группа из краснофлотцев и младших командиров аэродромных служб.
Несмотря на то что подготовка к подобным операциям была проведена всего за две недели силами флота и часть матросов-добровольцев, отобранных для операции, не имела прыжкового или боевого опыта, в целом группа была достаточно подготовлена для выполнения поставленных задач.
Каждый моряк-парашютист был вооружен пистолетом-пулеметом ППШ либо ППД или самозарядной винтовкой, а также шестью гранатами и десантным ножом. Для нарушения проводной связи десантникам дополнительно был выдан необходимый мелкий инструмент (кусачки, ножи, кошки).
С воздуха опускавшиеся парашютисты хорошо видели участок высадки морского десанта.
Даже с высоты в отсветах залпов орудий хорошо просматривалась линия берега. Поэтому все десантники после приземления смогли сориентироваться на, местности.
В воздухе парашютисты противником обнаружены не были. После приземления, не имея трудностей с определением направления даже в темноте, парашютисты стали двигаться в направлении участка высадки 3-го морского полка, как и было предусмотрено планом.
Больше всех из десантников не повезло молодому матросу Королеву. Неправильно закрепленное снаряжение, в том числе и незашвартованный автомат, ударили его во время прыжка в лицо. Королев потерял сознание и очнулся уже на земле. У Королева было сильное сотрясение мозга, а все лицо разбито от удара об автомат. Времени прошло много, уже просветлело, высадившиеся батальоны продвигались уже к обоим Дофиновкам, когда лежащий без сознания Королев был обнаружен двумя бежавшими из Григорьевки румынскими солдатами.
От предупреждающего окрика «матросен» Королев пришел в себя и схватился за автомат. Один из румын растерялся и бросился бежать, не заметив, что из вскинутого автомата вывалился диск. Второй солдат бросился на десантника,

пытаясь заколоть его штыком. Королев перехватил винтовку и смог подмять румына под себя. Но выхватить из ножен кинжал тяжело раненному матросу не удалось. Тогда Королев попытался бить румына гранатой, которая, как выяснилось позже, была взведена. После четвертого удара румын отнял гранату и, свалив Королева одним ударом, прихватил его автомат, диск и побежал. Королев, не потерявший сознания, схватил брошенную румыном винтовку и только после этого сообразил, что она без патронов. Тогда десантник бросил вслед румыну гранату. Граната разорвалась слишком далеко от румына, но близко к Королеву, ранив его в ногу осколком. Королев слышал по близкой стрельбе, что бой идет уже где-то рядом, и понимал, что румыны отступают. Страх выйти к своим без оружия, не приняв участия в боевых действиях, заставил его догнать румына, несмотря на ранения. Догнав, Королев ударил его прикладом винтовки по голове, но сил опять не хватило. К отнимающим друг у друга винтовку румыну и матросу в это время стал приближаться какой-то всадник. Так как кавалеристы тут могли быть только румынские, солдат, сняв одну руку с винтовки, стал махать, призывая на помощь. Королев тоже освободил одну руку и достал еще одну гранату, собираясь бросить ее под ноги и взорвать себя с обоими врагами.

Отряд моряков-десантников.

Впоследствии Королев так рассказывал об этом корреспонденту «Правды» Соболеву: *«Стоим так и ждем. Я все на фашиста смотрю: думаю, не оглушил бы он меня свободной рукой… Тогда живым заберут, много ли мне было надо: дать раз — ив глазах вовсе потемнеет. А у него выражение лица вдруг изменилось — глаза выкатил, коробочку раскрыл и глядит мне через плечо. Я обернулся — всадник уж рядом… Гляжу, — мать честная! — это ж Коровников из первого батальона! Скачет к нам на полном газу, и ленточки вьются. Бросил солдат мой автомат — и тикать! Коровников его с ходу одним выстрелом положил — и ко мне… А у меня и сил никаких нет: кончились…»*

Выяснилось, что политрук одного из высадившихся морских батальонов, осматривая местность в бинокль, увидел на высотке двух борющихся людей.

«— Что за черт? — сказал он недоверчиво. *— А ну-ка, гляньте в снайперский прицел, он посильнее: никак там морячок французской борьбой с фашистом занимается».*

В прицел рассмотрели, что это был действительно моряк. Все подробности этой борьбы снайпер передавал любопытным, выжидая момент, когда можно будет безопасно для Королева выстрелить в солдата. Но политрук уже распорядился: матрос Коровников вскочил на трофейную лошадь и весьма кстати прибыл на помощь Королеву.

Беседа с Королевым впоследствии была положена Соболевым в основу его рассказа «Поединок», который в общем соответствовал действительности, в отличие от другого рассказа Соболева об эпизоде этого десанта — «Батальон четверых».

В «Батальоне четверых» десантник Негреба, взорвавший румынский командный пункт, оборудованный в погребе, броском гранаты в вентиляционную отдушину, натыкается на отстреливающегося от румын раненого десантника Леонтьева, и, вместе отбившись, они встречают затем еще двух парашютистов: Перепелицу и Котикова. Вчетвером моряки отбиваются от десятка румын и находят еще одного парашютиста — Литовченко. После чего все пятеро моряков выдерживают упорный бой с отступающими румынами и поддерживающими их шестью немецкими автоматчиками, отбивают две атаки и в финале рассказа отбивают «лавину румын, покатившуюся к балке».

В действительности события развивались несколько иначе.

Приземлившийся возле берега лимана Литовченко начал движение в сторону высаживающегося десанта. После рассвета десантник обнаружил огневую точку и, обходя ее, наткнулся на другого парашютиста — Котикова. Вдвоем они наткнулись на двух румынских связистов, но нападать не стали, чтобы не обнаруживать себя раньше времени. Еще через полчаса им встретились Перепелица, Леонтьев, Лукьяненко, Резников и Хруленко. Всемером десантники напали на нескольких солдат противника и, не встретив с их стороны сопротивления, захватили в плен, спрятали их оружие и повели в сторону приближающихся звуков боя под Григорьевкой.

Ведя пленных, десантники, очевидно, посчитали свою задачу на этом выполненной и, находясь в хорошем настроении («*…идем, посмеиваемся, поторапливаем пленных…*»), не только больше не искали встречи с противником, но и не слишком внимательно наблюдали за местностью. В результате румыны обнаружили десантников, устроили засаду, внезапно открыли огонь и стали забрасывать гранатами.

Хруленко и Резников были убиты на месте. Леонтьев получил множественные осколочные ранения в грудь и живот. Литовченко был ранен осколком в ногу. Однако моряки, ведшие себя до этого довольно беспечно, в момент нападения проявили удивительное мужество. Они даже не залегли, а бросились на противника, находившегося на расстоянии броска гранаты, и, пользуясь превосходством в автоматическом оружии перед румынами, имевшими винтовки, открыли шквальный огонь из автоматов. Во время сближения с противником Котиков получил пулю в щеку, а Перепелица две пули из ручного пулемета в бедро. Однако десантники не обращали внимания на собственные раны, а непрерывно стреляли, продолжая сближаться с противником. В результате часть румынских солдат была убита, остальные бежали. Пленные, воспользовавшись боем, повели себя по-разному — часть бежала, а трое набросились на отставшего

от остальных из-за осколочного ранения в ногу Литовченко. На помощь к Литовченко прибежал Котиков и успел уничтожить румын раньше, чем они смогли завладеть оружием.
В этот момент появился вышедший на звуки перестрелки Негреба. Он рассказал, что еще ночью перерезал телефонный провод и взорвал командный пункт, на который случайно наткнулся (этот эпизод подробно и довольно правдоподобно описан у Соболева).
Моряки собрались продолжать выходить к своим, но Леонтьев не мог идти и просил его оставить. Его уложили в воронке, дали ему еще шесть дополнительных гранат и, посоветовав никого к себе не подпускать, решили идти на поиски носилок.
Но, пройдя совсем немного, десантники стали натыкаться на отступавших в их направлении румын. Поняв, что скоро неизбежно будут обнаружены, десантники заняли удобную позицию, укрепились на ней и периодически открывали огонь, если румыны случайно подходили слишком близко. Как указал потом Литовченко в объяснениях: *«На сближение они не шли, а мы не могли их преследовать: почти все были ранены».*

Бросок на противника.

Таким образом десантники продержались до сумерек, чутко прислушиваясь, не раздается ли позади стрельба, где ожидает носилок раненый Леонтьев…
Однако Леонтьев, несмотря на ранения, тоже сумел грамотно сориентироваться в ситуации. Он хорошо слышал периодическую редкую стрельбу в направлении, куда ушли моряки, и понимал, что дальше они двигаться, очевидно, не могут, но и ожесточенного боя тоже не ведут.
Поэтому, дождавшись сумерек, Леонтьев решил, что оптимальным в его положении будет ползти к товарищам, которые с наступлением темноты вполне могут продолжить искать носилки…
Кое-как Леонтьеву удалось добраться до десантников до полной темноты. Как рассказал Литовченко: *«В сумерках приполз Леонтьев. Мы были удивлены. „Мне стало легче, — сказал он, — а одному оставаться на ночь тяжело. Все время слышал перестрелку в том направлении, куда вы ушли, и решил добраться до вас“. Мы рады были, что он пришел».*
С наступлением темноты, после того как выяснилось, что противник ушел, десантники безо всяких носилок принесли Леонтьева в ближайшую деревню.

Теперь десантники уже не теряли бдительность, и до утра Негреба, Перепелица и Котиков, сменяя друг друга, караулили возможное возвращение румын. На рассвете к Литовченко прибежали двое деревенских ребятишек и рассказали, что в стогах за деревней прячутся раненые румынские солдаты и оружия при них, кажется, нет. После устроенного десантниками прочесывания стогов в группе снова появились пленные. В этот раз трофеи составили два раненых офицера и шесть замерзших солдат, которые утром 23 сентября и были доставлены десантниками в расположение батальонов 3-го морского полка.
Некоторые десантники, не обнаружив товарищей, действовали в одиночку. Григорий Елисеев, не встретив товарищей, не стал тратить время на их поиски, а, пожалуй в большей степени, чем кто-либо, сосредоточился на выполнении непосредственных задач десанта.
Сначала он долго не мог найти ни одного провода, но потом понял, где румыны прокладывают связь, и стал не просто перерезать провода, а вырезать их целыми кусками и наматывать на себя. Как он потом пояснил, поступал он так, *«боясь, что, если обрезать их и бросить, связисты могут срастить».* Как говорили встретившие его потом десантники: «Он превратился в „телефонную катушку“».
Однако провода не мешали Елисееву продолжать совершение диверсий. Встретив на дороге две румынские тачанки (совершенно аналогичные нашим времен Гражданской войны), Елисеев забросал их гранатами. Одна тачанка свалилась с дороги, второй удалось удрать.
Но у Елисеева еще оставались неиспользованные гранаты, и он продолжал искать встречи с врагом.
Подойдя к деревне Шицли, в районе которой и выбрасывался десант, Елисеев задними дворами среди бела дня подобрался к стоящей возле одного из домов легковой машине. Находясь в укрытии и рискуя в любой момент быть обнаруженным, он дождался, когда из дома вышли два офицера, и в момент, когда они подошли к машине и, открыв дверь, стали садиться, метнул в машину гранату, после чего успел задворками добраться до кукурузы.
В одиночку пришлось поначалу действовать и Федору Воронкову.
Приземлившись и немного посвистев, как было условлено перед прыжками, Воронков отыскал идущую в нужном направлении дорогу с линейной линией связи на шестах. Воронков стал перерезать провода, скручивать их и отбрасывать в сторону. Далее… как рассказывал Воронков: *«…услышал тарахтение колес. Сошел с дороги. Разобрал: разговаривают не по-русски. Когда повозка поравнялась со мной, я бросил одну за другой две гранаты. После взрыва услышал крики и стрельбу. Перебежал кукурузное поле и вышел к посаду».* Впоследствии Воронков присоединился к другим парашютистам и с ними вышел к своим.
Матрос Бакланов действовал вместе с старшиной 1-й статьи Чумичевым, по его рассказу, они *«…вышли на полевую дорогу. Увидели несколько повозок, сопровождаемых двумя кавалеристами. Подпустив их поближе, Чумичев крикнул: „Стой!“*
Ездовые, солдаты и сопровождающие растерялись. А Чумичев кричит: „Взвод, гранаты к бою!“ Бросил за Чумичевым и я две гранаты. Повозки разнесли. Солдаты попадали, а один кавалерист пригнулся к гриве лошади и галопом удрал.

Мы, уходя в кукурузу, дали по направлению дороги, где были повозки, несколько очередей из автоматов и ушли. Никто нас не преследовал…»

Моряки уничтожают врага гранатами.

Потери десантников составили 9 человек убитыми, 11 человек смогли выйти в расположение 3-го морского полка, хотя часть из них имела ранения и двое, имевших тяжелые ранения, были оставлены до подхода основных сил в ближайших деревнях.

Командование сочло задачи десанта выполненными, сделав по итогам операции следующие выводы:

«…1. Парашютно-десантная группа задачу выполнила и свое назначение оправдала.

2. Группу парашютистов в 13 человек используем как основной костяк в создании парашютно-десантных отрядов.

3. На ближайший период ставим задачу о создании более крупной и наиболее подготовленной группы.

4. Наиболее эффективным оружием оказалась не винтовка, а граната и автопистолет.

5. Белый купол парашюта себя демаскирует; необходима покраска парашютов в маскирующий цвет.

6. Каждому бойцу необходимы перевязочные материалы для оказания первой медицинской помощи.

7. Крайне необходимо иметь парашютисту кусачки, кошку, нож и другие мелкие инструменты…»

О степени эффективности действий десанта судить трудно, но можно с уверенностью сказать, что связь с ключевыми пунктами румынской обороны — Старой и Новой Дофиновками нарушена не была в течение почти всего 10-часового боя. Румыны запрашивали подкрепления, докладывали об обстановке и получили указания ни в коем случае не оставлять обе деревни, защищая их до последней возможности.

Впрочем, и трудно ждать эффективного нарушения связи, не имея данных об организации системы румынской связи и расположении основных линий, которые

необходимо будет уничтожить. Никаких конкретных участков десантникам для действий выделено не было, и они нарушали те линии, на которые натыкались. Однако усилия и жертвы десантников были не напрасны. Накопленный опыт был изучен и обобщен, допущенные в первой операции подобного рода на ЧФ ошибки были учтены. Тремя месяцами позже, во время Керченско-Феодосийской операции, второй подобный десант, выброшенный на Керченский полуостров, действовал значительно эффективнее, сумев в течение 8 дней небольшими группами произвести тщательную разведку целей, затем эффективно нарушить связь и создать у противника видимость высадки больших сил, и в итоге основными силами захватил и удержал до высадки морского десанта Арбатскую стрелку и Ак-монай..

Огневая поддержка

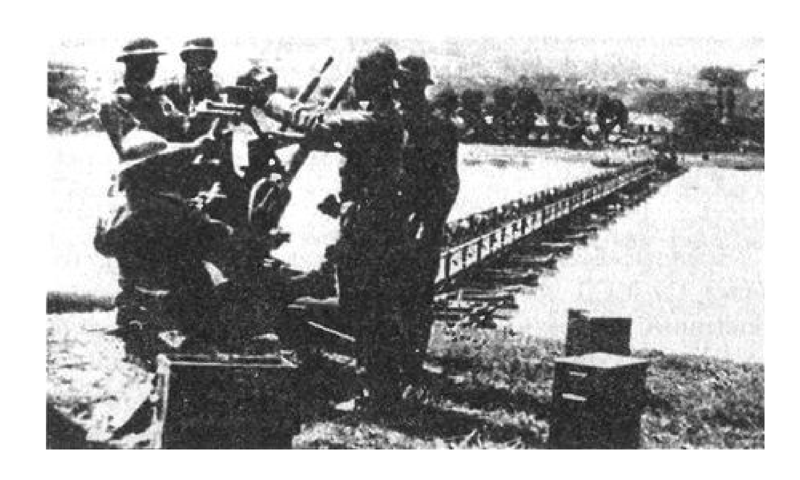
С рассветом оставленные для огневой поддержки десанта эсминцы, канонерская лодка «Красная Грузия» и морские охотники повели огонь по заявкам с берега. До часу дня корабли без помех работали по донесениям корректировочных постов. Эсминец «Беспощадный» действовал в интересах 133-го полка 421-й СД, наступавшего в направлении Вапнярки. Усиленный корректировочный пост с эсминца в составе 5 матросов под командованием лейтенанта Клименко выдвинулся на возвышенность перед кукурузным полем, левее которого находилась дамба, по которой перебрасывалась румынская техника, являвшаяся основной целью для эсминца.

Не успев развернуться на высоте, корпост попал под минометный обстрел. Переждав его, матросы, на время укрытые от противника усилившимся дождем, отрыли окоп, установили станковый пулемет на случай попытки захвата противником и замаскировали позицию ветками.

Когда дождь несколько стих, в бинокль стало видно, что на кукурузном поле противник накапливается для атаки. Румыны, опять заметившие после улучшения видимости движение на высоте, снова открыли по ней огонь, теперь из пулемета. Клименко использовал румынский пулемет в качестве пристрелочного ориентира и первые координаты дал на него.

Пристрелочный снаряд разорвался на краю поля, позволив сразу дать правильные координаты для залпового огня. После первого же залпа пехота противника начала покидать поле.

Корпост передал на эсминец координаты дамбы, по которой с восточной стороны на западную двигались вражеские машины с пехотой, повозки и артиллерийские упряжки. Попасть по дамбе было сложнее, но после серии поправок снаряды с эсминца стали накрывать и ее. Пристрелявшись, эсминец увеличил темп стрельбы и стал засыпать снарядами всю длину дамбы. От прямого попадания сдетонировал грузовик с боеприпасами. В конце концов движение по дамбе было полностью остановлено.

Такие румынские понтонные мосты обстреливала артиллерия эсминцев в районе высадки десанта.

На случай внезапного налета эсминцы вели обстрел берега, непрерывно двигаясь полным или средним ходом. С воздуха их непрерывно прикрывали сменявшие друг друга звенья истребителей И-16, выделяемых 69-м истребительным авиаполком (69-й ИАП).

В 13 часов маневрировавший на больших ходах «Безупречный» был атакован двенадцатью пикирующими бомбардировщиками Ju-87 77-й эскадры Люфтваффе. Их встретила барражировавшая в этот момент в районе высадки девятка истребителей 69-го полка под командованием капитана Рыкачева, однако перехватить до выхода на боевой курс не успела, хотя «Юнкерсы» шли без прикрытия.

Истребители, не имевшие опыта взаимодействия с кораблями, выставляющими завесу заградительного огня, растерялись и не смогли эффективно атаковать не защищенного прикрытием противника.

Как вспоминал потом участвовавший в этом бою Герой Советского Союза Череватенко:

«Атаковать противника оказалось делом сложным. Огонь наших батарей мешал приблизиться к самолетам противника на дистанцию действительного огня. Тому, кто осмелился бы на такой шаг, грозила опасность попасть под осколки своих же снарядов».

Не сумев сбить противника с боевого курса, истребители атаковали немцев на выходе из пикирования. Два «Юнкерса», получив повреждения, вынуждены были выйти из боя, однако остальные продолжали атаки, по существу прячась от истребителей противника за огнем его же зенитной артиллерии. После выхода из пикирования «Юнкерсы» снова резко набирали высоту возле самой зоны действия зенитного огня, хорошо зная, на каком расстоянии от него следует держаться.

Так продолжалось больше 10 минут. В конце концов истребителям удалось отколоть от основной группы еще одну пару «Юнкерсов», которая, прижавшись к самой воде и отбиваясь из пулеметов, также ушла в сторону от боя. Оставшиеся «Юнкерсы» продолжали прятаться не только за зенитным огнем, но и за дымом загоревшегося и остановившегося корабля. Последние бомбы по неподвижной цели «Юнкерсы» досбрасывали уже с горизонтального полета.

«Беспощадный» немедленно прекратил обстрел берега и на максимальном ходу поспешил к «Безупречному», находившемуся мористее. Но пикировщики опять

бомбили максимально точно, и на первом же заходе, несмотря на максимальный ход, яростный зенитный огонь, атаки истребителей и отчаянное маневрирование командира «Безупречного» капитан-лейтенанта Буряка, бомбы легли возле бортов «Безупречного», повредив осколками трубы и оба котельных отделения, начался пожар. Эсминец скрылся в дыму. Подошедшему «Беспощадному» задымление мешало вести огонь. Даже сигнальщики докладывали: *«Ничего не видно — дым и огонь».*

Но дым не мешал грамотно прятавшимся за ним «Юнкерсам». Как и не помешала им девятка прикрывающих эсминцы И-16… Зайдя с подветренной стороны, они добомбили остановившийся корабль, близко сбросив остатки бомб, которых, по подсчетам наблюдателей, всего было сброшено 36.

«Безупречный» передал флажным семафором: *«Прошу подойти и взять на буксир. Своего хода не имею».*

«Беспощадный» подошел кормой к носу горящего эсминца и быстро завел буксирный конец. Уцелевшие матросы «Безупречного» тушили пожар, заводили пластыри и непрерывно таскали предметы из внутренних помещений на левый борт, стараясь уменьшить крен.

На полуразрушенном мостике распоряжался капитан-лейтенант Буряк.

В ответ на предложение прислать аварийную команду он сообщил в рупор: *«Кажется, уже сами управились. Крен остановили. Прошу малым ходом буксировать в Одессу».*

Подошедший следом за «Беспощадным» «Бойкий» принял с «Безупречного» 26 раненых.

«Беспощадный» малым ходом повел поврежденный эсминец в Одессу, стараясь соблюдать максимальную осторожность. Достаточно было случайного рывка, чтобы поврежденный корабль опрокинулся. На поворотах руль перекладывался не больше чем на пять-семь градусов. В случае повторного налета «Безупречный» был бы фактически обречен, так как «Беспощадный» вынужден был бы обрубить конец и уйти от него — корабли имеют возможность прикрывать друг друга, только пока находятся на ходу. Потеряв скорость, они превращаются в удобные мишени.

Сопровождать буксируемый эсминец прилетели 2 «ишачка» из 69-го ИАП. Эффективность их при отражении налетов «Юнкерсов» 22 сентября была низкой, но, по крайней мере, они затрудняли прицельное бомбометание.

Передав «Безупречный» буксиру у входа в порт, «Беспощадный» вернулся в район высадки и около 17 часов был направлен обстреливать понтонную переправу через Дофиновский лиман.

Местность была ровной, погода во второй половине дня установилась ясная, и отлично просматривавшаяся переправа являлась удобной целью. Командир «Беспощадного» Негода решил, что можно обойтись без пристрелки, и действительно, уже первый залп лег возле узкой ленты понтонного моста в самом центре лимана.

Летчики 69-го ИАП, активно участвовавшие в обороне Одессы.

Комиссар корабля Бут, предчувствуя легкую добычу; решил устроить из разгрома переправы маленькое шоу и приказал включить радиотрансляцию переговоров с корректировочным постом на берегу. На ЧФ в 41 г. подобное практиковалось часто. При удачном обстреле береговых целей, когда не было дуэльной борьбы с артиллерией противника, не мешала авиация, а цель была легко досягаема, часто включали трансляцию с боевых постов для поднятия морального духа экипажа. Корректуры с берега шли самые подходящие: *«Бьете в цель. Прибавьте огонька!» — «Снаряды ложатся хорошо. Больше один, право два. Дайте еще огня!» — «Хорошо! — Мост разорван. Фашисты плавают в лимане! Больше огня!»*

В паузах между корректурами комиссар начал пояснять морякам значение происходящего:

«Переправа разрушена. Значит, немцы отрезаны, им ничего не остается, как сдаваться в плен. Они хотели побывать в Одессе. Что ж, их желание сбылось. Они пройдут по Одессе, пройдут строем, но только под охраной наших бойцов».

Постепенно Бут увлекался все больше, и после его комментариев все чаще и чаще на боевых постах стало раздаваться все более громкое «ура». Бой постепенно стал превращаться в митинг. И комиссар начинал комментировать все более красочно:

«Вы представляете, какой подъем будет у жителей Одессы, когда они увидят сотни пленных гитлеровцев! Надо бы побольше поводить по Одессе этих вояк. Пусть на них смотрит народ. И пусть сами немцы увидят, в какую пропасть завел Германию Гитлер!»

Неожиданно выступление комиссара было очень грубо прервано оглушительным свистом.

Свистел сидящий верхом на торпедном аппарате торпедист Сутырин.

Прослушивание радиотрансляции на боевых постах эсминца.
Опытный торпедист, не имея работы у торпедных аппаратов, входящий по боевому расписанию только в аварийную партию и не обязанный следить за воздухом, не обращая внимания на трансляцию со своей не очень удобной (даже верхом на торпедном аппарате) позиции и не имея бинокля, все время зорко наблюдал за небом.
И теперь он, заложив в рот два пальца, свистел что есть духу, свободной рукой показывая в сторону горизонта. Оттуда один за другим, увеличиваясь в размерах, приближались пикирующие бомбардировщики Ju-87.
А наблюдатели за воздушными секторами и дублирующие их по боевому расписанию сигнальщики увлеченно слушали комиссара…
Хороший свист, как вспоминал командир лидера «Ташкент» Ерошенко, способен перекрыть даже грохот крупнокалиберных пулеметов. Сутырина услыхали на мостике и наконец объявили воздушную тревогу.
Как сосчитали на постах управления огнем, к кораблю приближались 26 пикировщиков, тогда как, чтобы утопить эсминец, вполне достаточно и девяти.
Берег продолжал требовать огня, но эсминцу было уже не до переправы. Прекратив стрельбу, «Беспощадный» со всей возможной прытью, максимальным ходом направился к «Бойкому», чтобы рассредоточить бомбардировщики и уплотнить зенитный огонь.
Это до какой-то степени удалось, но 5 «Юнкерсов» направились к «Бойкому», чтобы не допустить сосредоточения огня. «Беспощадный», успев набрать нужную скорость, открыл огонь по самолетам и начал маневр уклонения. Зарываясь носом в собственный бурун, эсминец описывал максимально крутую дугу.
Первый заход «Юнкерсы» делали по очереди, заходя сзади по курсу корабля. Не полагаясь в такой ситуации на скорость, Негода, напротив, притормозил и применил классический маневр уклонения транспортных судов: уход от точки сброса.
Наблюдая за первым «Юнкерсом», Негода выждал, когда от него отделились бомбы, падавшие прямо по курсу, и резко переложил ручки машинных телеграфов на задний ход.
«Юнкерс», бомбивший с высоты в 700 метров, сбросил сразу три бомбы, одна из которых разорвалась на курсе, а две другие — близко от него по сторонам, но все три впереди корабля.
Второй и третий «Юнкерсы» поступили так же, остальные стали экономнее и приберегали боезапас, кидая бомбы уже по одной-две.
Пока эсминец увертывался от 20 заходивших по одному и по двое сзади самолетов, на помощь к нему подоспела прикрывавшая корабли группа истребителей капитана Елохина. Кинувшись навстречу строю пикировщиков, они атаковали его середину. «Юнкерсы» шарахались от них в разные стороны, сбиваясь с боевого курса. После появления истребителей пикировщики изменили тактику. Невольно им пришлось рассыпаться на группы, и теперь они атаковали группами с двух-трех направлений одновременно, сбрасывая бомбы только с высоты не более 300 метров и при подходящем случае обстреливая надстройки из пушек и пулеметов.
Во время одного из таких заходов, когда «Юнкерсу» удалось дать очередь по мостику, чуть не погиб командир корабля. 1-й помощник капитан-лейтенант

Кабистов успел оторвать его от ручек машинного телеграфа и затолкнуть под выступ командно-дальномерного поста, после чего машинный телеграф был разбит пулями.
Доклады вахтенных становились все тревожней:
«Пролетели! Падает справа! Слева! Пикируют два самолета справа! Слева! Сзади падают бомбы…»
При одновременных атаках спасти корабль могли только маневрирование и скорость, тем более что «Бойкий» ничем не мог помочь «Беспощадному», также отбиваясь от противника.
«Беспощадный» непрерывно выписывал восьмерки. Переходил в зигзаги и снова выписывал восьмерки. От близких разрывов столбы воды непрерывно обрушивались на палубу, однако не могли потушить пожаров от разрывов мелких бомб. Осколки постоянно барабанили по надстройкам, пробивая дымовые трубы и сдирая брезентовые навесы там, где они еще сохранились.
Попасть в корму «Юнкерсам» не удалось, но от близких разрывов падавших рядом с нею бомб был поврежден корпус в районе 173-го шпангоута, на палубе и по бортам образовался гофр. От сотрясения сработал кормовой торпедный аппарат: торпеды с включившимися двигателями ударились в переборку отделения дизель-генераторов, но, к счастью, не взорвались. Через трещины в кормовые помещения начала поступать вода; скорость эсминца, поначалу доведенная до 24 узлов, стала падать. Выполняемые маневры стали менее эффективными.
В конце концов прорвавшись через заградительный огонь, один из «Юнкерсов» метко сбросил две бомбы, пролетев на уровне мачт. Увернуться от них было уже невозможно.
Одна из бомб, пробив палубу полубака около клюза правого борта, вышла через борт и взорвалась в воде. Другая разорвалась в глубине корпуса, в районе мотора носового шпиля.
В результате вся носовая часть корпуса до 35-го шпангоута оказалась фактически оторванной и держалась лишь на искореженных листах обшивки.
Сильные повреждения корпуса имелись до уровня 44-го шпангоута.
Взрывной волной бомбы, разорвавшейся на полубаке, сигнальщика Сергеева сбросило с сигнального мостика прямо на командира корабля капитана 3 ранга Негоду, который на короткое время потерял сознание.
Капитан-лейтенант Кабистов дал кораблю задний ход и кинулся на нос разбираться с объемом повреждений, оставив с потерявшим сознание командиром комиссара корабля Бута и вызвав на мостик помлека (помощник лекаря — фельдшер).
В этот момент Негода пришел в себя и, увидев, что эсминец идет задним ходом, перевел ручки телеграфа на «полный вперед». Обе машины дали по 180 оборотов в минуту. Прежде чем растерявшийся Бут успел что-либо предпринять, эсминец принял в нос столько воды, что дифферент на нос составил 1,5 метра. Однако пикировщикам тоже не совсем везло. Добить корабль, как и в случае с «Фрунзе», не хватило бомб, и «Юнкерсы» прекратили налет. Всего на «Беспощадный» было сброшено, по подсчетам наблюдателей эсминца, 84 бомбы.
Истребители Елохина, как и предыдущая группа прикрытия, опять не сумели ни помешать противнику выполнить боевую задачу, ни сбить хотя бы одну машину.

После ликвидации пожаров осмотр показал, что повреждены почти все помещения, расположенные в носу. Командир «Бойкого» Годлевский запросил семафором, нужна ли помощь.
На что «Беспощадный» ответил: *«Благодарю за услугу. Дойду до Одессы своим ходом».*
Подкрепив переборки и выполнив неотложные аварийные работы, «Беспощадный» задним ходом действительно сумел потихоньку добраться до Одессы, хотя большинство устройств и механизмов было выведено из строя. Взрывами был поврежден гирокомпас, а магнитный компас сбросило с нактоуза, однако он уцелел. Рулевой Рыков вел корабль по нему, держа котелок компаса в руках.
Оставшийся в одиночестве «Бойкий» переключил на себя корректировщиков «Беспощадного» и вел огонь сразу по нескольким целям: носовыми орудиями по своим, кормовыми — по целям «Беспощадного».
Канонерская лодка и морские охотники, так нужные в момент высадки десанта, во время огневой поддержки его действий значительной роли не играли. Немцы, занятые эсминцами, не обращали на них никакого внимания.
За все время поддержки огнем корабли выпустили по противнику более 3 тысяч снарядов. Во второй половине дня налеты вражеской авиации смогли в значительной степени нейтрализовать огневую поддержку кораблей, но на общее развитие хода десантной операции это влияния оказать уже не могло.
Правда, когда из всех эсминцев в строю остался только «Бойкий», два 100-мм орудия канонерской лодки тоже приобрели определенное значение. Но из выпущенных ею во время поддержки десанта снарядов большинство было все-таки малого калибра.
Трудно сказать, как развивались бы события, если бы в районе высадки оставалась бригада крейсеров. Опыт боев показал, что крейсера, идущие в ордере в сопровождении эсминцев без каких-либо потерь, могли легко отразить налет девятки «Юнкерсов», и с 26 пикировщиками тоже бы справились, но, возможно, противник мог бы стянуть для уничтожения такой заманчивой цели и большее количество авиации.
Истребители 69-го авиаполка действенной помощи кораблям оказать не могли, так как весь состав полка непрерывно занимался штурмовкой плацдарма, а над районом высадки постоянно дежурили всего 2 машины. Правда, и девятки прикрытия не смогли выполнить свою задачу, даже когда противодействовали 12 пикировщикам противника — сказалась полная неготовность истребителей к взаимодействию со своими кораблями, защищающимися от противника зенитным огнем.

Развитие операции

(7 часов — 17 часов 22 сентября)
22 сентября солнце в Крыму всходит в 6 часов 44 минуты, с первыми его лучами боевые действия активизировались.
Истребительная и штурмовая авиация ООР и ЧФ на рассвете штурмовала аэродром Чаплинка. Из находившихся там 30 истребителей в воздух не смог подняться ни один. На аэродром было произведено до 10 атак. Удары наносили 3 Ил-2, 2 И-153 и

5 И-16. На стоянках было уничтожено 7 Ме-109 и 3 Ю-88, 7 палаток летного состава, цистерны с горючим. Самолеты прикрытия вели воздушный бой с 10 Ме-109, в ходе которого два из них сбили.
По официальным данным, во время штурмовки был потерян только один истребитель — лейтенанта Шкутского.
Также были нанесены удары по аэродромам в районе населенных пунктов Бадей и Зельцы. Эти два авиаудара довольно малоизвестны, и их нечасто описывают в литературе, посвященной операции.
Данные о нахождении этих аэродромов были получены уже перед самой операцией от взятого в плен румынского летчика, выбросившегося с парашютом со сбитого «Харрикейна». Уже в сумерках 21 сентября 4 И-16 срочно провели доразведку и засекли оба аэродрома. У Бадей базировалось около трех десятков «Мессершмиттов», у Зельцов около десятка «Юнкерсов».
Самолеты были только что переброшены на оба аэродрома и не были еще рассредоточены из-за неподготовленности стоянок. Удар с этих аэродромов подскока противник собирался нанести утром и никаких укрытий пока не оборудовал.
Но добавлять новые цели к тем, которые были включены на 22 сентября в боевые задания флотской бомбардировочной авиации, было уже поздно. Для удара по аэродромам были использованы шесть звеньев И-16 69-го полка и пара штурмовиков Ил-2.
Основной удар наносился по полевому аэродрому под Бадей группой из трех звеньев, которую вел командир полка майор Шестаков, пара штурмовиков лейтенанта Кутейникова подавляла зенитную артиллерию.
К цели группа Шестакова подошла со снижением, приглушив моторы. «„Мессершмитты“ стояли у края леса в два ряда „под линейку“» — на одинаковом удалении друг от друга и безо всякой маскировки. Возле всех машин находились механики и мотористы, шла предполетная подготовка. И-16 не имели бомб, ограниченные запасы которых были оставлены для поддержки десанта, и вели огонь только из бортового оружия.
Первый удар был нанесен по палаткам личного состава, также расположенным без всякого укрытия. Вторым и третьим заходами истребители проштурмовали самолеты на стоянке, последним — бочки с бензином и штабели боекомплекта.
Одновременно группа заместителя командира полка капитана Рыкачева нанесла удар по аэродрому под Зельцами, но самолетов на нем уже не было, и истребители нанесли удар только по находившемуся на аэродроме наземному персоналу. А после того как он попрятался в лесу — по сосредотачивавшемуся на открытом месте румынскому пехотному батальону.
Флотская бомбардировочная авиация нанесла второй удар — первый был в четыре утра — по резервам противника в районах Свердлово, Кубанка, Гильдендорф, совхоз Ильичевка.
После проведения авианалетов контр-адмирал Жуков попытался организовать авиационное прикрытие десанта. Тут выяснилось, что летчики не имеют четкого представления о том, где находится сейчас десантный полк и наступающие дивизии. Впрочем, как выяснилось, ни данных о нахождении наступающих частей, ни связи с ними не имел и штаб ООР.

Расчет на позиции.

Танки НИ (На испуг) часто комплектовались матросскими экипажами.

Жуков попытался выяснить это у своего заместителя генерал-майора Шишенина.

— *Где сейчас десант?* — спросил он.

— *Мы имеем данные о завершении высадки, о том, что сопротивление противника было слабое. Знаем, что эсминцы поддерживают десант по заявкам корректировочных постов, высаженных с третьим морским полком. Следовательно, у них связь с полком есть. Через них мы можем узнать, где находится десант, но на это потребуется время. С командиром же полка штаб не имеет связи.*

— *А дивизии имеют связь с десантным полком?*

— *Минут десять-пятнадцать назад не была еще установлена.*

— *Как вы могли допустить такое?! — вспыхнул Жуков. — Немедленно установить прямую связь с командиром полка и в любую минуту знать, где десант и что делает!*

— *Мы знаем, но только косвенно,* — сказал Шишенин.

— *Никаких «косвенно»! Исполняйте.*

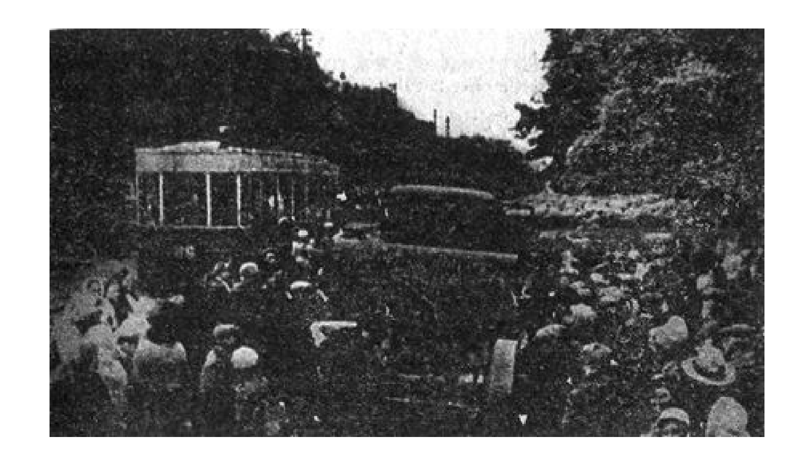
Генерал Шишенин вызвал начальника связи полковника Богомолова и дал ему жесткий срок. Тот попросил выделить в его распоряжение малый охотник. Связист лейтенант Флокей и старший радист красноармеец Нетес с рацией «5-АК» отбыли к месту высадки десанта и связались с командованием морского полка. Связь с десантом была установлена и действовала бесперебойно до соединения 3-го полка с частями 421-й дивизии.
В дивизиях была та же самая ситуация.
Рано утром ЧВС Азаров выехал в Крыжановку на командный пункт 421-й дивизии. Батареи приданных ей артиллерийских полков Приморской армии и две батареи Одесской военно-морской базы уже переносили огонь в глубину.
— *Несем большие потери от минометного огня,* — пожаловался командир дивизии полковник Коченов. — *Уж сколько раз батальоны поднимались в атаку!*
— *Но все-таки двигаетесь?*
— *Медленно. Вот собьем с гребня их огневые точки — и пойдет.*
— *А связь с десантным полком?* — спросил Азаров.
— *Что-то не ладится.*
Не могли связаться с десантным полком и связисты связи флота.
Как говорил заместитель начальника связи флота капитан 3-го ранга Гусев: *«И позывные, и волна известны, а связаться не можем».*
Бесперебойную связь с десантом удалось наладить только во второй половине дня.
В 7.30 по плану должна была начаться артподготовка в интересах обеих переходящих в 8.00 в наступление дивизий. Таким образом, противник, уже 5 часов отбивавшийся от десанта, высаженного под Григорьевкой, получал 45 минут светлого времени суток для нанесения упреждающего удара по войскам, готовящимся к переходу в наступление.
Неудивительно, что за полчаса до назначенного срока артподготовку неожиданно начали румыны.

Моряки на переднем крае.
В 7.00 начался сильный артиллерийский и минометный обстрел позиций войск восточного сектора обороны.
Как вспоминал впоследствии командир 421-й дивизии полковник Коченев: *«Огонь сильный, а тут еще туман. Перемешался с дымом, и получилась такая завеса, что дышать тяжело. Снаряды рвутся и впереди, и в глубине, за второй*

траншеей… Мы с начартом Болотовым смотрим друг на друга и думаем — что же это значит? Разгадал враг наш замысел, решил упредить? Или просто так совпало?»
Противник на участке восточного сектора находился в обороне, загородившись рядами колючей проволоки, и периодически устраивал разведки боем и попытки прорвать фронт на узком участке.
Взвесив все за и против, командование приморской армии решило, несмотря на понесенные частями при артналете потери, артподготовку не отменять и срок начала наступления не переносить — десант уже захватил Григорьевку и развивал наступление в направлении восточного сектора.
Артподготовка началась вовремя, правда, из-за упреждающего налета румынской артиллерии сила ее оказалась ослабленной — часть огневых средств артполка, флотской и береговой артиллерии была отвлечена на подавление огневых средств противника.
Начало наступления все-таки немного задержалось до полного подавления вражеского артогня, и части перешли в наступление в начале девятого. Главный удар наносила двумя полками свежая 157-я дивизия при поддержке танкового батальона. 421-я дивизия наступала вообще без танков, ей не выделили даже одесских НИ.
Такое распределение сил немедленно сказалось на ходе начавшегося боя.
На левом фланге наступление сразу пошло быстрее, чем на других участках. 157-я дивизия наносила главный удар 716-м стрелковым полком Соцкова, усиленным ротой танков. Он наступал между Куяльницким лиманом и железной дорогой почти прямо на север — на Гильдендорф (Новоселовка). Другой полк дивизии Томилова — 633-й — с приданным ему танковым взводом продвигался справа от железной дороги к совхозу Ильичевка. Ни на одном из участков наступления 157-й дивизии противник удержаться не смог.
В полосе наступления 421-й дивизии складывалась прямо противоположная картина. К 11 часам наступающие части подошли к Фонтанке. Во всех каменных постройках Фонтанки противник установил огневые точки. На господствующей высоте были расположены дзоты и окопы, больше 20 станковых пулеметов, сплошные проволочные заграждения. Румыны сопротивлялись упорно, отбив несколько атак.
После того как сосредоточение артогня на высоте не принесло результатов, сюда были все-таки переброшены самодельные танки НИ — это был один из последних случаев их применения. Но части к моменту их прибытия были уже сильно обескровлены и своими силами занять высоту уже не могли. В бой был введен полковой резерв.
С вводом в бой второго эшелона 54-го стрелкового полка его части к 16 часам, после 5-часового боя, овладели высотой. Противник не выдержал удара и, бросая оружие, оставляя на поле боя раненых, начал спасаться бегством в северо-западном направлении.
У шоссе Одесса — Николаев, между дорогой и побережьем, батальон 1330-го стрелкового полка вынужден был залечь перед проволочным заграждением в пять колов, прикрываемым сильным пулеметным огнем.

Полк состоял из морских пехотинцев 1-го и 2-го черноморских полков морской пехоты, слитых из-за понесенных потерь в одну часть, переданную в состав 421-й дивизии как 1330-й стрелковый полк.
Батальон также понес большие потери. То, что мог бы легко сделать хотя бы один танк, дорого обошлось стрелковому батальону. Матросы рубили проволоку лопатками, набрасывали на нее скинутые с плеч бушлаты. Те, кто оказался впереди, пытались забросать гранатами румынские пулеметы. Численное превосходство позволило морякам с большими потерями отбросить румын, и они стали медленно продвигаться дальше.
Правый фланг наступающих дивизий с каждым часом все больше отставал от левого.
Дальше всех вырвался вперед 716-й полк 157-й дивизии Томилова, вскоре после полудня занявший Гильдендорф. 633-й полк занял совхоз Ильичевка.
К этому времени 1330-й полк, до этого двигавшийся скачками, прочно застрял перед укрепленной противником высотой с отметкой 58,0 и расположенным рядом агрокомбинатом.
В 13.30 командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронов признал необходимым временно приостановить наступление. Вследствие неравномерного продвижения войск на соседних участках между частями образовались большие разрывы. Некоторые командиры, увлекшись преследованием противника, совсем потеряли контакт с соседями, не успевали выдвигать на новые огневые позиции полковую артиллерию, переносить командные пункты, связь.
Стало очевидным, что дальнейшее продвижение 157-й дивизии в создавшейся ситуации теряет смысл и что нужно усилить хотя бы центральный участок за счет продвинувшегося левого фланга.

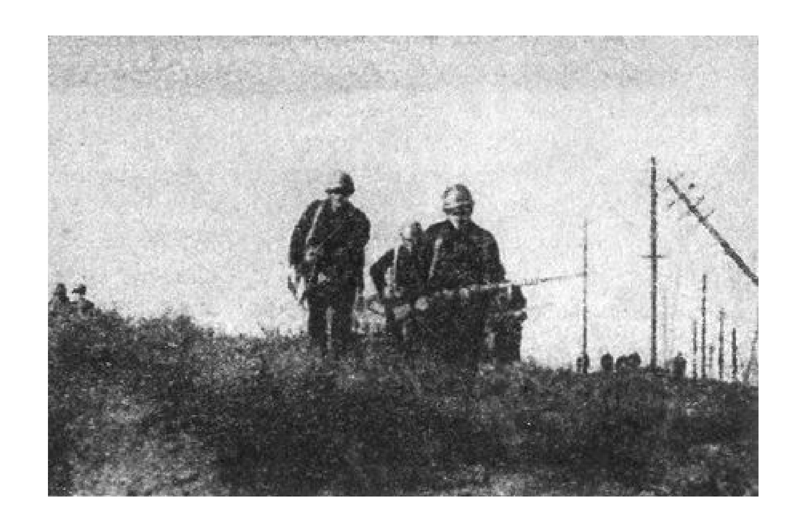

Румынские орудия, захваченные под Одессой, были публично провезены по улицам города.

Более успешными были действия 3-го морского полка. Его 3-й батальон повел наступление на Старую Дофиновку. Румыны к этому времени успели получить приказ защищать обе Дофиновки до последней возможности. 1-й батальон наступал из Григорьевки на Чебанку и Новую Дофиновку, чтобы соединиться с частями 421-й дивизии.

В одной из лощин невдалеке от Григорьевки разведчики десантного полка обнаружили огневую позицию тяжелой артиллерийской батареи — как потом выяснилось, той, которая в последнее время больше всего осложняла работу Одесского порта. Разведчики сами и захватили батарею, сумев незаметно к ней подползти, после чего исход боя решили гранаты и штыки. Часть орудийной прислуги они перебили, часть — разбежалась. Четыре 150-миллиметровых орудия были захвачены исправными, с большим количеством снарядов.

Потом эти пушки провезли по улицам Одессы, и на длинном стволе одной из них одесситы читали выведенную мелом надпись, которая попала на снимки фотокорреспондентов, а через них — в историю войны: «Она стреляла по Одессе. Больше стрелять не будет!» В политдонесении военкома полка батальонного комиссара Слесарева было специально отмечено, что надпись предложил сделать участник захвата батареи краснофлотец Петренко.

Десантники 3-го морского полка под Григорьевкой.

Бежал противник не везде. В Чебанка, где размещался какой-то вражеский штаб, и в районе колхоза имени Котовского моряки встретили сильное сопротивление. Большую помощь им оказали минометчики батареи младшего лейтенанта Зайца и артиллеристы «Бойкого», «Безупречного» и «Беспощадного», которые вели огонь по данным корректировочных постов.

По мере продвижения десанта сопротивление противника возрастало, особенно в направлении Чебанки, где наступал батальон старшего лейтенанта Михайлова. Враг развернул против морских пехотинцев до двух полков пехоты, подтягивал артиллерию, минометы, однако задержать десантников не смог. Их эффективно поддерживали огнем эсминцы, корректировщики находились в боевых порядках полка. Поддержку с воздуха оказывали одесские «ишачки» 61-го ИАП, действовавшие как штурмовики.

На исходе дня десант овладел районом Чебанки, Старой и Новой Дофиновок, выполнив тем самым свою задачу. Высадившемуся у Григорьевки полку оставалось соединиться с частями ООР, что и произошло несколькими часами позже.

В 15 часов, закончив перегруппировку и подтянув огневые средства, 157-я дивизия возобновила наступление. Быстрее всех опять стал продвигаться имеющий танки 716-й полк, но теперь после успешного движения вдоль берега Куяльницкого лимана он стал поворачивать в сторону центрального участка наступления. Под угрозой окружения румыны вынуждены были начать оставлять занимаемые позиции сначала в центре, а потом и на правом фланге.

421-я дивизия смогла наконец занять высоту 58.0 и агрокомбинат. Дальше противник уже откатывался, не оказывая значительного сопротивления. Окружить румын, правда, так и не удалось, но за день боев Приморская армия вышла на рубежи между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами, то есть восстановила все отданное в восточном секторе в течение месяца боев.

Левое крыло румынских войск, осаждавших Одессу, основу которого составляли 13-я и 15-я пехотные дивизии, начало отход.

К 17 часам 157-я дивизия вышла на рубеж хутора Шевченко и расположенных к востоку от него высот. 421-я дивизия овладела районами совхоза имени Ворошилова, Вапнярки и Александровки.

К исходу дня 421-я дивизия достигла Большого Аджалыкского лимана. Успешно выполняла свою задачу и 157-я дивизия, овладевшая поселком Шевченко. У дороги на Свердлово фланги обеих дивизий соединились.

Пока противник не перебросил на это направление свежие части, существовала возможность дальнейшего продвижения. Но это означало еще более расширить фронт Восточного сектора, удерживать который в дальнейшем предстояло только одной ослабленной 421-й дивизии, так как 157-ю дивизию планировалось в срочном порядке перебросить для затыкания дыр на других участках.

Завершение операции

(17 часов 22 сентября — 0 часов 23 сентября)

С наступлением темноты 157-й дивизии было приказано прекратить преследование неприятельских частей. К этому времени между 633-м полком и его правым соседом опять образовался большой разрыв, который следовало ликвидировать как можно быстрее.
В 23 часа войскам передали боевое распоряжение, где указывалась новая линия обороны. Она начиналась по ту сторону Большого Аджалыкского лимана за Новой Дофиновкой (удерживать Старую Дофиновку и Чебанку, которые с таким трудом захватил десант, задача не ставилась) и пролегала затем севернее освобожденных Александровки и Гильдендорфа, сохраняя между лиманами дугообразную форму прежнего переднего края. Территория одесского плацдарма увеличивалась примерно на 120 квадратных километров.
Ночью моряки 1330-го СП встретились со своими товарищами из 3-го морского полка.
3-й морской полк был включен в состав 421-й дивизии. Впрочем, ее это нисколько не усилило, так как 54-й Разинский стрелковый полк был тут же передан в 25-ю Чапаевскую стрелковую дивизию, из которой он и был в свое время взят.
Той же ночью началась замена на достигнутых при контрударе рубежах полков 157-й дивизии. Они отводились пока в Нерубайское и Усатово, с тем чтобы затем занять участки в Западном и Южном секторах.
В течение дня 22 сентября в Одессу поступили довольно значительные подкрепления.
Транспортом «Чапаев» еще рано утром был доставлен 48-й отдельный минометный дивизион, состоявший из 8 реактивных установок залпового огня — «катюш». Однако из-за ограниченного количества снарядов решено было его в бой не вводить, и участия в операции он не принял.
Впервые дивизион вступил в бой 2 октября и из-за недостатка реактивных снарядов использовался в основном только для морального воздействия.

Румынские пленные, захваченные десантниками.
В день он производил не более 5 залпов, после чего перебрасывался на следующий угрожаемый участок, где на следующий день опять делал не больше пяти залпов. Но и такое ограниченное применение «катюш» продолжалось недолго.
Дивизион таким образом применялся всего три раза: при ударе румын под Дальником и попытках прорыва фронта в районах Сухого лимана и у селения

Татарка. После этого применение «катюш» стало и вовсе условным, так как, выбравшись на позицию, они давали всего один-два залпа.
Прибыл и транспорт «Курск», доставивший две тысячи бойцов и командиров, вооружение и боеприпасы.
Все участвовавшие в операции части сохранили боеспособность, а незначительные потери, понесенные свежей 157-й дивизией, позволили немедленно использовать ее на наиболее угрожаемых участках обороны.
Румынские же войска потеряли не только контролируемую территорию, но и значительную часть личного состава.
Наибольшие потери от неожиданного контрудара понесла 13-я пехотная дивизия румын.

Во время операции были захвачены значительные трофеи.
В дальнейших боевых действиях под Одессой она практически уже не участвовала.
Крепко досталось и 15-й пехотной дивизии, хотя она, вероятно, понесла меньшие потери.
Точно определить урон, нанесенный противнику за день контрудара, было, конечно, невозможно. По донесениям, похоронным командам пришлось похоронить около двух тысяч румынских солдат и офицеров.
Количество захваченных пленных точно неизвестно, но является довольно небольшим: нигде не указываются цифры, превышающие 200–500 человек. Это объясняется тем, что противник в основном выдавливался с занимаемых позиций, так как имеющихся сил было недостаточно для осуществления маневров на окружение даже относительно небольших опорных пунктов.
Сводки Совинформбюро сообщили об успехе операции довольно осторожно.
Первое сообщение было сделано 24 сентября и не сообщало о характере проведенной операции, только о нанесенных противнику потерях.
Из утреннего сообщения от 24 сентября 1941 г.:
«На подступах к Одессе наши войска разгромили части недавно вновь доукомплектованных 13-й и 15-й румынских пехотных дивизий. Нашими бойцами захвачены 2 батареи тяжелых орудий, 100 пулеметов, много минометов и боеприпасов. Сбор трофеев и их подсчет продолжаются».
В вечернем сообщении от 26 сентября была дана уже более подробная информация:
РАЗГРОМ РУМЫНСКИХ ДИВИЗИЙ ПОД ОДЕССОЙ

В утреннем сообщении Советского Информбюро от 24 сентября говорилось о новом разгроме на подступах к Одессе 13-й и 15-й пополненных румынских дивизий. Полученные дополнительные сведения дают более подробную картину разгрома румынских дивизий.
22 сентября наши войска комбинированным ударом пехотных частей и десанта моряков, заброшенного нашими кораблями в тыл противника, нанесли сильный внезапный удар по румынским войскам на подступах к Одессе. Действия наземных войск были поддержаны огнем нескольких кораблей Черноморского флота и авиацией.
В результате успешно проведенной операции наших войск румыны понесли серьезные потери людьми и вооружением. Общие потери румын убитыми, ранеными и пленными составляют не менее 5000–6000 солдат; из них убитыми 2000 человек. По неполным данным, наши части захватили 33 орудия разных калибров, в том числе несколько тяжелых дальнобойных, 6 танков, 2 тысячи винтовок, 110 пулеметов, 30 минометов, 130 автоматов, 4 тысячи снарядов, 15 тысяч мин, большое количество ящиков с винтовочными патронами и гранатами.
Оттеснив врага на 5-10 километров, выбив его с позиций, откуда он обстреливал город и порт, советские войска выполнили поставленную им задачу.
Обстрел города, порта и подходов к нему с северо-востока прекратился полностью. В этом и заключался главный результат сентябрьского контрудара. Вытеснение врага с побережья Одесского залива означало конец такого положения, когда каждое судно еще на пути к Одессе оказывалось под артиллерийским огнем.
У противника, правда, сохранялась возможность обстреливать Одессу с юга — из-за Сухого лимана, а также с запада — со стороны Дальника. Но оттуда он стрелял по площадям, не видя целей. Это казалось уже не таким страшным после того, как город избавился от губительного огня, корректируемого с побережья и с высот между северными лиманами. А до порта, как и до района Пересыпи, снаряды теперь вообще не долетали.
Почти двое суток обстрела не было и с юга. Разведчики и штабы дивизий докладывали о перегруппировке частей 4-й румынской армии. Еще 22 сентября румыны начали спешную переброску резервов на восточное направление, явно опасаясь, что наступление там будет продолжаться. Атаки врага в других секторах не прекратились, но стали как-то неувереннее. Об отдельных участках фронта в дивизионных оперсводках впервые за долгое время говорилось: «День прошел спокойно».

Уроки операции

После операции стало возможно провести перегруппировку войск, сосредоточив теперь основные силы на обороне Западного и Южного секторов. В целом десантная операция позволила стабилизировать обстановку под Одессой как минимум до конца сентября и сделала вполне возможной и дальнейшее продолжение обороны города, которая была прекращена в начале октября главным образом из-за ухудшения положения в Крыму.
Десантная операция такого масштаба проводилась силами ЧФ впервые.

И при ее проведении, конечно, было допущено немало ошибок, главной из которых стало решение о высадке десанта до подхода отрядов высадочных средств и огневой поддержки.

Время подхода десанта к берегу на баркасах составило около 30 минут. Все это время десантники несли потери от огня противника. Еще большие проблемы создало отсутствие канонерской лодки, сторожевого корабля и морских охотников, способных поддерживать десант огнем, находясь в непосредственной близости от берега, и уничтожать огневые точки на участке высадки.

Неудачно выбранное место высадки также увеличило количество понесенных потерь. Десантники вынуждены были двигаться к берегу под огнем по колено в воде. Ограниченный скалами с флангов участок высадки позволял румынам без труда простреливать весь пляж.

Второй крупной ошибкой было принятие неоправданного решения об отводе бригады крейсеров. Авиация противника наличными силами была не в состоянии причинить ей значительный урон, что показала попытка налета на нее во время перехода из Севастополя. Однако, находясь под впечатлением от потопления «Фрунзе», командование флота явно поторопилось увести крейсера, лишив десант мощной огневой поддержки их артиллерии.

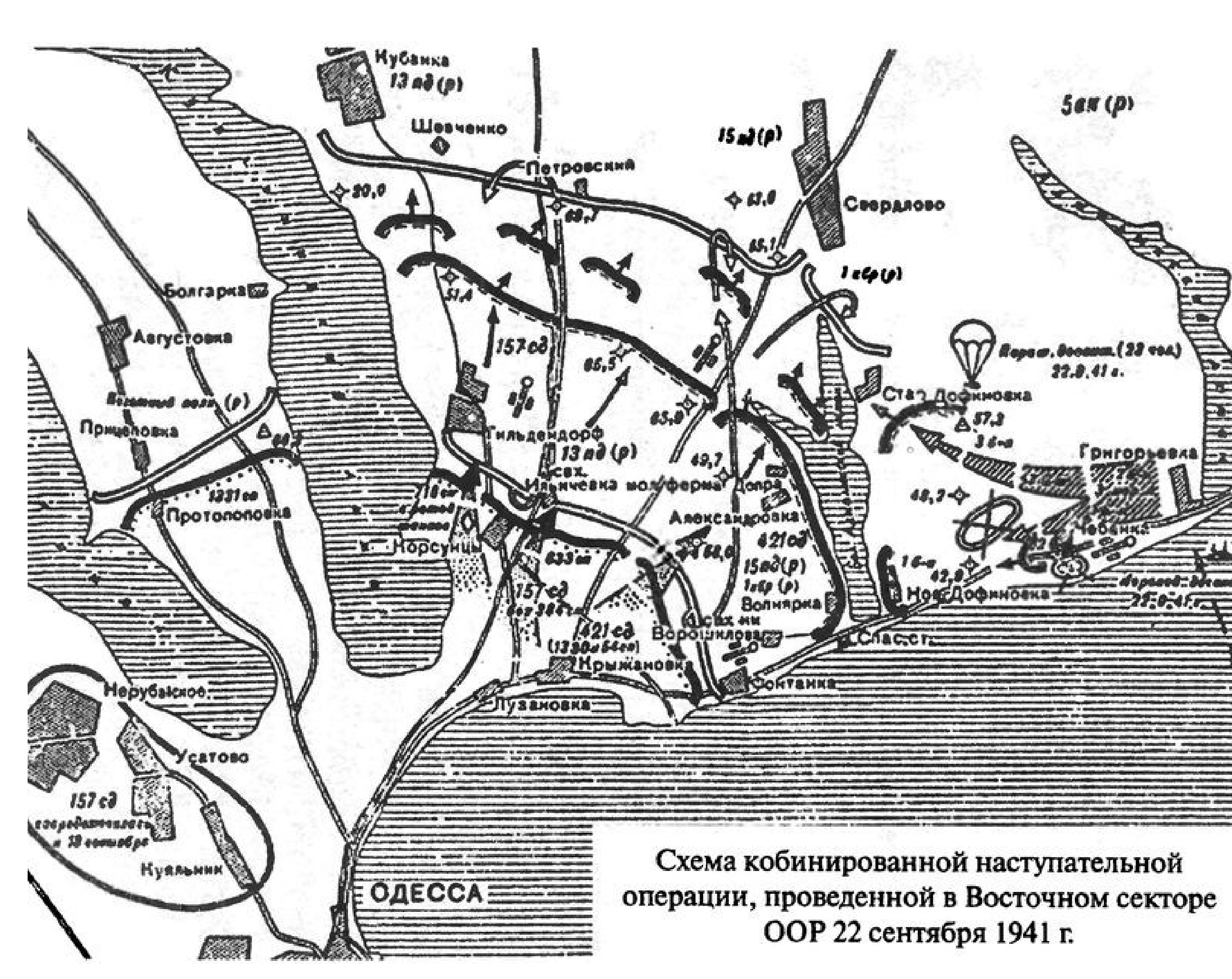
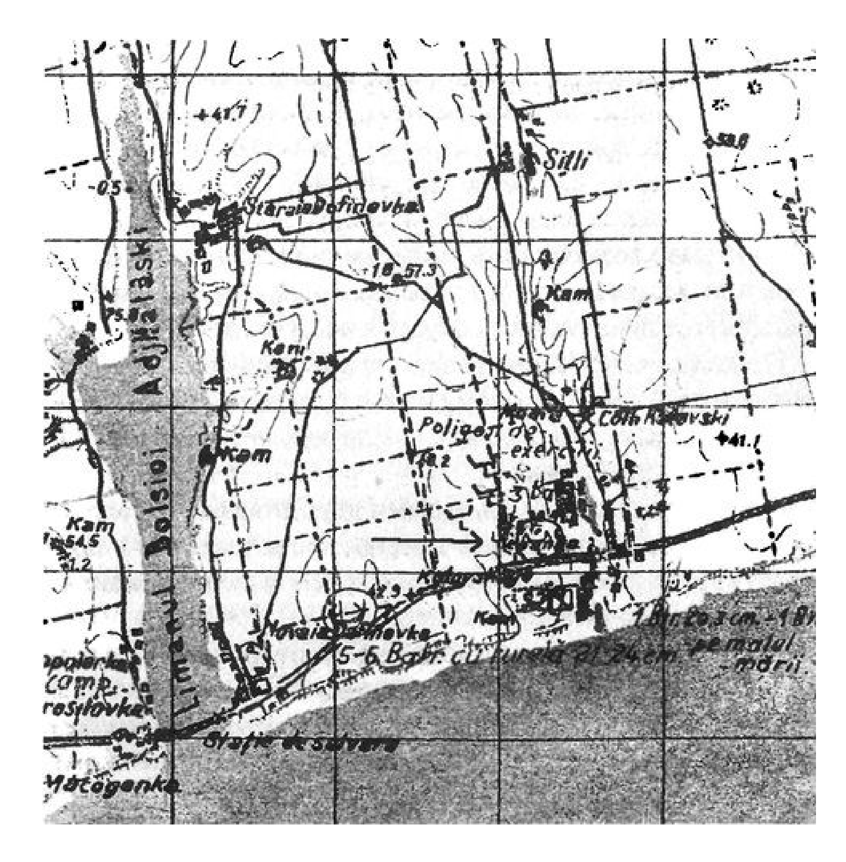

Схема кобинированной наступательной операции, проведенной в Восточном секторе ООР 22 сентября 1941 г.

Однако в целом решение об использовании для высадки крейсеров и миноносцев, к которому впервые обратились еще до войны, являлось на тот момент прогрессивным и выдержало проверку временем. Имевшие большое количество

крупнокалиберной и зенитной артиллерии, быстроходные крейсера и эсминцы были способны в короткие сроки доставить к месту высадки довольно значительное количество десантников и обеспечить при этом и их защиту на переходе и поддержку огнем в радиусе действия своих орудий.
Поэтому крейсера и дальше продолжали использоваться для перевозки десанта, а иногда и в качестве высадочных средств, как это было во время Керченско-Феодосийской операции.
Спорным являлось и решение не выдавать бойцам десанта сухой паек, заменив его на дополнительный комплект боеприпасов.
Решение о применении при высадке с моря Ь воздушного десанта оказалось тактически правильным и в целом очень перспективным. Но, не имея опыта в проведении подобных операций, командование ЧФ при подготовке и проведении десанта допустило ряд ошибок.
При подготовке десантников не использовался опыт существующих воздушно-десантных частей Красной Армии и имеющиеся у них наработки. По существу, флот с нуля создавал собственную воздушно-десантную часть. В результате некоторые десантники, как показал случай с Королевым, не умели даже правильно крепить оружие при высадке.
Выданное десантникам оружие не отвечало поставленным перед ними задачам. При малой численности десантников, которая позволяла им вести бой только на коротких и средних дистанциях, самозарядные винтовки, по существу, были не нужны.
Оптимальным оказалось вооружение десантников автоматами в сочетании с ножами и большим количеством гранат. Повреждение линий связи оказалось неэффективным без их предварительной разведки. Также оказалась недостаточной и общая численность выброшенного десанта, хотя тактика действия мелкими группами оправдала себя и в дальнейшем.
Оказалась не продуманной и медико-санитарная подготовка, которая в условиях действия мелкими группами без использования санинструкторов должна была быть более углубленной, не хватало в достаточных количествах перевязочных средств.
Накопленный опыт был использован при подготовке Керченско-Феодосийской операции, во время проведения которой второй подобный десант, выброшенный на Керченский полуостров, действовал значительно эффективнее, произведя тщательную предварительную разведку целей, и в результате эффективно нарушил связь и создал у противника видимость высадки больших сил, что позволило основным силам десанта не ограничиться диверсионными операциями, но также захватить и удержать до высадки морского десанта Арбатскую стрелку и Ак-Монай.
Неудовлетворительными оказались и действия истребительной авиации по прикрытию кораблей, оказывающей огневую поддержку десанту. Во время двух воздушных боев девятки И-16 не смогли оказать эффективного противодействия налетам пикирующих бомбардировщиков на эсминцы. Сыграла свою роль неподготовленность истребительной авиации к взаимодействию со своими кораблями, ведущими зенитный огонь.

Немцы же, наоборот, оказались прекрасно адаптированными к подобной ситуации. Пилоты пикировщиков 77-й эскадры, имевшие опыт по выполнению подобных задач на средиземноморском театре военных действий, легко приспосабливались к любой тактике истребителей и, действуя без прикрытия собственных истребителей, уверенно атаковали корабли как в строю, так и мелкими группами.
Гораздо более успешными оказались действия авиации по огневой поддержке десанта. Скудные силы авиации ООР и ЧФ, выделенные для штурмовых ударов в интересах десанта, были применены грамотно и эффективно. Ударами по вражеским аэродромам перед началом операции было обеспечено господство в воздухе. Весь день 22 сентября авиация противника, за исключением 77-й эскадры, так и не смогла оказать заметного влияния на ход событий.
Артподготовка на участке наступления в Восточном секторе была запланирована через 45 минут после восхода солнца, что дало возможность румынам, уже 5 часов отбивавшимся от десанта, нанести упреждающий огневой удар по войскам, готовящимся к переходу в наступление.
Не была своевременно налажена и устойчивая связь с десантным полком, к которому почти весь день приходилось направлять делегатов связи, что затрудняло его эффективную огневую поддержку.
При организации удара силами двух дивизий навстречу десанту имел место явный перекос с выделением сил и средств 157-й стрелковой дивизии. В результате 421-я дивизия понесла значительные потери, а темпы ее наступления постоянно отставали от плановых. При отсутствии у румын достаточного количества противотанковых средств наличие у 1330-го СП хотя бы нескольких поддерживавших его танков, пусть даже НИ, позволило бы значительно уменьшить его потери.
Потеря темпов наступления позволила остаткам разгромленной 13-й пехотной дивизии румын осуществить отход, избежав окружения и полного уничтожения.
Румынское командование быстро отреагировало на изменившуюся с началом высадки десанта обстановку и нанесло упреждающий артиллерийский удар, ослабив силу последовавшей за ним артподготовки, так как значительная часть огневых средств армии и флота переключилась на подавление румынской артиллерии.
В целом румынские войска еще раз продемонстрировали высокую боеспособность своих кадровых подразделений, в которых имелось большое количество профессиональных военнослужащих младшего командного и сверхсрочного состава — осадников. В районах высоты 58,0 и агрокомбината румыны оказали упорное сопротивление, а в использовавшихся ими в качестве опорных пунктов Чебанке и обеих Дофиновках оборонялись до наступления темноты.

Трофейная румынская карта, захваченная в районе действий десанта.

Приказы румынского командования, предписывающие не делать ни шагу назад, в целом были выполнены, и управление боем румынская сторона сохранила до самого его окончания.

Однако все попытки румынских войск переломить ситуацию были сорваны, и в первую очередь благодаря огневой поддержке, оказанной десанту авиацией и флотом. Измотанные предшествующими боями румынские войска в целом были не готовы к контрудару такой силы, и перебросить значительное количество войск на угрожающий участок они просто не могли. Возможность развития наступления в Восточном секторе сохранялась и 23 сентября, но у советского командования не было сил оборонять более широкий участок, чем захваченный за день боев 22 сентября.

Но и за этот день советские войска сумели вернуть все захваченное румынами в этом секторе за целый месяц боев.

В целом, несмотря на допущенные из-за недостатка опыта в планировании и осуществлении подобных операций ошибки, операция завершилась полным успехом. Многие наработки операции, «доведенные до ума», успешно использовались все последующие долгие годы войны.

Применение крейсеров и эсминцев, этот «советский путь» проведения десантных операций, намеченный еще до войны и продиктованный нехваткой специализированных высадочных средств, неоднократно использовался и в последующем со все больше возрастающей эффективностью.

Эффективным оказался и такой «классический» прием, как высаживание воздушного десанта в тылу атакуемого с моря противника.

Да, ошибки, допущенные при подготовке и высадке десанта, стоили жертв. Но нельзя сказать, что эти жертвы были напрасны. И не только потому, что высадка

десанта завершилась успешно. Допущенные ошибки не были грубыми, скорей всего, они были неизбежными — так как явились следствием быстрых изменений оперативной остановки, правильно реагировать на которые не всегда хватало опыта.

В дальнейшем, в течение всех последующих долгих и кровавых лет войны, командованию ЧФ приходилось осуществлять все более сложные и масштабные десантные операции. И с каждой последующей операцией рос и накапливался бесценный боевой опыт, и в этом опыте постоянно и ясно просматривался вклад первого и поэтому такого трудного и важного десанта.

Часть третья Десант на севере Краснофлотцы против егерей

«Зверские» планы

(27 января 1941 г. — 20 июня 1941 г.)

План наступления германо-финских войск на 120-километровом Мурманском участке Северного фронта носил кодовое наименование «Silberfuchs» — *Серебристая лисица.*

Командование вермахта, сознавая важность и стратегическое значение северных морских коммуникаций СССР и Кировской железной дороги, уделяло серьезное внимание захвату советского Заполярья и Карелии.

Еще до начала вторжения вермахта в СССР начальник штаба Вооруженных сил Германии Кейтель подчеркивал: «Мурманску как главному опорному пункту русских в летнее время придается, особенно в связи с вероятным англо-русским сотрудничеством, значительно большее значение, чем в последней финско-русской войне. Поэтому важно не только нарушить его сухопутные коммуникации, но и овладеть этим опорным пунктом, ибо связь его по морю через Архангельск со страной нельзя прервать другим образом».

К началу Великой Отечественной войны немецкое Верховное командование сосредоточило в северных районах Финляндии в полосе от Ухты до Северного Ледовитого океана 150-тысячную группировку сухопутных войск, объединенных в армию «Норвегия» под командованием генерал-полковника Филькенхорста. В ее состав входили девять пехотных, две горноегерские дивизии и бригада СС «Север». Из них 7 пехотных дивизий обороняли морское побережье и несли оккупационную службу в Норвегии, а 163-я пехотная дивизия (без одного полка) передавалась в оперативное подчинение финского командования для боевых действий в составе Карельской армии. Остальные соединения (горноегерский корпус «Норвегия» и 36-й армейский корпус) предназначались для действий в северных районах СССР. Кроме того, в армию «Норвегия» был включен 3-й финский армейский корпус.

Горноегерский корпус «Норвегия» имел в своем составе 2-ю и 3-ю горноегерские дивизии, каждая из которых состояла из двух горноегерских и одного артиллерийского полков общей численностью 12 200 чел. Вооружение каждой горноегерской дивизии насчитывало 450 пулеметов, 700 автоматов, 102 орудия калибра от 37 до 150 мм и 112 минометов калибра от 50 до 81 мм.

36-й армейский корпус состоял из 169-й пехотной дивизии, бригады СС «Север», 324-го пехотного полка, 163-й пехотной дивизии и 6-й финской дивизии, 40-го отдельного танкового батальона и 112-го отдельного танкового батальона.
Немецкая пехотная дивизия включала три пехотных и один артиллерийский полк, насчитывала 16,8 тыс. чел. и имела 600 пулеметов, 760 автоматов, 74 орудия, 75 противотанковых пушек, 138 минометов, 12 зенитных орудий и 96 противотанковых ружей. Корпус имел в своем составе около 100 танков, в т. ч. огнеметных.
Первый этап операции *Серебристая лиса* имел кодовое наименование «Rentier» *(Северный олень)* и предусматривал захват горнострелковым корпусом «Норвегия» района никелевых разработок в Петсамо.
Второй этап операции — «Platinfuchs» *(Платиновая лиса)* включал в себя наступление немецких войск через Титовку, Ура-Губу к Полярному и Мурманску. Целями этого этапа являлись захват баз Северного флота и блокада Мурманска с последующим выходом на побережье Белого моря и захватом Архангельска.
Третий этап операции — «Polarfuchs» *(Песец)* должен был осуществляться одновременно со вторым и включал в себя наступление 2-й горнострелковой дивизии на Полярный, а также наступление немецких и финских частей на восток от Кемиярви.
Разработка планов операции была закончена немецким командованием 27 января 1941 г.
В ходе операции предусматривалось силами немецкой армии «Норвегия» совместно с финским 3-м армейским корпусом овладеть полуостровами Средний и Рыбачий, главной военно-морской базой Северного флота Полярным, Мурманском, Кандалакшей и перерезать Кировскую железную дорогу (Ленинград — Мурманск), а в последующем занять Архангельск.
Наступление армии «Норвегия» должны были поддерживать 400 немецких самолетов 5-го воздушного флота, сосредоточенных на аэродромах в Северной Финляндии и Норвегии, и 500 боевых самолетов финских ВВС.
Сроки начала наступления были определены гитлеровским Верховным командованием: для горноегерского корпуса «Норвегия» — 28 или 29 июня, для 36-го армейского корпуса — 1 июля, для 3-го финского армейского корпуса — 30 июня.
Сухопутной группировке противника в Заполярье противостояла 14-я армия Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта В.А. Фролова. Ее соединения и части дислоцировались вдоль участка советско-финской границы от побережья Баренцева моря до Кестеньги общей протяженностью около 550 км. В состав 14-й армии входили: 14-я стрелковая дивизия (оказавшаяся впоследствии на направлении главного удара противника и включавшая 95-й, 135-й, 325-й стрелковые, 241-й гаубичный артиллерийский и 143-й артиллерийский полки), 52-я дивизия (включавшая 58-й, 112-й и 205-й стрелковые, 208-й гаубичный и 158-й артиллерийский полки), 42-й стрелковый корпус, включавший 122-ю, 104-ю стрелковые, 1-ю танковую дивизии; 23-й укрепленный район и 1-я смешанная авиационная дивизия двухполкового состава.
Две дивизии 14-й армии (из пяти) были развернуты на Мурманском направлении. Правое крыло армии, прикрывавшее Мурманское направление, поддерживал

Северный флот. Силы армии были в основном рассредоточены вдоль побережья и границы. Например, 14-я стрелковая дивизия дислоцировалась вдоль участка границы протяженностью 300 километров вдоль побережья от мыса Святой Нос до острова Кильдин. Вдоль границы, на наиболее важных участках, на расстоянии 1–3 километров от нее, располагались опорные пункты, размещенные на расстоянии 2–5 километров друг от друга. Между ними находились подвижные дозоры. На занимаем армией участке было мало укреплений. Часть войск находилась в расположениях, некоторые занимались боевой подготовкой.
Оперативный план 14-й армии имел одно уязвимое место, так и не исправленное до самого начала войны. Им не предусматривалось общего армейского резерва, которым можно было бы маневрировать, поддерживая угрожаемое направление. Правда, командарм генерал-лейтенант Фролов, не добившись утверждения резерва штабом округа, все-таки создал его довольно оригинальным способом.
Явочным порядком он отобрал у 1-й танковой дивизии, переброшенной перед войной в Кандалакшу из-под Ленинграда, 2 танковых батальона. Но танки негде было применять на совершенно не подходящем для них театре военных действий. Простоявшие в бездействии среди каменистой тундры и густых лесов танки в конце концов были переброшены обратно под Ленинград.
Некоторые разделы оперативного плана не были утверждены окончательно штабом округа. До самой войны так и не были определены сроки выдвижения войск на оборонительные рубежи.
Также не был решен вопрос о рубеже обороны на кестеньгском направлении. Штаб округа, твердо придерживаясь установки «ни пяди своей земли никому не отдадим», настаивал на выдвижении частей к самой границе. Командующий армией возражал против этого. Он считал, что рубеж обороны выгоднее создать по реке Софьенга, в пятидесяти километрах восточнее границы. Фролов был прав. Широкая Софьенга с озерами, прикрывавшими фланги, явилась бы мощным препятствием для врага. Ближе к границе таких удобных для обороны рубежей вообще не было. Однако соображения Фролова никто, естественно, во внимание не принимал. Вынужденный подчиниться требованиям вышестоящего начальства, он скрепя сердце выдвинул к границе один батальон, сохранив оборонительный рубеж на Софьенге.
Фролову на месте было, конечно, виднее, где надо построить оборону. Первые же бои полностью подтвердили его правоту. Противник обошел выдвинутый вперед батальон, перерезал дорогу в тылу, и бойцы с трудом пробились из окружения, бросив в лесах орудия и обоз.
Мобилизационный план армии также имел существенные недочеты. Он составлялся по стереотипам мирного времени. Трудно было понять, почему армия по доброй советской традиции получала пополнения с Урала, тогда как Архангельская и Вологодская области, связанные с Кольским полуостровом удобным морским путем, отправляли людей в другие округа. Это привело к тому, что армия, начавшая бои 29 июня, пополнения по мобилизации стала получать лишь в середине июля.

Танки Т-26 в Заполярье. Применение бронетехники на Севере крайне ограничивалось рельефом местности и отсутствием дорог.

Склады оружия и обмундирования для новобранцев были размещены слишком близко к границе. В свое время штаб армии внес разумное предложение — оттянуть склады поглубже в тыл, к штабам дивизий. Но и это предложение, несмотря на всю его целесообразность, было отвергнуто. В результате все пришлось взорвать при отступлении. Ситуация в очередной раз была доведена до абсурда, и в результате с обмундированием немного помог Северный флот, а с оружием, особенно в первые месяцы войны, были значительные трудности.

Незадолго перед началом войны были построены 100 земляных огневых точек для пулеметов, 25 орудийных окопов, 7 окопов для стрелковых отделений, 6 пулеметных дотов. Но строительство не было завершено, укрепления не достроены, кроме того, не было наведено достаточно переправ, давно не ремонтировались дороги.

На Мурманском направлении существовало 2 укрепрайона — на полуостровах Средний и Рыбачий (23-й УР) и Мурманский (26-й УР). Мурманский укрепрайон имел несколько башенных, противокатерных и зенитных артиллерийских батарей. Цель его была защищать Мурманск от нападений вражеского флота. Целью укрепрайона на полуостровах Средний и Рыбачий было не допустить высадку морского десанта. Оборона полуостровов с суши несколько упрощалась тем, что с материка проникнуть на них можно было только через южный перешеек полуострова Средний, по которому проходил хребет Муста-Тунтури, являющийся удобной естественной оборонительной позицией. Но по плану прикрытия его никто не оборонял. Все силы УРов были распылены вдоль береговой линии и должны были препятствовать высадке возможных морских десантов.

Таким образом, созданная противником на Мурманском направлении группировка вдвое превосходила в живой силе противостоящие ей части 14-й армии, к тому же обе немецкие горноегерские дивизии имели боевой опыт и были подготовлены к боевым действиям в гористой местности, что давало им дополнительное преимущество при действиях на скалистом плоскогорье с большим количеством сопок высотой 200–500 м и большим количеством крупных валунов, которое являлось театром боевых действий. В инженерном отношении район боевых действий был укреплен недостаточно.

Получилось, что 14-я армия, имея достаточно сил для отражения удара противника на Мурманском направлении, расположила их в настолько невыгодной в оперативном и тактическом отношениях конфигурации, что немцы изначально получали преимущество, для сохранения которого им достаточно было просто не распылять имевшиеся у них силы.
Противник не имел преимущества ни в танках, ни в артиллерии, более того, отсутствие дорог, примыкающих к предполагаемому театру военных действий с финской территории, затрудняло снабжение немецкой группировки. Кадровые части 14-й и 52-й дивизий не сильно уступали по уровню боевой подготовки егерям. По сути, противник имел одно-единственное преимущество перед противостоящими ему частями Красной Армии: его планы соответствовали реальной обстановке.
И как показали события первых месяцев войны, этого преимущества оказалось вполне достаточно, чтобы судьба Мурманска и Полярного повисла на волоске, и только огромное количество жертв, которых можно было избежать, и мужество десятков тысяч бойцов и командиров армии и флота не дали этому преимуществу обернуться катастрофой для всего Мурманского направления.

Накануне

(21–28 июня)
Командование 14-й армии первую попытку повлиять на ситуацию, складывающуюся на границе, предприняло только 21 июня, в последний мирный день, когда генерал-лейтенант Фролов обратился за разрешением придвинуть войска к границе и начать занимать оборонительные рубежи. Однако он получил запрещение *«проводить какие-либо мероприятия, могущие вызвать подозрение у финнов и спровоцировать их на войну»*. Впрочем, подобные запрещения получили тогда и немало других командиров на всем огромном протяжении государственной границы…
И снова явочным порядком, под видом учений командарм несколько усилил угрожаемые направления. Начали частично заниматься оборонительные рубежи. Уже тогда Фролов, понимая ключевое значение реки Титовки, постарался предпринять все возможное для уменьшения угрозы прорыва на этом направлении. Титовка, беря начало в озере Лайя, течет фактически с юга на север, в нижнем течении несколько отклоняясь на северо-восток, и впадает в Мотовский залив. Вдоль верхнего течения реки, постепенно отклоняясь к западу; проходила государственная граница. Между границей и речкой располагался не включенный еще в план прикрытия Титовский укрепрайон. Впрочем, все его укрепления составляли 6 недостроенных и невооруженных дотов в районе озера Куосме-ярви. За укрепрайоном находились две переправы через Титовку — южная, так и называвшаяся — «южный мост», и северная, выполненная в виде дамбы. Местность с большим количеством сопок в районе реки, болотами и озерами на подходе к ней была удобна для обороны.
К вечеру 21 июня сюда по приказу Фролова были выдвинуты два батальона 95-го СП 14-й СД генерал-майора Журбы. Третий батальон был оставлен в резерве, в нижнем течении реки, прикрывая деревню Титовка и пристань. В деревне Титовка

расположилась оперативная группа штаба 44-й стрелковой дивизии во главе с комдивом генерал-майором Журбой.
Хотя 95-й полк был недоукомплектован и имел численность меньшую, чем по штатам военного времени, роковую роль, еще до начала оборонительной операции, сыграло не это, а неспособность командующего дивизией верно определить угрожаемое направление в своей зоне ответственности.
Единственная грунтовая дорога, имевшаяся в тылу советских войск, проходила в нижнем течении реки, к дамбе, где разветвлялась. Одна ветка уходила к пристани в Малой Волковой губе и расположенному поблизости строящемуся аэродрому, другая на полуостров Средний — вдоль западного берега Мотовского залива.
Сухопутной дороги от Титовки в армейский тыл не было. 95-й полк снабжался морем. Выгрузка всего необходимого производилась на пристани близ деревни Титовка. Зенитного прикрытия, пристань не имела, и авиация противника могла в любой момент дезорганизовать снабжение полка.
Незадолго до войны приступили к постройке дороги от Титовки к реке Большая Лица. Но успели соорудить только Южный мост и всего три километра пути.
Командование дивизии сделало вывод, что немцы будут стремиться перерезать эту единственную дорогу, чтобы сразу, по кратчайшему пути выйти в тыл полуостровам Средний и Рыбачий и отрезать их от линии фронта.
Соответственно такому замыслу происходило и сосредоточение и без того скудных сил, выделенных командующим армии в обход указаний штаба округа.
Два стрелковых батальона вытянулись в линию вдоль границы, пытаясь прикрыть участок в тридцать километров — от губы Малая Волоковая Баренцева моря до озера Куосме-ярви. Роты и взводы обосновались на отдельных высотах.
Промежутки между ними порой были настолько велики, что не простреливались пулеметным и винтовочным огнем,
Еще пять километров до озера Лайя, в районе Южного моста прикрывались лишь стрелковой ротой разведбатальона 14-й дивизии, имевшего несколько танкеток и бронеавтомобилей, применить которые, по существу, было негде.
На западном берегу реки по обе стороны Южного моста заняли позиции два артиллерийских дивизиона 241-го артполка. Через пять дней в устье реки, где находилась пристань, выгрузился и занял предназначенные ему позиции еще один дивизион, принадлежавший уже 158-му артполку 52-й стрелковой дивизии, которая также начала выдвижение к границе.
Не имея навыков оборудования позиций в каменистом грунте, за неделю, имевшуюся в их распоряжении, бойцы 95-го СП оборудовали только мелкие окопы для стрельбы лежа и с колена, а также укрытия из камней. Кое-где были выставлены проволочные заборы. Непосредственно на линии границы находились три усиленные погранзаставы, имевшие в своем составе по 65–70 бойцов.
Местность в Заполярье труднодоступна и имеет крайне малое количество дорог. На финской территории дорог на этом участке вообще не было, что, как ни странно, сослужило горным егерям добрую службу. Не имея своего традиционного превосходства в транспорте и боевой технике, немцы и тут сумели создать себе преимущества в маневренности. Все подразделения горноегерских дивизий полностью перешли на вьючную тягу.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года, в ходе операции «Северный олень» соединения и части корпуса «Норвегия» пересекли норвежско-финскую границу и оккупировали Печенгскую область, захватив никелевые рудники.
В первую неделю войны сухопутные войска противника на советско-финской границе активности не проявляли. Пользуясь этим, командования 14-й армии и Северного флота предпринимали дополнительные меры для усиления обороны государственной границы.
22 июня Военный совет 14-й армии отдал приказ о переброске на западный берег Кольского залива 325-го полка 14-й дивизии. 52-я дивизия, которой командовал генерал-майор Никишин, дислоцировалась в Мончегорске. Ее переброска к Мурманску началась вечером 24 июня.

Отрывать окопы в Заполярье было сложно, и бойцам приходилось использовать естественные укрытия.
325-й полк переправился через залив в сравнительно спокойной обстановке, но 75-километровый переход к государственной границе по открытой тундре, при беспокоящих налетах авиации противника, занял несколько дней. Лишь к вечеру 28 июня полк занял линию обороны.
Вечером 26 июня отправились в поход 112-й стрелковый и 158-й артиллерийский полки, еще через день утром — 58-й стрелковый и 208-й гаубичный. Двигались они не так быстро, как хотелось бы. Переправившись через Кольский залив, полки двинулись по Мишуковской дороге на запад.
Части 52-й стрелковой дивизии медленно двигались к границе; на пути следования, и особенно во время переправы через Кольский залив, дивизия неоднократно подвергалась налетам авиации и понесла потери. Немецкая авиация, базировавшаяся на норвежских аэродромах, интенсивно бомбила суда и колонны, движущиеся к границе. 30 июня дивизия развернулась в боевые порядки на реке Западная Лица.
Погрузка на не подготовленные к перевозке войск суда, переход морем, выгрузка, пеший переход по единственной дороге даже без противодействия вражеской авиации занимали много времени. Штаб 14-й армии еще в мирное время настойчиво добивался постройки моста через реку Тулома у городка Кола. Это обеспечило бы сквозное сухопутное сообщение от Мурманска до границы. Но мост так и не был построен.
23-й УР, расположенный на полуостровах Средний и Рыбачий, имел в своем составе 135-й стрелковый и 104-й пушечно-артиллерийский полки, 2-й дивизион

241-го гаубичного артиллерийского полка, 7-й и 15-й отдельные пулеметные батальоны и береговые батареи Северного флота, но силы его были по-прежнему распылены вдоль побережья для недопущения морских десантов. С началом боевых действий части укрепрайона заняли участки по боевому расписанию, то есть согласно утвержденному плану прикрытия.
И только 26 июня командующий армией приказал командиру 135-го стрелкового полка усилить прикрытие полуостровов с суши и выдвинуть один батальон на хребет Муста-Тунтури. Выполняя приказ, 2-й батальон вышел в указанный район, развернулся и к исходу 26 июня оборудовал окопы.
Северный флот успел за эту неделю в сравнительно благоприятных условиях провести мобилизацию и первые оборонительные мероприятия. В состав частей охраны водного района военно-морской базы (ОВРа) был введен 1-й Северный отряд пограничных судов Морпогранохраны НКВД вместе с береговой базой в Кувшинской салме.
За счет переоборудования торговых и рыболовных судов флот пополнился тральщиками, сторожевыми кораблями, различными катерами и минными заградителями. Из призываемых рыболовных траулеров, дрифтеров и мотоботов были сформированы два дивизиона траления, два дивизиона сторожевых кораблей, дивизион катеров-тральщиков и дивизион сторожевых катеров. По числу вымпелов ОВР увеличился в три с лишним раза, примерно во столько же раз увеличилась и численность личного состава.
С началом войны стала проводиться систематическая авиационная и корабельная разведка силами Северного флота в водах противника, были установлены дозоры на подходах к портам и базам, выставлены несколько оборонительных минных заграждений у своего побережья. На позициях у норвежского побережья начали действия походные лодки.
При выполнении этих мероприятий сильное противодействие оказывала авиация противника. В первые дни войны советским летчикам-истребителям приходилось по нескольку раз в день совершать боевые вылеты. 24 июня командир эскадрильи старший лейтенант Сафонов сбил первый немецкий самолет.
Утром 27 июня в штаб генерала Журбы позвонил комбат с левого фланга Титовского укрепрайона. Он доложил, что показались войска противника, которые подходят с северо-запада и занимают исходное положение на самой границе. Журба позвонил в штаб армии и попросил разрешения открыть артиллерийский огонь.
— Не торопитесь, — ответили в штабе Фролова, — не надо прежде времени обнаруживать нашу артиллерийскую группировку.
28 июня противник продолжал придвигаться к границе. Вечером опустился туман, но советские наблюдатели всю ночь слышали голоса, ржание коней, лязг металла.

Катастрофа на Титовке

(29 июня)
В 4 часа 20 минут 29 июня 1941 г., после полуторачасовой огневой подготовки, в которой участвовали два артиллерийских полка при поддержке авиации, горноегерский корпус «Норвегия» начал наступление на занимающие оборону

вдоль советско-финской государственной границы 6-ю и 7-ю пограничные заставы 100-го погранотряда и части 14-й стрелковой дивизии.
В этот день началась стратегическая оборонительная операция в Заполярье и Карелии, продолжавшаяся до 10 октября 1941 г.
Немцы сразу сумели развить высокий темп наступления, несмотря на сложный рельеф местности, и к вечеру сумели продвинуться до реки Титовка в ее нижнем течении. Титовка была важным стратегическим пунктом, так как, переправившись через нее, противник мог отрезать полуострова Средний и Рыбачий. Это хорошо понимали обе стороны. Бой за переправы через реку был страшным.
Поначалу внешне ничего не предвещало катастрофического развития дальнейших событий. В три часа утра немцы открыли ружейный и пулеметный огонь по нашим подразделениям. Завязалась перестрелка. Обстрел сопок из пулеметов и минометов егерям особых результатов не принес. Вскоре ударила немецкая артиллерия. Заговорили и советские орудия. Артдивизионы повели беглый огонь по обнаруженным скоплениям егерей. Сосредоточенный удар двух дивизионов явился для немцев неожиданностью. Как показали захваченные через несколько часов пленные, артиллерийский огонь нанес немцам большие потери.
Под прикрытием тумана немцы попытались переправиться через реку на левом фланге, где их в общем-то как раз и не ждали. Об этом сообщил по телефону командир разведбата, находившийся в боевых порядках своей стрелковой роты. Атака бойцами, находящимися на выгодных позициях, была отбита без особых затруднений. Были захвачены несколько пленных, по показаниям которых было установлено, что против разведбата действуют подразделения 138-го полка 3-й горноегерской дивизии.
В 8 часов утра, когда туман рассеялся, над полем боя появилась вражеская авиация. На сосредоточенные удары артдивизионов немцы ответили не менее сосредоточенными ударами с воздуха. Ju-87 штурмовали позиции разведбата и бомбили артдивизионы.
Телефонная связь с левым флангом была прервана, а вскоре прекратилась и радиосвязь.
Телефонная линия, связывающая штаб дивизии с правым флангом, пока действовала. В 10 часов оттуда поступило донесение комбата-1: рота, расположенная на западном склоне хребта Муста-Тунтури, вступила в бой.
К этому моменту генерал-майор Журба начал понимать, что направление главного удара противника определено неверно, и для выяснения обстановки решил направиться на левый фланг.
Несмотря на то что это решение Журбы критиковалось многими авторами, не исключено, что оно было единственно верным. Еще до введения в бой противником основных сил Журба почувствовал, что дивизии грозит разгром и что судьба боя решается на левом фланге.
Последующие события показали, что он был абсолютно прав. Но только после войны стало известно, что один из батальонов 2-го эшелона 137-го полка 2-й горноегерской дивизии получил задачу выйти в тыл позиций полка через район озера Титовское, захватить Южный мост и после получения поддержки от частей 138-го полка 3-й горноегерской дивизии продолжить наступление с тыла для осуществления окружения частей 14-й дивизии…

Генерал Журба передал руководство боем с КП дивизии командиру 95-го СП майору Чернову, так как начальник штаба дивизии незадолго до начала немецкого наступления заболел и убыл в Мурманск, а сам вместе с командующим артиллерией дивизии и адъютантом сел в легковую машину и отправился на левый фланг. В пути, видя, что авиация противника почти непрерывно бомбит Южный мост, он приказал командирам двух артдивизионов, которые находились здесь, перейти, пока цел мост, на восточный берег реки.
Но отъехать от моста далеко не удалось, пикировщики разбомбили штабную машину, о чем и доложил вернувшийся на КП дивизии шофер. Он сообщил, что все пассажиры машины погибли, после чего командование дивизией принял начальник политотдела дивизии полковой комиссар Волков.
Однако Журба не погиб во время бомбежки. Вместе с адъютантом, старшим лейтенантом Абрамовым, он пытался пробиться на позиции разведбата, что, скорей всего, ему и удалось.
Когда выяснилось, что немцы проводят маневр на окружение, генерал-майор с собранными им бойцами и остатками техники завязал бой в районе Южного моста с прорвавшимися туда егерями 137-го полка. Бой шел фактически в окружении, к немцам подходили подкрепления, а наладить связь с частями дивизии не удавалось. Об этом позднее сообщил Абрамов, взятый во время боя в плен и освобожденный из него в 1944 г. в Норвегии.
К вечеру положение дивизии ухудшилось.
Правофланговый 1-й батальон 95-го СП вынужден был вести бой с 136-м полком 2-й немецкой горноегерской дивизии, который постепенно в течение дня ввел в бой все свои три батальона. И если сначала батальон отражал атаки и даже захватывал пленных, то после достижения противником 3-кратного превосходства стал пятиться и отошел на пару километров, зацепившись за хребет Муста-тунтури. Ситуация в батальоне была катастрофической. Почти все командиры были выбиты, поредевшими взводами и ротами командовали сержанты, завхозы и даже врачи. Командир батальона уцелел, несмотря на то что получил 10 ранений.
Со вторым батальоном ситуация была похожей. Против него действовал 137-й полк, правда, не в полном составе, так как один его батальон во взаимодействии с 138-м полком соседней 3-й горноегерской дивизии окружил разведбат 14-й дивизии и пытался захватить Южный мост.
Не добившись подавляющего численного превосходства, немцы стянули сюда с помощью вьючных лошадей часть дивизионной артиллерии и огнеметы. В результате 2-й батальон также оказался отрезанным, потерял связь с штабом полка и оперативной группой штаба дивизии и вынужден был начать отход.
Связь с разведбатом наладить так и не удалось, и в своем докладе командующему армией полковой комиссар Волков сделал вывод, что разведбат окружен и уничтожен, а 2-й батальон также окружен, связи с ним нет, и очевидно, что его уничтожение только вопрос времени.
По мнению полкового комиссара, против 95-го полка действовали 2 немецких дивизии, причем одна из них занималась как раз тем, что, перемалывая остатки батальонов и захватив Южный мост, выходила в тыл частям дивизии.
Проверить достоверность информации было невозможно, так как пробиться к батальонам из штаба дивизии не могли.

И хотя 112-й полк 52-й дивизии, ближе всех находившийся к месту боя, спешил туда изо всех сил, бросив позади себя обоз и даже артиллерию, командующий армией, не имевший ни оперативных, ни тактических резервов, решил сохранить для этих целей хотя бы остатки 95-го полка.
Поэтому он отдал приказ об отходе полка, так и не введя в бой находившийся в резерве 3-й батальон. Вечером 1-й батальон полка взорвал дамбу и стал организованно отходить в указанном ему направлении на реку Западную Лицу.
Отступление же остальных частей дивизии очень быстро превратилось в паническое бегство. Автомобильный транспорт 14-й дивизии, один артдивизион и часть конного обоза, направленные на полуостров Средний, выйти туда не смогли — дорога была забита отступающими войсками. Постоянно распространялись слухи, что дорогу впереди перерезали егеря.
Техника и орудия были брошены, часть личного состава сдалась в плен, часть по дороге (немцы смогли ее перерезать только утром следующего дня) и бездорожью через несколько дней разрозненно выбралась к Западной Лице и к Кольскому заливу.
2-й батальон, фактически не имевший уже командиров и связи, узнав, что соседи отходят по прекращении боя справа от себя, также начал беспорядочный отход.
А в это время на левом фланге подразделения разведбата, среди которых находились и генерал Журба с адъютантом старшим лейтенантом Абрамовым, вели с противником упорный бой за Южный мост, находясь в полном окружении.
До вечера их поддерживали огнем артдивизионы 241-го артполка, но затем, получив приказ об отходе, они снялись с позиций и, двигаясь по бездорожью, тоже стали бросать технику. В Западную Лицу на тракторах доставили только 5 гаубиц.

В неглубоких окопах бойцы несли большие потери.
За деревней Титовка, недалеко от пристани, находился аэродром, строившийся силами заключенных, занятых в основном на земляных работах. Единственная дорога была забита отступающими войсками. Охрана из войск НКВД до последнего оставалась в расположении аэродрома, надеясь вывести находившиеся на строительстве около полусотни автомашин.
Немцы, довольно быстро продвинувшиеся до этого места после отхода 1-го батальона, неожиданно натолкнулись на охрану аэродрома и завязали с ней бой.
Только после этого заключенным разрешили уходить вслед за отступающими войсками. И несколько сот зэков добрались до Западной Лицы в большем порядке,

чем отступающие войска. Они даже помогли вывести по забитой отступавшими дороге часть машин в факторию Большая Лица, на которых большей частью и добирались. Дальнейшая их судьба сложилась сравнительно благополучно. Из губы Западная Лица они на кораблях были эвакуированы в Полярный, где большинство из них с учетом написанных ими заявлений в сентябре было отправлено на фронт в составе формировавшейся в Мурманске дивизии народного ополчения.
Охране аэродрома повезло меньше. Не имея опыта боевых действий, она довольно быстро была оттеснена немцами от аэродрома и рассеяна, часть ее была окружена и уничтожена в деревне Титовка (куда чекисты отступили, не зная, что тыловые и штабные подразделения уже покинули ее), часть сумела отойти по сопкам.
А бой у Южного моста продолжался до глубокой ночи. Ночи на Севере летом светлые, но, пользуясь сгустившимся у реки туманом, немцы смогли наконец уничтожить препятствующие их продвижению бронеавтомобили и плавающие танки разведбата и к 3 часам заняли мост.
Последние оставшиеся в живых защитники моста, среди которых находился и адъютант Журбы ст. лейтенант Абрамов, были захвачены в плен. Из его показаний, данных на командном пункте 2-й горноегерской дивизии днем позже, следовало, что:
«место прохождения его службы — штаб 14-й стрелковой дивизии, а сам он является адъютантом командира 14-й стрелковой дивизии генерал-майора Шурбы [Журбы], который погиб в бою». Скорей всего, Журба был похоронен там же бойцами его дивизии. На поле боя немцы смогли найти только его шинель…

Выведенная из строя техника разведывательного батальона. На переднем плане бронеавтомобиль Б-10, за ним плавающий танк Т-37.
Из всех частей 14-й дивизии, принимавших участие в бою, организованно вышел на побережье Кольского залива только 1-й батальон 95 СП.
Остальные части выходили беспорядочно, группами по 20–30 человек, многие не имели при себе оружия. Паника среди отступающих частей бросалась в глаза даже флотскому начальству, наблюдавшему за отходом со стороны. Как записал в своем дневнике командующий Северным флотом Головко:

«Понятно, что состояние людей подавленное. Все измучены, голодны, многие без оружия, боеспособность потеряна. Иные, достигнув наших батарей, заявляли зенитчикам-краснофлотцам, что немцы будут здесь часа через два.
Чувствуется нехватка людей, способных навести порядок. „Его сила“, „Бьет, не удержишься“, „Давай перевози на тот берег!..“ — вот разговоры среди отступающих. Надо не дать панике распространиться, надо помочь армейцам ударом по врагу с кораблей».

Первый отпор

(29–30 июня)
Сбросив советские части с Титовки, немцы, в свою очередь, допустили крупную ошибку — вместо того чтобы стремительным броском выйти на Западную Лицу до того, как по ней будет возведен оборонительный рубеж, противник решил с ходу прорваться на полуостров Средний.
А ведь прочной обороны не было не только на Западной Лице — Полярный оборонительных сооружений со стороны суши также не имел. Но немцы, вместо того, чтобы выйти в тыл главной базе флота, предпочли закруглить свой прибрежный фланг и прорваться если и не на Рыбачий, то хотя бы на Средний..
На южном перешейке полуострова Средний с 26 июня оборону занимал только 2-й батальон 135-го СП. Но комендант укрепрайона полковник Красильников сумел вовремя разобраться в изменении оперативной обстановки и перебросил часть сил укрепрайона с побережья, где они по сохранившемуся аж до середины 1942 г. штабному обыкновению в рассредоточенном состоянии ожидали немецкие десанты с моря на южный перешеек, и успел прикрыть его как раз к появлению на нем егерей. На помощь частям укрепрайона с Рыбачьего по его приказу был направлен 1-й батальон 135-го СП, который успел добраться на перешеек к началу столкновений с егерями и к 5.00 утра занял оборону левее 2-го батальона. Чуть позже вышел боевой приказ № 1 командующего 14-й армии, которым на перешеек перебрасывались 135-й СП и 15-й пулеметный батальон. В результате пулеметный батальон и остальные подразделения 135-го полка к началу боевых действий на перешеек подтянуться не успели.
Егеря 136-го горно-стрелкового полка 2-й горноегерской дивизии около 6 часов утра с ходу попробовали захватить перешеек передовыми отрядами, не тратя время на подтягивание минометов и горной артиллерии, но были прижаты к земле плотным пулеметным огнем. К 10 часам утра егеря прекратили атаки и больше уже не спешили.

Пулеметный расчет занимает позицию.

После этого в течение нескольких часов обе стороны подтягивали находящиеся на марше части и накапливали силы. Подошедший 3-й батальон 135-го СП занял высоту «Центральная», образовав 2-й эшелон обороны полка. На стыки батальонов первого эшелона была выдвинута полковая артиллерия, установлено боевое взаимодействие с приданными батареями 104-го пушечного и 2-м дивизионом 241-го гаубичного артиллерийских полков, а между первым и вторым эшелонами были размещены минометные подразделения и зенитно-пулеметная рота полка.

С подходом в середине дня основных сил 136-го горнострелкового полка натиск егерей возобновился. Уточнив за время сосредоточения расположение советских частей и выявив слабые места в их обороне, егеря начали упорные атаки, в основном на позиции 2-го батальона, не имевшего достаточно времени на оборудование позиций.

Ведя сильный огонь из минометов и доставленных во вьюках горных орудий, егеря сумели вклиниться между 5-й и 6-й ротами. Положение 5-й роты было самым тяжелым.

Она попала в полуокружение и вынуждена была с боем отходить. Во время отхода был тяжело ранен командир роты лейтенант Аваков.

Командир полка Пашковский сумел избежать искушения ввести в бой батальон второго эшелона. Еще до начала боя он успел выслать в тыл противника разведвзвод лейтенанта Курносова, который при возвращении с задания, понеся большие потери, вынужден был пробиваться через в 5 раз превосходящие его по численности силы егерей, но сумел доставить данные о численности немцев, направлении их движения и количестве тяжелого вооружения.

Опираясь на полученные данные, он сумел грамотно организовать контрудар. Поддержав понесшую значительные потери 5-ю роту взводом лейтенанта Барболина, высланным из своего резерва, он приказал нанести удар во фланг наступавшим егерям силами двух взводов 6-й роты.

С фронта удар поддержали взвод Барболина и 5-я рота, в командование которой вступил политрук Барханов. Положение было восстановлено. До самого вечера егеря пытались сбросить батальоны полка с перешейка, но добиться успеха не смогли.

Полярная ночь вполне позволяла продолжить боевые действия и в ночное время, но немцы, продолжавшие всю ночь вести бой с группой генерала Журбы у Южного

моста через Титовку, не имели достаточно сил для нанесения решительного удара. Ночью обе стороны снова начали подтягивать силы к участку боев.
В распоряжение Пашковского поступили укомплектованные на 2/3 55-я и 56-я отдельные пулеметные роты, а во временное подчинение — сводный батальон майора Каленикова, сформированный из личного состава 100-го погранотряда. Утром 30 июня по сосредотачивающимся егерям был нанесен огневой удар кораблями СФ (о нем будет рассказано ниже), после которого немцы смогли перейти в наступление только во второй половине дня, опять нанося основной удар по позициям 2-го батальона. Но к этому времени на перешейке уже была создана 3-ярусная продуманная система расположения огневых средств, размещенных из-за недостатка оборонительных сооружений в естественных укрытиях.
Втягиваться в затяжные бои и терять драгоценное время, за которое на Мурманском направлении возводились оборонительные рубежи и подтягивались свежие части, немцы не стали. Участок полуостровов Средний и Рыбачий оказался первым на Мурманском направлении, на котором фронт стабилизировался и оставался в таком положении во время всех долгих военных лет, вплоть до перехода советских войск в наступление. 135-й СП бессменно оставался на полуострове. 31 июля 1942 года он был преобразован в 254-ю отдельную бригаду морской пехоты, которая вошла в состав Северного оборонительного района, сформированного на базе 23-го укрепрайона.

Высота 244.0

(30 июня)
А всего несколькими часами позже, утром 30 июня, 112-й полк 52-й дивизии, добравшийся от Большой Лицы до Титовки менее чем за 12 часов, в трех километрах за Южным мостом наткнулся на передовые заслоны егерей и до выяснения обстановки занял оборону.
Батальон капитана Московского, будучи в головном отряде полка, первым подошел к Южному мосту на реке Титовка. Тут он лицом к лицу столкнулся с противником. Егеря с ходу атаковали его, пытаясь отбросить, но были остановлены беглым огнем. Командир полка майор Коротков тут же прибыл на место боя, но едва успел уточнить батальону боевую задачу, как в воздухе появились Ju-87. Они подвергли позиции батальона бомбардировке и пулеметному обстрелу.
Тем временем главные силы полка уже выдвигались в район боя. Они также попали под удар авиации. Значительный урон понесла и артиллерия: ей трудно было сойти с дороги и укрыться среди скал и камней. И все же полк занял оборону на выгодном рубеже.
Перед батальоном Московского обстановка снова усложнилась. После очередной бомбардировки с воздуха из-за камней появились егеря. Они продвигались вперед небольшими бросками, тщательно маскируясь. Но находящиеся на выгодной позиции бойцы батальона проявили выдержку и подпустили егерей метров на сто. А те, очевидно, не сумев точно определить количество обороняющихся подразделений батальона, неожиданно поднялись в атаку.
По команде из-за скал и валунов снова был открыт беглый огонь.

Егеря залегли. В порядках батальона, не имевшего снайперов, было, однако, большое количество подготовленных «отличных стрелков», обученных поражать важные цели. На такой дистанции их огонь оказался эффективным.
Понеся чувствительные потери в офицерах, немцы откатились назад и снова вызвали авиацию. Пока она штурмовала позиции батальона, егеря подтянули минометы. А затем возобновили продвижение.
Прошло несколько часов напряженного боя. Теперь враг приблизился к позициям батальона вплотную. То тут, то там периодически завязывались рукопашные схватки. Постепенно роты полка стали редеть.
В этих условиях командиру полка надо было выбрать одно из двух: либо продолжать бой и потерять всех людей без остатка, либо уклониться от ударов противника и отвести батальон на следующий рубеж.
Задача, поставленная 112-му полку, не позволяла, однако, Короткову начать отход без разрешения старшего начальника. А связи со штабом дивизии не было. Радисты выбивались из сил, но штаб дивизии так и не ответил. Зато отозвался штаб армии. Пришлось докладывать начальнику штаба Сквирскому. Полковник все понял, но приказа не отдал и захотел получить санкцию командарма.
Истек еще час. Обстановка для полка становилась все более и более тяжелой. Но тут наконец пришло разрешение на отход.
Отходили перекатами. На 72-м километре полк опять подвергся бомбежке и штурмовке авиации. Под ее прикрытием подразделения егерей обходным броском сумели зацепиться за высоту 244.0. Ее серая с черными трещинами безлесная вершину, кое-где еще со снегом, господствовала над окружающей местностью. Высота 244.0 являлась наиболее выгодным пунктом местности, где можно было задержать продвижение егерей по Мишуковской дороге, отсюда же контролировался колонный путь через устье Западной Лицы на Ура-Губу.
Майор Коротков решил, что здесь нужно держаться до последнего, и по собственной инициативе остановил отход полка. В сторону высоты 244.0 выставили крепкий заслон и выслали несколько групп разведки. Одновременно полк всеми способами пытался связаться с дивизией и отправил в нее нарочных.
Вскоре разведчики доложили, что противник по мере подхода его подразделений поспешно занимает оборону. На вершине высоты был засечен наблюдательный пункт, связанный с тылом проводами. Противник, видимо, не думал пока наступать, но усилил огонь из кочующих минометов, которые причиняли немало беспокойства.
Кроме мин, было отмечено несколько разрывов артиллерийских снарядов. Это настораживало и было свидетельством того, что противник торопится подтянуть артиллерию, которая отстала от головных частей. Как и ранее, немецкая авиация наносила бомбовые удары.
Коротков с головой ушел в работу, готовя решение по овладению высотой. Захватить ее нужно было до подхода основных сил немцев, пока егеря думают только о продолжении наступления и не создают оборонительных позиций.
Идея атаки в лоб по самому крутому восточному склону была отвергнута. По докладам разведчиков, противник вел непрерывное наблюдение за склоном. Следовательно, достигнуть здесь внезапности удара не удастся. Наибольший успех сулили охватывающие действия в направлении северного и южного скатов высоты.

Возникла проблема, когда дело дошло до подсчетов огневых возможностей: в полку почти не осталось артиллерии. Невозможно было рассчитывать на какую-либо артиллерийскую подготовку, хотя бы на направлении действий одного батальона. Помочь пехоте можно было только огнем небольшого числа 82-мм батальонных и 50-мм ротных минометов.
Командир полка готовился задействовать для боя все наличные силы, в том числе и разведроту, которой усилил батальон Московского. Они должны были наносить главный удар по северо-восточному скату высоты. Сам майор собирался возглавить отвлекающий удар 2-го батальона по южному скату высоты.
Командир полка собрал командиров подразделений, поставил боевые задачи, оговорил, по каким подходам нужно незаметно выйти на рубеж атаки, подчеркнул, что егеря боятся рукопашной схватки, поэтому ее следует им навязать, что удар без поддержки артиллерии требует особой быстроты, организованности, храбрости и высокого боевого порыва атакующих цепей.

Бойцы ведут огонь, используя многочисленные валуны в качестве укрытий.
Прибывший в полк комиссар дивизии Орлов зафиксировал в своем рапорте заключительные слова Короткова:
«Как ни тяжело нам будет, мы обязаны быть на высоте. А для этого надо воодушевить бойцов, вселить в них веру в наши силы, в успех. Если вражеские пули прижмут нас к земле, командиры и политработники должны подняться первыми и повести бойцов на штурм. Я буду идти с атакующей цепью. Того же требую и от вас».
2 июля, скрываясь между камней, в низких зарослях березняка, солдаты двух батальонов 112-го стрелкового полка начали выдвижение на рубежи атаки. Разведчики выполнили роль проводников, вывели бойцов на исходные позиции и помогли незаметно установить минометы.
После того как 1-й батальон занял позиции, разведрота старшего лейтенанта Гальчука, как наиболее подготовленная, начала выполнять обходной маневр, а батальоны начали минометный обстрел и поднялись в атаку.
Бой сразу же принял ожесточенный характер. Хотя огонь противника был сильным, бойцы сумели броском достигнуть позиций егерей. Но тут возникла заминка: скат высоты, доселе довольно пологий, у самых позиций оказался круче, чем это казалось издали. Двигаться оказалось крайне затруднительно. Сверху полетели немецкие гранаты. Роты залегли: преодолеть скат, не подавив огневые точки врага, было, на первый взгляд, невозможно.

Атака на высоту.

Разведчики Гальчука столкнулись с той же проблемой.

Тогда Гальчук принял неординарное решение: выдвинуть одно отделение к восточным, крутым скатам высоты и поставить там дымовую завесу, с одновременной демонстрацией главного удара. Этим можно было воспользоваться для рывка разведроты вперед, в обход крутизны, по участку, который хорошо простреливается, но в силу этого являлся неожиданным для атаки.

Времени на постановку дымовой завесы потребовалось около получаса.

Хитрость удалась. Как и предполагалось, педантичные немцы сосредоточили на дымзавесе всю мощь своего огня. Тяжелые минометы, пулеметы и даже автоматы егерей замолотили по скалам и камням, откуда разведчики уже успели отойти. А пока враг бил по пустому месту, взвод лейтенанта Мухина обошел район задымления и с фланга атаковал противника, захватив при этом двух пленных. Огневые точки егерей стали замолкать одна за другой.

В разгар боя по уже захваченным разведчиками позициям неожиданно ударил немецкий ручной пулемет. Мухин с отделением бойцов сумел скрытно обойти его с тыла. В последний момент немецкие пулеметчики, однако, успели обернуться и открыть огонь из личного оружия.

Мухин был убит, но пулемет захватили.

В ходе боя наступил перелом. Вслед за взводом Мухина была поднята в атаку вся разведрота. С криком «ура» разведчики кинулись на высоту. После того как структура их обороны на северном фланге была разрушена, егеря не приняли рукопашной схватки и стали отходить, неся большие потери. Капитан Московский не терял времени и бросил вперед весь батальон.

А затем перешел в атаку и 2-й батальон. Скоро бой перекинулся на обратные скаты высоты. А еще через час боя высота 244.0 полностью была очищена от противника.

Точные потери, понесенные 112-м полком при штурме высоты, неизвестны. Но только разведрота Гальчука потеряла 25 человек: 6 из них были убиты и 19 ранены.

Получил смертельное ранение и капитан Московский, Командир полка майор Коротков, со 2-м батальоном также достигший гребня высоты, был ранен в правую руку.

Захват высоты 244.0 значительно улучшил положение 112-го полка, на трое суток задержав продвижение частей горного корпуса немцев. За это время главные силы 52-й дивизии вышли на восточный берег реки Западная Лица, развернулись на

широком фронте и заняли оборону на выгодных позициях, перехватив основные направления.

Удар с моря

(30 июня)

Вечером 29 июня критичность ситуации, складывающейся на Крайнем Севере, была оценена в самой Москве. ВС Северного флота получил радиограмму наркома ВМФ Кузнецова, предписывающую *«обеспечить немедленный выход кораблей Северного флота в Мотовский залив и до последнего момента оказывать поддержку армии»*. Видимо, мгновенная расправа немцев с 14-й дивизией произвела на Ставку сильное впечатление, которое усугублялось полным отсутствием у немцев на этом участке фронта танков и даже средней артиллерии. После телеграммы главкома ВС СФ решил поддержать огнем корабельной артиллерии сухопутные части, обороняющие полуострова Средний и Рыбачий. С этой целью был сформирован отряд кораблей, в который вошли эскадренные миноносцы «Урицкий» (командир капитан 3-го ранга Кручинин) и «Валериан Куйбышев» (командир старший лейтенант Максимов), катера охранения МО № 121 (командир катера лейтенант Кроль) и МО № 123 (командир лейтенант Лозовский). Отряд возглавил командир 2-го дивизиона эсминцев капитан 2-го ранга Симонов. Вместе с ним вышел флагманский артиллерист флота капитан 2-го ранга Баринов. Обязанности замполита отряда возлагались на замполита бригады эсминцев Казакова.

Над кораблями должны были осуществлять постоянный барраж 4 И-153 3-й иаэ 72 САП.

Орудийные расчеты эсминца «Валериан Куйбышев» готовятся к открытию огня.

Корабли прибыли в назначенный им район к шести часам утра. Морские охотники сразу же переправили на берег заранее взятые с «Куйбышева» и «Урицкого» корректировочные посты под общим командованием лейтенанта Пескова, снабженные радиостанциями. Корректировщики, заняв выгодную позицию, установили связь с армейским командованием и уточнили цели для кораблей.

В шесть часов утра, получив точные данные целеуказания, эскадренные миноносцы открыли огонь по вражеским позициям. Каждый залп немедленно корректировался береговыми постами. Интенсивный обстрел продолжался 3 часа 15 мин. Были разбиты и подавлены две батареи противника — артиллерийская и минометная, накрыты четыре пункта скопления его войск. После сообщения об этом, переданного корректировочными постами, на эскадренных миноносцах развили полную скорострельность.

Эсминец «Валериан Куйбышев», маневрируя в губах Кутовая и Мотка, вел стрельбу по огневым точкам и скоплениям войск противника, обнаруженным на склонах гор. Выпустив до трехсот осколочно-фугасных снарядов, корабль подавил несколько огневых точек и уничтожил около двухсот солдат и офицеров противника.

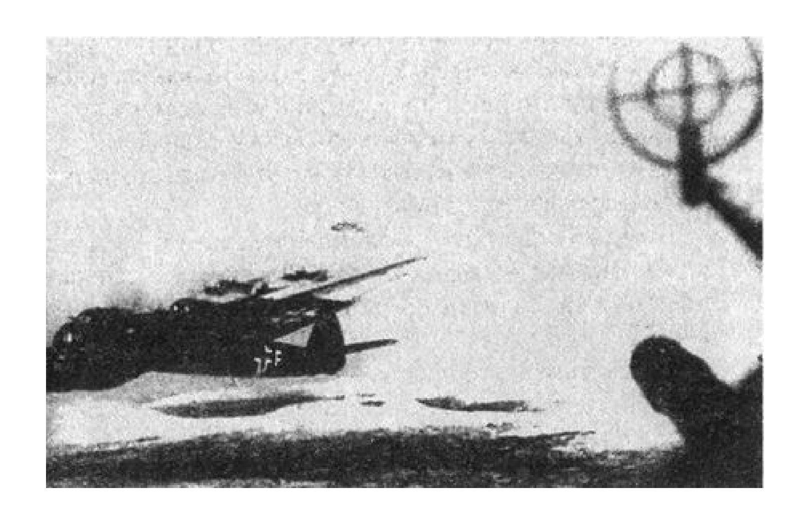
Эсминец «Урицкий», несший брейд-вымпел командира дивизиона, подошел двумя часами позднее, маневрировал в губе Мотка и вел огонь по егерям в 4 пунктах их сосредоточения.

В результате подтянувшие за светлую полярную ночь артиллерию егеря, сосредотачивавшиеся для решительных ударов по перешейку и ждавшие, когда начнет рассеиваться туман, неожиданно попали под огонь 102-мм орудий эсминцев. Хуже всего пришлось отрядам немцев, пытавшимся в утреннем тумане совершить обход по крутым склонам высоты 122, по краю Кутовой губы. На протяженных каменистых склонах высоты, открытых с моря, укрыться от артиллерийского огня было совершенно негде.

Атаковать и даже вести обстрел советских позиций в такой обстановке стало невозможным. Огневые точки, обнаруживаемые по вспышкам, накрывались одна за другой. Неся большие потери, егеря начали судорожно вызывать авиацию.

Авиация прилетела в начале 10-го, когда туман уже достаточно отошел от берега. В налете участвовало 15 Ju-88. Эсминцы вынуждены были прекратить обстрел и отойти от берега к полосе тумана. Ведя зенитный огонь и маневрируя на больших ходах, эсминцы уходили по Мотовскому заливу к выходу из него, чтобы укрыться в густо стелющемся над морем тумане.

Прикрывающие корабли устаревшие бипланы «чайки» — И-153 особого успеха не имели, сбить никого не смогли и, по возможности, старались затруднять «Юнкерсам» прицельное бомбометание.

«Юнкерсы» над Заполярьем.
«Юнкерсы» работали с пологого пикирования, звеньями, заходя вдоль кораблей с кормы, и сбросили, по подсчетам корабельных наблюдательных постов, около 80 бомб.
Так как Ju-88 имели сравнительно небольшую скорость пикирования, эсминцам удавалось довольно успешно уклоняться от их атак поворотами на полном ходу. Прямых попаданий ни в один корабль не было. Однако несколько бомб обсыпали осколками корму «Урицкого», повредив кормовые орудия и торпедный аппарат. Расчеты кормовых орудий оказались частично выведенными из строя. Из состава прислуги кормового орудия главного калибра в строю остался лишь первый наводчик старшина 1-й статьи Сухов.
Пока «Юнкерсы» гонялись за уходившими к туману эсминцами, морские охотники стали снимать с берега корректировочные посты. Последнюю группу снимал МО № 121 под командованием лейтенанта Кроля. Немцы, однако, имели серьезные планы на эсминцы и подняли в воздух еще одну группу бомбардировщиков. К Мотовскому заливу вслед за первой группой бомбардировщиков стала подходить вторая, состоявшая на этот раз из 18 Ju-87. В это время эсминцы наконец спрятались в тумане, но пикировщики, легшие на обратный курс, заметили уходящие морские охотники и направились к ним. МО № 123 также успел добраться до тумана, а на МО № 121 набросились все 18 Ju-87.

Моряки малого охотника МО-121 после боя 30 июня 1941 года. Слева направо Б.Н. Векшин, Д.Ф. Рулев, А.П. Михайленко, И.П. Свистунов, Л.И. Панченко.
Начался бой, беспримерный по неравенству участвующих в нем сил. Истребители не смогли оказать никакого влияния на ход боя. Бой происходил на виду постов ВНОС полуострова Средний, которые доложили о нем в штаб СФ. По тревоге были подняты еще две пары «чаек» из резерва 72-го САП, но и они не смогли отогнать «Юнкерсов» от катера.
Командир катера лейтенант Кроль понимал, что его спасение только в маневре. Катер ни минуты не оставался на одном курсе, поворачивая почти так же быстро, как эсминцы, но гораздо более круто — Кроль умело пользовался единственным, но уникальным преимуществом морского охотника: сочетанием высокой, до 30 узлов скорости, которую ему помогали развить три мотора, с очень хорошей маневренностью, которую обеспечивала малая осадка.

Немцы, как всегда наносившие удары по корме, были озадачены такой высокой маневренностью и, чересчур увлекшись, атаковали с предельно малой скоростью пикирования, выпустив для этого тормозные решетки и сбрасывая бомбы как можно ниже. На истребителей, не имевших еще необходимого опыта и довольно бестолково носившихся вокруг, немцы особенного внимания не обращали, просто не подпуская близко. Но тут свое слово сказали комендоры катера, команда которого была отлично обучена и работала слаженно. Северный флот вообще славился качеством подготовки специалистов матросских специальностей, которых готовили не один год и которых так много потом потеряли, отдав из-за непродуманных решений командования в морскую пехоту.
Один из слишком низко выходивших из пикирования «Юнкерсов» был сбит зенитным огнем катера, после войны были установлены тип (Ju-87 R2) и заводской номер (Wnr.5878) этой машины. Другой пикировщик был поврежден осколками собственной бомбы.
Однако прицельное бомбометание вывело из строя рулевое управление, и катер управлялся только машинами. Но и немцы уже не пикировали так низко и действовали только на большой скорости, убрав тормозные решетки.
Маневрирование машинами значительно медленнее, чем рулем. Взрывы бомб постепенно становились все ближе. Один мотор, а затем еще один вышли из строя. Катер уже не мог поворачивать в стороны даже с помощью винтов, а только менял направление хода, то давая полный вперед, то резко стопоря или давая задний ход. От близких разрывов бомб катер, имевший малую осадку, иногда целиком выталкивало из воды.
В довершение ко всему немцы разбили корму, но окончательно вывести из строя последний мотор, уже значительно потерявший мощность, так и не смогли. «Юнкерсы» улетели только почти через полчаса, полностью израсходовав имевшиеся боеприпасы. Морской охотник на одном еле работающем моторе сумел добраться до порта Владимир.
Связавшийся оттуда по телефону со штабом СФ лейтенант Кроль после боя находился в состоянии сильного психического стресса. Разговаривал он почему-то шепотом и на предложение командира дивизиона капитана 3-го ранга Вальчука послать за ним исправный морской охотник, чтобы прибуксировать катер в базу, ответил:
— *Заметят и станут опять бомбить. Зачем подставлять под удар второй катер? Лучше дождусь тумана и тогда сам приду…*
Этот беспримерный случай не остался незамеченным даже среди огромных трудностей и трагедий первых дней войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1941 г. командир катера МО № 121 лейтенант Иосиф Айзикович Кроль и помощник командира лейтенант Александр Владимирович Бородавко, а также рулевой старшина 2-й статьи Борис Николаевич Векшин были награждены орденами Красного Знамени.

1-е наступление на Западной Лице

(3–8 июля)

Отошедший по приказу командира 52-й СД Никишина от Южного моста 112-й СП занял позиции по западному берегу Западной Лицы. Батальоны растянулись по высотам на двенадцать километров. Правый фланг полка проходил поблизости от промысловой фактории Большая Лица — в устье реки. Левым флангом командир полка майор Короткое прикрыл мост, от которого начиналась Мишуковская дорога. Подтянувшиеся остальные стрелковые полки заняли оборону по восточному берегу: 58-й — от моста к югу, 205-й — правее его. Артиллерийские полки образовали две группы поддержки: северную — в районе моста — и южную — на Мишуковской дороге.
Зенитный дивизион прикрыл южную группу и расположившийся здесь же командный пункт дивизии. Артиллеристы начали топографическую привязку батарей. И тут обнаружилось, что крупномасштабные карты имелись только для северной части оборонительного района. Кроме того, оказалось, что магнитные стрелки буссолей сильно отклоняются от нормальных показаний. Один из командиров, до призыва в армию работавший здесь геологом, вспомнил, что поблизости залегают руды, вызывающие магнитную аномалию. Начальник артиллерии дивизии полковник Кубеев позвонил в штаб армии и попросил разыскать в Мурманске карту опорной топографической сетки. Карту нашли и прислали. Точные данные для стрельбы были обеспечены незадолго до возобновления немцами боевых действий.
Потрепанные артиллерийским огнем кораблей при попытке прорыва на полуостров Средний егеря быстро перегруппировались, и немецкое командование принялось исправлять допущенные ошибки. Попытки прорваться через Средний, поддерживаемый огнем эсминцев и имевший собственные береговые батареи, к Рыбачьему означали потерю драгоценного времени.
Авиаразведка уже сообщила, что 30 июня начато строительство оборонительного рубежа, прикрывающего с суши Полярный и береговые батареи на мысе Сеть-Наволок. И немцы перенацелили свои силы на Мурманское направление. А линии фронта на перешейке полуострова Средний было суждено оставаться неизменной до 1944 года.
Бои на Большой Лице начались уже 3 июля. Передовой 112-й стрелковый полк, имевший слишком растянутую линию обороны, неоднократно переходил в контратаки, но все же постепенно был оттеснен к реке. Положение не исправили ни высаженные на флангах полка два отряда моряков-добровольцев численностью в 600 и 800 человек, ни огневая поддержка кораблей СФ.
После ожесточенного боя с авиацией противника 30 июня в Мотовском заливе и проявленной во время него полной беспомощности авиации СФ, командование СФ больше не рисковало посылать для огневой поддержки частей 14-й армии миноносцы. Поэтому задачу огневой поддержки с моря теперь возложили на корабли ОВРа. Дождавшись нелетной погоды, которая на Севере, слава богу, бывала часто, сторожевые корабли «Смерч» и «Гроза» в сопровождении морских охотников, проявивших при наличии обученных экипажей неожиданно высокую устойчивость к авианалетам, пробирались в Мотовский залив и принимались обстреливать позиции противника из своих 102-мм орудий.
Толку от этого было немного, так как на сторожевиках имелось всего по два 102-мм орудия, а корректировочные посты после памятного случая с МО № 121 больше

не высаживались, потому что, как это политкорректно указывалось в официальных бумагах, такую высадку *«в условиях горной местности осуществить было чрезвычайно сложно».* В отсутствие корректировки эффективность артогня, ведущегося с больших дистанций, естественно, была низкой..
Не лучше, обстояло дело и с первыми сформированными на флоте отрядами морской пехоты. Первый отряд морской пехоты, численностью в 600 человек, был сформирован всего за 2 часа. Формированием отряда занимались политработники, то есть готовился он совершенно бездумно. Норовившие включить в него как можно больше коммунистов и комсомольцев политруки бездумно списали с кораблей лучших квалифицированных специалистов, матросов 4-го и 5-го года службы, подготовка которых занимала не один год.
Что будет, когда необученные матросы начнут принимать участие в боевых действиях, политотдел флота себе, естественно, совершенно не представлял. И только потом политработники обнаружили, что *«самым пагубным в отрядах оказалась боязнь передвигаться пригибаясь или ползком. Только во весь рост!..»*
После того как первый отряд, не имеющий никакой боевой подготовки к сухопутным боевым действиям, понес огромные потери, второй отряд, численностью в 800 человек, формировали уже 2 дня. Впрочем, от этого мало что изменилось. Опять в пекло были брошены лучшие кадры флота: подводники и моряки надводных кораблей, различные специалисты береговой обороны и морской авиации, строители и судоремонтники, инструкторы флотских школ учебного отряда флота.
Еще через пару суток формирование отрядов морской пехоты из добровольцев было прекращено. К этому времени количество поданных в них заявлений перевалило за 12 тысяч.
Для собранных флотом отрядов элементарно не хватило оружия. Его добывали различными путями — около 3 000 винтовок было доставлено из Москвы отрядом транспортной авиации под командованием известной летчицы, Героя Советского Союза Валентины Гризодубовой. С кораблей было изъято все стрелковое оружие, кроме пистолетов командиров кораблей и крупнокалиберных пулеметов. Все пулеметы были сняты с подводных лодок, и часть взята у флотской авиации.
Также не хватало и снаряжения, в связи с чем был предпринят еще один исключительный шаг — было собрано «лишнее» обмундирование и снаряжение у офицеров и старослужащих.
Необученные отряды моряков, несмотря на проявляемые ими и удаль и мужество, не смогли выправить положение. Поредевших морских пехотинцев перебросили на перешеек полуострова Средний, где они заняли оборону на участке хребта Муста-Тунтури.
Не выдержав, несмотря на поддержку моряков, натиска превосходящих сил противника, после 3-дневных боев потрепанный 112-й СП, взорвав мост, утром 5 июля организованно отошел на восточный берег и составил резерв дивизии, разместившись за стыком 205-го и 58-го полков. Один его батальон встал в оборону на правом фланге 205-го полка, где до этого на протяжении пяти километров находились лишь редкие наблюдательные посты. Одновременно отошло и боевое охранение 58-го стрелкового полка.

Почти 20-километровый фронт обороны дивизии был занят весьма неплотно. Батальоны первого эшелона вытянулись в линию и не имели резервов. Маневр был затруднен из-за отсутствия дорог. Бездорожье мешало организовать снабжение подразделений. В более выгодном положении находились части, расположенные южнее: они имели возможность пользоваться Мишуковской дорогой. Но от нее к фронту не было ответвлений, а на подходе к мосту дорогу хорошо просматривал противник.
Соседство с Мишуковской дорогой, обеспечивавшей сухопутное сообщение с тылом, было, пожалуй, единственным преимуществом позиции на Большой Лице. В остальном оставленный Титовский оборонительный рубеж был выгоднее. Там имелось несколько, хотя и недостроенных, дотов. А на Западной Лице никаких укреплений не было.

Счетверенный пулемет Северного флота на тумбовой установке. Для прикрытия береговых объектов подобные установки оказались малоэффективными и по возможности заменялись малокалиберными автоматическими орудиями.
Заняв оборону, бойцы наспех соорудили на переднем крае лишь одиночные окопы неполного профиля, в большинстве выложенные из камней.
Фланги дивизии прикрывались водными преградами: на севере — губой Большая Западная Лица, на юге — расширившимся до полукилометра руслом Западной Лицы. Командование дивизии возлагало много надежд на эти препятствия. Между тем губу у фактории Большая Лица пересекали песчаные отмели, по которым во время морских отливов нетрудно было переправиться вброд. Этим и воспользовались егеря. Когда в ночь на 4 июля разгромленный 95-й полк 14-й СД, крайне нуждавшийся в отдыхе и пополнении, был наконец окончательно отведен в тыл, и северный фланг 52-й дивизии, таким образом, оказался открытым, противник без боя занял факторию Большая Лица. Переправившись через реку, батальон 137-го немецкого горноегерского полка продвинулся вдоль южного берега губы и захватил также факторию. Немцы проникли в тыл дивизии, но, так как тот вообще никем не охранялся, штаб не получил никаких донесений об этом.

Вечером 4 июля в губе Нерпичья высадился третий батальон 205-го полка, переправленный сюда морем из Мурманска. У фактории Большая Лица он неожиданно столкнулся с егерями. Пробиться на колонный путь у побережья не удалось. Тогда батальон свернул в сторону и направился в свой полк через сопки и нагромождения камней. Штаб дивизии наконец получил донесение о проникновении немцев в факторию, но посчитал, что туда пробралась случайная разведгруппа. Наступление немцев началось только через два дня, но штаб так и не сумел к этому времени проверить, что творится у него в тылу на правом фланге.
6 июля немцы начали артиллерийскую подготовку. Обстрел продолжался около получаса. Потом появились немецкие самолеты, и начались атаки частей 2-й горноегерской дивизии. Против центрального участка дивизии действовал 137-й полк этой дивизии, наносивший удары в стык между 58-м и 205-м полками. Два дня на правом фланге немцы пытались захватить позиции у взорванного моста, но им не удалось даже перейти через реку.
Хуже сложилась обстановка на левом фланге. Там 2 батальона 138-го полка 3-й горноегерской дивизии на надувных лодках форсировали Западную Лицу и заняли плацдарм на восточном берегу.
Основной удар егеря наносили на участке 2-го батальона 58-го полка, прикрывавшего выход на Мишуковскую дорогу и расположенные за ней высоты. После обстрела позиций батальона из минометов и горных орудий егеря под прикрытием дымовой завесы вброд форсировали Западную Лицу в нескольких местах. Две роты егерей атаковали 4-ю роту лейтенанта Пузикова, но были отбиты сосредоточенным огнем и затем отброшены на исходные позиции. Тогда егеря повели наступление на позиции роты уже силами батальона, но ход боя переломить не смогли.
После этого немцы пробовали прорваться на участках других рот, но успеха также не имели. Не добившись успеха фронтальными атаками, егеря стали искать слабые места и разрывы в обороне подразделений. В конце концов егеря обошли батальон, отрезав его от полка, и кое-где просочились в его боевые порядки. В результате создалось положение, при котором не всегда можно было понять, где свои, а где чужие.
Окружив батальон, егеря попытались, оставив вокруг его позиций заставы, развить наступление дальше на Мишуковскую дорогу. Но батальон, полностью сохранивший управляемость, начал контратаки из окружения. Боевой дух в батальоне был очень высоким и соответствовал взглядам его командира, капитана Солдатова, сказавшего бойцам:
«Учтите, мы для врага — неудобный противник: находимся в его тылу. Егеря боятся нашего удара в спину. И мы должны всячески умножать эту для них опасность. Деремся до последнего патрона. Кончатся патроны — бьемся врукопашную».
Солдатов лично возглавил несколько беспокоящих контратак, выполненных тактически грамотно и не повлекших больших потерь. Только при шестой контратаке егеря, понявшие, что батальон не даст им развить наступление, снова перебросили против него две роты и нанесли контратакующим ощутимые потери. Больше других пострадала 4-я рота, потерявшая и своего командира лейтенанта Пузикова, которого заменил лейтенант Марин.

После этого, вызвав авиацию, немцы попробовали провести еще одну общую атаку на позиции батальона, но прервали ее в самом начале, так как огонь с оборонительных позиций и после бомбежки оказался для егерей неожиданно сильным. На самом деле положение батальона было критическим, убитых было немного, но количество раненых становилось угрожающим — сказывались минометные обстрелы и бомбежка, подходили к концу боеприпасы.
Но приказ Солдатова не экономить последние патроны достиг цели — егеря, тоже измотанные атаками, которые они предпринимали в течение всего дня, не решились продолжить общую атаку, решив избежать значительных потерь.

Боец позирует фотографу на фоне типичного северного ландшафта, ставшего местом жестоких боев.
Вечером к батальону силами резервного батальона полка был пробит коридор, по которому были доставлены боеприпасы и эвакуирована часть раненых.
Но на других участках к вечеру егеря оттеснили подразделения дивизии на север и, обойдя их, все-таки вышли к высотам близ Мишуковской дороги. Над КП, штабом дивизии и огневыми позициями южной артиллерийской группы нависла угроза. 208-й гаубичный полк прикрыл собой штаб дивизии.
Не имея пехотного прикрытия, командир полка майор Ярославцев и командиры дивизионов капитаны Бабичев и Седышев направили на оборону огневых позиций бойцов штабных и тыловых подразделений. Поначалу батареи обстреливали врага из орудий. Но егеря, которых прорвалось до батальона, оценив ситуацию, попытались броском преодолеть обстреливаемый участок и захватить позиции батарей. При приближении врага на критическую дистанцию расчеты гаубиц совместно с тыловыми службами отбивались из орудийных окопов и из-за щитов орудий огнем стрелкового оружия, а когда возникла опасность забрасывания орудий гранатами, перешли в контратаку.
Бой был ожесточенным, по всей линии позиций полка то и дело в лощинах и на склонах гор возникали рукопашные схватки. Командирам дивизионов и батарей приходилось сражаться рядом с красноармейцами.
Первый удар, нанесенный немцами по батареям, был отбит, но дорогой ценой. В бою погибли командир батареи, старший лейтенант Шабельский, начальник

разведки одного из дивизионов младший лейтенант Яковлев, были ранены командиры батарей лейтенанты Заяц и Лебедев, политрук Коробов, три командира взводов. Потери рядовых бойцов по сохранившимся документам выяснить не удалось…

Не сумев захватить батареи, егеря перегруппировались и при поддержке авиации стали пытаться перерезать Мишуковскую дорогу. Близ Мишуковской дороги располагалась прикрывающая ее третья батарея 54-го противотанкового дивизиона. Взвод младшего лейтенанта Крыжановского, пользуясь тем, что прорвавшиеся егеря не успели подтянуть на вьюках горные пушки и минометы, маневрируя вдоль шоссе, бил по противнику прямой наводкой.

В сложное положение попал 314-й зенитный дивизион, оказавшийся в зоне вражеского пулеметного огня и одновременно отражавший атаки с воздуха. Вынужденный отражать налет, находясь под огнем егерей, дивизион сбил два немецких самолета. Отбив налет авиации, счетверенные зенитные пулеметные установки и 37-мм пушки перенесли огонь на вражескую пехоту.

Егеря подошли к дороге на расстояние, позволяющее вести по ней эффективный огонь. Повозки на конной тяге, подвозившие боеприпасы, стали одна за другой выходить из строя. Для подвоза боеприпасов стали использовать плавающие танки разведбатальона дивизии и легкобронированные артиллерийские тягачи «Комсомолец».

Вечером 6 июля к занятому немцами плацдарму были подтянуты вторые эшелоны полков 52-й дивизии. Утром 7 июля два батальона, поддержанные огнем артиллерии, перешли в контратаку и отбросили 138-й горноегерский полк за реку.

И в этот момент немцы нанесли второй удар с тыла, на этот раз восточнее моста. Целью удара снова была попытка уничтожить артиллерию. В этом районе, ограниченном с севера долиной безымянного ручья, размещались северная артиллерийская группа, тыловые подразделения 205-го полка, а несколько дальше и резервный 112-й полк. В тумане немцы не смогли верно выбрать направление удара, находясь на невыгодном для атаки на артиллерийские батареи направлении, были своевременно обнаружены и попали под беглый огонь прямой наводкой.

Егеря заметались. За полтора-два часа отряд противника был почти полностью истреблен. Не пришлось даже вводить в бой стрелковые подразделения, присланные на выручку командиром дивизии.

Относительного успеха немцам удалось добиться только на участках 5-й батареи 158-го арт. полка, командного пункта 205-го СП и опять у командного пункта дивизии.

У 5-й батареи егеря были обнаружены слишком поздно. Батарея успела дать только один залп картечью, прежде чем егеря ворвались в расположение. Как и днем раньше, на южном участке артиллеристы снова отстреливались из карабинов из-за щитов орудий и брустверов и тоже вынуждены были перейти в контратаку, когда егеря попытались забросать орудия гранатами.

Однако имевшие численное превосходство егеря не уклонились от ближнего боя и в рукопашной схватке выбили артиллеристов с батареи, захватив в плен несколько раненых. Возглавлявший контратаку комсорг батареи, наводчик 4-го орудия сержант Фролов был убит.

Командир 5-й батареи старший лейтенант Шерстнев, находившийся на своем НП, когда ему донесли, что огневые позиции захвачены врагом, побежал с наблюдательного пункта к месту боя. По пути он встретил ездовых, которые только что под командой замполитрука Шохирева успешно отразили атаку напавшей на них небольшой группы егерей. С этим маленьким отрядом Шерстнев пробился к огневым позициям. Артиллеристы смяли немцев и вернули свои орудия.

В боях немцы охотно использовали советское автоматическое оружие.

Трудный бой выдержал личный состав командного пункта 205-го стрелкового полка. Здесь боем руководил батальонный комиссар Иванников, временно командовавший полком. Этот политработник проявил при организации боя незаурядные организаторские способности. Он грамотно расставил имевшихся людей, поставил им посильные задачи, сосредоточив в выгодных местах имевшиеся огневые средства. Противник явно не ожидал от КП полка такого грамотного и эффективного отпора. Немцы, видя, что общий ход боя складывается не в их пользу, приложили все усилия, чтобы захватить выгодную позицию и закрепиться на ней до подхода подкреплений.

Егеря несколько раз бросались в атаку, но были отбиты с большим уроном. Последнюю атаку они предприняли, уже окружив КП со всех сторон. Но в результате грамотно организованной обороны и в этот раз понесли настолько значительные потери, что Иванников смог контратакой отбросить противника от КП.

Егеря, однако, и после контратаки не собирались отказываться от попыток прорваться на участке полка и приступили к перегруппировке. На этот раз основной удар они стали наносить в обход правого фланга полка, пытаясь выйти на Мишуковскую дорогу с востока.

Иванников перенес свой НП в 3-й батальон, прикрывавший это направление, перебросив сюда пулеметы, защищавшие до этого КП полка, и разместив их на стыках рот. В ротах батальона также были размещены все имевшиеся в полку корректировщики из поддерживающих батарей. В районе КП полка, запиравшего выход в тылы полка, были сосредоточены бойцы всех тыловых служб — ездовые, повара, музыканты и водители машин, снова занявшие круговую оборону и

разделенные на два сводных отряда под командованием лейтенантов Демина и Слепущенко.
Учитывая важность прикрываемого направления и не очень полагаясь на находящийся в резерве командующего дивизией 112-й СП, Иванников создал свой собственный полковой резерв, использовав для этого курсантов полковой школы под командованием лейтенанта Федорова.
Начавшийся после перегруппировки егерей бой был страшным. В течение 4 часов егеря непрерывно атаковали, не откатываясь назад, навязав батальону бой на уничтожение. Иванников постоянно находился в боевых порядках батальона, сказав:
— Приказ мы выполняем один, цель у нас — одна, честь — одна и смерть — одна. Я без команды не отойду ни на шаг и вам запрещаю.
Приказа же на отход в такой ситуации, конечно, ждать не приходилось. Напротив, командир 52-й дивизии генерал-майор Никишин имел в это время разговор по бодо с генерал-лейтенантом Фроловым, в котором об этом было сказано следующее:
«Ф.: Отходить нельзя, надо драться до последнего. Это приказ партии и правительства»
«Н.: Все, что в наших силах, будет сделано».
В самый разгар боя в батальон прибыл и секретарь партийного бюро полка батальонный комиссар Шарков, в остальном же батальон мог рассчитывать только на меры, которые своевременно успел предпринять Иванников. У егерей не хватило сил опрокинуть батальон ударами в лоб. Попытки расчленить боевые порядки батальона и отжать поредевшие роты друг от друга успеха также не принесли.
Поэтому егеря снова решились повторить попытку окружения. И снова, как и при обороне КП полка, Иванников, уловив критический момент боя, бросил в контратаку все возможные силы. Атаковали все. Сам Иванников возглавил удар свежих сил, состоящих из тыловых групп и полковой школы. Командир 3-го батальона Тихомиров и батальонный комиссар Шарков пошли в боевых порядках рот, поддержавших атаку трех резервных отрядов.
Егеря не побежали и оказали яростное сопротивление. Но момент для атаки был выбран правильно — растянутые боевые порядки егерей уже не имели достаточной устойчивости. Во время атаки Шарков, награжденный орденом Ленина еще во время финской войны, находился в правофланговой роте, которая атаковала, находясь в полуокружении, и попала под сильный перекрестный огонь. Прежде чем удары тыловых групп Иванникова и остальных двух рот 3-го батальона по флангам егерей заставили их начать отход, рота понесла тяжелые потери, в числе убитых оказался и Шарков. Немного позже во время атаки погиб и Тихомиров, командование батальоном во время боя фактически принял на себя Иванников.
Отброшенные второй контратакой егеря отказались от дальнейших попыток прорыва на этом участке. Как стало позднее известно от пленных, в атаках на подразделения 205-го СП участвовали до двух батальонов 138-го горноегерского полка, что на практике означало более чем 4-кратное превосходство противника в живой силе, так как по численности батальоны егерей на тот момент вдвое превосходили обескровленные батальоны 205-го полка.

На поле боя было обнаружено много оружия и трупов вражеских солдат. Больше всего убитых оказалось в долине безымянного ручья.

Подготовка к первому десанту

(4–6 июля)

В связи с начавшимся немецким наступлением на Западной Лице ВС СФ срочно изыскивал возможности повлиять на ситуацию. Того же настойчиво требовало и центральное руководство, обеспокоенное возможностью захвата немцами Базы СФ в Полярном и стратегически важного незамерзающего Мурманского порта.

В это время на СФ пришло довольно любопытное шифрованное предписание за подписью Ворошилова и Жданова: маскировать торпедные катера под рыболовные суда и охотиться на них за кораблями противника.

К чести командования СФ надо отметить, что у него хватило воли не принять это авантюрное предписание к исполнению, отрапортовав, что немцы и без того уже достаточно топят гражданские суда (очевидно, после подобных распоряжений) и что планируемое мероприятие в силу этого будет неэффективным.

Реальной мерой по исправлению создавшегося положения ВС СФ счел высадку десантов с моря в тыл противнику для оказания помощи частям 14-й армии и особенно теснимой немцами на Западной Лице 52-й дивизии.

Наиболее перспективным для десантирования штабу флота представлялось побережье губы Титовка. Она на большое расстояние вдается в материк, вплотную подходит к фронтовым дорогам, в некоторых местах имеются причалы. Кроме того, долина реки Титовка представлялась удобным местом для наращивания сил и развертывания наступления.

Военный совет флота пришел к мнению, что перевозку десанта и высадку его на берег в сложившихся условиях лучше других смогут выполнить небольшие корабли ОВРа. Однако этот смелый и, на первый взгляд, логичный замысел имел два серьезных «но». Во-первых, губа Титовка находится от губы Большая Западная Лица примерно в 20 километрах, что требовало от десанта довольно длительных самостоятельных действий до момента соединения с силами 14-й армии. Следовательно, по предварительным подсчетам, нужно было высадить не менее двух полков, которых у флота не было.

Во-вторых, для успеха задуманной операции войска на участке фронта в районе Западной Лицы должны были перейти в наступление одновременно с высадкой десанта, на что командование СФ пока не имело согласия командования 14-й армии. Однако план был составлен, и начальник оперативного отдела штаба флота капитан 1-го ранга Румянцев повез его в Мурманск, чтобы представить командованию 14-й армии. Как предполагаемого командира высадки вместе с ним направили капитана 1-го ранга Платонова.

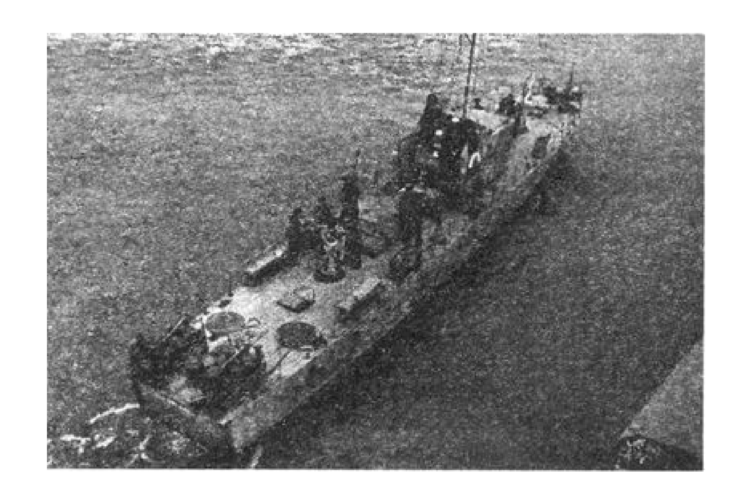
Начальник штаба армии полковник Сквирский, внимательно прочитав предложения, заявил, что не облечен властью выносить окончательное решение, но, зная обстановку на фронте, уверен в нереальности всей затеи.

«Для приведения этого плана в действие, — сказал он, — *ни у вас, ни у нас нет достаточных сил. Видимо, придется считать ваш план интересной академической разработкой».*

Однако самостоятельно никакого решения принять не рискнул и доложил о предложении командующему 14-й армией генерал-лейтенанту Фролову.
Командующий армией еще больше расходился с флотскими штабистами в оценке сил, необходимых для операции, чем его начальник штаба.
«Чтобы выполнить такой глубокий обход, — объяснил он, — *надо получить, по крайней мере, еще две свежие дивизии, одну в десант, другую для прорыва фронта. Взять их сейчас неоткуда. Снимать с Кандалакшского направления нельзя ни одного человека. Там положение не менее трудное, чем здесь. Значит, нам, друзья мои моряки, нужно не наступать, а укрепить и оборонять свои позиции. Лучше подумайте, как помочь армии прогнать немцев с нашего берега за реку. 52-я дивизия хорошо укрепилась, она будет стоять насмерть, но одной ей трудно сдерживать натиск целого корпуса фашистов, да еще при подавляющем их превосходстве в воздухе».*
То, что «корпус фашистов» — это всего две потрепанные дивизии, не имеющие ни бронетехники, ни тяжелой и средней артиллерии, — генерал уточнять не стал.
«Моряки дерутся на суше как львы, — продолжил он, — *такого бесстрашия и презрения к смерти я, кажется, не встречал ни в мировую войну, ни в Гражданскую, ни в Испании. Без флотских добровольцев мы бы тут, пожалуй, не устояли. Но сейчас надо во что бы то ни стало ликвидировать опасный плацдарм на правом берегу Западной Лицы. Передайте командующему флотом, что любую вашу помощь в этом деле мы будем только приветствовать».*
О результатах поездки в штаб 14-й армии Румянцев и Потапов доложили командующему флотом.
Но контр-адмирал Головко решил не отказываться от идеи десанта.
«Немцы заняли колхоз „Большая Лица“, — сообщил он. — *Похоже, замахиваются обойти нас с севера, со стороны моря. Какой же мы будем флот, если позволим им так просто это сделать? Какие после этого мы моряки? Теперь нам надо высаживать десант уже не в тыл противнику, а, насколько я понимаю, во фланг».*
Командующий флотом в момент этого разговора был тяжело болен. У него была высокая температура, и Румянцев с Потаповым предложили обсудить вопрос позже, но командующий, видимо, давно обдумавший различные варианты развития ситуации, уже начал излагать свой замысел операции.
Он считал, что отобрать у гитлеровцев Титовку и освободить долину реки Западная Лица — идея заманчивая, но что делать, раз не хватает сил на оперативный десант. Значит, надо чаще тревожить противника, высаживать мелкие тактические группы, пусть даже без надежды соединиться с основными силами фронта. Снять с берега на корабли высаженных десантников, если они не удержатся на суше, можно всегда. Главное — враг должен оглядываться назад, бояться моря.
— *Ищите людей в десант*, — приказал Головко. — *Посмотрите, кого можно взять в учебном отряде, на ремонтируемых кораблях. Заготовьте приказ о формировании батальона морской пехоты.*
Ранним утром 5 июля каперанга Платонова вызвал на ФКП начальник штаба флота контр-адмирал Кучеров.
«Военный совет поручил мне, — начал Кучеров, — *поставить вам задачу на высадку тактического десанта. По данным разведки, противник на нашем театре располагает следующими силами. Морская группа „Север“ со штабом в*

Тромсе состоит из первого и второго сторожевых соединений, включающих пять эсминцев, три норвежских миноносца типа „Стег“, двенадцать сторожевых кораблей, тринадцать тральщиков, два минных заградителя, шесть подводных лодок и десять сторожевых катеров. На аэродромах Северной Норвегии и Финляндии сосредоточено до четырехсот самолетов разных типов, на сухопутном фронте…

Операцию подготовить и провести в кратчайшие сроки, перевозку и высадку войск осуществить кораблями ОВРа. Командиром высадки назначаетесь вы, — подытожил контр-адмирал. — *Для прикрытия десантного отряда с моря выделяются эсминцы, авиационное обеспечение — методом дежурства на аэродроме. Решение доложите Военному совету флота устно, по готовности».*

Малый охотник стал на севере основной «рабочей лошадкой» десантных операций и был незаменим при патрулировании в условиях господства вражеской авиации.

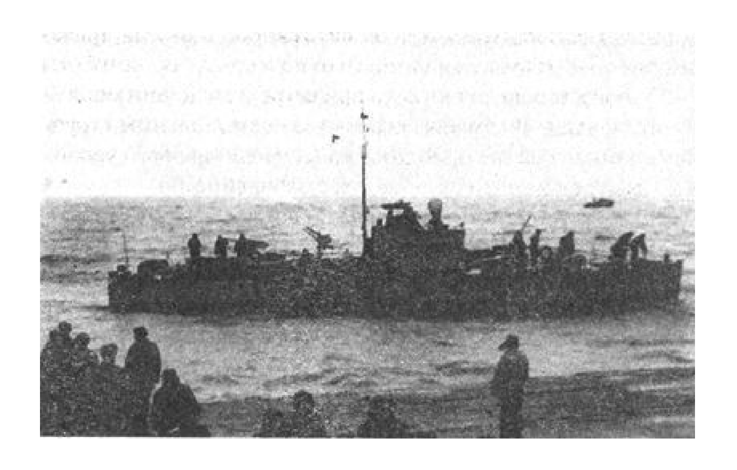
В распоряжении штаба ОВРа оставался один день, а требовалось выбрать корабли на роль транспортов и высадочных средств, назначить охранение, расписать пехоту по судам, обучить ее на первый случай хотя бы быстро вылезать из трюмов и сбегать по сходням, найти выгодные ордера и курсы перехода, выбрать время высадки и места подхода к берегу… и решить еще десятки подобных вопросов.

Свежих частей для десанта не нашлось. Общими усилиями 14-й армии и Северного флота удалось укомплектовать почти до штатной численности понесший большие потери в первых боях на границе батальон 95-го стрелкового полка, находившегося в резерве 14-й армии. Для доукомплектования были использованы резервная и пулеметная роты 102-го стрелкового полка. Также в состав десанта была включена саперная рота.

При поспешном отступлении с Титовки заключенные, выполнявшие там земляные работы на строительстве аэродрома, добрались вместе с водителями на части машин, использовавшихся на строительстве аэродрома, до фактории Большая Лица. Саперы должны были после захвата десантом Большой Лицы попробовать вывести машины в Нерпичью губу, расчистив им для этого дорогу.

52-я стрелковая дивизия сдерживала натиск немцев, занявших факторию Большая Лица. Она охватывала позиции противника с двух сторон. Десант с моря должен был провести охват с третьей стороны, захватив факторию Большая Лица, и

возможно, ликвидацию всей группировки гитлеровцев, успевших форсировать реку.
Начальником штаба высадки был назначен капитан 2-го ранга Шмелев. Опыта высадки боевых десантов Северный флот еще не имел.
На довоенных осенних маневрах Северного флота искались способы высадки на сушу людей, лошадей, доставки вооружения. Высадку, как правило, проводили с эскадренных миноносцев — корабельными шлюпками или с транспортов — рыбачьими гребными баркасами. Но это требует длительного времени и ставит корабли с десантом под угрозу удара немецкой авиации.
В распоряжении флота в качестве высадочных средств имелись лишь рыболовные траулеры, мотоботы и катера МО. Никто раньше не применял их в качестве высадочных средств в боевых условиях. Командованию СФ предстояло испытать их в качестве десантных средств без предварительной подготовки, прямо в бою. В отличие от оказавшегося позднее в такой же ситуации командования ЧФ, североморцы отлично представляли степень риска и знали, что малейший просчет может стоить не только больших жертв, но и грозит провалом всей операции.
Предстояло найти такое решение, при котором поставленная задача была бы выполнена, несмотря на технические трудности и противодействие противника. В качестве основных высадочных средств решено было использовать мотоботы. Им поручались высадка первого броска десанта и перевозка на берег бойцов с тральщиков.

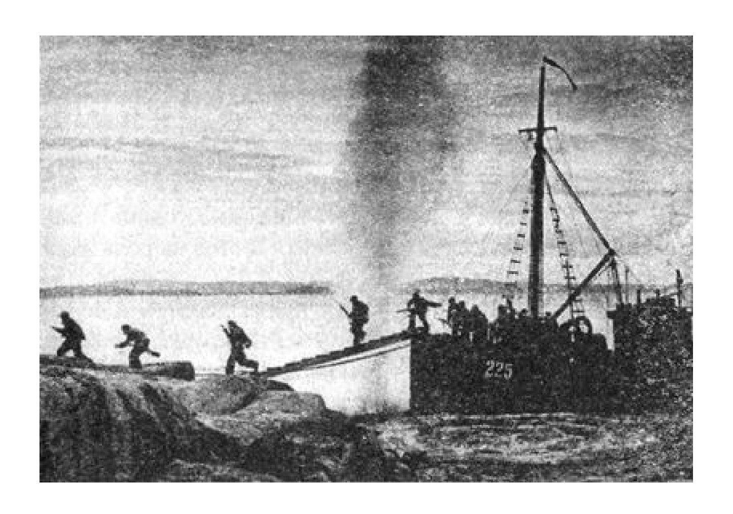
Перед погрузкой десанта.
На случай, если мотоботы из-за большой осадки окажутся непригодными для высадки людей непосредственно на берег, был предусмотрен и другой вариант: использовать их в качестве причалов. Тогда уже, швартуясь к ним, катера МО перебросили бы на берег батальон, предназначенный для десантирования.
Артиллерийская поддержка десанта возлагалась на сторожевой корабль «Гроза» и переделанные из траулеров тральщики.
Главную опасность представляла авиация противника, но здесь эффективную тактику борьбы с авиацией подсказал пресловутый немецкий педантизм. Немцы начинали полеты каждый день, как правило, ровно в 8 утра и прекращали в 20 часов. Штаб высадки рассчитал время так, чтобы посадка пехоты, переход морем, высадка десанта и свертывание сил укладывались в «нелетное» «ночное» время в условиях полярного дня.

Большие надводные корабли противника десанту не угрожали: тогда на Севере их еще не было. Подводные лодки небольшим десантным средствам также были не очень опасны, да и силами охранения отряд был обеспечен в полной мере. Противодействия с берега штаб высадки хотя и ждал, но не боялся, поскольку стрельба полевых пушек по морской цели малоэффективна, корабельной же артиллерии подавить армейские батареи совсем нетрудно из-за применения дальномерных устройств, рассчитанных на решение и более сложных задач.
Серьезные трудности в осуществлении задуманного предприятия возникли из-за разных ходовых возможностей кораблей. Катера МО могли развить скорость 24 узла, тральщики — 6–8 узлов в зависимости от качества угля, мотоботы 4–5 узлов в хорошую погоду, а при ветре и волнении моря — и того меньше. Выпускать корабли самостоятельными группами командование опасалось из-за неодинакового уровня подготовки команд и сложностей с охранением.
В результате было решено тральщикам вести мотоботы на буксирах, а охранению следовать с их же скоростью.
Мотовский залив глубоко вдается в сушу и весь изрезан губами, носящими финские и русские названия: Ура, Ара, Вичаны, Титовка, Кутовая, Озерко, Мотка, Эйна. Это обширные, глубоководные, укрытые от ветров бухты, годные для якорных стоянок целых эскадр. А губа Большая Западная Лица делится в свою очередь на губы поменьше: Андреева, Нерпичью, Лопаткины — Большую и Малую. По этому поводу армейские офицеры шутили: «У моряков губ много, а целоваться не с кем».
Наиболее выгодным местом высадки, как можно ближе к устью реки Западная Лица, являлся приглубый песчаный берег в губе Нерпичья. Сюда штурманы и проложили курс.
Десантников посадили на корабли в Мурманске. Чтобы соблюсти скрытность и добиться внезапности маневра, причалы строго охранялись. Бойцам объявили, что их переправляют к новому месту дислокации. О предстоящей задаче они узнали только после того, как корабли снялись со швартовов.

Высадка

(6 июля)
В море корабли десантного отряда вышли в ночь на 6 июля. Три бывших траулера следовали друг за другом в кильватерной колонне, каждый тащил за собой по мотоботу. В эскорте следовали сторожевой корабль «Гроза» и три катера МО. Они держались в противолодочном ордере, веером впереди охраняемых кораблей.
Небо было ясным. Тусклое полярное солнце держалось низко над горизонтом. Густой черный дым из корабельных труб демаскировал ордер на многие мили. Справа и слева по берегам Мотовского залива возвышались выступающие далеко в море гранитные утесы — многочисленные мысы, среди которых наибольшую опасность для десанта представлял мыс Пикшуев. Он высунулся на самую середину залива, и если егеря догадались развернуть на его оконечности наблюдательный пост, то весь высадочный отряд был у них как на ладони. Поэтому корабли отряда прижимались как можно ближе к южной стороне побережья, следовали за его изгибами, но в эффективность этой меры

командованию десанта верилось слабо. Приход высадочного отряда все равно было не скрыть, важно только, чтобы немцы обнаружили его как можно позже.
На траверзе мыса Выев-Наволок концевой мотобот сигналом запросил разрешения сбавить ход, так как у него буксиром сорвало мачту. Шмелев велел ответить командиру мотобота, что скорость отряда останется прежней. Нельзя было ставить успех высадки в зависимость от состояния одного небольшого транспортного средства.

Высадка десанта с мотобота.
Командование отрядом с некоторым запозданием стало понимать, что толку от мотоботов, назначенных к тому же для первого броска, скорей всего, будет немного. В случае появления немецкой авиации такой неповоротливый десантный отряд, прикрываемый авиацией флота «методом аэродромного дежурства», обрекался на верную гибель, но думать об этом не хотелось.
У маяка на мысе Пикшуев корабли повернули в губу Большая Западная Лица. Один ее берег уже заняли немцы. Готовые немедленно открыть огонь орудия кораблей были развернуты в сторону берега. Узкости, в нарушение непреложных законов мирного времени, корабли проходили, не сбавляя скорости. В губе Нерпичья мотоботы, отдав буксирные концы, устремились к берегу. Прижав к груди автоматы, десантники прыгали с высоких бортов на песок, падали, вставали и, пригнувшись, бежали к кустарнику. Со стороны реки изредка слышались отдаленные автоматные и пулеметные очереди, разрывы мин. Далеко в горах ухала артиллерия. Хотя высадке никто серьезно не препятствовал, чтобы придать бодрости десантникам, каперанг Платонов приказал канлодке «Гроза» открыть огонь из орудий главного калибра по выявляемым целям.
Во время высадки оправдались все самые худшие опасения относительно непригодности мотоботов на роль высадочных средств. Один из них зарылся носом в песок и не мог сняться с мели, другой ветер прижал бортом к берегу, так что его винт работал в «режиме вентилятора». Мотоботы подолгу разворачивались и очень медленно подходили за морскими пехотинцами к тральщикам. Создавалась реальная угроза, что намеченные сроки высадки не будут выдержаны. Пришлось пустить в дело катера МО. Те сразу так и замелькали по бухте, являя разительный контраст с медлительными действиями неуклюжих мотоботов. Сильные моторы и три гребных винта позволяли им виртуозно маневрировать, легко удерживать нос

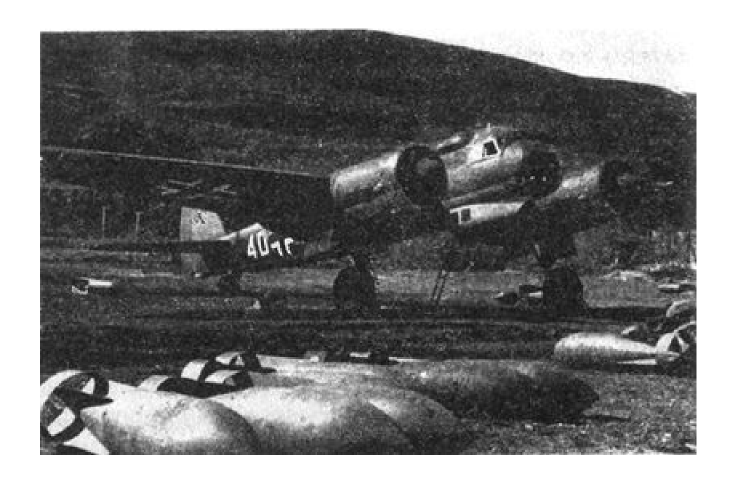
на песчаной отмели, а когда нужно, моментально отрываться от нее. Благодаря высоким скоростям и отличным маневренным качествам катера оборачивались между берегом и кораблями с десантом в три раза быстрее мотоботов.
Если бы противник обнаружил высадку на любом этапе до ее завершения, последствия этого были бы катастрофическими. Платонов со Шмелевым, однако, и в этот момент, похоже, до конца не осознавали, в какую гибельную авантюру они ввязались и до какой степени, собственно, им повезло.
Высадка подходила к концу, когда в небе появился финский самолет-разведчик. Командир «Грозы» старший лейтенант Калмыков попросил разрешения отогнать его зенитным огнем. Каперанг Платонов, не подумав, дал разрешение открыть огонь. За флагманским кораблем открыли стрельбу и все остальные. На сигнально-наблюдательном посту в губе Вичаны, услышав канонаду и шум моторов, решили, что десантный отряд бомбит авиация противника, и доложили свои предположения в штаб флота в Полярный.
По приказанию штаба прилетело звено истребителей И-16, но самолет-разведчик уже успел скрыться, а бомбардировщики еще не появились.
В главную базу корабли возвращались поодиночке. Их отпускали с места действия сразу после высадки войск. Собирать все корабли и выстраивать в ордер, а значит, задерживать их в районе высадки, посчитали опасным.
При появлении авиации противника корабли по-прежнему ожидало немедленное уничтожение, с той только разницей, что после высадки жертв, конечно, было бы гораздо меньше.
В целом всю операцию спасло только то, что немцы ее напрочь проглядели.
Но зато это сильно помогло действиям самого десанта. Для немцев он оказался примерно таким же неожиданным, как их собственное вероломное нападение 22 июня. Масштаб этой неожиданности, правда, был, увы, иной, но корпусу Дитля его с избытком хватило.
Десант вступил в соприкосновение с противником только у занятой немцами 4 июля колонии Большая Лица. О нахождении здесь немцев точных данных до сих пор не было. Штаб 52-й дивизии склонен был считать столкновение с егерями батальона 205-го полка случайным контактом с разведчиками противника.
Имея значительное численное превосходство, десантники сбили немцев с окраины фактории. Дальше атаковать было сложно, так как успевшие оправиться от неожиданного нападения егеря заняли удачные позиции в домах и пулеметным огнем не подпускали к себе десантников на бросок гранаты. Зацепившиеся за край поселка бойцы, ища уязвимые места в позициях противника, в одном из сараев обнаружили склад боеприпасов.
Саперы предложили овладеть колонией «по-саперному». Склад взорвали. Зарево и грохот взрыва в сочетании с открытой с моря беспорядочной стрельбой смутили егерей. Опасаясь оказаться окруженными, они спешно оставили поселок. Саперы приступили к прокладке колонного пути к Нерпичьей губе. Работать приходилось под огнем, который отошедшие егеря вели из пулеметов и минометов. Дело хотя и медленно, но продвигалось. В течение следующих суток дорогу удалось закончить, а автомашины вывести из фактории.
А штаб 52-й дивизии и после этого по-прежнему не знал, что у него в тылу на правом фланге находится противник. Начальник автодорожного отдела армии,

получив донесение саперов, не сообщил в дивизию о боестолкновениях в фактории.
Действия десантников, поддержанные утром 7 июля ударом двух батальонов вторых эшелонов полков 52-й дивизии, вызвали переполох в штабе 3-й горноегерской дивизии немцев. Опасаясь за судьбу 138-го горноегерского полка, отступавшего под ударами советских подразделений, командир корпуса Дитль не только разрешил отвести его на западный берег, но и направил туда для его поддержки два батальона.
Не понимая суть происходящего, егеря занервничали.
В отличие от штаба 52-й дивизии, хранившего абсолютное спокойствие по поводу появления немцев в тылу своего северного фланга, немцам сразу стали мерещиться различные пакостные варианты развития русского наступления. Обеспокоенному отходом своего соседа штабу 137-го полка начало видеться наступление из района моста на север. По обоим берегам губы Большая Западная Лица в донесениях полка возникли передвижения четырех усиленных советских батальонов.
Немцы приостановили наступление и принялись за перегруппировку, стремясь занять наиболее выгодные позиции для отражения возможного русского наступления.
В целом корпус остался на прежних позициях, но, так как в целях отражения вероятных ударов немцы придали им компактное расположение, сконцентрировав наличные огневые средства, между дивизиями корпуса образовалась брешь в 6 километров.
Немецкое наступление замедлилось, и в течение двух суток егеря непрерывно передвигались с места на место, стараясь довести свои позиции до логического совершенства.

Второй десант

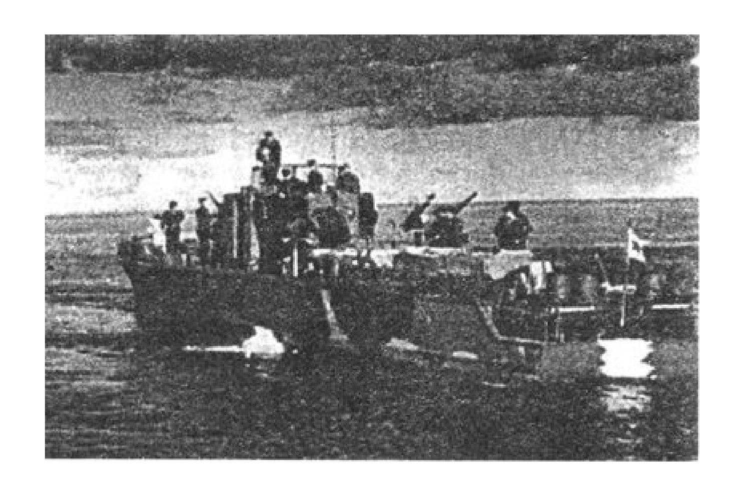
(6–12 июля)
Когда корабли высадочной группы поодиночке покидали Нерпичью губу, начался отлив. Уровень воды у берега заметно понизился, и мотобот, севший на мель, полностью оказался на суше. Пришлось его разоружить и расстрелять из орудий, чтобы им не смогли воспользоваться немцы. Так был открыт счет корабельным потерям десантного отряда.
Начальник штаба флота опасался, что противник организует переправу войск в тыл десанту. Чтобы воспрепятствовать этому, он приказал выставить в губе Западная Лица корабельный дозор. Немецкая авиация, в те дни безраздельно господствовавшая в воздухе, не упускала ни одной цели, и все в общем понимали, чем, скорей всего, кончится такой дозор.
Но приказ, естественно, не обсуждался, и командиром отряда Платоновым в дозор был назначен устаревший тральщик «Т-890» класса «Искра», построенный еще в 1912 г. и уже дважды переименованный — сперва в 1923 г. из «Патрона» в «Налим», а затем в 1939 г. в «Т-890». Корабль-ветеран, плававший в Баренцевом море с 1933 г., имел укомплектованный кадровыми моряками опытный экипаж, которого не успело еще коснуться уничтожающее кадры флота бездумное формирование морской пехоты, и, как и «МО-121», был хорошо подготовлен к

боевым действиям. Однако для боя с вражеской авиацией он совершенно не годился, так как был маломаневренным и при этом имел относительно большие размеры.
Очередная ошибка Платонова в этот раз привела к трагическим последствиям. Везение кончилось.
В 8 утра, когда корабли десантного отряда уже входили в Кольский залив, пунктуальные немецкие пилоты поднялись в воздух точно по расписанию. Не успел отряд ошвартоваться, как каперанг Платонов уже получил донесение, что тральщик «Т-890» бомбят три звена Ю-88.

Вот такие бомбы использовали Ju-88 для бомбардировки советских кораблей.
Донесение, переданное при подходе немецких самолетов, оказалось не совсем точным, и это сыграло роковую роль в судьбе корабля. На самом деле его атаковали две тройки «Юнкерсов», прикрываемые парой «Мессершмиттов» Bf-109. Экипаж тральщика не просто состоял из старослужащих, большинство из них на нем же участвовало в боевых действиях во время финской войны. Командир тральщика старший лейтенант Ившин умело маневрировал даже таким неповоротливым судном. Корабль искусно уклонялся от бомб, как мог отбивал атаки из двух орудий и двух крупнокалиберных пулеметов, повредил два «Юнкерса» и даже ухитрился не получить ни одного прямого попадания. Однако близкие разрывы бомб сделали свое дело. Корабль получил много пробоин. Машина дореволюционной постройки, выдержавшая попадания осколков и сотрясения от разрывов, продолжала работать, но швы обшивки корпуса разошлись от гидравлических ударов. Корабль принял много воды, а после окончательной потери маневренности немцам удалось наконец успешно отбомбиться по корме. Потерявший ход тральщик приливным течением прибило к берегу, и команде удалось посадить его на мель. На мели корабль обрел некоторую устойчивость. Звено истребителей, вызванных Платоновым, чтобы отогнать «Юнкерсов», само было отогнано парой «Мессершмиттов», потеряв одну машину.
Половина команды погибла в бою, но экипаж не покидал тральщик. И немцы, привыкшие доводить дело до конца, снова повторяли налеты. Так продолжалось много часов. Бой затихал с уходом самолетов и снова вспыхивал при их очередном возвращении. Наши истребители еще не раз появлялись над Западной Лицей, но с ними сразу же завязывали воздушный бой «Мессершмитты».

Только в 17.30, когда протопленный корабль завалился набок и отстреливаться стало уже невозможно, оставшиеся в живых моряки, взяв раненых, переправились на берег.
После того как асы люфтваффе по расписанию отправились спать, из Полярного послали к «Т-890» два катера МО, чтобы взять людей, похоронить погибших и снять вооружение с разбитого корабля. Из всех 42 человек команды в живых осталось всего несколько человек, среди них командир корабля старший лейтенант Ившин с раздробленной кистью правой руки и тяжелораненый штурман.
После этого командир ОВРА, каперанг Платонов, имевший четко выраженную особенность обнаруживать ошибки в своих действиях только после их совершения, больше не назначал в дозор тральщики, а использовал для этих целей обладавшие феноменальной маневренностью трехмоторные морские охотники, которые дежурили теперь в местах, где в случае опасности можно было близко подойти к нависающим над берегом скалам. В таких случаях, не имея возможности достаточно снизиться, немцы в прекрасно маневрирующий маленький корабль попасть обычно не могли.
Десанту поддержка с моря больше не понадобилась — выбив немцев из Большой Лицы, он соединился с частями 52-й дивизии. Немцы на пару дней приостановили наступление.
Но командир 52-й дивизии генерал-майор Никишин, старавшийся отбросить немцев за реку, попросил командование флота отогнать немцев подальше от устья реки Западная Лица огнем корабельной артиллерии.
Контр-адмирал Головко приказал начальнику ОВРа Платонову принять срочные меры.
Той же ночью в Западную Лицу вышли три катера МО под брейд-вымпелом командира дивизиона капитана 3-т ранга Вальчука. Перед Вальчуком стояла задача: воспользоваться полной водой, войти, насколько позволит осадка кораблей, в устье реки, осмотреться там, выявить вражеские объекты — переправы, огневые точки, а также скопления войск — и уничтожить их.
Но немцы, опасавшиеся серьезного наступления со стороны начавшей проявлять активность 52-й дивизии и настороженные высадкой десанта, занимались в этот момент перегруппировкой, и занимаемые ими позиции, смещенные на 6 километров, уже не соответствовали нанесенным на карту до высадки десанта. А могла ли измениться обстановка за два дня, Платонов не думал, полагая, что обнаружить позиции, нанесенные на карту, не составит никакого труда, и называл задание, порученное Вальчуку, «несложным походом».
Прибыв в назначенное место, командир дивизиона визуально ничего определить, естественно, не смог, и катера, не сделав ни единого выстрела, вернулись в базу.

Малый охотник выходит на боевое задание.

Но в советском флоте лучше стрелять в никуда, чем никуда не стрелять. Командиры катеров предлагали Вальчуку «пострелять», как это уже делал Платонов при высадке десанта. Но Вальчук «поднимать моральный дух» 52-й дивизии фиктивным обстрелом необнаруженных позиций не стал, за что и поплатился. По прибытии в базу прокурор флота Мухоморов немедленно собрался возбуждать против него дело, но тут Платонов наконец проявил объективность и заявил прокурору флота, обратившемуся к нему за официальной оценкой поведения Вальчука, что *«Вальчук оказался безынициативным человеком, неспособным командовать такими активными боевыми средствами, как быстроходные катера МО, но трусости в его действиях не было».* Что было в его собственных действиях и действиях его штаба, начальник ОВРа уточнять, конечно, не стал.

Егеря не стали укреплять захваченное ими побережье Мотовского залива, собираясь продолжать наступление. Это давало возможность продолжать высаживать в тыл немцам тактические десанты и диверсионные отряды. В Ура-Губе давно находился батальон пограничников, которые отлично знали местность и обладали необходимыми для десантников навыками. Их-то и решили высадить на западный берег губы Западная Лица, чтобы отвлечь силы противника от готовившейся к наступлению 52-й стрелковой дивизии.

Задача высадить второй десант была поставлена перед командованием ОВРА уже как сама собой разумеющаяся. Каперанга Платонова и комиссара ОВРа Новожилова вызвал командующий флотом и сообщил, что генерал-лейтенант Фролов просит забросить противнику в тыл батальон пограничников. Нужно высадить их в Западной Лице и быть готовыми снять обратно, в случае если немцы оттеснят десантников к берегу. Пограничники получили задание — перейти реку и после кратковременного рейда в тылу врага соединиться с частями 52-й дивизии.

В ночь на 8 июля, когда солнце в Заполярье светило почти как днем, отряд высадочных средств принимал на корабли пограничников в устье реки Урица. Погрузка шла почти как на учениях. Из первой высадки Платонов сделал определенные выводы, и в качестве высадочных средств вместо мотоботов теперь использовались хорошо проявившие себя катера МО. В роли транспортов оставили тральщики и сторожевые корабли. Причем если в прошлый раз людей грузили и на буксируемые за тральщиками мотоботы, то теперь их отсутствие Платонов компенсировал, посадив на корабли в два раза больше людей.

Отказались и от «Грозы» как флагманского корабля. Хотя он и обладал техническими средствами для управления отрядом кораблей и хорошей артиллерией для поддержки десанта, но был кораблем сравнительно крупным, а значит, приметным. Командующий ОВРОМ, опять возглавивший высадочный отряд, полагал, что вторая высадка может пройти не так гладко, как первая. Как заявил потом сам Платонов, *«на узком фронте высадки, где все происходит в считаные минуты и на виду у командира, управлять боем при тогдашних технических средствах связи было удобнее не по радио, а с быстроходного катера, подавая команды голосом».*
Артиллерийскую поддержку десанта возложили на тральщики и катера МО. Решили, что идти кораблям к месту высадки лучше в рассредоточенном ордере — так легче и обороняться от самолетов, и уклоняться от подводных лодок. Исходя из этих соображений, отряд был составлен из двух тральщиков и трех катеров МО, хотя транспортировал такой же, как и в первый раз, по численности батальон.

Десантники высаживаются на берег.
В течение часа без единого выстрела отряд благополучно высадил пограничников и лег на обратный курс. В этот раз корабельного дозора Платонов уже не оставил, а для связи с десантом каждую ночь посылал к месту высадки два мотобота. Они доставляли боеприпасы и продовольствие, забирали раненых, трофеи, военнопленных и получали сведения о складывающейся обстановке.
С десантниками отправился и сам начальник погранвойск Мурманского округа полковник Синилов. Однако отряду не удалось проникнуть в немецкий тыл. Попытка переправиться через реку Большая Лица окончилась неудачей. Батальон был отброшен пулеметным и минометным огнем егерей. Сменив место и перейдя южнее, Синилов сделал еще одну попытку переправиться через реку, уже при огневой поддержке артиллерии 52-й дивизии. Но егеря занимали западный берег довольно плотно на всем протяжении правого фланга дивизии и снова сорвали попытку переправы.
Рейд пограндесанта по тылам противника оказался неудачным и закончился на четвертые сутки. Отряд дважды пытался пересечь реку Западную Лицу и отступил к месту высадки. Операцией по снятию десанта руководил начальник штаба ОВРа капитан 3-го ранга Мещеряков. Под прикрытием корабельной артиллерии катера МО приняли десантников на борт и, пользуясь ночным затишьем в воздухе, доставили в Ура-Губу.

Контрнаступление Никишина

(Ночь на 9 июля)

Генерал-майор Никишин также решил не переносить КП дивизии дальше в тыл, опасаясь потери управления дивизией и того, что немцам в результате удастся окружить полки. Штаб дивизии и политотдел заняли по приказу Никишина круговую оборону, а к штабу дивизии была подтянута мотострелковая рота разведывательного батальона, вернее, два ее взвода, имевшиеся в наличии. Чуть позже, сразу после возвращения из-за линии фронта, где он находился в разведывательном поиске, к КП был подтянут и третий взвод, лейтенанта Малышева.

Командование ротой принял на себя командир разведбата майор Худалов, Учитывая, что немцы приблизились к КП дивизии на 150 метров, не успев подтянуть при этом минометы, и имеют у себя на фланге 7-ю роту 58-го полка, занимающую устойчивую позицию на скалистом гребне, Худалов принял решение отбросить егерей контратакой. Весь состав разведроты имел автоматы, что на короткой дистанции давало ему преимущество над егерями, вооруженными в основном карабинами.

Приказав бойцам оставить в районе КП все, кроме автоматов, запасных дисков и гранат, Худалов развернул роту в цепь, намеренно став в центре, чтобы его видели все бойцы. Правофланговый взвод повел старший лейтенант Гальчук, левофланговый — лейтенант Малышев.

Атака была начата по свистку, без единого выстрела. Заранее предупрежденные и физически хорошо подготовленные разведчики бросились к позициям егерей бегом, не — пригибаясь и не останавливаясь, со всей быстротой, на которую только были способны.

Атака с короткой дистанции оказалась для немцев полной неожиданностью. Прежде чем егеря успели среагировать на атаку и сосредоточить на атакующей цепи огонь, разведчики преодолели половину отделявшего их от противника расстояния, после чего быстро залегли и открыта по позициям егерей шквальный огонь из автоматов, под прикрытием которого продолжили короткими бросками сближаться с противником. Егеря не выдержали плотного огня ручных пулеметов и автоматов и стали поспешно отходить с небольшого перевала, с которого они обстреливали КП дивизии.

При этом станковые пулеметы им пришлось бросить. Отойдя на запасную позицию, которую егеря всегда имели позади себя на такой случай, они смогли прижать разведчиков к земле огнем прикрывавшего их взвода.

Но перевал был захвачен и непосредственная угроза КП дивизии была ликвидирована. Разведчики спешно закрепились на перевале, после чего Худалов попробовал наладить связь с 7-й ротой, оказавшейся теперь его соседом. Однако с гребня, на котором она находилась, почему-то стреляли в восточном направлении. Решив, что соседи прозевали атаку разведроты и отход егерей, Худалов направился к гребню в сопровождении Малышева и нескольких бойцов и уже издали матом стал объяснять 7-й роте, что они ведут огонь по своим.

Это его и спасло. С гребня прозвучало не менее цветистое немецкое выражение, после чего группа майора была обстреляна из пулемета трассирующими пулями.

Прячась за валунами, разведчики вернулись обратно на перевал, после чего Худалов передал командование ротой Гальчуку, а сам отправился в тыл дивизионных позиций выяснять, куда откатилась 7-я рота.
Это ему удалось сделать, отыскав начальника штаба 58-го полка капитана Салтыкова. Оказалось, что 7-я рота успела уже отойти на два километра и закрепилась позади КП дивизии.
От пленных стало известно, что еще днем 6 июля у высоты 258.3 сосредоточился усиленный батальон 138-го горноегерского полка. Его удар по северной группе артиллерии должен был способствовать успеху главных сил того же полка, наступавших в районе моста.

Стрелковые роты разведбатов были вооружены автоматами.
К вечеру положение на флангах дивизии стабилизировалось:
2-й батальон 58-го СП и 3-й батальон 205-го успешно избежали окружения, а северная и южная артиллерийские группы отбили натиск егерей на свои позиции. Учитывая это, Никишин счел возможным к исходу суток перейти в контрнаступление.
Удар планировалось нанести силами находившегося во втором эшелоне 112-го полка при поддержке части батальонов 58-го и 205-го полков. Времени на подготовку удара было отведено не более трех часов. Проведенные перед началом контрнаступления поиски разведчиков показали, что основные силы противника по-прежнему сосредоточены на стыке 205-го и 58-го полков, при этом оба фланга 205-го полка остаются охваченными немцами. В целом противник к вечеру заметно выдохся, и бои шли только с небольшими группами егерей. Штаб армии, планировавший контрудар на следующий день, в конце концов согласился с предложением Никишина начать наступление немедленно.

Танкисты готовятся к атаке.

В данном случае быстрый переход в наступление был оправдан — основной удар планировалось наносить свежими силами, по противнику, который еще не успел перегруппироваться после неудачных атак. Позиции егерей после продолжавшихся весь день попыток охватов и прорывов в тыл оказались слишком растянуты и явно не годились для отражения контрудара. К тому же в азарте продолжавшегося весь день наступательного боя егеря еще не сообразили, что их новые позиции находятся на местности, позволяющей применить танки.

О том, что егеря явно увлеклись наступлением, свидетельствовало и отсутствие должного количества пригодных для обороны огневых точек. На участке удара 112-го полка немцы имели только один расположенный на выгодной и хорошо укрепленной позиции крупнокалиберный пулемет. Для его подавления на прямую наводку был выведен бронеавтомобиль, которым командовал сержант Куликов — будущий министр черной металлургии УССР. Тремя снарядами Куликову удалось подавить пулемет, после чего началась атака роты плавающих танков разведбатальона, за которыми нанесли удар все 3 батальона 112-го полка, поддержанные огнем обоих артполков дивизии.

Несмотря на внезапный удар превосходящих сил противника, поддержанных танками, егеря совершенно не растерялись и быстро и организованно сосредоточились на высотах, у скоплений валунов и в прочих местах, удобных для обороны, в основном за пределами досягаемости танков. Но их вовремя не поддержала артиллерия. Своим же огнем егеря прижать наступающих к земле не смогли. Когда две вьючные батареи и минометы наконец открыли огонь, батальоны 112-го полка уже сошлись с противником на коротких дистанциях. Обилие валунов мешало эффективному применению гранат. То и дело за укрытиями завязывались рукопашные схватки. Устойчивость егерей усиленного батальона 138-го полка, противостоявшего натиску 112-го СП, в обороне оказалась просто феноменальной — и в этот момент они только несколько попятились на некоторых участках, сохранив линию боевых порядков. Бой принял затяжной характер. Но Никишин, успевший за три дня боев оценить боевой опыт егерей, предвидел такую возможность. По его приказу, около 2 часов ночи в контратаку перешли батальоны 205-го и 58-го полков, благо немцы теперь ослабили свои позиции у стыка полков.

Бойцы одного из отличившихся подразделений.

Первый раз за время боев на Лицском плацдарме егерям пришлось переворачивать фронт. Сделать это правильно в такой сложной обстановке они уже не смогли. В их боевых порядках на направлении обоих ударов возникли разрывы, в которые стали проникать группы советских солдат. Егеря упорно сопротивлялись в течение еще трех часов, но их положение теперь неуклонно ухудшалось. Ударами с двух сторон группы егерей все больше отжимались друг от друга, над ними нависла угроза окружения. Около 5 часов утра егеря, неся непрерывные потери от огня атакующих и поддерживающей их артиллерии, утратили способность оказывать эффективное сопротивление на занимаемых позициях. Начался отход к реке, который проводился достаточно организованно, под прикрытием выставленных заслонов, имевших достаточное количество ручных пулеметов. Батальоны не стали сминать немцев, что было бы сопряжено с лишними потерями.

Вместо этого отходивших к реке егерей сосредоточенным ударом накрыла артиллерия.

После этого отход быстро превратился в беспорядочное бегство. Егеря стали отступать на противоположный берег Западной Лицы. Отход начался и на других участках. К утру 9 июля дивизия восстановила положение, утраченное в ходе трехдневных боев.

На поле боя было захвачено несколько десятков пленных, найдено много оружия и трупов вражеских солдат. Захваченное оружие было передано Северному флоту для вооружения десантных отрядов моряков. Потери егерей во время этого контрудара, безусловно, являются одними из самых значительных за все время боевых действий на Лицском плацдарме. Советские источники оценивают их в 1500 человек,

Как ни странно, но при допросе пленных никто так и не разобрался, откуда в ближайший тыл дивизии попал вражеский батальон. Никто почему-то не вспомнил о донесении командира подразделения, столкнувшегося с егерями у фактории Большая Лица еще 4 июля. И этот участок обороны дивизии так и остался неприкрытым. Даже после того как стало ясно, что немцы систематически применяют тактику обхода боевых порядков и ударов по тыловым службам и группам огневой поддержки, штаб дивизии так и не наладил нормальную охрану занимаемого участка.

Контрудар 52-й дивизии, проведенный под руководством генерал-майора Никишина в ночь на 9 июля, был единственным удачным контрнаступлением за все время боев на Лицском плацдарме, продолжавшихся больше двух месяцев. Но командование 14-й армии и Северного фронта имело свои взгляды на развитие событий и решило, что генерал-майор Никишин будет более полезен в роли командира 14-й дивизии, игравшей в боях откровенно вспомогательную роль, нежели командуя 52-й дивизией, являвшейся, по сути, «ключом» к Мурманску. При сменившем его на этой должности присланном из штаба ЛенВО полковнике Вещезерском, никогда не спорившем со штабом армии, дивизия не смогла провести ни одного удачного контрнаступления и с большим трудом смогла частично удержать занимаемые позиции.

Передышка

(10–11 июля)

Используя наступившую передышку, командование армией провело необходимые перестановки в командном составе. Временно командовавший 14-й дивизией после гибели генерал-майора Журбы полковой комиссар Волков был заменен командовавшим до этого 52-й СД генерал-майором Никишиным. Командиром 52-й дивизии был назначен начальник управления боевой подготовки Ленинградского военного округа полковник Вещезерский.

Наибольшие потери во время немецкого наступления понес 58-й полк. Пополнить его стрелковые роты удалось пока только за счет сокращения состава штабных и тыловых подразделений. Однако при этом в полку по-прежнему не было резервов — доукомплектовать 3-й батальон полка пока не удалось.

Учитывая понесенные дивизией при первом немецком наступлении потери, Вещезерский решил временно отказаться и от дивизионного резерва — на правом фланге дивизии разместили 112-й СП. Это позволило сократить участки полков и создать вместо общего дивизионного полковые резервы на каждом участке. Такая тактика должна была улучшить управляемость частями в бою и повысить гибкость оборонительных участков, что при специфике боев в Заполярье играло важную роль.

Первое немецкое наступление показало, что наносить удары на широком фронте егеря не могут, так как штурм имеющих хорошие естественные укрытия сопок требовал больших сил. Они ограничивались нанесением одного-двух основных ударов, при этом широко применяя различные маневренные действия. При такой тактике противника и острой нехватке личного состава в дивизии было выгоднее иметь резервы на каждом участке.

Агитаторы проводят беседу с бойцами.

Такие резервы составили в 112-м и 205-м полку по батальону, а в 58-м одну роту, которую удалось выделить, только сократив участок обороны полка за счет передачи района моста 205-му полку.

Развертывание всех трех полков в одну линию давало и еще одно преимущество, также очень важное при нехватке людей — удавалось быстрее построить сплошные линии окопов для отделений и взводов, что в условиях Севера было крайне затруднительно. Отсутствие хорошо оборудованных позиций влекло за собой большие потери от минометного и артиллерийского огня и на Титовке и при отражении первого наступления на Западной Лице.

После немецких ударов по тылам наблюдательные пункты артиллерийских дивизионов придвинули к НП пехотных частей. Нехватка людей в стрелковых ротах (а в 112-м полку, сохранившем развернутыми все три батальона, в ротах оставалось по 60 человек) привела к переходу с трехразового на двухразовое питание бойцов — так меньше людей отвлекалось для доставки пищи, что занимало у подносчиков от 5 до 10 часов, в зависимости от расположения батальона: все полковые обозы располагались в тылу артиллерийских позиций, чтобы не стать жертвой очередного налета егерей.

Вдоль позиций полков в их тылу решено было проложить дивизионную артиллерийскую рокаду — из-за бездорожья артиллерии при прорыве егерей просто негде было маневрировать, аналогичные проблемы возникали и при необходимости смены позиций. А на участке 112-го полка до его правого фланга не доставала огнем ни дивизионная, ни полковая артиллерия. Одновременно это должно было улучшить подвоз боеприпасов и продовольствия.

Однако строительство дороги, проводимое саперным батальоном, шло медленно — крупные валуны, которые невозможно было оттащить даже с помощью лошадей и легких арттягачей «Комсомолец», приходилось подрывать на месте, но взрывчатки было мало, и поэтому саперы, как это делалось еще сотни лет назад, часто жгли под камнями и на валунах костры, а потом поливали камни водой. Попадавшиеся болотца гатили камнем и ветками.

10 июля первый гаубичный дивизион 208-го артполка с северного фланга, где он был лишен возможности маневрировать, был переведен на южный. Маневр проводился днем, в прямой видимости противника. Подавить горные пушки егерей советские гаубичные дивизионы не смогли, и в течение целого часа дивизион передвигался под обстрелом.

Между боями.

Расчеты были отведены подальше от тракторов, в стороне от дороги расположились аварийные команды. Дымовых шашек не было. Дорогу пытались прикрыть дымом костров, но сухой мох и валежник горели почти без дыма. Движущиеся трактора прикрывали только дым и пыль от рвущихся немецких снарядов. Однако расстояние для горных пушек, видимо, оказалось великоватым. За час обстрела не был выведен из строя ни один из тракторов, и только один водитель был легко ранен осколками.

14-я дивизия, переданная под командование Никишина, пока была не боеспособна, полки ее были разбросаны от Рыбачьего до Мурманска, поэтому ее 95-й полк временно переподчинили 52-й дивизии. Полк после отступления с Титовки, более напоминавшего бегство, имел в ротах по 80 человек, после того как их пополнили оставшимися без орудий артиллеристами, и так как брошены были не только орудия, но и минометы, станковые пулеметы и часть ручных пулеметов, фактически утратил боеспособность.

Поэтому в полк передали часть захваченных в боях трофейных пулеметов и минометов, а также направили поднимать боевой дух огромное количество агитаторов: как сформулировал Вещезерский начальнику политотдела дивизии полковому комиссару Орлову, *«у каждого костра должен быть агитатор, коммунист или комсомолец»*. После проведенных мероприятий 95-й полк, хотя его и стало возможным использовать для прикрытия второстепенных направлений, от греха был отведен в тыл 52-й дивизии и до возобновления немецкого наступления считался резервом командующего армией.

Второе немецкое наступление

(12–13 июля)

На фронте было тихо. 12 июля в штаб 52-й дивизии поступило донесение о результатах поиска, предпринятого ночью на левом фланге 58-го полка. Разведчикам не удалось даже переправиться через реку.

Вступивший 9 июля в командование дивизией полковник Вещезерский лично занялся разработкой плана разведки боем. Предварительные соображения доложили начальник штаба и начальник артиллерии, после чего все договорились пройти вместе с начальником артиллерии дивизии Кубеевым на наблюдательный пункт командира 205-го СП Шпилева, чтобы уточнить план на местности.

Но, как это часто бывает на войне, неожиданно все расчеты пошли насмарку. Вскоре после разговора о плане разведки боем Кубеев доложил, что северная группа артиллерии ведет огонь по пехоте противника, переправляющейся через Западную Лицу на правом фланге 112-го стрелкового полка. Там же непрерывно кружится «костыль» и сбрасывает листовки, призывая сдаваться.
Несколько мелких групп противника переправились через реку, но не дошли до высот на переднем крае.
— *Комбат не допустит их дальнейшего продвижения,* — спокойно заверил командир 112-го СП Коротков.
Артиллеристы были менее оптимистичны. Судя по их донесениям, все выглядело гораздо тревожнее. Они продолжали обстреливать новые небольшие группы противника на обоих берегах Западной Лицы. Затем на переправе появился довольно крупный вьючный отряд неприятеля.
Стало еще более тревожно, когда полковая батарея 112-го СП внезапно перенесла огонь в район высоты 274.0. Это уже был тыл полкового участка Короткова. Еще полчаса назад он уверял, что правофланговый батальон успешно отражает атаку, а на этот раз смущенно доложил, что противник прорвался в глубину обороны и в бой вступила рота из второго эшелона. Обстановка на правом фланге Короткову была неизвестна, так как телефонная связь с батальонами у него прервалась, радиостанция комбата тоже умолкла.
— *Я намерен произвести контратаку батальоном второго эшелона,* — резюмировал командир полка.
Утвердив его решение, Вещезерский обратил внимание Короткова на необходимость быстрее восстановить связь с правым флангом.
Почему нарушилась связь командира полка с его батальонами? Ответ на этот вопрос был совсем не так очевиден, как теперь может показаться. В то время советские командиры основным средством связи считали проводную. Радио использовалось редко, хотя радиостанции технически являлись достаточно надежными. Так повелось еще с мирного времени. На тактических учениях батальонов и даже полков радиосвязь разрешалось использовать только на прием и для технических переговоров радистов. Видимо, боялись, как бы что-нибудь не подслушала иностранная разведка. На дивизионных и более крупных учениях радиостанции были более загружены. Но радиопереговоры были настолько усложнены долгим и трудоемким кодированием текста, что к ним прибегали неохотно. Куда удобнее казалось пользоваться привычной и в мирных условиях безотказной проводной связью. Лучше было у артиллеристов — их команды для ведения огня разрешалось передавать открыто.
Штабы полков часто отгоняли подальше от КП полковые радиостанции. Потеря связи как симптом радиобоязни была тогда вполне возможным и довольно распространенным делом.
Между тем обстановка становилась все более напряженной. Уже и Шпилев доложил о подозрительных передвижениях мелких групп вражеских солдат перед его передним краем.
Прорыв обороны на правом фланге 112-го полка был осуществлен не совсем обычным для немцев способом — без артиллерийской подготовки и без поддержки авиации. Поэтому командование 52-й дивизии продолжало сомневаться, что это

настоящее наступление, допуская, что противник проводит глубокую разведку боем. Поэтому Вещезерский решил выжидать и, кроме контратаки одним батальоном, ничего существенного не предпринял. На всякий случай по предложению Кубеева переключили на поддержку пехоты еще два артиллерийских дивизиона из южной группы.

Разведчики.

Прочная оборона на новом участке 112-го стрелкового полка так и не была создана. В результате егеря, скорей всего, просто просочились через передний край полка по незанятым лощинкам и теперь, так же, как в начале июля, опять ударили с тыла. Весь вечер и почти всю ночь батальон, направленный Коротковым в контратаку, вел бой. Утром 13 июля майор доложил, что правофланговый батальон отошел к высоте 274.0. Подразделения второго эшелона, по его словам, удерживали южную часть этой высоты. Из дальнейшего разговора выяснилось, что, насколько прочно удерживаются позиции на высоте, не ясно. Для проверки обстановки в полк отправили офицера штаба дивизии.

Через некоторое время началась переправа немцев в районе и левофлангового батальона 112-го полка, на этот раз при поддержке артиллерии и небольшой группы пикирующих бомбардировщиков. В течение двух-трех часов, несмотря на интенсивный огонь всей южной артиллерийской группы, егеря продвинулись на километр-полтора. Вскоре, также после сильной артподготовки, они перешли в атаку от высоты 274.0 на юг. Как доложил вернувшийся оттуда работник штаба, к вечеру она полностью находилась в руках противника. Бой шел уже южнее, у высоты 258.3.

Вскоре связь с Коротковым прервалась. Чтобы выяснить положение, Вещезерскому пришлось посылать уже не офицера штаба, а разведчиков. Они вернулись поздно ночью и сообщили: высота 258.3 занята немцами. К югу от нее еще оборонялись небольшие разрозненные группы бойцов.

Таким образом, почти весь участок обороны 112-го полка оказался прорванным и противник получил возможность продвигаться на восток, угрожая одновременно обойти с севера 205-й полк. Пришлось загнуть его фланг, поставив на позицию между озером Круглое и берегом реки батальон второго эшелона.

Впрочем, и ночью Вещезерский надеялся, что Коротков организует оборону восточнее оставленных им высот. Соответствующий приказ был послан ему с новой группой дивизионной разведки. Кроме того, разведчики должны были выяснить обстановку в этом районе и доставить запасные аккумуляторы для

радиостанции полка. Но разведчики, пытавшиеся добраться до 112-го полка по низине вдоль восточного берега озера Круглое, из-за сильного обстрела пройти не смогли.
14 июля рано утром после артиллерийской подготовки противник отбросил еще дальше к югу от занятого им накануне плацдарма разрозненные подразделения 112-го полка и начал продвигаться на восток. Об этом сообщили разведчики, высланные Шпилевым. Им удалось даже привести пленного — рядового 137-го немецкого горноегерского полка. С середины дня противник начал атаки и против 205-го полка, но был отбит огнем артиллерии и стрелкового оружия.
Допросили пленного. Он мало что знал. Выяснили только, что его батальон имеет задачу наступать на высоту 258.3 и далее на восток.
Учитывая, что наступление ведет 137-й горноегерский полк, который уже передвинулся к северу от своих недавних позиций у взорванного моста, штаб дивизии сделал довольно спорный вывод о том, что южнее находятся части, не входящие в состав 2-й горноегерской дивизии, потому что фронт прорыва достиг уже шести километров, а это как раз предельная норма для наступления дивизии. Остальные двенадцать километров фронта, протянувшегося к югу по Западной Лице, требуют, по мнению штаба, прикрытия 3-й горноегерской дивизии. И наступать она могла не больше чем 2–3 батальонами на узком участке.
Прикидывая вероятные варианты дальнейших действий 2-й горноегерской дивизии, штаб также отверг возможность ее наступления глубоко на восток. При этом по-прежнему возлагались надежды на сопротивление 112-го полка, хоть и отступившего неизвестно насколько на восток, но, как надеялся Вещезерский, не утратившего боеспособности.
Из всего этого был сделан вывод, что 2-я горнострелковая дивизия вместо продолжения наступления на восток и растягивания своих коммуникаций повернет головные батальоны на юг, в сторону господствующей высоты 314.9. В этом случае егеря сразу выйдут в районы, где нет частей дивизии. Это даст им возможность быстрее обойти дивизию с тыла и завершить окружение, отрезав от Мишуковской дороги.
Сделав такие выводы, уже нетрудно было определить и контрмеры. Требовалось направить в район высоты 314.9 достаточные силы, способные преградить путь ударной группировке 2-й горноегерской дивизии. Однако 52-я дивизия не имела никаких резервов. К тому же в любой момент все-таки могла перейти в наступление и 3-я горноегерская дивизия. Значит, нельзя было отвести в резерв ни одного батальона, пока не выяснятся направления новых атак.
Одна атака, правда, уже была. Утром противник нанес удар по правому флангу 205-го стрелкового полка, но был сравнительно легко отбит.
Вещезерский уже собирался обращаться к командующему 14-й армией, когда командарм неожиданно позвонил сам. Штаб армии сумел-таки отыскать 112-й полк, который, как выяснилось, откатился на высоты южнее фактории Большая Лица, наладил с ним связь и организовал его снабжение.
Как оказалось, по бездорожью 112-й полк вышел на правый фланг дивизии лишь к исходу 12 июля, когда два батальона 205-го стрелкового полка, оборонявшихся на Западной Лице, были потеснены и противник захватил плацдарм на восточном берегу реки в районе устья и побережья губы Большая Западная Лица. Требовалось

срочно исправлять ситуацию. И командир 112-го полка Коротков снова принял правильное решение: в одном километре севернее высоты 314.9 он навязал противнику бой и лишил его возможности беспрепятственно двигаться на Ура-Губу. Разыгралась ожесточенная схватка. Противник вынужден был развернуться, и, хотя превосходство сил было на стороне врага, 112-й полк контратаками — без артиллерийской и авиационной поддержки — сдержал егерей, не дав им выйти на колонный путь.
Полк понес заметные потери в людях. Выбыли из строя многие командиры и политработники батальонов и рот, погиб комиссар полка старший политрук Фоминых.
Сообщив все это, командующий армией согласился с выводами штаба дивизии и передал дивизии свой «резерв» — потрепанный 95-й стрелковый полк.

Встречный бой 58-го полка

(14–15 июля)
В штабе дивизии не доверяли боеспособности 95-го полка. Он почти не имел автоматического оружия и морально еще не оправился от поражения на Титовке. Вещезерский решил направить на главное направление 58-й полк, пока не связанный боем. А 95-му полку передать его участок обороны.
На всякий случай Вещезерский еще и сменил руководство 58-го полка: командиром был назначен командир разведбата дивизии опытный майор Худалов, а прежний командир, молодой и не имевший опыта капитан, остался у него начальником штаба.
Ставя задачу Худалову, начальник штаба дивизии, полковник Соловьев сказал ему следующее:
«Ваша задача — не допустить прорыва противника в направлении поселка Ура-Губа. Если противнику удастся развить успех на этом направлении, то оборона нашей 52-й окажется расчлененной, нарушенной в ряде мест. Повернув на юг, враг, кроме того, создаст угрозу тылам дивизии. Но мы укрепляем оборону на своем правом фланге. По приказу командарма В. А. Фролова туда направляются 112-й и 58-й стрелковые полки, дивизион 208-го гаубичного артполка, некоторые специальные подразделения. Короткое с войсками уже в пути, но дорог совсем нет, и маневр полка проходит медленно».
Точных данных о линии фронта на северном фланге дивизии не было, предугадать, что произойдет там за время марша полка, тоже не представлялось возможным. Поэтому Худалову указали только общую цель: закрыть направление на юг, примерно в районе высоты 314.9, и, установив связь с Коротковым, создать совместный с ним новый сплошной фронт обороны дивизии.
Такой формулировкой задачи полку вполне обдуманно предопределялся осторожный характер его действий. 58-й был последним надежным резервом дивизии.
Напряженная боевая обстановка требовала скорейшего выдвижения полка к высоте 314.9 Между тем быстро двигаться по тундре с обозами и артиллерией было невозможно. А без артиллерии не обойтись в столкновении с превосходящими силами противника. Поэтому штаб дивизии включил в состав колонны все

полковые орудия, минометы и несколько повозок, хотя это значительно снижало скорость движения. Боеприпасы везли в самодельных вьюках и несли на плечах. Полковому медицинскому пункту взамен громоздких санитарных повозок придали удобные и легкие на ходу батальонные санитарные двуколки. Для расчистки пути выделили небольшую рабочую команду.

Опыта продолжительного марша таких колонн в горной тундре у дивизии не было. Поэтому Соловьев не указал точно срок, когда полк должен прибыть на место, а ограничился неопределенной формулировкой: *«Как можно скорее».*

Марш мог затянуться надолго. Припомнив переходы по бездорожью в Карелии и Финляндии во время финской войны, Вещезерский рекомендовал Худалову не делать больших привалов одновременно, а останавливать батальоны поочередно на три-четыре часа. Такой порядок обеспечивал непрерывность марша и давал некоторый выигрыш во времени.

Порядок движения рвавшийся побыстрее прикрыть угрожаемое направление командир дивизии назначил следующим.

Первым вышел 2-й батальон капитана Солдатова, затем, задержавшись почти на сутки из-за смены командира полка, прибытия которого пришлось ожидать, — 2-й батальон капитана Шарова, за ним, отставая на 3–5 километров, двигался штаб со вспомогательными службами полка, затем — 3-й батальон старшего лейтенанта Гринева, расчищавший колонный путь для артиллерии, и замыкала колонну сама артиллерия.

По предложению Кубеева в хвост общей колонны включили также гаубичную батарею на тракторной тяге и полковую батарею 112-го полка, отошедшую на участок полка Шпилева.

Транспортировка орудия в Заполярье.

Замполитом 58-го полка был батальонный комиссар Лазарев, способный политработник, находившийся на хорошем счету в штабе дивизии. Однако от полка зависело так много, что комиссар дивизии Орлов счел необходимым побывать в каждом батальоне. Вместе с Лазаревым он провел короткие митинги.

К вечеру маршевые колонны двинулись в путь. Вскоре позвонил командарм. Узнав, что в колонне полка нет никого от штаба дивизии, он приказал направить к Худалову начальника штаба дивизии Соловьева. И полковник Соловьев верхом отправился догонять полк.

Отправив полк, Вещезерский поручил дивизионному инженеру повернуть артиллерийскую рокаду, постройка которой продолжалась непрерывно, вслед маршруту полка. Но скорость строительства этой дополнительной дороги не могла составлять больше километра в сутки — она могла пригодиться, только если на участке удастся занять прочную оборону.
Погода благоприятствовала маршу. Низкая облачность и моросящий дождь укрыли колонну от воздушной разведки противника.
С утра 15 июля нажим егерей на батальон, находившийся на загнутом фланге 205-го полка, заметно усилился. Несмотря на поддержку артиллеристов, он к вечеру отошел к долине ручья. Комбат старший лейтенант Тихомиров по телефону неуверенно сообщил:
«Сильный противник окружает нас…»

Разведрота движется по «каменному морю».
После такого доклада заметно нервничавший в последнее время Вещезерский тут же позвонил Шпилеву и предложил отстранить Тихомирова от должности. Но тот заступился за комбата, и Вещезерский не стал настаивать на своем предложении. Шпилев наскреб роту и послал Тихомирову, но тот все равно продолжал отступать. Как выяснилось потом, против его батальона действовали вчетверо превосходящие его силы.
В штабе дивизии с понятным нетерпением следили за маршем 58-го. Медленно продвигаясь «каменным морем», растаскивая завалы, батальоны к утру 15 июля достигли высоты 322.0. С противником еще не встретились, и все напряженно ожидали этого момента.
Волнующий момент, как водится, наступил неожиданно и оказался совсем неподходящим: Худалов, позвонив по прокладываемой вслед за полком линии полевой связи, сообщил, что хвост полковой колонны, где находится и он сам, внезапно атакован во фланг. Перебив доклад, продолжавший психовать Вещезерский предложил майору успокоиться и стал задавать вопросы по выяснению обстановки.
Худалов доложил, что третий и первый батальоны вместе с полковой артиллерией находятся на невысоком перевале, примыкающем с востока к подножию высоты 314.9. Подходя к перевалу, Худалов не слышал никакой стрельбы. При нем

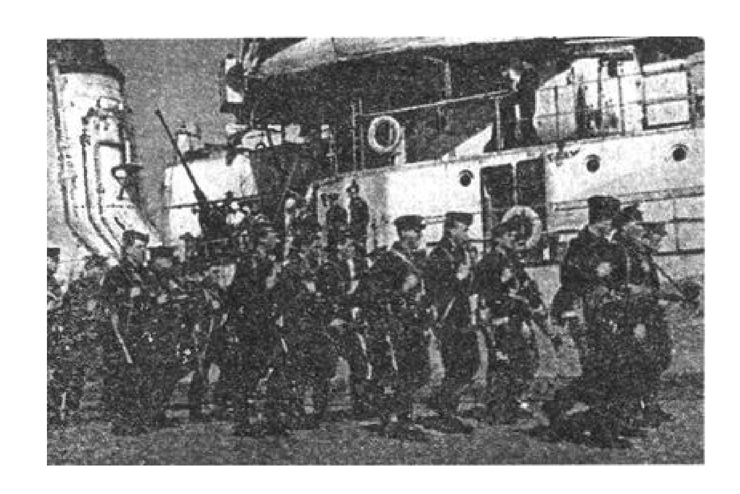
находились связисты и саперы, взвод химической защиты и разведчики. Внезапно их атаковали егеря и отрезали от основных сил.
После разговора с Худаловым Вещезерский, оставшийся без резерва, в не проясненной обстановке изготовил в качестве такового саперный батальон, занятый на строительстве рокады. Командир дивизии продолжал нервничать, не зная обстановки, но ее не мог знать, как выяснилось позже, и сам Худалов.
Взвод разведчиков, двигавшийся впереди батальонов полка на высоте 314.9, внезапно наткнулся там на вражеских егерей. Взвод отошел на участок 205-го полка. Посыльный с донесением заблудился и добрался до Худалова лишь на другой день.
Из-за чрезмерной растянутости походного порядка 2-й батальон капитана Солдатова, двигавшийся за разведчиками, очень быстро оказался в окружении у подножия высоты. Скоро на противника наткнулся и 1-й батальон Шарова, двигавшийся по перевалу в направлении высоты, а мелкими силами немцев был обстрелян и хвост колонны. Егеря успели подойти к высоте несколько раньше, чем 58-й полк.
Подразделения полка остановились там, где их застало нападение противника. Егеря дважды крупными силами атаковали батальон Шарова, но тот, имея 13 станковых пулеметов, сумел отбить обе атаки. Правда, егеря, пользовавшиеся удобным рельефом местности и подходившие благодаря укрытиям непосредственно к порядкам батальона, 5 пулеметов смогли забросать гранатами.
Командир взвода разведки лейтенант Шпак, имея рацию, смог выдвинуться в сторону от боевых порядков застигнутого на дороге полка, обойти егерей, атакующих батальон Шарова, и обнаружить, что *«батальон пехоты противника с минометами на горно-вьючных лошадях втягивается в ущелье у северо-восточных скатов высоты 314.9.»*, о чем он и передал в своем донесении.
Худалов сумел удержаться от искушения ввести в бой третий батальон и целиком бросил его ускорять движение медленно продвигавшейся по плохо расчищенной горной дороге артиллерии. Старшему лейтенанту Гриневу была поставлена задача в первую очередь обеспечить выдвижение к месту боя батареи 120-мм минометов на конной тяге, с которой находился капитан Пилевин — начальник артиллерии полка.
На поддержку же 1-го батальона, все с большим трудом отбивавшегося от превосходящих по численности егерей, пришлось бросить роту связи старшего лейтенанта Суслова. Развернувшись в цепь, рота ускоренным шагом выдвинулась на левый фланг. Зайдя противнику во фланг, рота с ходу атаковала и оттеснила егерей от перевала.
В этот момент удалось наконец связаться по радио с капитаном Солдатовым, батальон которого находился в окружении. Но Солдатов, не уведомленный о смене командира полка, произведенной Вещезерским, отказался выполнять распоряжения Худалова, сообщив: *«Никакого Худалова я не знаю».*
Худалову ничего не оставалось, как связаться по рации с засевшим в сопках Шпаком и приказать ему *«...пробраться к Солдатову, сказать о моем назначении, выяснить сложившуюся там обстановку...»*
Противник между тем вновь стал подбираться к перевалу. Против сдерживавшей его натиск роты Суслова устанавливались минометы и пулеметы. Овладение

немцами перевалом являлось, по существу, вопросом времени. Худалов, помнящий о том, что к немцам идут резервы, обнаруженные Шпаком, собрался идти в боевые порядки 1-го батальона, чтобы попробовать хоть как-то воспользоваться переключением внимания немцев на ударившего им во фланг Суслова, но в этот момент в дело вмешался случай…
К Худалову подбежал красноармеец и доложил, что у соседней высоты находятся 200 человек пополнения для 112-го СП. Со вчерашнего вечера они ищут свой полк. Кругом идет бой, и они не знают, к кому обратиться. У них есть оружие и боеприпасы.
Худалов немедленно связался с Вещезерским.
— *Нахожусь на небольшом холмике у подножия высоты,* — докладывал командир полка. — *Сюда только что подошли запасники, назначенные в сто двенадцатый. Их человек двести. Вооружены одними винтовками.*
— *Передаю этот отряд в ваше распоряжение.*
— *Спасибо.*
— *Занимайте оборону на высотке. Приведите в порядок подразделения, развертывайте артиллерию. В сторону батальонов выслать разведку.*
— *Есть!*
Получив разрешение, Худалов поставил во главе неожиданно явившегося пополнения старшего лейтенанта Манаенкова и отправил его в распоряжение комбата Шарова. После того как численный перевес немцев был компенсирован прибывшим подкреплением, ситуация стала складываться не в пользу егерей. Немцы предприняли еще две атаки, которые были отбиты без особых потерь. Здесь опять сыграло свою роль наличие в кадровых частях Красной Армии большого количества «отличных стрелков», качественно обученных еще в довоенное время. В последней, четвертой атаке был убит офицер, ею командовавший.
После этого бойцы Шарова, поддержанные ротой Худалова и пополнением, смогли перейти в атаку, не дожидаясь подхода 3-го батальона и артиллерии. Егеря были отброшены не только от перевала, но и от батальона Солдатова, вовремя ударившего навстречу. В результате так удачно начавшие бой немцы потерпели полный разгром.
Два офицера были захвачены в плен, на поле боя остались десятки убитых егерей.
К вечеру 15 июля 58-й полк наконец сосредоточился в одном месте. Подтянулись артиллерийские подразделения. Вскоре подоспели и тылы. По расчищенной дороге, где раньше ни один транспорт, кроме оленьих нарт, не проходил, теперь, хоть и с трудом, двигались гаубицы, которых так недоставало, и грузовики с боеприпасами.
Учитывая, что 2-я горноегерская дивизия имеет еще несколько свежих батальонов, дальнейшее наступление на ее участок не велось. Сплошной фронт обороны дивизии был восстановлен. Но особенно устойчивым он не был. 58-й полк занимал восемь километров фронта от побережья губы у колонии Большая Западная Лица до высоты 314.9 в одноэшелонном построении без резервов. Боеспособность 112-го полка после тяжелых боев была весьма невелика.
Поскольку район главных боевых действий переместился к северу, КП дивизии с разрешения штаба армии также передвинулся — к высоте 322.2. Поблизости от

этой высоты проходила постоянная телефонная линия, и это обеспечивало прямые переговоры с армейским КП.
112-й полк сменил 2-й батальон 58-го полка у фактории Большая Лица и стал организовывать оборону до стыка с 58-м полком. Прибывшее пополнение позволило несколько усилить батальоны.
16 июля почти перед всей полосой обороны дивизии противник вел себя пассивно и только на участке 205-го полка атаки егерей продолжались. Два батальона полка вынуждены были немного оттянуться назад.
В этот же день части северного фланга дивизии по приказу командарма провели короткий наступательный бой в интересах высаженного на побережье десанта, пытавшегося нанести удар по тылам и коммуникациям немцев.
Наступление началось в середине дня. Готовясь к нему, командование дивизии, как практиковалось в таких случаях, переместило дивизионный КП ближе к участку основных событий — непосредственно к высоте 314.9 и на всякий случай расположило его рядом с КП 58-го полка.
Однако удары 58-го и 205 полков, поддержанные с берега ударом десантников, успеха не принесли. Но, опасаясь развития наступления на участке 205-го полка, егеря сами отошли на три километра к северу.

Третий десант

(14 июля)
Буквально на следующий день после того, как завершились боевые действия второго десанта, в штаб Северного флота поступила неутешительная информация об обострившемся положении на сухопутном фронте. Подтянув свежие силы, противник вторично форсировал реку Западная Лица, занял злополучную факторию и перешел в наступление. Флот, казалось, уже исчерпал все возможности в формировании десантов, но Военный совет флота еще раз вернулся к идее высадки крупного десанта в район губы Титовка и послал ходатайство самому главнокомандующему Северо-Западным направлением с просьбой выделить необходимые силы.
Ворошилов ответил, что у него войск больше нет, и поэтому хорошо продуманный план снова не был осуществлен. Однако командующий 14-й армией уже успел по достоинству оценить роль морских десантов в содействии приморскому флангу армии и предложил высадить в тыл наступающим немцам свой последний резерв — 325-й стрелковый полк 14-й стрелковой дивизии под командованием майора Шакито (около 1350 человек). Полк стоял в районе Сайда-Губы, возле Полярного. Флот дополнил десант первым добровольческим отрядом моряков (который был сформирован из личного состава базы бригады подводных лодок и насчитывал около 150 человек) под командованием старшего лейтенанта Симоненко для первого броска.

Из-за нехватки оружия отряды моряков вооружались трофейными пулеметами и автоматами.

Этот отряд готовился дольше и тщательнее остальных, сформированных флотом в течение первого месяца войны. В течение почти двух недель краснофлотцев, отобранных первым командиром отряда, старшим лейтенантом Хижняковым, учили действиям в обороне, наступлении и разведке. Усиленно была проведена подготовка по метанию гранат — будущих десантников учили метать гранаты «со спущенной чекой» — с 2-секундной задержкой.

Отряд был частично вооружен трофейными немецкими пулеметами и автоматами, захваченными в боях 7–9 июля на Западной Лице. Первый раз флотский отряд смог получить и полное боевое снаряжение. Сам командующий флотом напутствовал отряд перед началом операции, возлагая на него большие надежды.

Из-за ограниченного времени к подготовке операции на этот раз подключились управления штаба флота, и документы были разработаны хотя и за одну ночь, но по всем правилам теории.

При этом кто-то в штабе назвал готовящуюся операцию «вытяжным пластырем» — название прилипло и часто использовалось и в дальнейшем.

Задача на высадку десанта была поставлена командующим флотом командованию ОВРа в письменном виде. Штаб ОВРа подготовил боевой приказ, составил плановую таблицу, сделал расчет посадки войск, проложил на картах пути движения кораблей, наметил места подхода их к берегу, размножил карты на кальке. Документов получилось довольно много. Командиры тральщиков — недавние рыбаки, напуганные строгостями хранения секретной документации, очень просили не давать им письменных инструкций, уверяя, что они и так твердо усвоили свою роль в предстоящей высадке.

В операции должны были участвовать 24 корабля и судна, сведенные в пять отрядов: три основных десантных — по два тральщика и по три катера МО в каждом, диверсионный отряд, в который входили три мотобота, и отряд артиллерийской поддержки, состоящий из эсминца «Валериан Куйбышев», сторожевого корабля «Гроза» и трех катеров МО. Флагманский катер, на котором находились командующий ОВРОМ Платонов, командир высадки и командир десанта, шел вне общего ордера и строя. Начало высадки назначили на 4 часа утра 14 июля.

Десантные части грузились в Сайда-Губе с причала. Чтобы десантникам было удобнее, трюмы тральщиков на этот раз уже оборудовали нарами, доморощенные

плотники сколотили длинные прочные сходни, по которым бойцы могли быстро и легко сбегать с кораблей на берег.

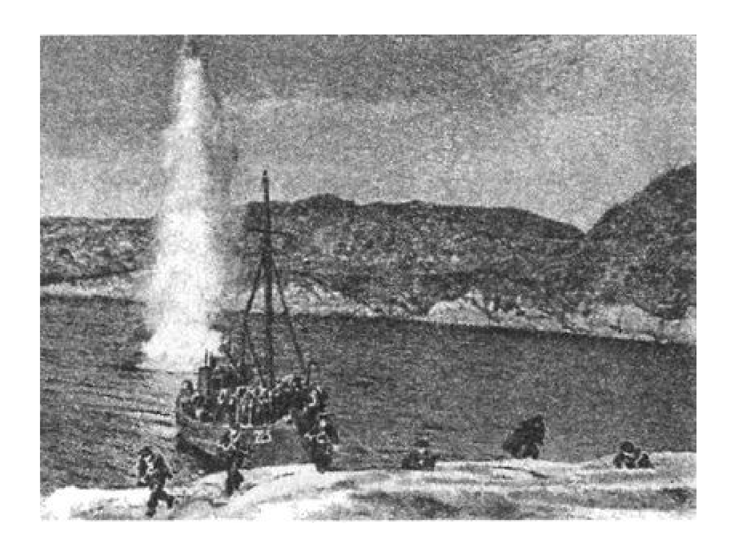

Наличие сходен облегчало и ускоряло погрузку десанта и высадку его на берег.

Из Сайда-Губы в губу Западная Лица отряды переходили самостоятельно. Каждый командир отряда точно знал отведенное ему место подхода к берегу и сам устанавливал скорость движения кораблей с таким расчетом, чтобы прибыть к условленному времени. Погода держалась нелетная, но зенитные орудия и крупнокалиберные пулеметы кораблей на всякий случай были приведены в немедленную готовность. От подводных лодок отряд охраняли катера МО. Кроме того, по приказу командующего флотом в повышенной боевой готовности находились три эсминца в Полярном и эскадрилья истребителей в Ваенге. Кильдинский плес и Мотовский залив корабли прошли без помех со стороны противника. Фронт высадки составлял около пяти километров.

Согласно утвержденной диспозиции два десантных отряда вошли в губу Андреева, а третий остановился в 10 кабельтовых севернее ее. Корабли артиллерийской поддержки остались маневрировать у входа в губу Западная Лица. Как только катера МО приступили к высадке отряда моряков первого броска, батарея полевой артиллерии противника открыла по ним частый огонь. Орудия эсминца «Валериан Куйбышев» и сторожевого корабля «Гроза» довольно быстро заставили ее замолчать, но немедленно повела огонь вторая вражеская батарея. Самое южное место фронта высадки — низменный берег — оказалось под обстрелом. Бойцы еще не сошли на берег, а уже появились потери.

Подавить вьючные батареи горной артиллерии противника корабли артиллерийской поддержки оказались не в состоянии, несмотря на все превосходство своих прицельных приспособлений, крупных калибров и тренированных экипажей. Пришлось срочно переносить место высадки под скалу, что несколько замедлило темпы десантирования, но зато было гораздо безопаснее. Корабли, которым нужно было для высадки в губе Андреева пройти пролив между западным берегом губы Западная Лица и островами Лопаткина, тоже попали под огонь батарей противника. Но катера МО — маленькая мишень, да и при проходе они маневрировали на больших скоростях. Поэтому пострадал только один тральщик, в который угодил снаряд среднего калибра, причинивший незначительные повреждения.

Отряд первого броска высаживается на берег.

Орудие эсминца «Валериан Куйбышев» готовится открыть огонь.

Одновременно с высадкой основного десанта был предпринят ряд отвлекающих действий для дезориентации противника.

Эсминец «Куйбышев», сторожевик «Прилив» и малые охотники подошли к устью губы Титовки и провели демонстрационную высадку десанта. 3 малых охотника высадили отвлекающий десант в составе 50 бойцов западнее мыса Пикшуев. В их задачу входило, двигаясь в направлении деревни Титовка, дезорганизовать тылы противника. Этими действиями помогали оттянуть силы врага от места высадки основного десанта и затрудняли немцам определение направления главного удара.

Все войска высаживались на занятую противником территорию и, разворачиваясь в боевые порядки, вступали в бой. Но немногочисленные немецкие патрули отходили к фактории Большая Лица, не втягиваясь в серьезные столкновения и не оказывая значительного сопротивления. Корабли продолжали поддерживать десантников малоэффективным, но интенсивным огнем. За два часа было высажено около 1500 человек, потери при этом были небольшими.
Однако неподавленная немецкая батарея, сориентировавшись в обстановке, сумела утопить баржу, доставлявшую орудия и минометы, и десант остался без собственных огневых средств.
С потопленной артогнем противника баржи удалось спасти всего одно 76-мм орудие и несколько минометов.
Поддерживать постоянную связь с десантом и снабжать его всем необходимым поручалось опять-таки кораблям ОВРа. С этой целью возле мыса Палец неподалеку от островов Лопаткина была организована база высадки: был укреплен и замаскирован небольшой понтонный причал, к которому могли швартоваться мелкие суда, устроены в земле склады боеприпасов. Было установлено и непрерывное дежурство мотоботов, которые и осуществляли снабжение десанта. Обычно все переброски катера и мотоботы старались закончить в нелетную погоду или в ночное время, а днем отстаивались под скалами, укрываясь от вражеских самолетов. Но бывало, что обстановка вынуждала их действовать и под ударами авиации. На этот случай у мотоботчиков имелся хорошо отработанный прием: с появлением самолетов приткнуть мотобот носом к ближайшему берегу, а команду спрятать в камнях, оставив на палубе лишь пулеметные расчеты для уменьшения возможных потерь.
Десантники добровольческого отряда выбили немцев с высот, использовавшихся ими для ведения артиллерийского огня по району высадки, а 325-й полк начал продвижение к фактории Большая Лица.

Высота 314,9

(18 июля)
Теперь перед рубежом обороны 58-го полка поднималась круто вверх трехглавая высота 314,9, господствовавшая над окружающей местностью. В глубину высота простиралась больше чем на два километра, при этом все три ее вершины образовывали треугольник, основание которого располагалось в направлении восток — запад, а противолежащая ему вершина находилась на севере. Занята высота была батальоном егерей, как выяснилось позже, это был 2-й батальон 137-го горноегерского полка.
Положение полка было крайне невыгодным. Противник с высоты имел отличный обзор, и он контролировал огнем колонный путь на Ура-Губу.
Подразделения полка развернулись напротив высоты с расчетом максимального прикрытия колонного пути на Ура-Губу. Крайний левый фланг полка занимал 3-й батальон, позиции которого прикрывались с левого фланга озером Дикое. Правее до колонного пути на Ура-Губу тянулась оборона 1-го батальона, а далее фронтом с севера на юг прикрывал этот путь 2-й батальон.

С этих позиций предстояло атаковать высоту, причем сделать это надо было в высоком боевом темпе — пока немцы не подтянули силы, достаточные и для эффективной обороны и для перехода в наступление.
Данные разведки указывали на то, что немцы, скорее всего, остановятся на втором варианте.
Егеря провели на высоте только минимальную инженерную подготовку к обороне, они были слабо укрыты от артиллерийского огня. Фактически их части только приняли стандартную для немцев оборонительную конфигурацию — разделились на компактные группировки, сосредоточившиеся на выгодных для обороны участках высоты, сконцентрировав в них огневые средства. Сами такие участки укреплены были слабо — похоже было, что немцы, подтянув силы, собирались в самом ближайшем будущем перейти с этих позиций в наступление.
Как это часто бывало в Заполярье, полк, переходя в наступление при неверной оценке сил противника, сам рисковал быть опрокинутым и отброшенным даже дальше первоначально занимаемых позиций. А за занимаемыми позициями находился стратегически важный колонный путь на Ура-Губу, поэтому план боя составлялся так, чтобы полк при любом развитии ситуации оказался в состоянии прикрыть выходы на колонный путь, исключив прорыв к нему егерей.
Из всех трех вершин высоты ключевой являлась восточная. Наиболее удобным для атаки являлся ее восточный скат. Он был более пологим, чем остальные. Но на нем было сосредоточено и большинство огневых средств немцев. Крутой южный скат высоты, упиравшийся в озеро Дикое, противник прикрывал огнем наиболее слабо. Видимо, он считал этот участок недоступным для наступательных действий. Именно он и был выбран для нанесения главного удара.
После овладения восточной вершиной предусматривалось основные силы полка направить на северную. Исходное положение выбрали у самой высоты, в мертвом, не наблюдаемом и не простреливаемом пространстве, чтобы преодолеть расстояние до противника одним стремительным броском.
Управление огнем артиллерии централизовали, но право вызова огня предоставили и командирам батальонов. Они могли его и корректировать через основной наблюдательный пункт.
Штурм высоты 314.9 начался в 4 часа утра 18 июля. Орудия и минометы открыли огонь по выявленным огневым точкам противника. Батальоны цепями двинулись на высоту: 1-й — капитана Шарова и 3-й — старшего лейтенанта Гринева шли скрытно по крутому южному скату, 2-й — капитана Солдатова — по восточному, пологому. Но наступающих встретил неожиданно сильный минометный огонь противника. И он нарастал. Стремительного продвижения не получилось. Цепи залегли, хотя немецкие пулеметы пока молчали. В атаке возникла пауза.
Становилось ясно, что намеченный план не сработал, огневых средств у немцев оказалось явно больше, чем выявила разведка, и если пехота будет и дальше наступать цепями, после открытия немцами огня из всех видов оружия потери могут оказаться такими большими, что высоту некому будет брать.
Начальник штаба полка капитан Салтыков предложил командиру полка майору Худалову изменить боевой порядок 1-го и 3-го батальонов и по крутым склонам перемещаться не цепью, а небольшими группами. Группами легче и обходить огневые точки, и атаковать по складкам местности.

Тут же были переданы указания в батальоны, и те стали перестраивать боевые порядки. Перегруппировка боевых порядков не замедлила сказаться на ходе боя. Темп движения батальонов сразу увеличился.
Вскоре стал намечаться успех на участке наступления 3-го батальона. Взвод младшего лейтенанта Лягуна, усиленный ротным минометом и ручным пулеметом, наступая на один из отрогов высоты, нависший над озером Дикое, обнаружил малочисленные огневые точки егерей, сблизился с ними и захватил после короткого рукопашного боя.
1-й батальон продвинуться не смог, но сковывал силы противника, не давая перебросить их на более угрожаемые участки.
Тяжелее пришлось 2-му батальону, наступавшему по пологому скату. Его правофланговую роту непрерывно контратаковали егеря, а левый фланг уперся в скалу. В результате немцы, слабыми силами сдерживая наступление батальона на одном фланге, сосредоточили удары по нему на другом.
Контратаки егерей во фланг батальона следовали одна за другой. Батальон уже не наступал, а оборонялся. Такая тактика егерей была довольно необычной. Батальоны еще не успели приблизиться к оборонительным позициям противника на вершине высоты, немцы не отбивались еще всеми огневыми средствами, а вместо этого уже начали контратаковать.
Немцы явно стремились вести бой на скатах высоты, не оттягивая его к вершине. Крутые склоны возле нее были удобны для обороны — по ним было трудно наступать, но отступать по ним под натиском противника вообще было равносильно смертному приговору.

Атака высоты.

Егеря на позиции, оборудованной с помощью камней и замаскированной мхом.

Постепенно контратаки егерей, сочетаемые с сильным огнем противника по левому флангу, стали приносить им успех. Комбат запросил поддержку артиллерийским огнем. Допустить, чтобы противник сбросил батальон со склона и егеря сосредоточили удары на батальонах, наступающих по южному скату, было нельзя. На крутом скате егеря могли не только опрокинуть, но и вовсе уничтожить наступающие батальоны.

Худалов приказал Солдатову прикрыть контратакуемый фланг огнем пулеметной роты батальона.

«У вас есть еще минометная рота, используйте и ее, но сделайте все, чтобы внимание противника было приковано к вашему батальону. В этом суть вашей задачи», — передал он по рации.

Радиосвязь в этом бою работала образцово, что случалось в общем не часто. Комбаты докладывали обстановку через каждые 10 минут, и управление боем с КП полка не терялось ни на минуту.

Скоро огонь из стрелкового оружия с фронта по 2-му батальону ослабел.

Получив доклад об этом, Худалов немедленно отдал приказ об атаке 1-го и 3-го батальонов, опасаясь возможной перегруппировки сил со стороны немцев.

Артиллерия произвела пятиминутный огневой налет, после чего батальоны перешли в атаку и стали продвигаться вверх по склонам. Егеря и здесь занимали оборону далеко от вершины. За скалами, камнями и кустами, которые егеря использовали в качестве укрытий, стали завязываться ожесточенные схватки.

Командир наиболее продвинувшейся роты лейтенант Рожищин получил два ранения, но продолжал руководить боем. Егеря стали отходить на обратные скаты высоты.

С западных скатов егеря и здесь смогли перейти в контратаку силами до двух рот. Контратака поддерживалась интенсивным огнем немецких ротных минометов. Атакующие же батальоны поддержать оказалось нечем — все минометы уже вели бой, а начальник артиллерии полка на приказ Худалова об огневой поддержке доложил, что артиллерийским огнем уже нельзя помочь отбить контратаку. Стороны сошлись слишком близко, и можно было поразить своих…

Исход боя решил командир взвода пулеметной роты 3-го батальона младший лейтенант Рябов. Его взвод, поднявшись на высоту, открыл огонь из трех

пулеметов по наступавшим цепью егерям. Егеря, однако, тут же засекли пулеметчиков и открыли по ним минометный огонь. Два пулеметных расчета почти одновременно вышли из строя, а в третьем в живых остался только один боец. Командир взвода сам лег за пулемет и продолжал вести огонь по противнику. Через несколько минут близким разрывом мины и его пулемет был выведен из строя. Осколками мины Рябов был контужен и ранен в голову и правую руку.
Но время было выиграно. Комбат Гринев перегруппировал силы и бросил батальон в штыки. Когда бойцы пробегали мимо Рябова, его раны старательно перевязывал оставшийся в живых пулеметчик, не замечая, что командир взвода уже мертв.
После рукопашной схватки, в которой Гринев был тяжело ранен, егеря стали отходить. Батальоны стали подниматься по южному скату к вершине и выходить на западный скат.
Второй батальон во время боя на южном скате продолжал сковывать силы немцев на восточном скате. Один из его наблюдателей обнаружил справа от батальона колонну егерей с вьючными лошадьми, приближающуюся к высоте по одной из лощин. В бой с колонной вступила пулеметная рота, а затем и минометная. Ведя беглый огонь, расчеты пытались помешать егерям развернуться в боевой порядок и установить минометы и станковые пулеметы. Зная, что от их удара зависит исход боя, егеря попытались развернуться под огнем. Во время боя было убито около 20 вьючных лошадей. Неся потери, егеря и тут сумели вывести из строя большую часть пулеметных расчетов. Командир роты лейтенант Шапкин и командир взвода младший лейтенант Старовойтов были ранены. Но потери егерей были столь велики, что после того, как они разгромили пулеметную роту, они сами в свою очередь были опрокинуты ударом единственного стрелкового взвода лейтенанта Кременчука. Егерям пришлось отступить в ближайшую лощину, где их продолжала обстреливать минометная рота.

В отсутствие дорог доставлять боеприпасы к месту боя егерям приходилось только с помощью лошадей.

Батальоны целиком заняли Восточную высоту и продвигались уже к Северной, когда были опять остановлены минометным огнем и огнем немецких горных пушек. По позициям немецкой артиллерии открыл огонь гаубичный дивизион, после чего со стороны Баренцева моря прилетел немецкий самолет-разведчик.

Опасаясь удара с воздуха, командир полка приказал рассредоточить боевые порядки батальонов.
Но авианалета не последовало. Прилетевший самолет оказался корректировщиком. Огонь открыл дивизион недавно подтянутых немцами на плацдарм 105-мм горных гаубиц, которые с помощью корректировки огня с воздуха заставили советский дивизион прекратить огонь.
Но выигранное время не могло помочь егерям при отсутствии достаточных резервов. Командный пункт полка был перенесен на Восточную, и оттуда была подготовлена новая атака.
Так как самостоятельного значения Северная высота не имела, упорного сопротивления на ней противник оказывать не стал. После того как артиллерия полка возобновила огневую поддержку, огонь немецких пулеметов скоро ослабел. Прикрывшись минометным огнем, немцы быстро отошли на заранее подготовленные позиции на высоте 275.0. Убедившись, что оборона противника на высоте 275.0 является сильной и многоярусной, батальоны стали закрепляться на занятых позициях. Через семь часов после начала боя высота 314.9 была полностью занята.

Один против ста

(18 июля)
Немцы нашли достаточно сил для быстрой локализации действий десанта, что не привело, как ожидалось, к отвлечению их сил с главного направления. Подробнее о том, как проходили боевые действия десанта, будет рассказано ниже. Ключевую роль в завязавшихся боях сыграли начавшиеся 16 июля ожесточенные схватки за сопки, служившие основными оборонительными позициями.
Подобные бои продолжались и весь день 18 июля, когда немцы нанесли удар по правому флангу десанта, стараясь выйти к нему в тыл. Атаки превосходящих сил егерей приходилось отражать растянутыми по линии сопок совсем небольшими отрядами, занимавшими, однако, выгодные позиции. В этот день на одной из таких высот произошел уникальный случай отражения одним человеком атаки целой роты врага.
О ходе этого боя стоит рассказать поподробнее, так как он прекрасно демонстрирует, какой тактикой пользовались обе стороны в этих ожесточенных схватках, ведя боевые действия в специфических условиях Заполярья, где бои происходили как бы на трех ярусах: на вершинах сопок, на их скатах и в лощинах между ними.

Василий Кисляков.

Старший сержант Василий Кисляков, помощник командира взвода 1-го добровольческого отряда моряков Северного флота, командовал отделением, которое удерживало одну из высот. Другие отделения взвода также обороняли каждое по высоте. Бойцы сосредоточились на вершине и вели огонь только из винтовок, так как единственный находившийся в отделении ручной пулемет не действовал, как позже выяснилось, из-за неверной сборки.

Егеря искали в линии обороны моряков слабое место, часто поднимаясь в атаки незначительными силами и тут же их прекращая. Заметив, что с высоты не ведется пулеметный огонь, немцы стали сосредоточиваться напротив нее для решительной атаки. Кисляков, находившийся на обратном скате высоты, но услышавший, что пулемет в бою не участвует, прибежал к нему, зная по опыту предыдущих боев, чем это может кончиться, перебрал его и занял выгодную позицию — в яме, несколько ниже по склону, но зато прикрытой сверху низко нависавшим скальным козырьком от бросков гранат.

Егеря, заметившие отсутствие пулеметного огня, действительно быстро сосредоточились перед скатом высоты и попытались одним рывком приблизиться на дистанцию броска гранаты. Их встретил ружейно-пулеметный огонь с дистанции около 50 метров. Немцы поспешно откатились назад и начали интенсивный обстрел из минометов и пулеметов.

Отделение потеряло во время отражения атаки одного человека убитым и трех ранеными.

Кисляков отправил связного на соседнюю высоту с просьбой прислать несколько человек и еще один пулемет, так как становилось уже понятным, что немцы будут пытаться прорвать здесь линию обороны. После обстрела, оказавшегося безрезультатным, немцы повторили атаку. При ее отражении был убит еще один матрос и еще двое были ранены.

Одного за другим Кисляков отправил еще трех связных, причем просил уже не людей, а хотя бы боеприпасов — патронов, чтобы не подпускать егерей близко, расходовалось очень много. Егеря, не ожидавшие такого упорного сопротивления при таком малом количестве обороняющихся, изменили тактику. Они прекратили

попытки сблизиться и открыли прицельный огонь из карабинов и пулеметов по каждому из защитников высоты. Матросов прижали к камням.
В этот момент вернулся обратно последний связной и сообщил, что взвода на соседней высоте уже нет, очевидно, он отошел на запасную позицию. Кисляков решил сделать то же самое, но выяснилось, что немцы под прикрытием прицельного огня уже начали обходной маневр и лезут на высоту по крутому боковому склону.
Пара гранат, брошенных сверху, заставила немцев откатиться. Чтобы было удобней обороняться, матросы отступили к вершине сопки, где защищаемого пространства было меньше, а каменистые склоны круче. Количество боеприпасов продолжало уменьшаться. Кисляков отдал приказ бросать гранаты только по группам немцев, а одиночных егерей уничтожать прицельным огнем с близких дистанций. К пулемету оставалось еще 5 дисков, которые Кисляков решил по возможности беречь до конца.
Таким образом удалось отбить еще одну атаку, но отбиваться уже было нечем. Егеря предприняли новый обход, уже с двух сторон, благо близость к вершине позволяла провести его быстро. Видя это, Кисляков отправил с высоты всех раненых, приказав оставить гранаты и незаряженные в оружие патроны. Уходившие моряки смогли оставить всего три гранаты и несколько десятков патронов. Одиночными выстрелами 5 оставшихся моряков прикрыли отход раненых, после чего Кисляков собрал все оставшиеся гранаты (их оказалось 6) и приказал уходить и им, рассчитывая прикрыть их отход огнем пулемета, к которому еще остались 4 диска.
Командир отделения поднялся на самую вершину высоты, с которой просматривались три ее склона. Вокруг разложили заряженные винтовки. Бойцы уползли, и Кисляков остался на высоте один. Сначала он стрелял во все стороны из разложенных винтовок, чтобы егеря как можно дольше не заметили отход с высоты. Но немцы скоро разобрались в обстановке, и последняя атака последовала быстро и сразу с трех сторон.
Стреляя очередями в полдиска и бросив три гранаты, Кисляков сумел отбить и ее. Но патроны к пулемету закончились, и дальше отбиваться было нечем. К этому времени немцы уже знали, что на высоте остался один человек. Они не атаковали сразу, а стали предлагать сдаться.

Открытка, посвященная подвигу Василия Кислякова.

Кисляков разобрал пулемет, разбросал по сторонам его детали и подобрал немецкий автомат. Впрочем, имея уже достаточный опыт боев, относительно своих шансов он иллюзий не питал. Помог случай. Егеря никуда не торопились и действовали с максимальной осторожностью. Они имели задачу выдавить русских с занимаемой по фронту линии высот, и темпы им были не важны, существеннее было избежать напрасных потерь. Егеря разбирались с высотой уже около 7 часов — фактически до израсходования защитниками боеприпасов.

За это время связные смогли разыскать на запасной позиции свой взвод, тоже понесший потери. Из резерва была выдвинута рота 325-го СП. Уже подходя к высоте, подкрепление встретило отходящих с высоты моряков, несущих раненых. От них они узнали, что командир отделения остался прикрывать их отход на высоте. Немедленно нанесенным ударом роты егеря были отброшены от высоты на прежние позиции, и Кислякову удалось присоединиться к своим.

За этот бой старшему сержанту Кислякову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1941 года первому на Северном флоте было присвоено звание Героя Советского Союза.

Немецкий ответ

(13 июля — 10 августа)

Неоднократные десантные операции, активно проводимые в районе губы Большая Западная Лица Северным флотом для поддержки приморского фланга 14-й армии, не могли не привлечь к себе внимания немцев, начавших поиск эффективных контрмер.

В начале июля немцы перебросили в Варангер-Фиорд 6-ю флотилию эскадренных миноносцев, состоявшую из пяти эсминцев типа «Редер» — Z-4, Z-7, Z-10, Z-16, Z-20, затем 8-ю флотилию торпедных катеров и две флотилии охотников за подводными лодками. Также были переброшены три норвежских миноносца типа «Стег», норвежские минные заградители типа «Гломан и Лауген», вспомогательный крейсер «Бремзе», десять норвежских сторожевых кораблей различных типов, десять тральщиков, десять сторожевых катеров типа советских быстроходных морских охотников и шесть подводных лодок дальнего действия типа «U-67».

Чтобы отвлечь силы флота из Мотовского залива, на побережье которого решалась судьба Мурманска, немецкие миноносцы провели пять набегов на коммуникации СФ между Кольским заливом и Белым морем.

13 июля у о. Харлов пять эскадренных миноносцев напали на два бывших траулера, с началом войны вооруженных и переоборудованных в тральщики отряда ЭПРОН (водолазной службы) — «РТ-32» и «РТ-67», буксировавших подводные топливные емкости из Мурманска в Иоканку. Задачу охранения тральщиков выполнял сторожевой корабль «Пассат» под командованием старшего лейтенанта Окуневича.

В 2 часа ночи, несмотря на ненастную погоду, отряд был обнаружен летящим на бреющем полете немецким самолетом. Через полтора часа в районе острова Харлова сигнальщики РТ-67 обнаружили на дистанции от двадцати пяти до

тридцати кабельтовых три эсминца противника, направлявшихся на юго-восток, наперерез курсу отряда. Еще два эскадренных миноносца находились в море, к северо-востоку от маяка Гавриловского, и скорее всего, прикрывали действия первых трех эсминцев. Последние же, не изменяя курса и скорости хода, начали обстрел головного судна отряда «РТ-67».

Сторожевой корабль «Пассат», совсем недавно промышлявший треску, вместе с обоими рыболовными траулерами, теперь шедшими под его охраной, вооруженный двумя 45-миллиметровыми пушками и двумя пулеметами, пошел навстречу немецким кораблям, едва те начали обстрел, и выставил дымовую завесу между ними и отрядом. Произведя этот маневр, командир «Пассата» старший лейтенант Окуневич приказал обоим траулерам идти к берегу, чтобы укрыться в бухте Гавриловской, мимо которой следовал отряд, и тут же сообщил по радио на волне сторожевых кораблей о нападении эсминцев противника. Одновременно артиллеристы «Пассата» открыли ответный орудийный огонь по немецким кораблям с тем, чтобы отвлечь их внимание и дать возможность «РТ-67» выйти из-под обстрела.

Отвлечь внимание все же не удалось. Преимущество противника, тем более на такой дистанции, позволило вражеским эсминцам вести обстрел обоих судов. Вне обстрела пока оставался лишь «РТ-32», укрытый дымовой завесой, поставленной «Пассатом», и начавший отход к бухте Гавриловская. Первый залп, направленный в сторону головного судна, не причинил ему вреда: снаряды легли с недолетом перед носом траулера. Вторым залпом «РТ-67» был накрыт: один снаряд сбил мачту, другой пробил борт, разорвался в машинном отделении и перебил трубопровод, третий попал в корму и вывел из строя машинный холодильник. Потеряв ход, траулер остановился, и его командир, учитывая безнадежное положение подбитого и расстреливаемого судна, распорядился спускать шлюпки, чтобы спасти экипаж.

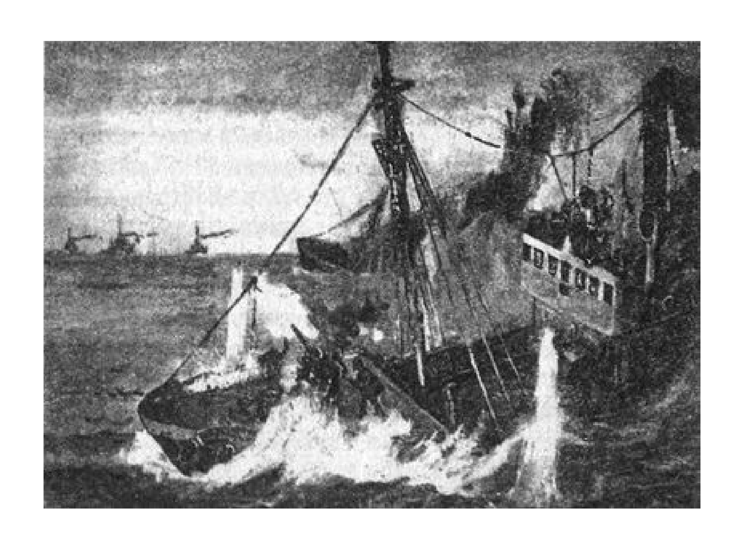
Тем временем эсминцы противника двигались прежним курсом, продолжая интенсивный обстрел «Пассата» и «РТ-67» фугасными снарядами, а также трассирующими снарядами из зенитных орудий. Трассирующие снаряды были с дистанционными взрывателями, предназначенными для поражения летящих целей, и рвались в воздухе, осколками поражая людей, находившихся на боевых постах, палубах и на мостиках обстреливаемых судов. Основной огонь вражеских эсминцев, стрелявших трехорудийными залпами уже с близкой дистанции (от десяти до пятнадцати кабельтовых), был направлен теперь на сторожевой корабль и отчасти на «РТ-32», уходивший к берегу, в бухту Гавриловская.

Неравный бой продолжался, но исход его был предрешен, как ни пытался экипаж «Пассата» героически защищать подбитое, лишенное хода головное судно. Вскоре над носовой и кормовой частями сторожевого корабля поднялись два столба пламени, и послышался гул взрывов. Корабль начал быстро погружаться носом, но кормовое орудие, у которого виднелся один человек, не прекращало ответный огонь по врагу.

Как только море поглотило сторожевой корабль, к месту его гибели поспешила одна из шлюпок, спущенных с головного судна. В нее удалось подобрать двух человек, остальные двадцать два из бывших на борту «Пассата» погибли.

Между тем огонь эсминцев уже сосредоточился на подбитом траулере, представляющем удобную мишень для торпедного залпа. И все-таки торпеды, выпущенные противником, не достигли цели; только единственная из них прошла на расстоянии трех-четырех метров от кормы неподвижного судна, лишенного всякой возможности маневрировать и уклоняться от попаданий. Тогда эсминцы возобновили орудийный обстрел. После очередного залпа, накрывшего судно, «РТ-67» очень быстро затонул вместе со всеми, кто не успел к этому времени сойти в шлюпки.
Ближайший к месту, где двигались шлюпки, немецкий эсминец полным ходом, уходя за остальными кораблями своего отряда на северо-запад, пронесся мимо них, ведя огонь из пулеметов. На месте неравного боя остались две продырявленные пулями, полузатопленные шлюпки и в них двенадцать человек, семеро из которых оказались раненными при пулеметном обстреле.
Море вокруг было пустынно: «РТ-32» все-таки успел дойти к бухте Гавриловская и выброситься на берег, на его борту из двадцати пяти человек экипажа остались невредимыми только семеро.
Командование шлюпками принял на себя старший лейтенант Кулагин. Он и привел шлюпки в бухту, где раненым была оказана неотложная медицинская помощь.
Из 101 человека, находившегося на борту судов, 28 спасли летающие лодки, при этом один «МБР-2» разбился.
Во время боя, длившегося около часа, погибли два судна и семьдесят три человека.
Во время этого боя обнаружилась вопиюще низкая готовность основных сил флота: донесение командира «Пассата» Окуневича и военкома Вяткина о нападении эсминцев противника было принято по радио в самом начале боя, а приказ о выходе в море первой группы эскадренных миноносцев («Гремящего», «Стремительного» и «Громкого») последовал только в четыре часа пятьдесят минут, через полтора часа, то есть фактически после завершения боя. Вторая же группа эскадренных миноносцев («Куйбышев» и «Урицкий») вышла еще позже — в шесть часов с минутами. Предпринятый обеими группами, которые соединились у выхода из Кольского залива, поиск вражеских эсминцев, естественно, оказался бесполезным.
Из происшедшей трагедии не было сделано никаких выводов.
23 июля четыре немецких эсминца вышли из норвежских шхер в море и направились к советскому побережью, что было вовремя установлено авиаразведкой. Вести постоянное наблюдение за ними по ходу их продвижения не представлялось возможным: вдоль всего мурманского побережья, исключая прибрежную полосу шириной от десяти до пятнадцати миль, стеной стоял обычный в летнее время туман.
Около полуночи немецкие эсминцы снова были замечены самолетами-разведчиками в районе Иоканки, после чего вновь скрылись в северном направлении за стеной тумана.
В это время гидрографическое судно «Меридиан», предназначенное для обслуживания маяков на побережье, находилось на Семиостровском рейде, где принимало семьи служителей маяков, которых должно было доставить в Архангельск. Предупреждение о немецких эсминцах, переданное по радио, было принято на гидрографическом судне в час ночи заодно с приказанием укрыться в

бухте Восточная Лица. Командир «Меридиана» капитан-лейтенант Егоров, однако, по неизвестным причинам задержался с выполнением приказа и вышел в море только через полтора часа, после того как приказ был передан ему вторично. В три часа гидрографическое судно все еще находилось лишь у входа в бухту, назначенную ему для укрытия. Там на входе его и настигли четыре немецких эсминца типа «Редер». Егоров попытался уйти в туман.
Но в условиях ограниченной видимости немецкие эсминцы ошибочно идентифицировали гидрографическое судно как танкер в 2000 брт. и открыли исключительно точный огонь прямо с дистанции обнаружения, которая составила 30 кабельтовых. Первый же снаряд, попавший в «Меридиан», разнес в щепки радиорубку.
Вторым попаданием был разрушен мостик и перебит главный трубопровод. Заклинило руль, и судно потеряло ход и управление. Начался пожар. Огонь охватил закрепленные на верхней палубе бочки с бензином, который стекал в море и продолжал гореть на воде. Появились убитые и раненые. Через пробоины в машинное отделение и носовой трюм стала поступать вода.
Экипаж пытался спасти обреченный корабль. Второй помощник командира Лобов, матросы Гагарин, Бестужев, Витязев, Дьяков, радист Гребенщиков и другие во главе со старшим помощником лейтенантом Михайловым тушили пожар на верхней палубе. Но когда поняли, что с огнем не сладить, они раздали спасательные пояса и стали готовить подручные спасательные средства.
Героически вела себя машинная команда. Механик лейтенант Дубровин и старший моторист Заварзин, борясь с поступающей водой, погибли в машинном отделении. Кочегары Чуркин и Тарасова были обожжены паром и утонули вместе с судном.
Когда Егоров понял, что до гибели «Меридиана» остаются считаные минуты, он отдал приказ покинуть судно. Люди бросились за борт и, цепляясь за плавающие обломки, старались отплыть подальше от горящего бензина. Последним борт покинул командир.
Долгие годы рассказывавшаяся в советской литературе история о расстреле пассажиров и команды из пулеметов фактических подтверждений не имела. На судне и при эвакуации с него погибло пять женщин и трое детей, но все только от осколочных ранений. О пулевых ранениях в рапорте о гибели судна не сообщалось, так же как и в документах по расследованию этой трагедии, виновным в которой был признан командир «Меридиана». Остатки команды и пассажиры были спасены рыбацкими баркасами. На «Меридиане» погибло 46 человек, спасти удалось только 17…
Вражеские эсминцы, потопив «Меридиан» и обстреляв поселок Захребетное, расположенный неподалеку, ушли в туман.

Бой сторожевого корабля «Пассат» с немецкими миноносцами. С картины П.П. Павлинова.

Самолеты, поднятые с аэродромов, как только поступило сообщение о немецких кораблях у Иоканки, подоспели к месту потопления «Меридиана» через несколько минут после гибели судна. Эсминцы успели скрыться в тумане, но скоро были обнаружены: туман стоял полосами. Не помогли и попытки заслонится дымовыми завесами, чтобы избежать прицельного бомбометания. В 5 часов в результате налета 8 бомбардировщиков один из немецких эсминцев был поврежден, сбавил ход, стал отставать и подвергся атаке второй группы бомбардировщиков, после чего остановился, весь окутанный паром и дымом.

Вскоре над подбитым немецким кораблем появилась для его прикрытия группа «Мессершмиттов» Bf-110, завязавшая бой с группой морских разведчиков. В результате 2 МБР-2 были повреждены, а один ГСТ совершил вынужденную посадку в губе Порчниха, где уже на воде был добит немецкими эсминцами. Затем наполз туман, исключивший дальнейшие действия авиации. Командованием Северного флота в район были направлены подводные лодки для уничтожения поврежденного эсминца, но поиск ничего не дал.

10 августа на Кильдинском плесе немецкие эсминцы во время последней набеговой операции обнаружили сторожевой корабль СКР-12 «Туман». В 4 часа 25 минут сигнальщики «Тумана» обнаружили на расстоянии 50–55 кабельтовых три эсминца противника (это были «Байтцен», «Шеман» и «Экольдт»). Строем уступа эсминцы направлялись к сторожевому кораблю, который шел зигзагами, придерживаясь генерального курса дозора.

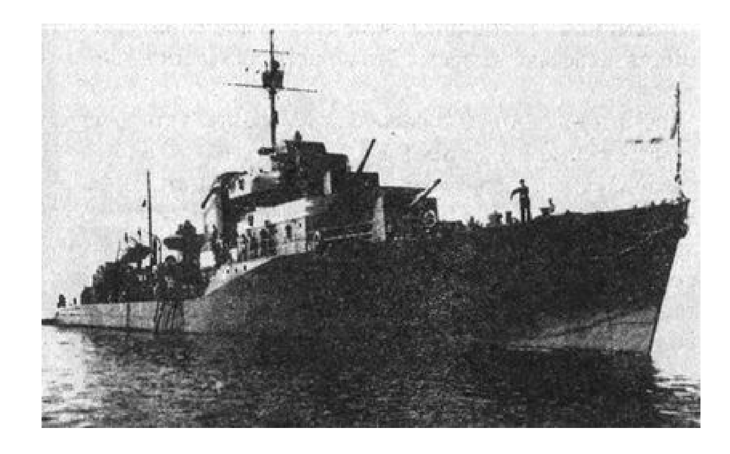
«Туман», обнаружив вражеские корабли, отвернул влево и увеличил ход, чтобы своевременно уйти под прикрытие береговых батарей. Одновременно с этим маневром на сторожевом корабле была сыграна боевая тревога и послано сообщение на волне дозорных кораблей.

Эсминцы также увеличили ход и, как только дистанция между ними и «Туманом» сократилась до 25 кабельтовых, открыли огонь по нему из шести орудий: из двух с каждого корабля.

Первый залп оказался перелетным; однако осколками разорвавшегося неподалеку снаряда на «Тумане» перебило антенны. Сторожевой корабль лишился радиосвязи, восстановить которую так и не удалось. Он успел только совершить поворот вправо и поставить дымовую завесу между собой и противником. Маневр был, к

сожалению, бесполезным: дымовую завесу отнесло ветром в сторону и «Туман» в момент поворота снова стал виден противнику.
Вражеские артиллеристы накрыли сторожевой корабль со второго залпа: осколки снарядов попали в корпус. Третьим залпом была повреждена корма, вызван пожар, перебит штуртрос, выведено из строя рулевое управление и повреждено кормовое орудие, взрывной волной был выброшен за борт командир корабля старший лейтенант Шестаков, разыскать которого впоследствии так и не удалось.
Ход «Тумана» заметно уменьшился. Один за другим залпы накрывали подбитый корабль; он уже имел попадания в мостик, рулевую рубку и полубак, была снесена дымовая труба и разбита грузовая стрела. Осколками очередного снаряда пробило бочку с дымообразующим веществом, при этом были убиты краснофлотцы, ставившие дымзавесу, и обходивший посты комиссар корабля старший политрук Стрельник. Несмотря на значительные повреждения и пожар, охвативший надстройки, сторожевой корабль пытался отбиваться от эсминцев из носового орудия, но эсминцы, находившиеся сзади, почти все время боя были вне его сектора обстрела. Личный состав «Тумана» вел одновременно неравный артиллерийский бой и все осложнявшуюся борьбу за живучесть корабля — с пожаром и с возраставшей из-за новых пробоин потерей плавучести.
После гибели командира в командование кораблем вступил лейтенант Рыбаков. В ходе боя командир БЧ-1-4 лейтенант Букин, зная, что Военно-морской флаг на ночь был спущен, приказал поднять его; рулевой краснофлотец Семенов, имевший серьезное ранение в руку, и радист старший краснофлотец Блинов под огнем противника подняли флаг.
Помощь, оказанная сторожевому кораблю батареей с мыса Сеть-Наволок, открывшей огонь по фашистским эсминцам, была запоздалой и не могла изменить его участи: он к тому времени имел уже одиннадцать прямых попаданий.
Плавучесть корабля уменьшалась катастрофически, и в пять часов тридцать минут был начат спуск шлюпок. В две шлюпки сошли 37 человек, после чего «Туман» стал крениться на правый борт и в 5 часов 50 минут затонул. Вместе с ним погибли (были убиты осколками снарядов главным образом еще в начале боя) 15 человек.
Береговая батарея № 11 (четыре 180-мм орудия) открыла огонь по эсминцам лишь в 4.08 с дистанции 115 кбт, после чего корабли немедленно отвернули в открытое море, увеличили скорость до 31 узла и сбросили на воду плотики с дымовыми шашками. Залпы батареи ложились недолетами, и в 4.15 она прекратила стрельбу. Минутой позже огонь открыла батарея № 7 (четыре 130-мм орудия), вскоре также его прекратившая из-за недолетов. Всего успели сделать шесть и четыре залпа соответственно.
Обстреливаемые береговой батареей Сеть-Наволока вражеские эсминцы закрылись дымовой завесой и начали отход на северо-запад.
Эсминцы противника вели артиллерийский огонь 13 минут и сделали за время боя до десятка шестиорудийных залпов.
К преследованию подключилась авиация. Хотя в налетах участвовало всего семь бомбардировщиков Пе-2 и СБ 72-го авиаполка, в 6.32 паре «пешек» удалось положить бомбы рядом с «Байтценом», в результате чего на эсминце произошла тяжелая авария в машинном отделении. Поврежденный корабль в сопровождении

«Экольдта» ушел в Нарвик, а затем, вместе с «Шеманом», имевшим неисправность в машине, отправился на ремонт в Германию.
Одновременно с действиями эсминцев на аэродромах Северной Финляндии и Норвегии в Луостари, Киркенесе (Солдат-бухт), Лаксельвене (Банак), Хебуктене, Тромсе, Бардуфосе, Нарвике и Буде увеличилось число бомбардировщиков, которые, в свою очередь, начали упорную охоту за боевыми кораблями Северного флота. 20 июля им удалось потопить эсминец «Стремительный»
Это был один из лучших современных кораблей, переведенный в начале 1940 года с Балтики. На испытаниях в Кольском заливе он развил скорость до 40 узлов. В первые дни войны эсминец, выйдя из ремонта, участвовал в боевых действиях. За ним числился один сбитый вражеский самолет.
20 июля эсминец «Стремительный» вошел в Екатерининскую гавань Полярного и встал на якорь у скалистого берега горы Вестник. Практика отстаивания под скалами вообще была широко распространена на Северном флоте в начале войны. Командованию флота и командирам кораблей казалось, что корабль, стоящий под скалой, труднее обнаружить и на него сложно выполнить заход, и бомбардировщикам трудно при заходе прицеливаться и пикировать на него. Первыми впали в это заблуждение командиры морских охотников. Немцы действительно часто проходили мимо стоявших под скалами вертких катеров, то ли не видя их, то ли не желая связываться. Но эсминцу, являвшемуся завидной целью, на подобную небрежность рассчитывать не приходилось.

Эсминец «Стремительный».
Командир «Стремительного» капитан 2-го ранга Виноградов был вызван в штаб СФ для уточнения задачи по проведению конвоя. Стояла ясная солнечная погода. Ветра почти не было.
Днем над гаванью пролетел немецкий разведчик, но мер по усилению ПВО принято не было. Количество постов ВНОС было минимальным. «Стремительному», после того как прошел вражеский самолет-разведчик, не было отдано распоряжения о перемене стоянки.
Стоянка в Екатерининской гавани считалась безопасной, хотя незадолго перед этим «Юнкерсы» предприняли внезапный налет на эсминец «Куйбышев», авиабомбы легли неподалеку от эсминца, не повредив его. Тогда эсминцу было приказано перейти в Тюву-губу, напротив Полярного. Но и здесь одиночный «Юнкерс»-охотник пытался его атаковать. Сброшенная одна-единственная бомба

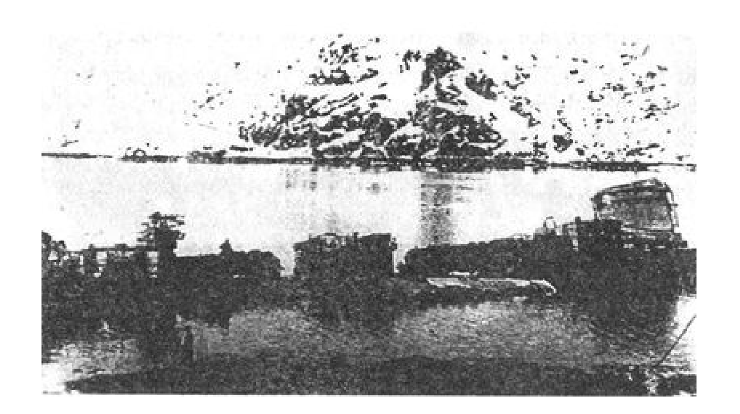
упала довольно далеко от корабля, однако командир запросил разрешения перевести корабль в Мурманск, под прикрытие более мощной противовоздушной обороны. Оперативный дежурный по штабу флота разрешил переход. В Мурманск «Куйбышев» пришел в момент воздушного налета, командир повернул назад, предпочитая держаться на ходу в заливе.

Решение командира было правильным. Однако, как писал в своем дневнике командующий Северным флотом контр-адмирал Головко, «*переходы эсминца послужили поводом для анекдотов, командир, мол, боится вражеских самолетов. Ну а кому хочется попадать под насмешки. В итоге к самолетам стали относиться с некоторым пренебрежением».*

Это пренебрежение, возможно, проявилось и в тот злополучный день — 20 июля. «Стремительному», как только прошел вражеский самолет-разведчик, надо было переменить место стоянки, однако такого распоряжения никто, в том числе и дежурный по базе, не сделал, видимо, считалось, что корабль, и так уходящий из гавани, успеет это сделать до возможного появления бомбардировщиков противника.

В 17.25 из-за горы Вестник, со стороны солнца, внезапно появились немецкие бомбардировщики: 6–8 самолетов «Юнкерс-88» — и сразу атаковали эсминец. Сигнал воздушной тревоги прозвучал с опозданием, и зенитные батареи успели сделать всего несколько выстрелов.

Самолеты сбрасывали бомбы, пикируя с высоты 200–400 м, четыре из них попали в корабль. Одна, весом 100 кг, пробила фундамент первого торпедного аппарата и взорвалась в машинном отделении на правом борту в районе 124-го шпангоута. Вторая и третья (обе по 100 кг) пробили палубу в районе 100–104-го шпангоутов и разорвались в третьем котельном отделении. Четвертая, предположительно 500-кг, угодила в первое котельное отделение. Огромный столб дыма и пламени поднялся над кораблем. Эсминец тут же разломился на две части, и над водой приподнялись его корма и нос. Наконец, пятая, 100-кг бомба разорвалась рядом с кораблем, в 2–5 м от левого борта.

Разломившийся «Стремительный» после авианалета.

В течение двух-трех минут кормовая часть затонула, и число спасшихся с нее оказалось минимальным. Носовая часть корабля еще около двадцати минут оставалась на плаву. Никаких действий по спасению корабля команда предпринять не успела. Вместе с экипажем пострадали и артисты из ансамбля и театра флота, выступавшие с концертом на корабле. Люди оказались на воде в слое мазута.

Матросы, умеющие плавать, добирались до берега самостоятельно, остальных подбирали шлюпки и катера.
В этой ситуации незаурядное мужество проявил командир дивизиона эсминцев капитан 1-го ранга Фокин, присутствовавший на концерте и сброшенный с корабля воздушной волной. Фокин отдал распоряжение катерам подбирать в первую очередь тех, кто ранен или не может плыть. Сам же он, с переломами ребер и ступни, отказывался от помощи и, оставаясь на воде, помогал другим. На катер его подняли в числе последних.
Потери в личном составе оказались очень тяжелыми: погиб 121 человек, в том числе 109 членов экипажа. Раненого комдива Фокина удалось спасти, а находившийся вместе с ним начальник оргинструкторского отдела политуправления флота Лободенко был убит.

Действия десанта

(14 июля — 3 августа)
Усиленный моряками 325-й стрелковый полк в течение трех недель сражался в тылу врага, пытаясь, как и первые два десанта, перерезать дорогу от Титовки к Западной Лице. За это время с тральщиков, катеров МО и мотоботов ему в помощь было высажено еще около 700 моряков-добровольцев, перевезены тысячи ящиков с боеприпасами и десятки тонн других грузов.
Фактория Большая Лица до 16 июля несколько раз переходила из рук в руки. Она находилась за пределами дальности огня корабельной артиллерии, а свои огневые средства десант почти полностью потерял при высадке. Егеря не ставили себе главной целью ее удержать, но, превосходя десантников в минометах и применяя горные орудия, использовали ее для сковывания самого десанта — выбивая при огневой поддержке артиллерии и минометов красноармейцев оттуда в каждом удобном случае, как только часть бойцов от фактории перебрасывалась в сторону дороги. Но в целом немцы старались не ослаблять натиска на 52-ю дивизию и поэтому потихоньку пятились к Титовской дороге.
15 июля, в день, когда 58-й полк встретился во встречном бою с ударной группировкой егерей, угрожавшей тылам дивизии, командование 14-й армии предприняло максимум усилий для отвлечения сил немцев от удара по 52-й дивизии. Утром начал атаки гарнизон полуострова Средний. Туда был направлен 1-й батальон 14-го финского полка. В середине дня и 325-й десантный полк перешел в наступление на позиции 4-го немецкого пулеметного батальона, расположенного севернее фактории. Противнику пришлось и туда спешно подтянуть сначала тыловые подразделения 2-й горноегерской дивизии, а затем и второй батальон 14-го финского полка.
Однако ожидаемого снятия с фронта горноегерских батальонов так и не произошло. Поэтому 16 июля для усиления десанта в губе Западная Лица было высажено еще около 700 моряков-добровольцев, после чего десантники практически вплотную приблизились к Титовской дороге, однако перерезать ее так и не смогли. Для ликвидации угрозы прорыва егерям пришлось ввести в бой резервный батальон северной группы.

На правом фланге десанта, который ближе всего придвинулся к Титовской дороге, батальон схватился с моряками 1-го добровольческого отряда Северного флота. Упорные бои продолжались весь день до самого вечера. Егеря не смогли оттеснить десантников, но и моряки не сумели продвинуться дальше. 17 июля обе стороны перешли к обороне, и немцам все-таки пришлось начать снятие с фронта строевых частей, что было для егерей довольно чувствительно, учитывая их манеру наступать в одноэшелонном порядке и опасно растягивать фронт из-за обилия не всегда нужных обходных маневров.
На борьбу с десантом был брошен 136-й горноегерский полк. 18 июля он нанес удар по все тому же правому флангу. Сложный рельеф местности, изобилующей удобными оборонительными позициями, по-прежнему не позволял егерям добиться успеха путем фронтальных атак, и они предприняли свой излюбленный обходной маневр. Прикрывавшие фланг моряки до предела растянули свои позиции.

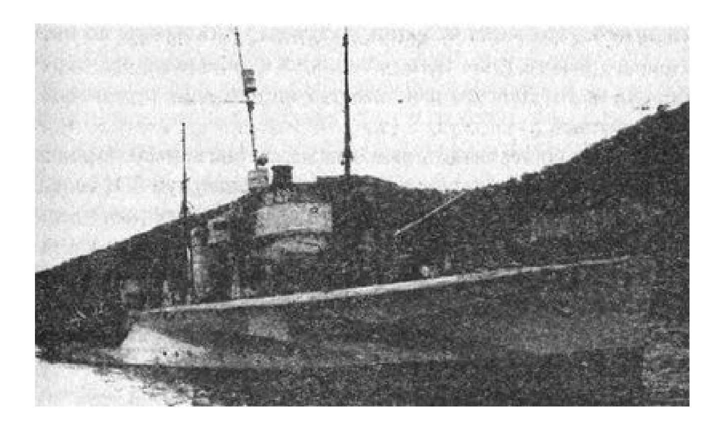

Десантники на палубе малого охотника.

Каждую сопку оборонял взвод или даже отделение. И каждая такая позиция отбивалась от примерно роты егерей. Весь день 18 июля прошел в бесконечном количестве локальных боев за высоты, длительных и упорных, подобных тому, который выдержало отделение старшего сержанта Кислякова.
Имея всего одно 76-мм орудие и несколько минометов, десант не смог сдержать натиск противника, активно использовавшего горные пушки и минометы. Корабельная же артиллерия даже из ближайшего Мотовского залива не доставала до места боя. Артиллерия 52-й дивизии в интересах десанта периодически вела беспокоящий огонь по площадям, который в условиях сильно пересеченной местности и большого количества валунов был малоэффективен. Ночью десантники начали медленный отход к берегу губы. На следующий день моряки снова закрепились на выгодных участках и снова до вечера отбивали атаки врага. Накал боевых действий заметно ослабел. В течение двух последующих недель егеря 136-го полка медленно, стараясь избегать лишних потерь, шаг за шагом и высота за высотой отжимали правый фланг к месту высадки. Левый фланг десанта, на котором находился один из батальонов 325-го СП, а затем и основные силы десанта также вынуждены были начать обратное движение.
К началу августа егеря провели перегруппировку, 136-й полк ушел с правого фланга, на котором его сменили финны и вспомогательные подразделения, и

переместился левее. 2 августа он внезапно перешел в наступление на левом фланге десанта, как указывалось в донесениях командира 325-го СП Шакито, сначала *«большими силами»,* а позднее, после «уточнения» обстановки, и вовсе *«5-ю батальонами».*

325-й полк не смог и полдня выдержать натиск противника и начал поспешный отход, довольно сильно напоминавший бегство. Спасать положение была переброшена 149-я отдельная морская рота, прибывшая 16 июля в числе подкреплений в 1-й добровольческий отряд. Моряки смогли несколько сдержать натиск немцев и дали возможность красноармейцам отойти к месту высадки. Моряки постепенно отходили вслед за десантом. Во время их отхода краснофлотец Иван Сивко оказался окружен егерями. Израсходовав боеприпасы, матрос последней гранатой подорвал себя. 17 января 1942 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Немцы не решились сразу вслед за моряками вплотную приблизиться к берегу, опасаясь попасть под обстрел находившихся у берега сторожевиков «Смерч» и «Гроза».

Сторожевой корабль «Гроза».

Экипировка бойцов десанта.

Благодаря этому ночью удалось организовать эвакуацию десанта на восточный берег губы Западная Лица. Но егеря ради такого случая отказались от ночного отдыха и рискнули войти в зону досягаемости корабельной артиллерии, благо ничего крупнее сторожевика в район эвакуации командованием ОВРа направлено не было.

Десант снимали мотоботы, морские охотники и прикрывавшие их все те же «Смерч» и «Гроза». Расстояние до восточного берега губы было довольно небольшим, но переброска почти 2000 человек заняла у маломерных судов больше 6 часов.
Все это время выделенный заслон в составе 30 моряков отдельной роты под командованием политрука Ульянова, заняв выгодную и малоуязвимую для артиллерийско-минометного огня позицию, успешно сдерживал егерей сосредоточенным огнем оставленных ему станковых и ручных пулеметов. Крупные скалы, из-под козырьков которых действовали моряки, не давали егерям возможность подавить моряков снарядами и минами, а пулеметный огонь не подпускал близко.
Так и не сумев ничего сделать с заслоном, егеря в конце концов вызвали авиацию. Прилетевшие посреди ночи Ю-88 и охранявшие их Ме-110 начали азартно штурмовать мотоботы, но время уже было упущено. Десант был уже почти весь перевезен на восточный берег. На берегу уже оставалась только группа прикрытия. Мотоботы везли в этот момент последнюю партию десантников и были сильно перегружены. Морские охотники и сторожевики открыли отсечный огонь в максимальном темпе, так что на стволах орудий загорелась краска и их пришлось поливать водой. В результате немцы утопили только один мотобот и, после того как две машины (Ю-88 и Ме-110) с повреждениями вышли из боя, от греха подальше переключились на штурмовку группы Ульянова, грузившейся в это время на мотобот.

Из-за трудностей с экипировкой патронные ленты иногда приходилось использовать как патронташи. К сожалению, заполнить их целиком удавалось не всегда.
Мотобот оставил группу на берегу и налегке на максимальной скорости направился к основным силам. Немцы, израсходовавшие уже почти весь боезапас, оставили его в покое и доштурмовали группу Ульянова, который погиб во время этого налета. Оставшись без командира и без поддержки кораблей десанта, державшихся у восточного берега губы, группа была рассеяна ударом егерей. Часть моряков стала отходить в скалы, по которым добралась до губы Лопаткина, где была снята мотоботом, а часть на плотиках, сооруженных из бочек, досок и бревен,

стала переправляться через губу вплавь на восточный берег. Туда же плыли бойцы и моряки с потопленного мотобота, которых под огнем никто из воды не снимал. Добраться до берега удалось трем десантникам из группы прикрытия — Егорову, Чубукову и Ленкову, а также пятерым бойцам с потопленного мотобота — Колеватову, Зиновскому и еще трем, фамилии которых остались неизвестными… На восточном берегу губы Западная Лица десант к вечеру 3 августа вышел к участку обороны 112-го СП, непосредственная связь с которым была установлена разыскавшими его несколько дней назад боцманом Моматенко и лейтенантом Мальхановым.

1-й добровольческий отряд моряков и 325-й СП действовали в немецком тылу дольше всех десантов, высаженных Северным флотом летом 1941 года. Поставленные перед ним задачи десантом были решены лишь частично. Десантники так и не смогли перерезать дорогу на Титовку, по которой снабжались горноегерские дивизии, наступавшие на Лицском плацдарме. Во многом это произошло из-за стремления командира десанта майора Шакито во что бы то ни стало удержать за собой факторию Большая Лица, не имевшую стратегического значения. В результате в течение двух дней не десант сковывал немцев, а немцы сковывали его, заставляя тратить силы на все новые попытки удержать злополучную факторию за собой.

Снятие десанта (с картины К. Дорохова «К родным берегам»).

Быстрый и решительный удар всеми силами в направлении дороги мог бы доставить немцам значительно больше неприятностей, чем они в результате имели. Но тем не менее десант приковал к себе на три недели значительные силы немцев и если и не послужил причиной прекращения немецкого наступления, то, по крайней мере, являлся достаточной гарантией того, что оно не будет возобновлено в ближайшее время.

Кроме того, как показали сведения разведки, впоследствии подтвержденные данными из немецких архивов и воспоминаниями немецких участников боев, десант помешал и осуществлению первоначального замысла наступательной операции в полном объеме. Корпус собирался действовать специально созданными двумя наступательными группами, основной из которых являлась северная, имевшая в своем составе 8 батальонов. Южная группировка являлась вспомогательной и имела в своем составе только 3 батальона. Во многом благодаря действиям десанта наступление северной группы не достигло намеченных целей.

Введя в бой против десанта резервный батальон северной группы, немцы не взяли, как это было предусмотрено планом наступления, высоту 322.0, а не достигнув этой точки, не рискнули нанести и фланговый удар южной группой, которая, учитывая ее относительную слабость, должна была переходить в наступление только после взятия этой высоты. В итоге южная группа так и не приняла участия в наступлении, все время оставаясь на исходных позициях.
Потери, понесенные десантом, неясны до сих пор. Майор Шакито подавал различные донесения на этот счет. Из почти 900 моряков, принимавших участие в десанте, после его окончания в строю остались две неполные роты.
Руководство страны высоко оценило заслуги десантников. И хотя действия десанта не попали в сводки Совинформбюро, заслуги его были признаны на самом высоком уровне. 14 августа 1941 г. московское радио сообщило, что в центральных газетах опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1941 г. о награждении большой группы моряков, в том числе и Северного флота. За отвагу и храбрость, проявленные при высадке первых морских десантов, орденами Красного Знамени и Красной Звезды были награждены 14 командиров, комиссаров и политруков катеров МО, тральщиков, сторожевых кораблей, а также высших офицеров Северного флота, в числе которых оказались Головко, Николаев и Платонов.

Контратаки и контрнаступление

(18 июля — 1 августа)
Несмотря на то что немцы довольно легко отразили атаки, предпринятые 16 июля в интересах десанта, командование дивизии все же надеялось оттеснить егерей за Большую Лицу. И 18 июля все полки дивизии вновь возобновили атаки, но ничего не добились. Противник преградил им путь сосредоточенным огнем. Стало ясно, что части вышли к переднему краю жесткой обороны.
Чтобы организовать новое, более эффективное наступление, следовало подтянуть артиллерию, наладить снабжение, а для этого надо было закончить строительство дороги. На подготовку требовалось не меньше десяти дней.
Когда штаб уже заканчивал составление приказа о переходе дивизии к обороне, в дивизию приехал начальник разведотдела штаба армии. Он стал убеждать Вещезерского, что немцы отходят, и сослался при этом на донесения летчиков, которые якобы два дня подряд наблюдали в тылу горного корпуса колонны автомобилей, уходящие на запад. Напрасно Вещезерский доказывал, что данные разведки дивизии, основанные на непрерывном наблюдении за противником, не позволяют сделать такой вывод. Начальник разведотдела выражал точку зрения командования армии.
Почти одновременно с его приездом из Мурманска пришел приказ, в котором говорилось, что «противник отходит», и предписывалось энергично наступать, чтобы от него не оторваться.
Оторваться от перешедших к обороне егерей было сложно, а вот еще раз нарваться на жесткую оборону — очень просто. Вещезерскому пришлось доложить свои соображения командарму. Выслушав его, Фролов ответил:

«Наступать все равно надо, чтобы облегчить действия десантного полка. У него наметился успех. Нужны частые атаки, по возможности, ежедневно».
В то же время командарм согласился с предложением начать общее наступление и когда будет подтянута артиллерия.
В результате начались ежедневные атаки отдельных батальонов и рот попеременно во всех полках. На инженерное оборудование позиций времени уже не оставалось. Атаки носили характер разведки боем и продолжались до конца июля. В ходе постоянных, хотя и не очень интенсивных атак подразделения несли потери, но успеха не достигли.
Саперы, несколько усиленные пехотой, наконец завершили прокладку дороги, получившейся настолько узкой, что две машины не могли разъехаться. На трудных подъемах, особенно после дождей, грузовики поднимались лишь с помощью трактора. Два таких перевала противник засек и обстрелял из орудий машины, дожидавшиеся тягача. Пришлось здесь срочно ставить вертикальные защитные маски. Опорные столбы для них доставлялись волоком на лошадях за тридцать километров. Опасные участки дороги были срочно расширены, чтобы машины могли двигаться в обе стороны без задержек.
В середине июля на Лицу прибыл штаб 14-й стрелковой дивизии и ее 143-й артполк, снятые с побережья. Командиром дивизии был назначен генерал-майор Никишин. Учитывая, что немцы до сих пор наступали недалеко от берега, за дивизией закрепили второстепенный левый фланг участка обороны, переподчинив ей 95-й стрелковый полк. Однако данные разведки, полученные во время боев 12–16 июля, не слишком обнадеживали на этот счет. Южная наступательная группировка не была введена в дело только из-за действий десанта, и применение ее, конечно, было всего лишь вопросом времени, необходимого для приведения в чувство наиболее потрепанной северной наступательной группировки.
В это время 52-я дивизия получила небольшое пополнение и смогла довести стрелковые роты до половины их штатной численности. Однако командиров по-прежнему не хватало, взводами нередко командовали сержанты.
К 29 июля по проведенной к высоте 314.9 дороге артиллерия южной группы советских войск и обозы всех частей перешли на новые места. Сразу улучшилось снабжение.
Учитывая все это, командарм приказал начать общее наступление 1 августа.
Когда заканчивалась подготовка к наступлению, поступила приветственная телеграмма Военного совета Северо-Западного направления. В ней отмечалось: *«Дивизии Мурманского направления сражаются стойко и самоотверженно выполняют свой долг»*. Политотдел дивизии размножил текст телеграммы и разослал во все части и подразделения.
Наступательные действия на Западной Лице имели свою специфику, связанную со сложным рельефом местности и недостатком задействованных сил. Командование армии не разрабатывало какого-то общего плана, а, наоборот, утверждало план, разработанный 52-й дивизией, являющейся главной ударной силой планируемого наступления.
А командование дивизии долго не могло определиться с выбором направления главного удара. Направление вдоль южного берега губы Большая Западная Лица отпало, так как здесь далеко вдоль реки вплоть до ее устья тянулось горное плато с

множеством небольших поперечных хребтов, высоток и лощинок, очень выгодных для обороны. Удар на север вдоль реки, чтобы срезать выступ плацдарма противника, тоже не годился, так как войска должны были бы втянуться в узкое пространство между фланкирующими справа высотами и такими же по ту сторону реки, что повлекло бы большие потери от перекрестного огня.

Вражеский пулеметчик уничтожен.

Самым выгодным опять оказался участок 58-го полка.

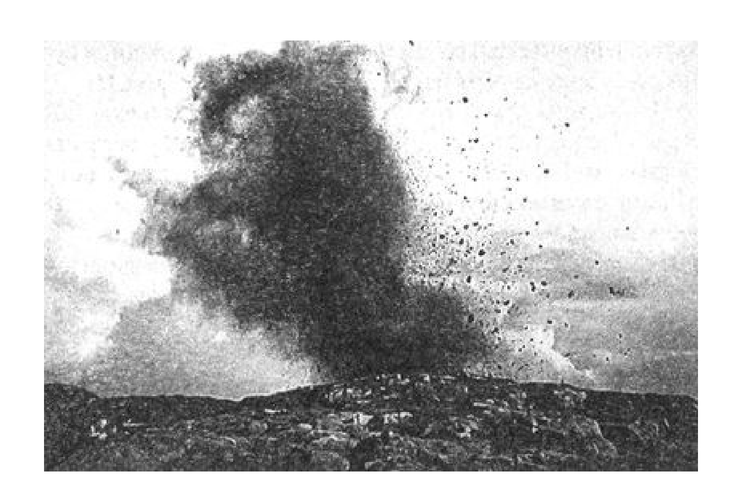
Наносить удар прямо на север и отсюда было бесполезно — впереди находилось все то же прибрежное плато, а вот слева располагался узкий и длинный горный хребет. Этот хребет являлся ключом ко всей немецкой позиции на плацдарме. От реки он находился всего в двух километрах, и его пологие западные скаты не имели пригодных для обороны рубежей, за которые мог бы зацепиться противник после захвата гребня.

Главный удар решено было наносить отсюда на запад, атакуя в лоб и разворачивая для этого боевой порядок 58-го полка под прямым углом влево.

Подробности были уточнены на местности.

Перед позициями 1-го батальона капитана Шарова находилась высота 274.0, из-за формы своей вершины получившая название «Сахарная голова». Там, на лучшей наблюдательной позиции всего участка, размещались наблюдатели и корректировщики противника.

Наступление тут можно было вести только по узкой седловине между позициями батальона и «Сахарной головой», что означало пройти около 800 метров по узкому участку открытой местности, зажатому между болотом с одной стороны и небольшим озером — с другой.

Бой за высоту.

На участке 3-го батальона капитана Гринева наступать также предстояло по открытому участку лощины длиной около километра, правда, под прикрытием тумана можно было попытаться передвинуть исходные позиции метров на 200 вперед.

Командование дивизии в итоге не предложило никакого нового плана наступления, а решило повторить опыт прежних, неудачных атак, дополнив их артподготовкой и ударами соседних 205-го и 112-го полков, которые для этой цели были слегка перегруппированы.

От каждого полка для активных действий наметили по два батальона, а полосы наступления составили 500–600 метров, для 112-го полка Короткова — вдоль берега озера Зайчик и для 205-го полка Шпилева — на высоту 258.3.

Артподготовка была ограничена 15 минутами и должна была проводиться силами полковой артиллерии, двух батарей гаубиц и 5 артдивизионов. Причем огонь должен был сначала вестись по участкам наступления Шпилева и Короткова, а уже потом по главному — Худалова. Планировалось, что 58-й полк, наносящий главный удар, перейдет в наступление несколько позже, когда силы противника будут отвлечены на отражение ударов 112-го и 205-го СП.

Чтобы хоть как-то усилить эффект артподготовки, обстрел «Сахарной головы» решено было провести и всем наличным запасом дымовых снарядов. Четыре артдивизиона из пяти после окончания артподготовки должны были переключиться на контрбатарейную борьбу.

Как сразу предупредил начальник артиллерии дивизии Кубеев, *«для наступления артиллерии у нас маловато. Противник может напасть. Напротив Худалова семь или восемь артиллерийских батарей и один или два минометных взвода. Все сразу мы подавить не сможем. Придется это делать в две атаки».*

Также Кубеев справедливо предполагал, что разведчики засекли огневые позиции далеко не всех вражеских батарей. Это тоже осложняло борьбу с артиллерией противника, но считалось, что остальные батареи удастся выявить в ходе боя.

Вечером накануне боя в штаб 52-й дивизии позвонил начальник штаба армейской авиации и сообщил, что может поддержать полки одним вылетом эскадрильи бомбардировщиков. Летчики предлагали использовать авиацию для подавления артиллерии противника. Но командование дивизии не смогло по телефону точно указать даже известные ему огневые позиции вражеских батарей, затерявшиеся в

однообразном нагромождении камней и валунов. Было решено нанести бомбовый удар по высоте 274.0, благо очертания «Сахарной головы» настолько характерны, что ее нетрудно отыскать с воздуха.
Тут же возникла новая проблема. Для скудных сил 58-го полка каждая сотня метров до противника являлась жизненно важной, а батальоны Гринева и Шарова не могли теперь заблаговременно под прикрытием утреннего тумана выдвинуться ближе к противнику, так как по требованиям действовавшего боевого устава предписывалось держать пехоту от объекта действий авиации на расстоянии не менее километра.
Когда обсуждался этот вопрос, кто-то из штабных командиров внес предложение: попросить летчиков сделать еще один заход — ложный, только с пулеметным обстрелом. Предполагалось, что в ожидании третьей бомбежки немцы прижмутся к земле, а пехота тем временем успеет пройти триста или четыреста метров. В штабе армии идею поддержали. *«Сделаем ложный»*, — пообещал начальник штаба армейской авиации.
В целом наступление 52-й дивизии было авантюрой от начала и до конца, но в этом еще предстояло убедиться…
1 августа выдался ясный, солнечный день. Исходное положение батальонов Гринева и Шарова было скрыто туманом. Лучи незаходящего полярного солнца, сиявшего в безоблачном небе, ярко освещали только гребень и восточные склоны хребта, занятого немецкими егерями.
Артиллерийская подготовка на участках Короткова и Шпилева началась по плану. Потом в воздухе появились девять бомбардировщиков СБ. Самолеты образовали над «Сахарной головой» растянутый круг, по очереди сбрасывая бомбы. Командование дивизии так и не уловило ложного захода, ему казалось, что, открыв пулеметный огонь, большинство самолетов продолжают сбрасывать и бомбы. Когда бомбардировщики ушли, полковник Вещезерский, выдвинувший свой КП на высоту 314.9, ожидал их возвращения для ложного захода. Но самолеты не возвратились, и командир дивизии с опозданием приказал приступить к артиллерийской подготовке по «Сахарной голове». Но время уже было упущено и туман стал рассеиваться. После окончания советской артподготовки немецкая артиллерия и минометы обрушились на батальоны Худалова, перешедшие в атаку. Артиллерия дивизии вступила в контрбатарейную борьбу.
Полки Короткова и Шпилева начали атаку одновременно с появлением над полем боя бомбардировщиков. Но, зная общий план операции, их командиры не особенно форсировали наступление, их доклады по радио пестрят фразами типа: *«Роты продолжают движение», «Ползут последние метры», «Готовятся резать проволоку», «Сейчас переходят в атаку»*. Ни одного сообщения о каком-либо достигнутом успехе не было, так же как и сообщений об упорном сопротивлении и понесенных потерях.
Батальоны Худалова же продолжали движение к высоте под сильным огнем и в основном двигались ползком. Только через час после артподготовки разрозненные группки солдат полка ползком и короткими перебежками приблизились к переднему краю немцев. Егеря засели на высоком скалистом обрыве, который проходил почти вдоль всего гребня высоты. В небольшие группки бойцов, состоявшие из 4–5 человек, сверху летели ручные гранаты.

Снизу гранаты добрасывались значительно реже. Тем не менее отдельные окопы на гребне иногда захватывались, но егеря либо уничтожали прорвавшихся, либо отбрасывали их обратно. Периодически на гребне рвались снаряды и мины, но массированный огонь по высоте не велся, так как дивизионы были заняты контрбатарейной борьбой.
Роты несли потери, но ворваться на гребень высоты и закрепиться там не могли. Худалов с разрешения Вещезерского усилил левый фланг ротой из батальона второго эшелона, занимавшего прежний передний край обороны полка. Ситуацию это не изменило. Оба батальона докладывали о все больших потерях.
Когда стали заканчиваться снаряды и мины, Вещезерский отдал приказ прекратить наступление, но продолжать удерживать достигнутый рубеж. Обстановка на вспомогательных направлениях сложилась не лучше, хотя там и не понесли больших потерь.
Командир 112-го полка Коротков в ответ на вопрос, каких рубежей достигла пехота, доложил, что в роты направлены штабные командиры, которые обязательно поднимут бойцов в атаку. К вечеру одна высотка на переднем крае противника на его участке оказалась захвачена.
Командир 205-го полка майор Шпилев вообще на связь не вышел: его начальник штаба доложил, что один из батальонов уткнулся в проволочное заграждение и окапывается, а командир полка на месте смотрит, что можно направить в качестве подкрепления…
Командование армии отреагировало на провал наступления неожиданно спокойно. Генерал Фролов разрешил прекратить наступление и даже отвести назад 3-й батальон 58-го полка, подвергавшийся непрерывному обстрелу не только с фронта, но и с фланга, от прибрежного плато.
Провал наступления был вполне закономерен. Для штурма такой хорошо укрепленной высоты с удобным для обороны рельефом местности, как «Сахарная голова», у дивизии не хватало ни людей, ни артиллерии.
У немцев же хватило сил не только отбить атаки дивизии, но и начать давление на находившийся севернее дивизии десантный полк, который утром 2 августа был вынужден уже начать отход к бухте, чтобы погрузиться на суда.
Чтобы помочь десантникам, дивизия по приказу командарма в течение двух суток поддерживала десантников огнем по площадям и атаками в их направлении. Десантный полк, атакуемый, по донесениям его командира, пятью батальонами противника, в конце концов все-таки не удержал позиций и 3 августа переправился на берег губы Западная Лица, где и был переподчинен непосредственно 52-й дивизии вместе с приданным ему 1-м добровольческим отрядом моряков Северного флота.
Из боев начала августа командованием армии и командованием 52-й дивизии были сделаны соответствующие выводы. Немецкое командование исчерпало к этому времени свои силы и было не в состоянии осуществить прорыв на Мурманском направлении. Отлично подготовленный и неплохо вооруженный егерский корпус, не получая подкреплений после двух июльских наступлений, уже не мог прорвать оборону 52-й дивизии. Но и дивизия, потерявшая значительную часть довоенного кадрового состава, была не в состоянии отбросить немцев с занимаемых позиций. Части же 14-й дивизии и десантные отряды Северного флота могли использоваться

только для вспомогательных действий. На фронте установилось неустойчивое равновесие.

Передышка

(3–17 августа)

После августовских боев стрелковые роты 52-й дивизии сильно поредели. Подчинение дивизии десантного полка не улучшало положения, так как обороняемый дивизией участок увеличился за счет восточного берега губы Большая Западная Лица.

Десантный полк сразу занял оборону в районе бухт Нерпичья и Лопаткина. Со стороны Мотовского залива его поддерживали корабли Северного флота. Дивизия растянулась на двадцать пять километров тонкой ниткой, не имея никаких резервов, если не считать разведбатальона в дивизии и разведрот в полках. Устойчивость такой обороны была очень сомнительной, и требовалось немедленное пополнение.

В дивизию прибыл 116-й строительный батальон Северного флота — около пятисот человек с винтовками и станковыми пулеметами (личный состав которого, не имевший боевого опыта, был частично распределен по наиболее поредевшим во время последних боев полкам).

Чтобы хоть как-то поправлять положение с выбитым во время боев превосходно обученным довоенным кадровым составом, значительно превосходившим плохо обученное и неуверенно действующее пополнение, дивизия стала задерживать в своем медсанбате значительно больше раненых, чем допускалось нормами. Впрочем, так поступали уже во многих дивизиях. Старшее строевое и медицинское начальство вело борьбу с нежелательным явлением, но команды выздоравливающих в дивизиях все равно превышали штатные нормы в несколько раз.

После неудачной бомбежки «Сахарной головы» в дивизию приехал постоянный представитель авиации из штаба ВВС. Несколько позднее он получил радиостанцию для связи не только со своим штабом, но и с самолетами в воздухе.

Ослабленная изнурительными июльскими боями, дивизия не могла проводить эффективных наступательных действий. Остро ощущалась необходимость перейти к жесткой обороне: закрепить позиции, привести в порядок роты. Однако приказа из штаба армии на переход к обороне все не поступало.

Нельзя сказать, что штаб армии требовал продолжать наступление, но каждая оперативная сводка, в которой не значилось хотя бы разведывательного поиска, воспринималась начальством как отсутствие инициативы и активности. Возможно, это вызывалось трудной обстановкой на Кестеньгском направлении. Дивизия должна была постоянно атаковать, чтобы противник хотя бы не имел возможности перебрасывать войска с Большой Лицы под Кестеньгу, где развернулись напряженные бои.

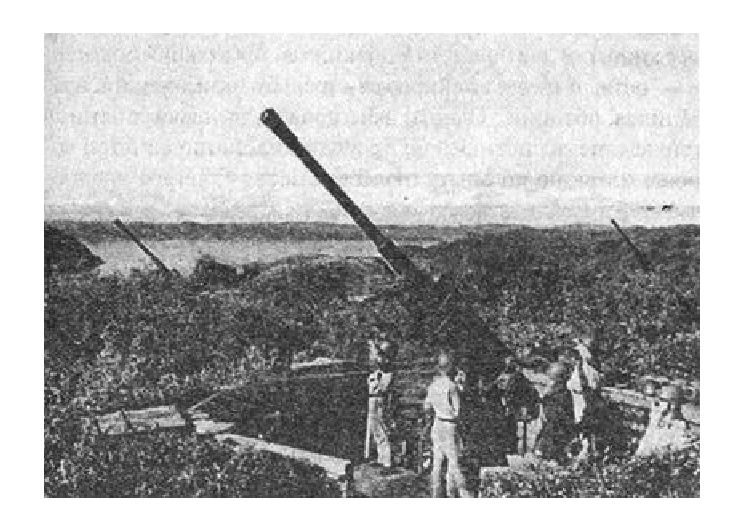
Поиски проводились практически каждую ночь, благо солнце уже заходило (правда, пока всего на два часа в сутки). Происходили и отдельные бои, в частности на участке 205-го полка. Они были вызваны потерей высоты Зеленая, которая находилась в долине, вблизи восточного берега Большой Лицы.

Высотку занимало небольшое боевое охранение — двенадцать бойцов. Вечером шестеро из них направились в тыл за ужином. В этот момент егеря внезапно атаковали высоту — оставшиеся на ней солдаты отошли. Командир полка Шпилев, обескураженный такой нелепой потерей, получил приказание вернуть Зеленую: с нее хорошо просматривались позиции противника. Но три атаки не принесли успеха. Чтобы избежать напрасных жертв, пришлось временно смириться с утратой высоты.

Дивизионная артиллерия и приданная дальнобойная батарея Кошелева вели огонь по тылам противника, по машинам и большим группам солдат, — насколько позволял мизерный запас снарядов.

Огонь дивизионной артиллерии был строго централизован и из-за дефицита боеприпасов открывался лишь с разрешения или по приказу начальника артиллерии дивизии Кубеева. У него была отличная связь не только по телефону, но и по радио, что в то время требовало большого искусства.

По батареям противника артиллерия стреляла редко. По вновь обнаруженным целям вести огонь категорически запрещалось. И в то же время иногда даже обстреливались те позиции, которые уже были оставлены немецкими артиллеристами. При этом делался вид, что не известны их новые координаты. В случае серьезного боя считалось, что Кубеев мог парализовать или ослабить огонь вражеской артиллерии, внезапно навалившись на нее всей мощью своих дивизионов.

Зенитная батарея в Заполярье.

Усиленно проводилась разведка позиций вражеской артиллерии и минометов. Обнаружить миномет в Заполярье очень сложно. Засечь его по звуку выстрела невозможно, так как выстрел миномета мало отличается от винтовочного: чуть-чуть громче, несколько отрывист и немного ниже тоном — вот и все. Услышать его удается только в том случае, если ветер дует в сторону наблюдателя и нет стрельбы на переднем крае. Установить направление на огневую позицию по слуху можно лишь приблизительно, потому что звук выстрела искажается горным эхом. Даже на равнине миномету достаточно незначительной складки местности, чтобы стать невидимым, а тем более среди скал и камней. Обнаружить его прямым фронтальным наблюдением почти невозможно. Только иногда минометная батарея, находящаяся за грядой камней, в ясную безветренную погоду выдает себя

вертикальными струйками разогретого воздуха, появляющимися над ней во время частой стрельбы.
Для обнаружения минометных позиций организовывалось наблюдение с фланговых точек, в особенности там, где фронт вдавался выступом в оборону противника. На картах были обозначены все возможные места, где могли находиться минометы врага. За ними вели тщательное наблюдение.
Артиллерийские разведчики были разбиты на группы, и каждая из них имела несколько наблюдательных пунктов. Такие группы называли кочующими.
Результаты их наблюдения дополнялись данными пехотных разведчиков и снайперов, опросом пленных.
Чтобы сохранить свободу маневра колесами, каждая батарея построила по три огневые позиции. Соорудили жилье, укрытия для лошадей и тракторов, проложили подъездные пути. В целях маскировки стрельбу вели только с временных позиций.
Однако тренировок по своевременной смене огневых позиций не проводилось, хотя уже было хорошо известно по опыту июльских боев, что егеря предпочитают просачиваться в тыл и наносить удары именно по расположениям артиллерии.
Впоследствии это продолжало приводить к лишним жертвам и захвату орудий противником.
Зенитные батареи имели по четыре огневые позиции, но меняли их после каждой стрельбы. Поэтому при последовавших в недалеком будущем прорывах немцев они потерь не понесли. Во время крупного налета на Мурманск, проводившегося 10 августа, зенитчики дивизии сбили Ю-88. По документам, обнаруженным у летчиков, выяснилось, что они недавно переведены из Франции, что было в общем-то типично: обстрелянные экипажи, имевшие опыт войны в Заполярье, сбить было крайне сложно.
Разведчики и пикировщики противника практически не сбивались, не часто удавалось их и просто повредить. Но вот с «костылем» зенитчики вообще ничего не могли сделать. Он часто часами летал над советскими позициями, и зенитчикам никак не удавалось его сбить. Летчик искусно уходил от обстрела, меняя курс и высоту полета, а потом вызывал бомбардировщиков, которые обрушивали свой груз на самые уязвимые места. Больше всего доставалось единственному мосту через горную речку Ура. Немецкие пикировщики то и дело его разрушали. А мост этот был очень нужен. Речка была не глубокой и не очень широкой, но перейти или переехать ее вброд было невозможно: дно усыпано камнями.
Для борьбы с пикировщиками сначала выделили лишь пулеметный взвод, но он, естественно, не смог обезопасить мост от ударов с воздуха. Пришлось на несколько дней выслать взвод зенитных малокалиберных пушек. Это было надежнее, но ослабляло противовоздушную оборону основных позиций. Дополнительно к мосту были выставлены в качестве зенитных и два 76-миллиметровых орудия пушечного артполка. Их конструкция допускала большой угол возвышения и стрельбу по воздушным целям. После этого самолеты противника стали действовать с больших высот и поэтому менее метко.
Однако зенитной артиллерии все равно не хватало, и для затруднения действий авиации противника был применен подводный способ организации переправы. Из камней была сложена дамба с бревенчатым настилом, несколько не доведенным до поверхности воды. Свободно текущая вода скрывала мост от наблюдения с

воздуха. А чтобы отвлечь внимание немецких летчиков, ниже по течению соорудили из досок ложный мост и подвели к нему подъезды от основной дороги.
13 августа после получения дивизией пополнения из штаба армии был получен приказ провести разведку боем.

Офицерам в Заполярье, пожалуй, чаще, чем где-либо, приходилось принимать участие в ближнем бою. Помимо личного оружия, этот лейтенант имеет при себе и гранату.

В отличие от немцев, наступавших в Заполярье обычно на одном-двух узких участках, 52-я дивизия собиралась атаковать сразу на многих направлениях, чтобы получить разведданные по всей полосе дивизии. Командиры полков сами определяли эти направления, штаб дивизии лишь указал, что каждый из них наносит два удара: один — силами батальона, другой — силами роты. Десантники также получили участок вдоль губы Большая Западная Лица.

Так как снарядов и мин в дивизии по-прежнему не хватало, действовать решили без артиллерийской подготовки. Артиллеристы должны были позже поддержать пехоту на захваченных участках или же обеспечить отход.

Атака проводилась ночью, чтобы использовать три часа темноты и три часа утреннего тумана. Ночь выдалась лунной и тихой. Присланные в дивизию новобранцы по неопытности на всех участках рано обнаружили себя. Немцы легко отбили все атаки, за исключением вспомогательного удара роты 205-го полка.

По приказу командира полка майора Шпилева комбат Гулицкий, начальник штаба батальона Божек и политрук роты Быков разработали план захвата высоты Зеленая, не имевшей большого значения, но тем не менее неоднократно переходившей из рук в руки. Для захвата высоты была создана небольшая группа из 16 добровольцев, которую возглавил политрук Быков. Боевой опыт имели только сам политрук и пулеметчик Никитин.

Захват Зеленой является примером типичного для Заполярья боя за небольшую высоту, и поэтому о нем стоит рассказать поподробнее. В Заполярье сложно было отрывать окопы — они подолгу выдалбливались в каменистом грунте ломами, там, где это позволяла почва, и тем более невозможно было устраивать траншеи.
Поэтому линии обороны в основном проходили по сопкам и высотам, большим и

малым. Крупные высоты удерживались довольно значительными силами. Часто до батальона, мелкие — взводами и даже отделениями. При этом занявший позицию на высоте взвод мог сдерживать атаки и роты противника. Поэтому значение малых высот также было довольно велико — не являясь крупными узлами обороны и будучи заменяемыми в случае их потери, они приковывали к себе немало сил врага, и взять каждую такую высотку было значительно труднее, чем равный ей по количеству обороняющихся участок траншей на равнинной местности.
С началом штурма справа от высоты была поставлена дымовая завеса. Егеря, засевшие на вершине высоты, с энтузиазмом открыли беглый пулеметный огонь в сторону дымовой завесы. Тем временем бойцы штурмовой группы, незаметно подобрались кустарником вплотную к Зеленой и атаковали ее сразу с двух направлений. Но камни надежно укрывали егерей от пуль. Тогда в ход пошли ручные гранаты. Их бросали Быков и Никитин. Остальные бойцы еще не умели эффективно пользоваться «карманной артиллерией» и передавали им свои гранаты. Немцев на высоте было немного — как выяснилось после ее захвата, на ней находился корректировочный пост 111-го артполка 2-й горноегерской дивизии. Какое-то время гранаты летели в обе стороны, но немцы, хорошо вооруженные для дальнего боя и в общем-то прозевавшие атаку на высоту, долго так отбиваться не могли. Корректировщики имели два 50-мм миномета и три ручных пулемета, но большого количества гранат у них не было. Через какое-то время гранаты стали заканчиваться, командовавший группой лейтенант и трое солдат были убиты. Остальные егеря поспешно отошли с высоты, оставив на ней стереотрубу, рацию, оба миномета и пулеметы.
После отхода корректировщиков одна из батарей немецкого артполка немедленно открыла огонь по высоте. Штурмовая группа отступила за высоту, и немцы перешли в контратаку. Теперь огонь открыли уже советские минометы и артиллерия 205-го полка. Темп контратаки был сбит. Когда артиллерия немцев прекратила огонь, штурмовая группа вернулась на высоту, на помощь ей был направлен взвод из полковой разведки. Бой принял ожесточенный характер. Группу снова выручил пулеметчик Никитин, стрелявший поочередно из своего и трофейного пулемета. Впрочем, его роль не укрылась и от немцев — позднее он был убит выстрелом снайпера.
Это тоже было особенностью войны в Заполярье — снайперы действовали более активно, чем при позиционных боях на равнинной местности, стараясь выбивать офицеров и пулеметчиков противника. Только после трех контратак немцы оставили попытки отбить высоту.
В результате боев в ночь на 15 августа, несмотря на то что все контратаки были быстро отбиты немцами, командованием дивизии был тем не менее сделан вывод, что переход противника в общее наступление пока маловероятен.
Тем не менее уже вечером 15 августа командарм приказал дивизии перейти к обороне. Более того, передний край обороны, кроме рубежа по берегу реки, был отодвинут назад на сто-двести метров. Здесь спешно строились укрепления. С огромным трудом солдаты копали окопы, складывали защитные стенки из камней. Скалистый грунт и отсутствие дерева не позволяли ставить проволочные заграждения на кольях. Больше применялись спирали, оплетка кустарника и рогатки. Саперы это делали по мере поступления проволоки, которой тоже не

хватало. Только в начале сентября, когда пришлось отбивать уже третье немецкое наступление, проволочные заграждения были протянуты перед всем передним краем, правда, всего в один ряд.
325-й десантный полк командование армии решило переподчинить 14-й дивизии, которая после разгрома на реке Титовке все еще состояла из одного 95-го СП, который поддерживал огнем артиллерийский полк, и передать ему участок обороны 205-го СП 52-й дивизии.
325-й полк во время десанта потерял много пулеметов, минометов и орудий, а шанцевый инструмент почти полностью. Для действий на основном направлении он явно не годился. Потери, понесенные им во время десанта, неясны до сих пор. Командир полка по несколько раз переделывал сведения о потерях, а также о боевом и численном составе полка и на этой почве имел основательные трения с штабом 52-й дивизии, которой он был в тот момент оперативно подчинен. Вдобавок Шакито обвинил в неудачах десанта приданный ему отряд моряков.
В результате командующий армией возвратил 325-й полк в 14-ю дивизию, оставив в 52-й сильно поредевший после боев отряд моряков, который был сведен в две стрелковые роты и включен в отдельный 116-й батальон, частью личного состава которого пополнили 112-й и 58-й полки. Этот батальон, который все стали называть морским, был поставлен на оборону побережья вместо ушедших десантников, а 205-й полк вывели в резерв дивизии к губе Лопаткина. Один из батальонов поочередно держал оборону у губы Нерпичья.
Немцы продолжали наступление на других участках Северного фронта, особенно на Кестеньгском. Для одновременного удара и на Лицском направлении сил у них пока не хватало, но они их активно подтягивали. Командование 14-й армии, занятое выправлением положения под Кестеньгой, с трудом изыскивало резервы для пополнения 52-й дивизии, являющейся, по существу, единственной значимой силой армии на Лицском направлении и ядром всего оборонительного участка.
17 августа в дивизию прибыло семьсот человек пополнения, что позволило несколько увеличить численность стрелковых рот. Теперь не только полки, но и батальоны получили возможность иметь вторые эшелоны. Разведбатальон, имевший по штату всего одну стрелковую роту, получил еще две, после чего, учитывая имевшуюся у него авто- и бронетехнику (которую, правда, чаще всего негде было применять), стал, по существу, усиленным батальоном и самым мощным подразделением батальонного звена в дивизии.

Передышка подходит к концу

(18 августа — 7 сентября)
23 августа 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования образовала Карельский фронт. В его состав вошли 14-я и 7-я армии. Командующим войсками фронта был назначен генерал-лейтенант Фролов, а на его место в 14-ю армию был назначен генерал-майор Панин.
Согласно телеграмме Верховного Главнокомандующего были произведены следующие перестановки:
КОМАНДУЮЩЕМУ КАРЕЛЬСКИМ ФРОНТОМ
(ЧЕРЕЗ СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ)

КОМАНДУЮЩЕМУ СЕВЕРНЫМ ФРОНТОМ
КОМАНДУЮЩЕМУ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ
23 августа 3.46 г. Москва № 001199
1. В целях удобства управления Северный фронт разделить на два фронта: Карельский фронт и Ленинградский фронт с подчинением Карельского фронта Ставке Верховного Главнокомандования.
2. Командующим Карельским фронтом назначить генерал-лейтенанта Фролова В.А., начальником фронта — полковника Сквирского, штаб иметь в Беломорске (Сорока).
Разграничительную линию между Карельским и Ленинградским фронтами установить: Воскресенское, Радогоза, Еремина Гора, Свирица, Сортавала, Варкаус, все пункты для Карельского фронта включительно.
3. В составе войск Карельского фронта иметь:
а) 14 армию в составе: 14 сд, 52 сд, 122 сд, 104 сд, 54сд и 88сд; 104 пап РГК, Управление 42 ск, 125 и 147 иап, 130 сб, полки и другие части и учреждения, входящие в состав армии.
Командующим армией назначить генерал-майора Панина Р.И., начальником штаба — полковника Мадецкого. Штаб армии — Мурманск.
Разграничительная линия слева: Усть-Кумка, иск. Надвоицы, иск. оз. Кекс-озеро, оз. Оулу-Ярви.
б) 7 армия в составе: 71 и 272 сд, 3 дивизия народного ополчения; 155 и 197 иап, 65 шап и другие части и учреждения, входящие в состав армии. Штарм иметь в Петрозаводске.
Командующий армией — генерал-лейтенант Гореленко Ф.Д.
Начальник штаба — генерал-майор Крутиков.
в) Северный Военно-морской флот подчинить непосредственно командующему Карельским фронтом.
4. В составе Ленинградского фронта оставить 23, 8 и 48 армии.
СТАЛИН

ШАПОШНИКОВ

Боевые действия на фронте принимали все более активный характер. 7-я армия вела тяжелые бои с наступающими финскими войсками. В полосе 14-й армии немцы пытались продвинуться на Кандалакшском направлении. 88-я стрелковая дивизия и Мурманская бригада на Кестеньгском направлении тоже непрерывно отбивали атаки противника.
Немцы подтягивали свежие силы и улучшали свои коммуникации. 30 августа разведчики 14-й дивизии взяли «языка», служившего в 388-м пехотном полку, недавно прибывшем из Норвегии. Поступили сведения и о переброске в Петсамо с побережья Ботнического залива 199-й немецкой пехотной дивизии. Воздушной разведкой было установлено, что вблизи фронта противник сооружает новую дорогу на юг.
Однако переброска к линии фронта на Лицском направлении 8 трофейных французских танков 1-й роты 40-го танкового батальона специального назначения и 9-го полка СС (которыми была усилена 2-я горноегерская дивизия,

сосредоточившаяся напротив 52-й СД), разведкой 14-й армии осталась не выявленной.
Начиная с двадцатых чисел августа корректировочные посты артиллерии стали замечать подозрительное перемещение подразделений в ближайшем тылу противника. Командир 112-го СП Коротков сообщил, что неприятель открыл автомобильное движение по прибрежной дороге, подходящей к фактории Большая Лица. 2-я горно-стрелковая дивизия была пополнена почти до штата.
Учитывая эти признаки как возможную подготовку к очередному наступлению, командование армии как могло укрепило оборону частей, и в первую очередь — наиболее боеспособной 52-й СД, находившейся на угрожаемом направлении.
Так как стык с 14-й дивизией являлся наиболее слабым местом обороны, его укрепили, выведя из 58-го полка 2-й батальон капитана Солдатова в дивизионный резерв и разместив его на высоте 322.0 за стыком дивизий. К этому участку была проведена и сквозная полевая дорога.
14-я дивизия, прикрывавшая своими семью батальонами, имевшими большой некомплект пулеметов, более широкий фронт, чем 52-я, фактически переложила заботу по обороне своего правого фланга на 52-ю, а свои резервы сосредоточила за опасным для нее открытым левым флангом.
Среди позиций самой 52-й дивизии наиболее уязвимым оказался стык между 58-м и 112-м полками. Фактически он оборонялся одним взводом 58 СП, усиленным станковым пулеметом, хотя здесь проходила глубокая лощина, удобная для выхода в тыл всему боевому участку.
Однако, когда командир дивизии попытался усилить здесь оборону, выяснилось, что сделать это просто нечем. В результате вместо предусмотренной «глубокой обороны из нескольких рубежей» удалось запланировать лишь контратаки вторых эшелонов с соседних высот и, в крайнем случае, — удар разведбата дивизии.
В конце августа в лощине за позициями стрелкового взвода расположили двумя эшелонами только что прибывшую роту ранцевых огнеметов. Огнеметчики, правда, кроме огнеметов, никакого оружия не имели вообще, и командование дивизии, решив, что использование огнеметчиков в качестве обороняющейся пехоты без стрелкового оружия — это все-таки перебор, выдало им винтовки — из расчета одну на четверых…

Из-за нехватки счетверенных пулеметных установок станковые пулеметы приходилось использовать и в качестве зенитных

По-прежнему угрожаемым являлся и плацдарм, захваченный немцами на восточном берегу реки Западная Лица. Здесь позиции до самого берега губы Большая Западная Лица удерживались 112-м СП.

Каждый из двух батальонов первого эшелона оборонял высоту, резко возвышавшуюся над окружающей местностью. Правую высоту называли Прибрежной, а левую — Приозерной. Бросалось в глаза, что все роты занимают одинаковые по площади районы, хотя было очевидно, что опасность немецких атак здесь разная. Открытые фланги обоих батальонов упирались с одной стороны в обрывистый берег губы, с другой — в озеро Зайчик. Здесь также между высотами проходила очень удобная для наступления каменистая лощина, на 2 километра заходящая за высоты. Ее вообще никто не прикрывал.

Иногда советские подразделения в Заполярье оказывались вооружены лучше немецких. Стрелковое отделение, вооруженное автоматическими винтовками.

В качестве оборонительных мер и здесь предусматривалась контратака батальоном второго эшелона, расположенного позади и сбоку на высоте Каменистой. Подумав, лощину все-таки прикрыли аж двумя взводами и усилили их размещенной в глубине лощины батареей сорокапяток. Также уплотнили боевые порядки батальонов, примыкавшие к стыку между ними. Решили также начать разреживание кустарника перед передним краем.

Неоправданно много сил дивизии было сосредоточено и на побережье из-за традиционной боязни немецких десантов. Обрывистый берег бухты Лопаткина, прикрываемой отдельным 116-м батальоном усиленного состава, не позволил бы немцам успешно высадить здесь значительный десант, тем более штормовая погода конца северного лета уже не позволяла сделать это с помощью лодок. Более удобной для высадки по рельефу местности являлась губа Западная Лица, побережье которой охранялось одним из батальонов 205-го полка. Но и здесь из-за штормовой осенней погоды высадка противника была крайне маловероятной. Однако предложение командования дивизии снять с берега хотя бы батальон 205-го полка, заменив его ротой из все равно торчавшего на побережье 116-го «морского» батальона, так и осталось планом — штаб армии не разрешил это сделать.

В конце концов было решено в случаях удара противника по флангам дивизии все-таки снять батальон 205-го полка с побережья. В случае удара по северному флангу этот батальон предполагалось использовать для усиления обороны полка, а при ударе по южному флангу дивизии — для усиления его контрудара. В обоих случаях на артиллерийскую поддержку полка должны были переключиться два дивизиона с участка 112-го полка.
В случаях достижения противником успеха на других направлениях 205-й полк вообще мог быть переброшен на угрожаемое направление с передачей всего своего участка обороны 116-му батальону.
Утром 7 сентября дивизию посетил член Военного совета фронта корпусной комиссар Желтов, попросивший показать на местности линию фронта. Осмотрев линию обороны, корпусной комиссар весьма примечательно отреагировал на увиденное.
Его не смутило то, что одиночные окопы для стрельбы с колена и лежа, выложенные из камней, недостаточно защищали от артиллерийского и минометного огня. Не смутило, что не было ходов сообщения, а землянки почти полностью выступали над поверхностью земли. Не смутило и то, что батареи имели лишь один боекомплект. Зато проволочные заграждения перед передним краем подействовали на корпусного комиссара как красная тряпка на быка.
Тут же последовал энергичный разнос за чрезмерное увлечение обороной с намеком на пораженческие настроения. Штабу и политотделу дивизии оставалось только оправдываться и каяться:
«…А.С. Желтов упрекнул нас, что мы мало уделяем внимания воспитанию солдат в наступательном духе. Между тем оперативная обстановка может потребовать в любой момент перехода наших полков в наступление с тем, чтобы сковать силы врага, лишить его возможности перебрасывать свои войска на другие фронты. Поэтому, даже находясь в обороне, надо поддерживать наступательный дух и учить войска идти вперёд. Увлекшись обороной, мы это упустили».

3-е немецкое наступление

(8–9 сентября)
Перед отъездом члена Военного совета командир 52-й дивизии полковник Вещезерский успел ему сообщить, что *«в ближайшие несколько дней у нас еще будет тихо».*
А на следующий день, 8 сентября, в шесть часов утра на КП дивизии услышали глухой гул минометных и артиллерийских разрывов со стороны 112-го стрелкового полка. Вызванный к телефону командир полка майор Коротков оптимистично предположил, что обстрел вызван поисками разведчиков, проводившимися на его участке. Связь с батальонами 112-го полка была уже нарушенной, поэтому командир полка мог до выяснения обстановки оперировать только предположениями.
А обстановка прояснялась медленно. Как это почти всегда бывало во время подготовленной обороны, первые сведения поступили от артиллеристов, имевших хорошо замаскированные выносные корректировочные посты с надежной связью.

Кубеев доложил, что противник открыл мощный огонь по высотам Прибрежной и Приозерной, по лощине между ними, а также по переднему краю 58-го полка. Артподготовка длилась более часа. Потом, прикрываясь густым туманом, усиленным дымовой завесой, двинулась немецкая пехота. Атака на Приозерную была отбита, но северный склон, примыкающий к лощине, был занят егерями. Занятой оказалась и часть самой лощины: немцы приблизились к позициям обоих взводов, не сумев, правда, подавить сорокапятки. Подобравшиеся к окопам егеря пытались забросать их гранатами, но из-за своей малочисленности успеха не имели. Дивизионная артиллерия открыла огонь по передней части лощины, куда прорвались егеря.

Противотанковые орудия в условиях Заполярья являлись ценным огневым средством, но их сложно было маскировать и укрывать.

На участке 58-го полка по-прежнему было спокойно. Там противник вел редкий огонь.

В полосе 14-й дивизии немцы форсировали слабо прикрываемую реку южнее взорванного моста. До Мишуковской дороги егерям оставалось пройти около километра, но атаковали они вяло, и их остановили.

112-й полк продолжал нести большие потери. Командир батальона старший лейтенант Филиппов был ранен на восточных скатах Прибрежной и вынесен с поля боя. Перед отправкой в тыл Филиппов передал по телефону командиру полка, что оставшаяся горстка его бойцов не устоит на высоте. Вскоре после этого остатки батальона начали отход.

Коротков попросил разрешения у командира дивизии контратаковать батальоном второго эшелона. Он надеялся восстановить положение на Прибрежной. Но разрешение получено не было, так как в этот момент немецкая артиллерия и минометы начали обстрел Приозерной. По приказу командира дивизии артдивизионы переключились на контрбатарейную борьбу, а контратака была отложена до возможности получения артиллерийской поддержки. Туман рассеялся, и видимость улучшилась.

И опять, как это было и в августе, артиллерия дивизии оказалась не в состоянии подавить огневые средства противника, даже сосредоточенным огнем. Немецкие орудия временно прекратили огонь, но минометы противника продолжали работать целыми группами.

Немецкая пехота при поддержке минометов пошла в атаку на Приозерную. Находившийся там батальон также начал отступать. Одновременно в лощину, расположенную между Прибрежной и Приозерной, стали втягиваться… неожиданно появившиеся танки. Это были легкие французские «Гочкисс» Н-35 1-й роты 40-го танкового батальона специального назначения майора фон Бурстина. Рота была укомплектована только этими машинами, захваченными в Норвегии.

Такие захваченные в Норвегии трофейные французские танки были применены немцами на Западной Лице 8 сентября 1941 г.

Сколько их было, точно установить не удалось. С наблюдательного пункта дивизии было замечено шесть машин, которые пытались перевалить через небольшой бугор. Но им так и не удалось осилить скользкий после дождей подъем. По приказу начальника артиллерии дивизии Кубеева тяжелый дивизион гаубичного полка, прекратив контрбатарейную борьбу, открыл по бугру заградительный огонь. Два танка были повреждены, остальные отошли назад.

Переброска танков на Западную Лицу не была своевременно засечена разведкой 14-й армии, но и не явилась для ее командования особой неожиданностью: «211-й отдельный танковый батальон и 40-й бронебатальон противника» были установлены еще в июле и августе, действовали на соседнем Кандалакшском направлении, в связи с чем еще в начале августа армия была дополнительно усилена 30 танками.

После отражения внезапно начавшейся танковой атаки стало ясно, что с контратакой 112-й полк безнадежно опоздал. На Прибрежной успело сосредоточиться уже не меньше двух батальонов егерей.

Связь командования дивизии и 112-го полка с частями на правом фланге опять нарушилась до такой степени, что снова стало неясно, что уже захвачено противником, а что еще нет. Высота Прибрежная была прочно занята егерями, на Приозерной продолжался упорный бой — начавший отход батальон сумел зацепиться за ее обратные ската и отбивался на них от немцев. Егеря вели с ним затяжной ближний бой, но сбросить с высоты не смогли даже при помощи (как выяснилось позже) подошедшего батальона 9-го полка СС, которым была усилена 2-я горноегерская дивизия.

Оставшиеся части 112-го полка сгруппировались на высоте Каменистой вокруг его резервного батальона. Что происходит перед высотой, командованию полка было неясно.

В условиях бездорожья егеря имели легкую артиллерию, передвигающуюся на конной тяге и во вьюках. Горная пушка егерей меняет позицию.

Находившаяся за Прибрежной высота 173.7 из-за недостатка сил своевременно занята не была. Теперь, после того как стало ясно, что противник наносит мощный удар по правому флангу дивизии, силы занять ее наконец нашлись. Распоряжением командира дивизии на нее были высланы рота из резервного батальона 112-го полка и рота из разведбата дивизии.

К полудню выяснилось, что и эта мера запоздала: высоту и местность западнее ее уже занимала немецкая пехота. Положение несколько облегчала дождливая погода: немецкая авиация не летала из-за плохой видимости. Артиллерия 2-й горноегерской дивизии, менявшая в связи с продвижением вперед свои позиции, тоже прекратила стрельбу и не возобновляла ее в течение всего дня. Однако, заняв высоту 173.7, немцы решили устроить блицкриг местного масштаба и, не успев еще сконцентрироваться в достаточных количествах, продолжили продвижение к Каменистой. Всего в 200 метрах от высоты они столкнулись с ротой резерва, которая не только опрокинула их, но и сбила с занятой высоты.

После этого на занятую высоту Вещезерский перебросил еще одну роту резервного батальона, а последнюю сменил охранявший побережье батальон 205-го полка. Положение на участке 112-го полка к вечеру стало постепенно стабилизироваться. Новых атак немцы уже не предпринимали, так как не могли полностью овладеть Приозерной — остатки батальона по-прежнему держались на ее восточных скатах. На участке 14-й стрелковой дивизии немцы были отброшены обратно за реку. В сумке убитого немецкого лейтенанта был найден крайне схематичный карандашный набросок, без наименований ориентиров и частей войск, но на нем была набросана схема замысла окружения обеих дивизий с замыканием кольца окружения у высоты 322.0.

Существовал ли подобный план на самом деле, относился он к прошлому немецкому наступлению или к только что начавшемуся, было ли это просто тактической фантазией лейтенанта — все это, конечно, осталось на тот момент не выясненным. Но южнее левого фланга 14-й дивизии немцы действительно уже проводили глубокий охват силами 3-й горноегерской дивизии, где и столкнулись

со сторожевыми заставами 181-го батальона пограничников. Резервы 14-й дивизии завязали бой с противником, наступавшим, по оценке командования дивизии, силами до двух полков.
Это отчасти объясняло прокладку немцами дороги в южном направлении.
Ночь прошла сравнительно спокойно, что позволило дивизиям заняться перегруппировками. Немцы не пытались вести ночного наступления, а, напротив, все время пускали ракеты и интенсивно палили из пулеметов, когда им мерещились поиски разведчиков.
Под покровом темноты с Приозерной были отведены остатки батальона 112-го полка, так и не отдавшего восточных скатов высоты. Позиции батальона занял взвод разведчиков, «шумевший» до утра, чтобы противник не обнаружил отход батальона с высоты.
На высоте 173.7 роты резервного батальона 112-го полка в ожидании очередного немецкого удара были сменены более подготовленными в боевом отношении двумя ротами моряков 116-го отдельного батальона (бывшего 1-го добровольческого отряда Северного флота), имевшими уже значительный опыт удержания подобных высот.
Утром 9 сентября немцы возобновили атаки на участке 112-го полка, сосредоточив теперь свои усилия на высоте 173.7. Несмотря на принятые меры, удар егерей все равно оказался внезапным. Над каменистыми сопками еще стлался утренний туман, когда две роты моряков, занимавшие высоту, были неожиданно атакованы егерями и оттеснены к востоку. Оправившись после внезапного удара, моряки исправили положение, быстро предприняв контратаку, в свою очередь оказавшуюся неожиданной для немцев, и вновь заняли высоту. Но удержать высоту, находившуюся, как выяснилось позже, на направлении основного удара противника, двумя ротами моряков было невозможно. Под ударами усиленного батальона егерей, подтянувшегося к высоте, моряки вынуждены были отойти к ее подножию.
От высоты 173.7 егеря атаковали позиции 158-го артполка, и в первую очередь четвертую батарею, расположенную рядом с Каменистой. По приказу командира полка майора Юзова батарея была выведена на прямую наводку.
В ходе боя наступил переломный момент. Немцы были близки к тому, чтобы прорвать правый фланг 52-й дивизии, и командир дивизии полковник Вещезерский после 15-минутных колебаний отдал приказ ввести в бой 205-й СП.
Погода несколько улучшилась, и в полдень появилось около 20 «Ju-87» в сопровождении истребителей. Первый бомбовый удар был нанесен по Каменистой, второй — по артиллерийским позициям. Затем начался артиллерийский обстрел Каменистой, а минометы противника били по восточным скатам Приозерной, хотя на ней никого уже не было. Видимо, ночной «шум», поднятый разведчиками, продолжал вводить в заблуждение егерей.
Артподготовка немцев длилась около 20 минут. Последовавшая за ней атака немецкой пехоты на Каменистую с севера была довольно легко отбита. Со стороны высоты 173.7, западнее 4-й батареи немцев атаковали батальоны 205-го полка. При поддержке артиллерии полк отбросил егерей на линию высот, и далее их продвижение застопорилось.

Моряки занимают оборону.

Имея большое количество пулеметов, егеря вели сильнейший огонь. Атака 205-го полка была отбита, повторная, проведенная после артподготовки, — тоже. Не добившись успеха, полк стал закрепляться на занятом рубеже. Оживленная перестрелка на участках 112-го и 205-го полков продолжалась до вечера, но попыток наступления ни одна из сторон больше не предпринимала. Пользуясь улучшившейся погодой, немцы провели три авианалета на позиции 158-го артполка, при которых, по советским данным, одна машина была сбита огнем зенитной артиллерии, а две истребителями прикрытия.

В ходе сражения возник момент относительного равновесия. Контрудар 205-го полка не смог отбросить ударную группировку немцев, но остановил ее продвижение. Сплошной фронт обороны дивизии был снова восстановлен, правда, теперь уже на рубеже высот 173.7 и Каменистой.

На участке 14-й дивизии немцам явно не хватало сил для реализации замыслов на окружение, если такие у них действительно имелись. Но вполне возможно, что удар на левом фланге 14-й дивизии изначально носил отвлекающий характер. Действующие там немецкие части для ослабления их ударов бомбила наша авиация. При этом, кроме бомб, активно применялась самовоспламеняющаяся жидкость.

Командный пункт 52-й дивизии, находившийся среди артиллерийских позиций 158-го полка между высотами и подвергавшийся поэтому постоянным обстрелам и бомбежкам, перебазировался подальше в тыл, на южный берег озера Спуск.

Подтвержденные найденными солдатскими книжками потери немцев составили около 200 человек. Наибольшие потери егеря и эсэсовцы понесли на участке 158-го артполка, где они попали под огонь поставленных на прямую наводку гаубиц и подверглись контрудару 205-го полка. Потери немцев при атаке Каменистой в лоб, как ни странно, оказались незначительными.

За два дня боев была израсходована большая часть имевшегося скудного боезапаса артиллерии. У гаубиц оставалось около половины боекомплекта. А у противотанковых орудий и минометов и того меньше — около четверти. Командование армии боеприпасами не располагало и помочь дивизии пока ничем не могло.

Пользуясь тем, что у немцев явно не хватало сил наносить даже вспомогательные удары на всех направлениях, командование 52-й СД передало часть снарядов и мин

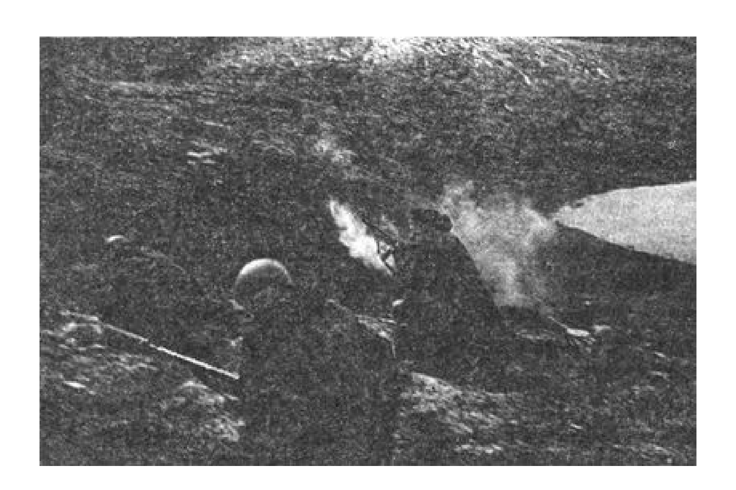
из боекомплектов 58-го полка, на участке которого пока не было атак, в 112-й и 205-й полки. У командования армии были запрошены боеприпасы и пополнение. 112-й полк после понесенных за два дня боев потерь свел ночью остатки батальонов первого эшелона, отступившие с высот, в один сводный батальон, который тут же получил приказ атаковать утром в северном направлении. 205-й полк получил приказ атаковать на запад.
О том, что эти атаки могут стать самоубийством дивизии, ее командование предпочитало не думать. Страшнее было не вести наступательных действий. Как говаривал Иосиф Виссарионович, *«у нас надо быть очень храбрым человеком, чтобы решиться отступать»*.
Всю ночь батальоны занимали исходные позиции для атак, шла перегруппировка артиллерии и передача боеприпасов. Новый командующий 14-й армией Панин смотрел на обстановку весьма оптимистично и план самоубийственного наступления обескровленных полков, не имеющих артиллерийской поддержки, воспринял с одобрением.
Его оценка положения 52-й дивизии, высказанная им в ночном телефонном разговоре с Вещезерским, весьма показательна:
— *Ваше положение считаю более прочным, чем у Никишина, основная помощь будет пока направляться к нему. Впрочем, и вам кое-что перепадет. Батальон моряков уже отправлен, подбросим немного и снарядов для гаубиц.*
— *Что слышно о новой немецкой дивизии, товарищ командующий?*
— *У нас никаких новых данных о ней нет. Ваш план одобряю. Желаю успеха. Поддержим вас авиацией, а моряки — огнем корабельной артиллерии. Для связи с кораблями к вам выслан представитель Северного флота.*
Необходимость направления представителя флота объяснялась никудышным взаимодействием с флотом, где ситуация была аналогична взаимодействию с авиацией, представитель которой уже находился в дивизии.

2-е контрнаступление Вещезерского

(10–14 сентября)
Наступление 52-й дивизии началось с опозданием, так как большая часть батарей не успела закончить переход на новые огневые позиции к рассвету. Артиллерия кораблей, нацеленная на борьбу с батареями противника и обстрел тыловых объектов, на первых порах запаздывала с открытием огня по заявкам дивизии, да и пристрелка производилась медленно. Это объяснялось тем, что наблюдательные пункты моряков находились на берегу, вблизи от кораблей. Большинство целей они не видели и вынуждены были вести огонь по площадям. К вечеру корректировочные посты кораблей перешли на наблюдательные пункты дивизионных артиллеристов. Огонь с кораблей стал более метким. Корабельные пушки били теперь не только по тылам и батареям, но и по пехоте противника.
Начавшие атаку батальоны сразу натолкнулись на сильное сопротивление. Вражескую пехоту активно поддерживала авиация. «Юнкерсы» почти непрерывно висели в воздухе и ожесточенно бомбили наступающих. Авиационного же прикрытия у наступающих частей не было — командование армии не смогло его выделить. Пехота, не имея никаких укрытий, кроме валунов, вынуждена была

залечь. В полдень атаки пришлось прекратить. Снаряды и мины заканчивались. Их поступление ожидалось не раньше чем к концу следующего дня. К счастью, немцы не рискнули перейти в наступление.
К вечеру прибыл обещанный командармом батальон моряков. Командовал ими капитан-лейтенант Старовойтов. Моряков отправили в 205-й полк Шпилева, в качестве второго эшелона, так как после двух дней наступательных боев больше батальона бойцов было просто выбито противником и состав полка сократился не меньше чем на треть.
Бездумное контрнаступление, обескровившее дивизию, спровоцировало возобновление мощных атак немцев, решивших воспользоваться ситуацией и сбросить правый фланг дивизии с занимаемых высот, пока к нему не подошли пополнения и не подвезены боеприпасы.
11 сентября над передним краем вновь появилась немецкая авиация. Несколько десятков «Юнкерсов» бомбили Каменистую и артиллерийские позиции. Затем после короткой артподготовки егеря пошли в атаку. На этот раз они учли опыт неудачной атаки, проведенной 9 сентября. Теперь егеря знали систему обороны высоты, стянули необходимые для ее подавления силы, и удар их был исключительно эффективен. Передний край был быстро прорван, и бой разгорелся на высоте. Через два часа егеря продвинулись до наблюдательного пункта 112-го полка, а НП одного из артдивизионов оказался в полуокружении.
На НП полка оказалось достаточно бойцов и огневых средств, чтобы остановить атаку противника. НП дивизиона вел менее интенсивный огонь, и егеря начали быстро обходить его со всех сторон. Командир дивизиона капитан Пасько вызвал огонь на себя. Дивизионы полка открыли огонь по району НП остатками снарядов. Егеря отошли. Во время обстрела НП Пасько был смертельно ранен осколком снаряда.
После прорыва егерей командный пункт 112-го полка был перенесен к дивизионному у озера Спуск. Это было сделано уже вечером, когда бой затих и подразделения 112-го полка сохраняли за собой лишь южную часть Каменистой. Группа егерей прорвалась к Лопаткинской дороге. Они проникли через лощину, которая проходит у восточных скатов Каменистой. К счастью, оказавшиеся поблизости разведчики быстро отбросили их обратно.
И снова командование дивизии, фактически потерявшее западные скаты Каменистой из-за бездумного наступления, предпринятого 10 сентября, решило наступлением восстановить положение и отбить северо-западную часть высоты. Рано утром, как только начнет светать, было решено нанести по Каменистой удар тремя батальонами — по одному от каждого полка. Одновременно была усилена оборона этого направления. Ночью перевели на высоту Огурец, которая протянулась длинной грядой с севера на юг между Каменистой и озером Спуск, батальон 112-го полка, а правее поставили две роты разведчиков.
Утром 12 сентября по переднему краю противника на Каменистой был нанесен удар бомбардировочной авиации и кораблей Северного флота. Затем артиллерия произвела десятиминутный огневой налет по переднему краю врага — на большее снарядов уже не хватало, — и пехота пошла вперед.

После чего тут же выяснилось, что 112-й полк практически полностью потерял способность к наступательным действиям. Его измученные и обескровленные батальоны не смогли потеснить противника ни на шаг.

Атака.

Только батальону моряков удалось ворваться на северо-восточный склон Каменистой, а две роты 58-го полка зацепились за ее западные скаты. Немцы, как часто бывало в подобных случаях, открыли сильнейший пулеметный огонь. Одновременно артиллерию усиленно бомбили «Юнкерсы». Впрочем, они могли бы этого уже и не делать. Остатки боекомплектов уже были израсходованы. Отдельные батареи расстреляли даже часть неприкосновенного запаса.

Атаки получились настолько слабыми, что немцы перешли в контратаку почти сразу. Через час-полтора егеря полностью овладели Каменистой. В бой вступили батальон 112-го полка, оборонявший высоту Огурец, и две роты разведчиков. Серьезно опасаясь за левый фланг этого батальона, который немцы могли легко обойти и выбраться через ущелье на нашу коммуникацию, Вещезерский послал туда плавающие танки и бронемашины разведбата. Однако егеря опять атаковали высоту Огурец в лоб, как и Каменистую, не используя дорогу через ущелье. Очевидно, разведка немцев, в отличие от советской, не проморгала наличие бронетехники.

Пока шел ожесточенный ближний бой, воздушная обстановка резко изменилась. Со стороны моря появилась группа самолетов 72-го САП из 4 истребителей И-153, летевших на штурмовку под прикрытием 6 И-16, и сразу атаковала «Юнкерсы», находившиеся под прикрытием «Мессершмиттов». Два «Мессершмитта» Bf-109E были сбиты и записаны на счета младшего лейтенанта Плотникова и старшего сержанта Романова.

Однако от того, что воздушный налет на высоту Огурец был сорван, наземная атака немцев на нее не стала развиваться менее успешно. Егерям удалось ворваться на передний край. Парировать их удар командованию дивизии было уже нечем. Для углубления обороны за Огурцом был использован сводный артдивизион, временно сформированный из расчетов, потерявших орудия во время марша к Титовке 29 июня. 100 артиллеристов, имевших винтовки и карабины, спешно заняли оборону позади Огурца.

Егеря продолжали атаки до наступления темноты, стараясь максимально использовать отсутствие у дивизии резервов. К вечеру они захватили половину

высоты Огурец, обошли роты разведбатальона с фланга и уже в сумерках в большом количестве ворвались на позиции 4-й гаубичной батареи, которую артиллеристы не успели оттянуть назад. Расчеты орудий не смогли отбросить егерей, как это случалось в июльских боях, и почти полностью погибли в рукопашной схватке.
До дороги на Ура-Губу немцам оставалось пройти около двух километров. Резервов у дивизии больше не осталось, и Вещезерский наконец решил, что пора переходить к жесткой обороне. Впрочем, перед этим он решил попытаться ликвидировать оба немецких вклинения — в районе высоты Огурец и захваченной немцами гаубичной батареи. Так как сил для задуманных ударов не было, наступать на этот раз решено было ночью.

9-й пехотный полк СС принимал участие только в решающих ударах, сразу после них отходя в тыл. Зачистка занятых позиций.

Атаковать должны были те же самые части, которых немцы и потеснили — батальон 112-го полка капитана Солдатова и две роты разведбатальона. Солдатов отнекивался, как мог, ссылаясь на недостаток сил для атаки, но когда стало ясно, что приказ об атаке отменен не будет, отказался от предложенной артподготовки (которая с обычных 20 минут сократилась уже до 5). Атаковать он хотел внезапно, а артподготовку предложил использовать для отвлечения внимания вместе с отвлекающими атаками на других участках. Провести артподготовку в другом месте командир дивизии согласился, а вместо отвлекающих атак, на которые тоже не было сил, решено было через полчаса после начала атаки провести два усиленных разведывательных поиска силами разведки 205-го полка.
Доложив командующему армией о принятом решении, Вещезерский традиционно попросил пополнения и боеприпасов. Генерал-майор Панин не менее традиционно предупредил, что дивизия в течение еще нескольких дней должна обходиться своими силами, но о ночной контратаке отозвался одобрительно и утвердил общее решение о переходе к обороне.
Ночные контратаки оказались для егерей полной неожиданностью, и план, предложенный Солдатовым, блестяще удался. Батальон и роты разведбата восстановили более удобный и выгодный для обороны передний край по высоте Огурец и отбили гаубичную батарею, захватив пленных и десятки солдатских книжек убитых егерей. Как выяснилось после захвата батареи из допроса пленных,

батальоны 9-го полка СС принимали участие в решающих ударах, но после них сразу отводились назад, не задерживаясь на переднем крае.
После неожиданного успеха ночных контратак немцы в течение двух дней не предпринимали активных действий на участке 52-й дивизии. А 13 сентября затишье было на всем Лицском участке Карельского фронта.

Высота 314.9

(14–18 сентября)
Вечером 14 сентября немцы неожиданно начали наступательные действия на участке 14-й дивизии и нанесли быстрый удар с юга в ее тылы, с ходу перерезав Мишуковскую дорогу.
Вся артиллерия и командный пункт дивизии были вынуждены отойти к северу, а ее полковые обозы сгрудились у высоты 322.0. Неожиданно упорное сопротивление прорвавшимся егерям оказали артиллеристы 6-й батареи 143-го артполка 14-й дивизии в районе 51-го километра Мишуковской дороги. Артиллеристы понесли большие потери, погиб и командир батареи, но взять ее немцы так и не смогли.
Наметившийся здесь успех немцев заставил командование армии ускорить переброску на ее участок полков формирующейся в Мурманске дивизии народного ополчения, названной «Полярной». Эта дивизия формировалась в настолько спешном порядке, что в ее состав без особых проблем включались и заключенные — как эвакуированные с Титовки, так и из других расположенных по соседству лагерей. В отсутствие армейских резервов и каких бы то ни было воинских частей (не считая редко поступавших маршевых батальонов), которые можно было бы использовать в качестве подкреплений на Мурманском направлении, командование возлагало на эту необученную и слабо вооруженную дивизию большие надежды.
Два полка этой дивизии уже переправлялись через Кольский залив на Лицский плацдарм, где эта свежая дивизия по первоначальному плану командования армии должна была поддержать очередное контрнаступление 52-й дивизии. В связи с изменением оперативной обстановки было решено, что дивизия сперва поможет выправить положение на участке 14-й дивизии, а уже потом поддержит 52-ю. А до того момента 52-я дивизия должна была, по выражению нового командарма-14 генерал-майора Панина, «как-то выкручиваться» самостоятельно.

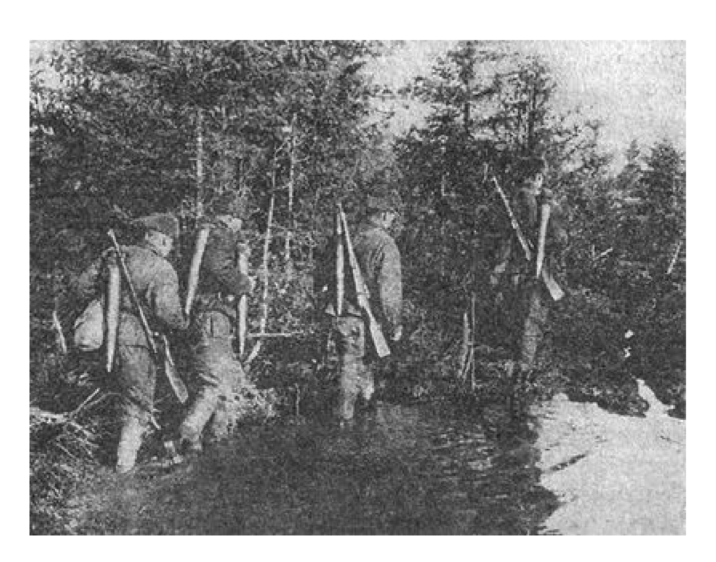

Корректировочный пост.

В ночь на 15 сентября 233-й полк этой дивизии, уже выдвигавшийся на Лицский плацдарм, был с ходу введен в бой на участке 14-й дивизии. На следующий день его поддержал 290-й СП. Егеря вынуждены были прекратить наступление и на некоторых участках даже немного попятились. Удар «Полярной» дивизии явился для немцев, считавших это направление вспомогательным, полной неожиданностью. В ходе контратак, проведенных полками 14-й и «Полярной» дивизий, егерей удалось отбросить за линию озер Серповидное — Куыркявр. 138-й горноегерский полк, имевший к моменту контрудара в ротах по 70 человек, понес тяжелые потери, вынужден был ввести в бой все тыловые и штабные подразделения и даже потерял часть штабных документов, захваченных ополченцами при поспешном отходе штаба полка, еле выбравшегося из полуокружения.
Тем временем 52-я дивизия «выкручивалась» как могла.
Перегруппировавшись, 2-я горноегерская дивизия генерал-майора Шлеммера зацепилась за господствующие высоты, нависнув над флангом обороны 52-й СД. При напрашивающемся в такой ситуации фланговом ударе 58-й СП сразу попал бы в крайне невыгодное положение. Участок обороны, занимаемый полком, не давал возможности сосредоточить достаточно сил и средств, необходимых для парирования подобного удара. 3-й батальон полка находился с неприкрытыми флангами у высоты 275.0 фронтом на запад. 1-й батальон располагался на северных скатах высоты 314.9 фронтом на север. Далее шло глубокое ущелье, а за ним перевал, на котором оборонялся 2-й батальон, прикрывавший колонный путь на Ура-Губу и не имевший огневой связи с другими подразделениями. Сосед справа был далеко. Левый сосед был ближе, но непосредственного соприкосновения с ним также не имелось.
В этой обстановке самым разумным было — оставить высоту и выровнять рубеж обороны с другими частями. Но высота 314.9 господствовала над местностью, поэтому решиться на оставление ее без боя было не так просто. Тактика активной обороны, предписанная еще полевым уставом 1939 г., была непреложным правилом ведения боевых действий, которого твердо придерживалось и командование 52-й дивизии и командование 14-й армии. Но наносившиеся в соответствии с ней с 10 по 14 сентября тактические контрудары уже достаточно обескровили дивизию и показали гибельность подобной практики в сложившейся обстановке. Впрочем, ясно это пока было далеко не всем.
В ночь на 15 сентября командир 58-го СП майор Худалов с комиссаром полка и начальником штаба думали над тем, что можно предпринять в сложившейся обстановке. Полк, по сути, находился в огневом мешке.
Начштаба Салтыков высказал мнение, что высоту следует удерживать при любых обстоятельствах. Комиссар Лазарев его поддержал, подчеркнув при этом, что личный состав полка подготовлен к бою, и коммунисты и комсомольцы, все бойцы как один, заявляют, что будут сражаться, не щадя своей жизни. Худалов ответил, что не сомневается в том, что полк будет стоять насмерть. И все же после некоторого раздумья предложил подготовить донесение командиру дивизии о сложной обстановке и о возможности вынужденного отхода с высоты на позиции, откуда в будущем можно перейти в наступление и возвратить утраченный рубеж.

Донесение в штаб дивизии отправили ночью с полковым инженером старшим лейтенантом Новиковым. Пока командование полка ожидало ответа, противник утром 15 сентября на участке 3-го батальона перешел в наступление. Перед атакой немцы провели сильную артиллерийскую подготовку по заранее пристрелянным целям. Наступление егеря начали в плотном утреннем тумане, под прикрытием которого им удалось довольно близко подойти к позициям батальона. Немецкая атака опять получилась неожиданной. В густом тумане силы наступающих комбатом Чернецким были оценены в 3 батальона, что, скорей всего, являлось преувеличением. К 11 часам, не добившись успеха в довольно осторожных лобовых атаках и уточнив расположение батальона, егеря начали фланговый маневр. Складки местности позволяли им пройти скрытно.

Огнеметная рота, защищавшая «ущелье», понесла значительные потери. Она первая приняла на себя удар. Струи огня не остановили противника — слишком велико было его численное превосходство. Большая часть бойцов была выбита ружейно-пулеметным огнем со средних дистанций, после того как немцы выяснили, с кем имеют дело. Немногие уцелевшие огнеметчики, выставив кое-как огневую завесу, на которую ушли остатки огнесмеси, сумели оторваться от егерей.

Доставка боеприпасов в условиях бездорожья.

Дальнейшая их судьба сложилась благополучно. Остатки роты у дивизии немедленно отобрал начхим армии, попутно упрекнув ее командование за неправильное использование огнеметов.

Позднее начались атаки и на 1-й батальон. И здесь егерям удалось под прикрытием тумана совершить обходное движение. В некоторых местах егеря смогли вклиниться и в порядки батальонов, обойдя огневые точки. К 1 часу дня туман стал рассеиваться, и егеря тут же вызвали авиацию. Авиация и артиллерия немцев наладили с помощью радиосвязи четкое взаимодействие с наступающими штурмовыми группами егерей и принялись за взлом обороны батальонов.

Лишь в 14 часов из штаба дивизии пришел по радио ответ на посланное донесение. Вещезерский приказывал немедленно организовать выход из боя и оставить высоту. Взвесив все «за» и «против» и подстраховавшись мнением Лазарева, Худалов пришел к выводу, что выходить из боя среди бела дня, когда противник

полуокружил два батальона полка и местами вклинился в глубину обороны, будет слишком рискованно.
Командиру 1-го батальона Шарову, на позиции которого наступало около батальона егерей, удавалось пока сохранять контроль за ходом боя, приобретавшего все более ожесточенный характер. На стыке двух рот батальона прикрывавшими его пулеметчиками намеренно был пропущен из мелких лощин взвод егерей, после чего переброшенные к стыку взводы из обеих рот, пользуясь созданным численным превосходством, нанесли по ним удар, переходя в ближний бой. Егеря оказались не в состоянии отбить внезапный натиск с двух сторон на неудобной для этого местности и вынуждены были рассеяться, пытаясь уходить поодиночке. Но на выходе из лощины они попали под перекрестный огонь двух пулеметов, не дававший им отойти к лощинам, и почти все были уничтожены.
Положение же 3-го батальона, атакуемого, как выяснилось, после того как туман рассеялся, двумя батальонами противника, постепенно ухудшалось. Роты батальона были оттеснены немцами друг от друга и оборонялись поодиночке.
Рота, находившаяся на правом фланге батальона, оказалась в наиболее тяжелом положении. Направление главного удара немцев здесь было определено неверно, и комбат Чернецкий сосредоточил все возможные силы на левом фланге батальона, куда направился и сам. На правом фланге обороной руководил его заместитель старший лейтенант Баласанян. Егеря постепенно все больше сокращали расстояние до позиций батальона. Их отбросили контратакой взводов лейтенантов Балуткина и Богданова. Силы роты постепенно таяли. Из минометного взвода, находившегося в расположении роты, уцелело всего два человека. Несмотря на потери, рота не только удерживала оборону, но и наносила егерям значительный урон. Трем бойцам роты удалось отсечь и уничтожить группу егерей из 9 человек.
2 артбатареи полка не могли оказать обороняющимся батальонам достаточной поддержки, так как почти не имели боеприпасов.
В конце концов егерям удалось рассечь боевые порядки роты и прорваться к командному пункту. Сохранилась запись последнего доклада, сделанного по рации Баласаняном командиру полка:
«Х: — В чем там дело?
Б: — Противник атакует район КП, со мной пять бойцов, включая радиста. Мы дважды отбили егерей. Они несут потери. Снова накапливаются, в 50 метрах…»
На вопрос Худалова, сможет ли он отразить атаку, Баласанян ответил: *«Я с этой высоты уже никуда не уйду»,* — и связь оборвалась.
Примерно в это же время Чернецкий доложил командиру полка, что все атаки на левом фланге удалось отбить, но противник подтягивает свежие силы. На участке 2-го батальона все было спокойно, но, так как батальон прикрывал колонный путь на Ура-Губу, у него не взяли ни одного солдата. Остальные же батальоны необходимо было отводить, чтобы избежать их полного разгрома, но сделать это днем было невозможно. Батальоны были настолько ослаблены, что держались уже только за счет системы огня, ведущегося с оборудованных позиций.
С наступлением сумерек Худалов вызвал к рации комбата-3 Чернецкого и открытым текстом продиктовал ему приказ об отводе батальона в резерв, указав район сосредоточения. Потребовав обязательно обеспечить вынос раненых, командир полка приказал объявить всему личному составу батальона, что выход из

боя будет прикрываться огнем и контратаками 1-го батальона, который останется на прежних позициях. Выбор путей и способов отхода был оставлен на усмотрение самого комбата.
В это время самого Худалова вызвал к рации его сосед слева — командир 325-го СП 14-й дивизии, ставший к этому времени подполковником, Шакито и сообщил, что до двух батальонов егерей, обойдя фланг его полка, движутся в направлении тылов 58-го СП.
Силы егерей в ночных условиях, скорей всего, опять были определены с завышением, но уже сам факт намерения немцев провести ночную атаку являлся из ряда вон выходящим — обычно егеря сами ночных атак никогда не предпринимали. Худалов лично отправился в 1-й батальон, чтобы организовать эффективное прикрытие отхода 3-го батальона в таких сложных условиях и тем самым постараться избежать возможного разгрома полка. В результате батальон заставил егерей ввязаться в затяжной бой. Когда перед рассветом части батальона начали организованный отход, егеря не стали устраивать преследование.
Больше наступательных действий со стороны немцев не последовало. Незначительные бои продолжались на всех участках Лицского плацдарма до 19 сентября, пока немцы не отошли за реку и не перешли к жесткой обороне.

Завершение операции

(19–22 сентября)
19 сентября 1941 года Совинформбюро сообщило: «В упорных боях на мурманском направлении наши части нанесли большие потери трем батальонам СС и двум немецким горноегерским полкам. 136 и 137-й немецкие горноегерские полки потеряли около 1000 солдат и офицеров убитыми и свыше двух тысяч ранеными», что в общем не было преувеличением.
После сентябрьского наступления 136-й, 137-й и 138-й полки имели в ротах по 50–70 человек.
Обе немецкие дивизии, с конца июня находившиеся на переднем крае, фактически не получали пополнений. С подкреплениями, правда, дело обстояло чуть получше. Перед последним наступлением горноегерский корпус получил для усиления 9-й пехотный полк СС и 388-й пехотный полк.
Но из-за отсутствия горной подготовки они заметной роли в развитии операции сыграть не смогли, так как вся тактика корпуса основывалась на типично горноегерских приемах ведения боя, требовавших длительной специальной тренировки и соответствующего вооружения и снаряжения. Неподготовленные пехотные части не смогли принимать эффективное участие в излюбленных егерями глубоких обходах и ударах на труднопроходимой местности. Они не имели и необходимого количества вьючного транспорта, а также приспособленной для действия в горах артиллерии. Более логичным в такой ситуации было бы применение в пешем порядке парашютно-десантных полков, имеющих и необходимое вооружение и необходимую подготовку. Но у немецкого командования имелась иная точка зрения по этому вопросу…
Отсутствие должного снаряжения привело к тому, что 388-й пехотный полк потерял всех ломовых лошадей, не привыкших ни к горным, ни к полярным

условиям. Впрочем, подобная участь позднее постигла и всех греческих горных мулов, привезенных с собой 6-й горноегерской дивизией, воевавшей перед этим в теплом климате Средиземноморья.
В результате 388-й пехотный полк вяло действовал на вспомогательном направлении, а 9-й пехотный полк СС привлекался только для участия в решающих атаках на наиболее важные высоты, после чего немедленно покидал передовую.
В результате 10-дневных сентябрьских боев горноегерские дивизии окончательно потеряли способность к наступательным действиям. 19 сентября немцы вынуждены были оттянуться с восточного берега Западной Лицы на западный для организации прочной обороны.
22 сентября 1941 года Гитлер подписал директиву ОКВ № 36, в которой говорилось о временном прекращении наступления горноегерского корпуса на Мурманск:
ДИРЕКТИВА ОКБ № 36
22.9.1941 г.
Сов. секретно.
Только для командования.
Фюрер и Верховный главнокомандующий вооруженными силами.
Штаб оперативного руководства.
Отдел обороны страны (1-й опер.),
№ 441578/41.
I. Непривычные тяжелые условия местности, недостаток дорог и непрерывная переброска советских подкреплений в Карелию и Лапландию — все это послужило причинами того, что слабым силам армии «Норвегия» и 5-му воздушному флоту все еще не удалось, несмотря на громадные усилия и проявленный героизм, достигнуть Мурманской железной дороги.
Нарушение противником наших прибрежных коммуникаций в Заполярье еще более ограничило возможности осуществления планов горно-стрелкового корпуса — достигнуть Мурманска еще в этом году.
Но, несмотря на это, все-таки удалось сковать крупные силы противника и оттянуть их с основного фронта, повсеместно отбросить русских за старую финско-советскую границу и полностью устранить угрозу Северной Финляндии, и прежде всего никелевым рудникам.
II. Необходимо придерживаться конечной цели операций в Северной и Центральной Финляндии — уничтожение сил противника, обороняющих Мурманск и Мурманскую железную дорогу.
Значение этого района для ведения войны Германией заключается в наличии жизненно важных никелевых рудников. Противник также прекрасно понимает значение этого района. Следует учитывать возможность того, что англичане будут базировать свои крупные авиасоединения в районах Мурманска и Кандалакши, а также использовать здесь в боях канадские и норвежские части и осуществлять подвоз в Мурманск большого количества военных материалов. Кроме того, следует учитывать возможность воздушных налетов даже в зимнее время на никелевые рудники и на поселки горняков. Наши усилия должны соответствовать степени этой опасности.
III. Я приказываю:

1. Армии «Норвегия»
а) прекратить наступление на участке 3-го финского армейского корпуса и подвести сюда освобождающиеся силы 36-го армейского корпуса;
б) в 36-м армейском корпусе произвести все необходимые подготовительные мероприятия с тем, чтобы в первой половине октября возобновить наступление на Кандалакшу, имея целью еще до наступления зимы по меньшей мере перерезать Мурманскую железную дорогу. Выяснить также, явится ли продолжение этого наступления зимой более успешным, чем осенью.
Перед финским командованием будет изложена просьба об организации своевременной переброски по железной дороге через Рованиеми 163-й дивизии, которая поступит в подчинение армии «Норвегия»;
в) наступление горнострелкового корпуса на Мурманск следует пока прекратить, продолжая наступательные действия на северном фланге только в такой степени, в какой это необходимо для улучшения позиций и для введения противника в заблуждение. Необходимо, учитывая задачи военно-морского флота, еще до наступления зимы овладеть по меньшей мере западной частью полуострова Рыбачий и тем самым исключить возможность ведения огня артиллерией противника и действий его торпедных катеров с целью блокирования подступов к порту Лиинахамари. Следует немедленно организовать рекогносцировку и подготовку планов этой операции и о результатах доложить как можно скорее. Для уничтожения наземных и морских целей будут выделены необходимые специальные боевые средства, которые еще могут быть подвезены и использованы. Сейчас трудно решить вопрос, возможно ли осуществить намерение армии — оставить в районе Петсамо две усиленные горно-стрелковые дивизии, а в районе Рованиеми — 2-ю горнострелковую дивизию. Но к этому надо стремиться. В дальнейшем предусмотрена смена 3-й горно-стрелковой дивизии 5-й горно-стрелковой дивизией или же одной из вновь сформированных горно-стрелковых дивизий;
г) в целях перевозки для горно-стрелкового корпуса предметов снабжения в Швеции будут закуплены или же зафрахтованы автотранспортные колонны. Если этих транспортных средств окажется недостаточно, то будет отдано распоряжение о доставке автомашин из Германии;
д) я поручил имперскому министру д-ру Тодту в возможно более короткий срок построить полевую железную дорогу от Рованиеми до Петсамо, беспощадно используя для этого русских военнопленных;
е) для возобновления наступления на Мурманск предусмотрена доставка всех новейших боевых средств, которые могут быть использованы в тундре.
2. Военно-морскому флоту
Задача флота — в зимнее время препятствовать подвозу оружия и продовольствия в Мурманск, особенно в то время, когда действия авиации затруднены. Для этой цели необходимо создать временную базу для малых кораблей, лучше всего в губе Петсамо, однако только при условии, если удастся захватить западную часть полуострова Рыбачий. Если подвоз в Киркенес и Петсамо морским путем будет временно нарушен, необходимо попытаться вновь восстановить его. Береговая оборона бухты Петсамо и района Киркенеса должна быть усилена до такой степени, чтобы она могла противостоять нападению тяжелых кораблей.

3. Военно-воздушным силам
Наличие в Северной Норвегии 5-го воздушного флота, располагающего крупными подготовленными к боевым действиям в зимних условиях силами, имеет решающее значение. Силы этого флота следует использовать таким образом, чтобы до периода нелетной погоды запланированное дальнейшее ведение операции в районе Кандалакши и действия по захвату западной части полуострова Рыбачий могли быть эффективно поддержаны авиацией. До наступления этого периода необходимо затруднять противнику использование морских путей для подвоза, разрушать его тыловые коммуникации и уничтожать склады и базы снабжения. Даже в зимнее время следует использовать малейшую возможность для продолжения этой борьбы, обращая особое внимание на нарушение коммуникаций и оборудуемых противником опорных пунктов. Для этого нужно, используя местные аэродромы, создать на территории Северной Норвегии и Финляндии систему базирования авиации и подготовить ее к действиям в зимних условиях. Следует обеспечить оборону от воздушных налетов противника районов расквартирования войск, путей подвоза, и прежде всего никелевых рудников, а также базы, которую намечено соорудить для флота.
Система базирования авиации и ее органы снабжения должны быть расширены, чтобы в нужное время обеспечить поддержку возобновленного наступления на Мурманск значительно большими силами авиации.
ГИТЛЕР
Верно: майор службы Генерального штаба
(подпись)
Немцы перебрасывали основные силы южнее, надеясь добиться до зимы успеха на Кандалакшском направлении. Однако быстро меняющаяся обстановка на фронте в очередной раз подкорректировала разбойничьи планы фюрера в менее оптимистичную сторону. В начале октября, после провала сентябрьского наступления на Кестеньгском и Кандалакшском направлениях, уже и Гитлеру стало ясно, что взять Мурманск или перерезать Мурманскую железную дорогу до зимы не удастся, что и нашло отражение в следующей директиве ОКБ, отменявшей предыдущую:
ДИРЕКТИВА ОКБ № 37
Фюрер и Верховный главнокомандующий вооруженными силами.
Верховное главнокомандование вооруженных сил.
Штаб оперативного руководства.
Отдел обороны страны.
№ 441696/41
Ставка фюрера 10.10.1941 г.
13 экземпляров
1-й экз.
Сов. секретно.
Только для командования.
Директива № 37
Быстро и успешно развивающиеся события на восточном театре военных действий, а также донесения командующего армией «Норвегия» о состоянии войск и о

возможностях проведения дальнейших операций в Финляндии побуждают меня приказать следующее.
1. После того как основная масса советских вооруженных сил на главном театре военных действий будет разбита или уничтожена, не будет никакой необходимости в сковывании русских сил в Карелии путем наступления. Для того чтобы до наступления зимы занять Мурманск и полуостров Рыбачий или же перерезать Мурманскую железную дорогу в Центральной Карелии, боевая численность и наступательная способность имеющихся там в нашем распоряжении войск недостаточна; к тому же упущено подходящее время года.
Поэтому неотложной задачей является: удержать захваченную территорию, обеспечить безопасность области Петсамо с ее никелевыми рудниками от нападений с суши, воздуха и с моря и приступить к проведению подготовительных мероприятий с тем, чтобы, начав боевые действия еще этой зимой, в будущем году окончательно овладеть Мурманском, полуостровом Рыбачий и Мурманской железной дорогой.
Последовательность проведения мероприятий
а) Переход войск к обороне на выгодных позициях, обеспечивающих экономию сил; сооружение для войск укрытий зимнего типа и переход к ведению боевых действий в условиях зимы;
б) проведение необходимой смены войск и подброска к фронту новых частей;
в) проведение зимой концентрического наступления на Мурманскую железную дорогу:
— финскими войсками с южного направления на Беломорск, Кемь и, если это будет возможно, также в направлении на Лоухи;
— немецкими войсками из района Верманна на Кандалакшу;
г) осуществление в благоприятный момент захвата, по возможности, всей территории полуострова Рыбачий, проведение наступления на Мурманск.
Осуществление этих операций должно быть спланировано по времени таким образом, чтобы можно было сосредоточить на нужном направлении основные силы и усилия всех имеющихся в распоряжении войск, предназначенных для проведения наступления.
2. Ближайшей задачей армии «Норвегия» следует считать: обеспечивая прочную оборону на второстепенных участках, перегруппировать соединения, чтобы можно было пополнить свежими подкреплениями войска, ведущие длительные и тяжелые бои, оснастить их для ведения войны в зимних условиях и вместе с тем произвести смену их вновь прибывающими частями. При этом руководствоваться следующим:
а) в горнострелковом корпусе сменить 2-ю и 3-ю горно-стрелковые дивизии усиленной 6-й горно-стрелковой дивизией.
Одну горно-стрелковую дивизию следует оставить в Северной Финляндии, а другую — передислоцировать в район Рованиеми и южнее. Отвод этих обеих дивизий в Германию планируется к моменту прибытия в Финляндию 5-й горно-стрелковой дивизии (ориентировочно в январе 1942 г.). Оставленная в Северной Финляндии горно-стрелковая дивизия должна быть сменена вновь сформированной или переформированной горнострелковой дивизией;
б) в распоряжение 36-го армейского корпуса будет переброшена 163-я пехотная дивизия, как только станет ясно, что нет необходимости в ее участии в

концентрическом наступлении в направлении южного берега Ладожского озера на стыке между «Карельской армией» и войсками группы армий «Север». Предполагается в течение зимы сменить 169-ю и 163-ю дивизии дивизиями из Норвегии или же из Германии.
3. Смену войск, в том числе и горно-стрелковых дивизий, произвести таким образом, чтобы основная часть тяжкого оружия, имущества, лошадей и вьючных животных оставалась на месте, т. е. сменялся только личный состав с легким вооружением. Этим будет достигнута экономия во времени и в транспортных средствах.
4. Относительно частей СС предусматривается следующее: 9-й полк СС, находящийся в настоящее время в подчинении 2-й горно-стрелковой дивизии, сменяется полком СС, укомплектованным финнами и норвежцами; из боевой группы СС «Север» и прибывающего австрийского полка СС сформировать горно-стрелковую бригаду.
Проведение этих мероприятий будет согласовано Верховным главнокомандованием вооруженных сил с прочими мероприятиями по замене штабов и войск.
5. Поскольку финское Верховное командование по окончании настоящих операций планирует полную организационную перестройку всей финской армии, надлежит произвести смену немецких и финских частей, находящихся в составе 3-го корпуса финнов. (6-я финская дивизия сменяет боевую группу СС «Север»). В дальнейшем предусматривается передача 3-го армейского корпуса финнов под командование фельдмаршала Маннергейма.
Для начала новых операций перед фельдмаршалом Маннергеймом будет возбуждено ходатайство вновь подчинить немецким войскам, наступающим на Кандалакшу, по меньшей мере отдельные небольшие финские части.
6. На военно-воздушные силы, действующие в Финляндии, вначале возлагаются, если позволят метеорологические условия, следующие задачи:
а) обеспечить наблюдение и контроль за северонорвежской и финской прибрежной полосой с целью защиты собственного судоходства и борьбы с кораблями противника;
б) обеспечить противовоздушную оборону, в первую очередь района никелевых рудников в Петсамо, портов выгрузки и опорных пунктов военно-морского флота;
в) вести воздушную разведку района предстоящих операций, осуществлять постоянно налеты на базу снабжения противника в Мурманске, а также препятствовать подвозу туда снабжения по морю и железной дороге;
г) предпринять подготовительные меры для использования крупных сил авиации с целью поддержки действий войск в предстоящих операциях.
7. Задачами военно-морского флота является организация ударов по транспортам противника, идущим на Мурманск, и по мере сил обеспечение своего судоходства в Баренцевом море. С этой целью необходимо в кратчайший срок перебросить в этот район легкие силы флота, в том числе и торпедные катера. Киркенес надлежит оборудовать как вспомогательный опорный пункт.
Для обеспечения своего судоходства в прибрежной полосе необходимо перебросить дополнительно береговые артиллерийские батареи. Соответствующие

распоряжения по этому вопросу будут отданы через начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил.
Киркенес и Петсамо должны быть дополнительно усилены каждый в отдельности одной батареей 210-мм орудий; одну батарею 280-мм орудий следует установить в районе Барде.
После взятия полуострова Рыбачий там следует также установить одну тяжелую артиллерийскую батарею.
8. Для отражения возможного наступления противника против фронта и приморского фланга нашей обороны нужно наладить в ближайшие месяцы особенно тесное взаимодействие между командованием армии «Норвегия», командованиями военно-морского флота и военно-воздушных сил.
Для облегчения этого взаимодействия учредить должности: от военно-морского флота — «командующего военно-морскими силами на Севере» и от военно-воздушных сил — «командующего ВВС на Севере» (после перебазирования 5-го воздушного флота в Норвегию).
9. Указания о проведении этих мероприятий будут отданы начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил. Через него же представить донесения:
а) от армии «Норвегия»: календарный план перегруппировки войск, свои предложения о перевооружении войск с тем, чтобы все войска были приспособлены к ведению боевых действий в тундре и лесах Восточной Карелии; оперативные расчеты, заявки на усиление частями РГК, а также соображения по вопросу о смене штабов;
б) от командования военно-морского флота и командования военно-воздушных сил свои развернутые соображения.
10. Поскольку положения ранее изданной директивы № 36 устарели, она теряет свою силу.
ГИТЛЕР
Верно: майор службы Генерального штаба
(подпись)
К середине октября усиленная 6-я горноегерская дивизия, переброшенная из Греции, сменила 2-ю и 3-ю дивизии, понесшие большие потери и вместе с финскими войсками не выполнившие поставленную задачу. 2-я дивизия была отведена на отдых и укомплектование в норвежский город Киркенес. В каком состоянии находилось это соединение, можно узнать из записок офицера Бухнера: «2-я горно-стрелковая дивизия, находившаяся в непрерывных боях в течение двух с половиной месяцев, была полностью разбита, большинство горных егерей истреблено, а оставшиеся крайне измотаны… Наступление на Мурманск пришлось остановить. Было совершенно ясно, что мы сильно недооценивали и местность, и противника».
И если эта дивизия осталась в составе корпуса как его резерв, то 3-я дивизия, полностью разгромленная и небоеспособная, была переброшена в Южную Лапландию, а затем в Германию. Таким образом, горноегерскому корпусу «Норвегия» с июня до конца сентября 1941 года в ходе трех наступлений не удалось пробиться к Мурманску и захватить город. Корпус не смог достичь своей цели, а лишь создал плацдарм на Лице на полпути к Мурманску приблизительно в

40 километрах восточнее границы. За неполных три месяца боев горноегерский корпус потерял убитыми и ранеными в общей сложности около 10,5 тысячи солдат и офицеров из 27,5-тысячного состава.
Немецкое командование не оставило планов возобновления наступления на Мурманск.
Значение города в ходе войны непрерывно возрастало. Если в начале войны он все-таки в основном рассматривался как угроза никелевым рудникам, то в зимнее время, после того как Архангельский порт в ноябре замерзал, он оставался единственным источником получения союзной помощи, близким к Москве и Ленинграду.
Поэтому удерживать плацдарм, который в следующем году мог послужить трамплином для броска к Мурманску, было поручено не пехоте, а имевшей богатый опыт боевых действий в горных условиях 6-й горноегерской дивизии, прорвавшей весной 1941 г. линию Метакса, бравшей Олимп, Афины, Ларису и участвовавшей в захвате Крита.
После ожесточенных боев лета и начала осени наступившая полярная зима принесла на плацдарм долгое затишье, продолжавшееся до весны 1942 г. Горные егеря хоть и по-прежнему находились на плацдарме, уже не представляли из себя силы, способной самостоятельно угрожать Мурманску.

Высота 314.9

(7–9 ноября)
После издания Гитлером директив о переходе к обороне на Мурманском направлении, крупных боевых действий на Лицском плацдарме до 1942 г. не велось. Однако в ноябре командование 52-й дивизии решило снова взять к годовщине Октябрьской революции многострадальную высоту 314.9, с которой 58-й СП был выбит немцами во время сентябрьского наступления. Особой необходимости в захвате высоты не было, так как за ней находилась гораздо более подходящая для обороны высота 275.0, которую 58-й полк не рискнул штурмовать в июле.
Но командование дивизии, получившее одобрение командующего 14-й армией, решило, что занять высоту будет не сложно, учитывая, что корабли Северного флота и два недавно сформированных батальона морской пехоты были готовы оказать необходимую поддержку.
Полковая разведка 58-го СП установила, что высоту занимает не больше роты егерей (впоследствии выяснилось, что это была 7-я рота 143-го полка 6-й горноегерской дивизии, сменившей отведенную в тыл 2-ю горноегерскую дивизию), которые в холодные ночи и в пургу большей частью уходят с переднего края в землянки.
Учитывая это, было решено, что для захвата высоты хватит одного 2-го батальона 58-го СП. Так как захват высоты планировался заранее, батальон имел возможность провести тренировочные занятия на находившихся в тылу высотах с похожим рельефом. Атаку для обеспечения внезапности и уменьшения сопротивления противника было решено проводить по наиболее крутому склону,

на котором у егерей находилось минимальное число огневых точек, и без предварительной артподготовки.
В ночь на 7 ноября 2-й батальон под командованием капитана Ладанова, перейдя по льду замерзшее озеро Дикое, развернувшись в боевые порядки, двинулся к частично обледеневшим каменистым скатам высоты. Погода благоприятствовала операции — поднялась сильная метель и видимость на склонах высоты была минимальной. Подразделения сумели незаметно сосредоточиться у огневых позиций егерей и захватили передовые позиции немцев одним ударом. Егерей на них оказалось действительно немного, и оказать серьезное сопротивление атакующим они не смогли.
Однако развить наступление и захватить всю высоту не удалось. У тригонометрического пункта, где находились землянки с отдыхавшими егерями, бойцы встретили неожиданно упорное сопротивление. Землянки егерей оказались обильно политы водой, которая, замерзнув, образовала толстый слой льда, от которого рикошетировали не только гранаты, но даже пули…
Землянки егерей штурмовали сначала одна, а потом и две роты, но добиться успеха не удалось. Через многочисленные узкие окна-бойницы егеря отстреливались из пулеметов и автоматов, выкидывали из дверей гранаты. Местами бой переходил в рукопашные схватки, но захватить землянки так и не удалось. Имея достаточно боеприпасов, егеря упорно отбивались всю ночь, и огонь их не слабел.
С рассветом егеря с прилегающих к высоте участков, с других скатов и от вершины начали контратаки с целью разблокировать тригонометрический пункт. Продолжавшаяся метель облегчала проведение обходных маневров, активно применявшихся обеими сторонами. Рота старшего лейтенанта Макарова оказалась обойденной с флангов, и над ней нависла угроза окружения. Однако командир роты сумел остановить продвижение егерей на одном фланге, перебросив туда одно из отделений. А на другом фланге и вовсе отбросил егерей, внезапно сосредоточив там все имевшиеся в роте пулеметы.

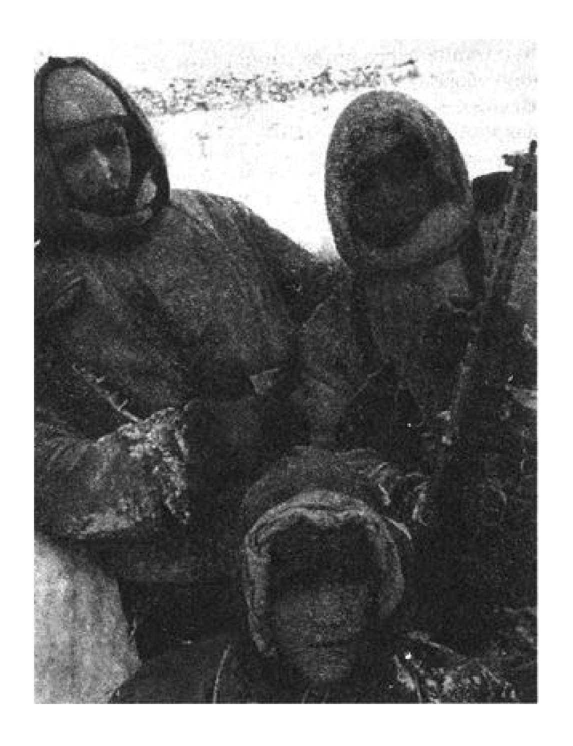
Выдвижение на позицию.
Контратаки егерей продолжались весь праздничный день, и весь день вместе с метелью продолжались и попытки обходных маневров. Роту старшего лейтенанта Чернoконя егеря сильно теснили ударами с фронта, используя удобный для этого рельеф местности. Заместитель командира роты по политчасти, младший лейтенант Торцев во главе отделения, в свою очередь, зашел в тыл егерям, пытаясь оттянуть часть сил егерей от роты. Но недостаток людей превратил грамотный

тактический маневр в ловушку для него самого. Против отделения Торцева действовало около взвода егерей, сумевших в итоге его окружить. Отделение, оказавшее егерям яростное сопротивление, было полностью уничтожено. Своевременно деблокировать его не удалось.
Уже вечером спасать положение был брошен 116-й батальон моряков капитана Старовойтова, большую часть которого — две роты, составляли приобретшие богатый боевой опыт в июльских и сентябрьских боях десантники 1-го добровольческого отряда Северного флота, среди которых был и удостоенный 17 августа 1941 звания Героя Советского Союза и произведенный в младшие лейтенанты герой июльских боев, командир отделения Василий Кисляков, командовавший теперь взводом. Десантники остановили натиск егерей и отбросили их от группы Торцева. Из живых на позиции отделения, так и не занятой немцами, был обнаружен только сам Торцев, лежавший без сознания за ручным пулеметом. Почти все боеприпасы отделением были израсходованы, на позиции не было найдено ни одной гранаты. Сам Торцев скончался, не приходя в сознание, от потери крови до доставки его в медсанбат. Позднее ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.
На 8 ноября был получен прогноз об улучшении погоды. Утром десантники под прикрытием тумана максимально сблизились с врагом, а когда он рассеялся, повели наступление на южную вершину высоты. Такое направление атаки явилось для егерей неожиданным, так как весь праздничный день бой велся за северную вершину, на которой находился тригонометрический пункт с хорошо укрепленными землянками блокированных на высоте егерей. Десантники медленно продвигались вверх, используя складки местности. Они не наступали цепями, применяя хорошо им знакомую тактику егерей — двигались от укрытия к укрытию, пытаясь в удобных местах обходить огневые точки противника. Одновременно с наступлением десантников два взвода из 2-го батальона осуществляли отвлекающие маневры — взвод младшего лейтенанта Егоркина с боем пробился к западным скатам высоты, отбросив слабое боевое охранение немцев, а взвод младшего лейтенанта Сердюкова, вообще не встретив никакого сопротивления, подошел к восточным скатам высоты.
Постепенно продвигаясь по склону, не гонясь за скоростью продвижения, но и избежав значительных потерь, десантники к вечеру приблизились к вершине и охватили ее с трех сторон. Дивизионная артиллерия во время этого длительного продвижения периодически поддерживала десантников огнем.
Но перед вершиной, на которой укрепились егеря, были натянуты сплошные заграждения из колючей проволоки, находившиеся в простреливаемом с вершины пространстве. Десантники дождались темноты, после чего взвод под командованием младшего лейтенанта Кислякова проделал проход в проволочном заграждении, в стороне от имевшихся и здесь укрепленных землянок, так, чтобы перед ним находились только немецкие окопы. После этого взвод Кислякова, сблизившись на минимальную дистанцию с противником, забросав егерей гранатами, сумел одним броском ворваться в окопы, уничтожил находившихся в них егерей в рукопашной схватке и, открыв оттуда сильный огонь во фланг противнику, дал возможность батальону преодолеть проволочное заграждение. Егеря оказывали яростное сопротивление и отошли, только когда батальону

десантников удалось вслед за взводом ворваться за проволочное заграждение. При этом взвод Кислякова, удерживавший окопы до подхода основных сил батальона, был выбит почти полностью. Часть моряков погибла и была ранена еще перед захватом немецких окопов, когда гранаты летели в обе стороны, часть во время рукопашного боя, последние потери взвод понес, обеспечивая наступление батальона, когда егеря сосредоточили на занятых окопах огонь нескольких 50-мм минометов. Сам Кисляков во время боя получил 15 осколочных и пулевых ранений.

В ходе боя наступил перелом. Егеря не рискнули удерживать землянки, опасаясь, что на внешний прорыв двух окружений у их командования может не хватить сил, и поспешно отошли от вершины. 58-й полк наконец смог закрепиться на южной вершине высоты.

9 ноября бои велись у обеих вершин высоты. На северную немцы, естественно, наносили основные удары, на южную — отвлекающие. Под давлением егерей к вечеру северную часть высоты пришлось оставить, с тем чтобы сосредоточить все силы на обороне южной. После разблокирования егерей, больше двух суток отбивавшихся в землянках у тригонометрического пункта, немецкие контратаки прекратились. Командование 52-й дивизии в течение недели не оставляло надежды привести положение на высоте в соответствие со своим праздничным докладом. Но массированные атаки больше не проводились, егерей пытались выдавить с северной вершины при помощи огневой поддержки кораблей Северного флота и дивизионной артиллерии. Однако ввиду дефицита боеприпасов к 16 ноября и эти попытки были прекращены, а в штаб 14-й армии был отправлен еще один, уточняющий, доклад о том, что высота занята «за исключением тригонометрического пункта». То, что тригонометрический пункт расположен на северной вершине, в докладе, естественно, не пояснили.

В ближнем бою егеря охотно пользовались советским стрелковым оружием.

Немцам, не знакомым с практикой «праздничных наступлений» и встревоженным попытками захвата высоты, мерещилась перспектива общего наступления. В результате егеря, как и в июле, занялись улучшением своих оборонительных позиций, которое проводилось с чисто немецким педантизмом. В результате на южном фланге 52-й дивизии егеря оставили высоту, известную как «пила», а также все свои позиции перед потрепанной 14-й дивизией, развернув линию обороны на этом участке фронтом на юг и подстраховавшись от возможного прорыва к их коммуникациям, ведущим на Титовку.
В штабе армии сообщения об этом вызвали оторопь, настолько это не вязалось с советскими представлениями об «активной обороне» и неоставлении врагу ни пяди территории. В результате была проведена дополнительная разведка местности и после подтверждения сведений было отдано распоряжение срочно занимать «освобожденную» от противника территорию. И в условиях суровой полярной зимы войска вынуждены были сниматься со с таким трудом оборудованных позиций и снова через 1–2 километра долбить окопы в вечной мерзлоте, строить укрепления и землянки, прокладывать рокады. Вот при таких обстоятельствах фронт в Заполярье первый раз двинулся на запад…
В какое количество жертв обошлось 58-му полку взятие высоты, точно неизвестно. У немцев наибольшие потери понесла 7-я рота, находившаяся на высоте. Из ее состава, попавшего в окружение, по некоторым данным, в землянках уцелело не больше десятка человек.
Высоте 314.9 придавалось большое значение обеими сторонами как одной из самых значительных оборонительных позиций. После проведенных за нее многочисленных кровопролитных боев, в ходе которых она не раз переходила из рук в руки, высота приобрела собственное имя. В советских документах она именовалась как «Важная», немцы же прозвали ее «Стальной шлем».

Некоторые выводы

Боевые действия в условиях Заполярья на Лицском направлении имели свой специфический характер. Из-за сложного рельефа местности, отсутствия большого количества дорог в боях участвовали относительно небольшие силы сторон. Немцы действовали практически двумя горно-стрелковыми дивизиями, которым противостояли две советские стрелковые дивизии.
На этом участке фронта немцы не имели подавляющего превосходства ни в технике, ни в живой силе. Однако с началом боевых действий успех и здесь сопутствовал немцам. Советское командование так и не успело за неделю, прошедшую с начала Великой Отечественной войны, сосредоточить здесь имевшиеся в его распоряжении силы, вполне достаточные для отражения наступления двух немецких дивизий.
В результате в первый же день наступления немцам удалось разбить на реке Титовке основные силы 14-й СД, после чего во всех последующих боях она играла только вспомогательную роль и вся тяжесть отражения удара горноегерского корпуса «Норвегия» легла фактически на одну 52-ю стрелковую дивизию.
Отсутствие на плацдарме в значимых количествах боевой техники определило еще одну особенность боевых действий. Не имея танков и бронетранспортеров,

которым здесь негде было действовать, немцы не могли соответственно предпринимать и широких обходных маневров и операций на окружение.
Все три немецких наступления сводились, в сущности, к попытке прорвать фронт на одном узком участке, иногда при помощи одного-двух отвлекающих или обходных маневров.
В условиях труднодоступной, насыщенной валунами местности с большим количеством высот и лощин бои носили в основном позиционный характер и велись за обладание господствующими высотами. В таких условиях линия обороны была малоподвижной и требовала длительного оборудования, тем более что прикрывалась она сравнительно небольшим количеством войск. Прохождение немногочисленных на Лицском плацдарме дорог вдоль берега сделало эффективным применение даже небольших по численности десантных подразделений, так как они практически сразу начинали угрожать коммуникациям противника и имели удобные позиции для обороны.
Немцы так и не смогли собрать достаточных сил и средств для высадки хотя бы одного десанта в тылу советских войск, способного перерезать Мишуковскую дорогу и колонный путь на Ура-губу — основные коммуникации в тылу советских войск на Лицском плацдарме. Командование же Северного флота, напротив, сумело подготовить целых три десантных операции, из которых наиболее значительной по своему масштабу и результатам была последняя.
В результате второе, самое опасное, наступление немцев на Лицском плацдарме было отражено во многом именно благодаря высадке в немецком тылу 325-го стрелкового полка и 1-го добровольческого отряда моряков Северного флота. Успевший пройти 2-недельное обучение и хорошо вооруженный отряд моряков, готовившийся в качестве подразделения первого броска, обеспечил успех и высадки десанта, и его снятия после выполнения поставленных задач.
Морской отряд и в дальнейшем являлся эффективной ударной силой, используемой для решения самых трудных задач. Позднее на его основе в 52-й дивизии был развернут отдельный «морской» батальон.
На скалистых склонах высот артиллерийский огонь не был особенно эффективным, гораздо больший урон наносило применение минометов и штурмовой авиации. Впрочем, авиация обеими сторонами применялась в значительно меньшем масштабе, чем на других участках фронта.
Немцы вынуждены были постоянно перебрасывать свои эскадрильи с одного направления Карельского фронта на другое, поэтому на Лицском плацдарме авиация немцами применялась только в особенно важных случаях. Но применение ее было исключительно эффективным из-за четко налаженного взаимодействия с пехотой. Советская авиация этим похвастать не могла, что ясно показала поддержка с воздуха неудачной августовской попытки советского контрнаступления.
В качестве высадочных средств для специфических условий Заполярного театра военных действий наиболее удобным оказалось использовать морские охотники. Присущие этим вертким 3-винтовым корабликам скорость и маневренность помогали им успешно защищаться и от огня артиллерии и от ударов с воздуха. В дальнейшем для высадки десантов с успехом стали применяться и торпедные катера.

Тактические приемы егерей оказались довольно эффективными в условиях Заполярья, они грамотно обходили огневые точки противника и умело действовали небольшими группами. Советская тактика, первоначально строившаяся на принципах активной обороны, постепенно стала приближаться к немецкой, а затем и превзошла ее. К осени 41 г. советские подразделения уже успешно действовали малыми группами, активно применяли маневры в обороне и наступлении. Полученные навыки и приобретенный опыт со все большим успехом использовались в боях на плацдарме, ведшихся в последующие годы.
Стойкость советских частей в обороне сорвала немецкие планы по захвату базы Северного флота в Полярном и незамерзающего Мурманского порта. Большие потери, понесенные горноегерским корпусом, вынудили его прекратить наступления даже после того, как на плацдарм были переброшены свежая усиленная 6-я горно-стрелковая дивизия и 9-й пехотный полк СС. Немцы не решились использовать в наступлении свои последние свежие части, выделенные для этого театра военных действий. 6-я горно-стрелковая дивизия сменила потрепанные 2-ю и 3-ю горно-стрелковые дивизии. С октября 1941 г согласно директивам Гитлера немецкие войска перешли к обороне, в которой находились все остававшиеся долгие годы войны, до того момента, когда она была окончательно прорвана.

Обращение к читателю (вместо заключения)

Вот вами и прочитана первая книга, целиком посвященная первым десантам Великой Отечественной войны.
Тема десантных операций этой войны много больше, чем может вместить в себя одна книга. И поэтому в этой книге речь шла не о всех десантах войны и даже не о всех десантных операциях первого года войны, а только о трех из них.
В теме десантных операций Великой Отечественной нет и не может быть операций второстепенных. Есть просто более и менее известные и более и менее масштабные.
По драматизму событий, накалу боев, трудности выработки принимаемых решений каждая из таких операций достойна отдельной книги. Именно это и постарается со временем сделать автор.
На примере трех операций, о которых я успел рассказать, думаю, ясно, что каждая десантная операция заслуживает подробного и полного изложения. И, думаю, вы уже успели заметить, что ни одна десантная операция не похожа на другую, как не бывает двух похожих боев для тех, кто в них участвует.
Если мне удалось убедить читателя, что каждая из проведенных в годы Великой Отечественной войны десантных операций заслуживает его внимания, я буду считать свою задачу выполненной.
Если при этом вы, читатель, начнете лучше разбираться в том, почему и как происходили описанные события, известные вам только по сухим строчкам справочников, где от боев остаются только краткие «анкетные» данные — когда и где происходил и сколько и каких частей в нем участвовало, если узнаете новое и неожиданное для себя и по-иному взглянете на пару строчек в толстом справочнике, думаю, и вы, читатель, не пожалеете о том, что прочли эту книгу.

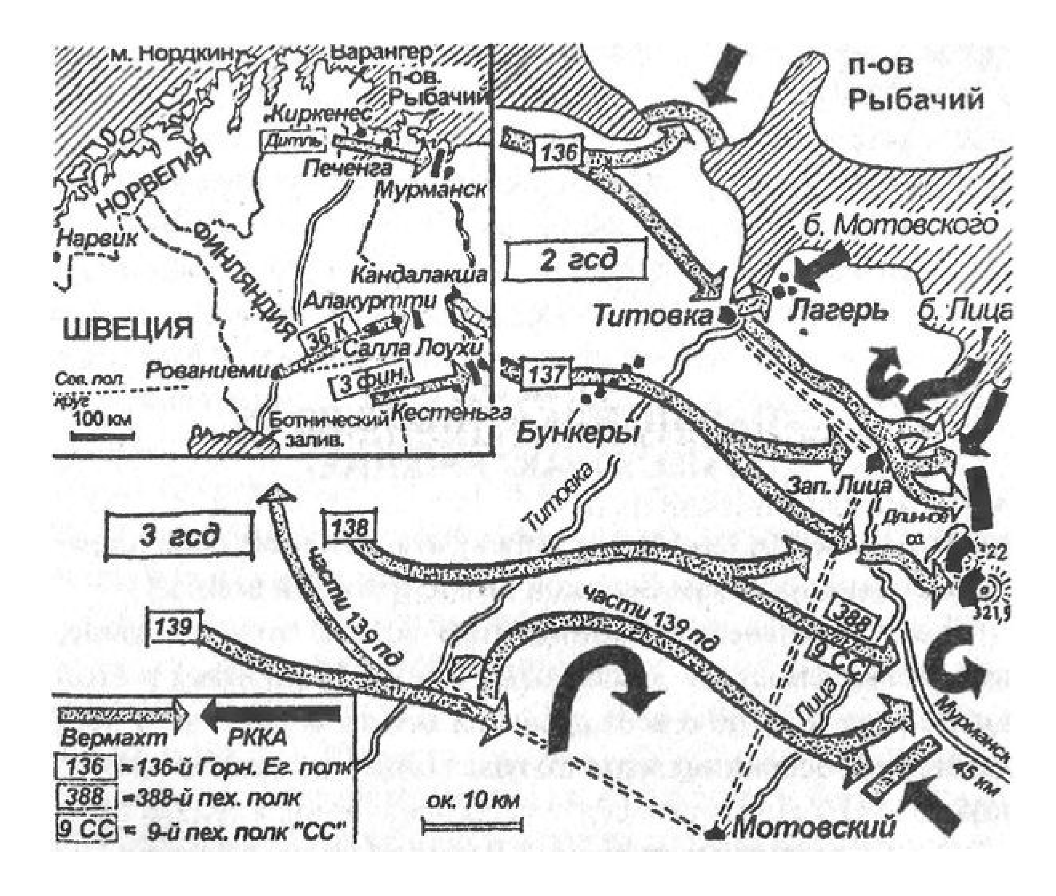

Схема боевых действий на Мурманском направлении 29 июня — 18 сентября 1941 г.

А если вы, читатель, сможете полюбить военную историю так, как ее полюбил однажды я, и будете чувствовать необходимость в пополнении своих знаний по этим и другим темам военной истории, видеть в них интересные для себя драматические события, из которых она, собственно, и состоит, я буду считать, что время, ушедшее на написание этой книги, потрачено не напрасно.

Список используемых сокращений

АП — Артиллерийский полк
ВС — Военный совет
ГАП — Гаубичный артиллерийский полк
ДВФ — Дунайская военная флотилия
ОВР — Охрана водного района (военно-морской базы)
ООР — Одесский оборонительный район
ОдВО — Одесский военный округ
ОИАЭ — Отдельная истребительная авиационная эскадрилья
СД — Стрелковая дивизия
СК — Стрелковый корпус
СП — Стрелковый полк
СНиС — Служба наблюдения и связи
Каперанг — Капитан первого ранга
Кавторанг — Капитан второго ранга
Комкор — Командир корпуса
Комдив — Командир дивизии

КП — Командный пункт
Мангруппа — маневренная группа
ПО — Пограничный отряд
ПНШ — помощник начальника штаба
ФКП — Флагманский командный пункт
Флагмин — Флагманский минер
Флагарт — Флагманский артиллерист
ЧФ — Черноморский флот
ЧОПС — Черноморский отряд пограничных судов
ЧВС — Член Военного совета
Штакор — Штаб корпуса
Штадив — Штаб дивизии

Библиография

ЦВМА, инв. № 7715, с. 9.
ЦВМА, инв. № 7715, с. 26.
ЦВМА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 669, л. 26
ЦВМА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 669, л. 28.
ЦВМА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 669, л. 29.
ЦВМА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 669, л. 30
ЦВМА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 669, л. 35.
ЦВМА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 669, л. 51.
ЦВМА, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 446, л. 182.
ЦВМА, ф. 19, д. 735, л. 98.
ЦВМА, ф. 2092, оп. 1, ед. хр. 34, л. 6.
ЦВМА, ф. 2092, оп. 1, ед. хр. 34, л. 8.
ЦВМА, ф. 2092, оп. 1, ед. хр. 34, л. 18.
ЦВМА, ф. 2092, оп. 1, ед. хр. 34, л. 19.
ЦВМА, ф. 2092, оп. 1, ед. хр. 34, л. 66.
ЦАПВ ФСБ РФ, ф. 173, оn. 1, ед. хр. 4, л. 130.
ЦАПВ ФСБ РФ, ф. 173, оn. 1, ед. хр. 12, л. 25.
ЦА МО, ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 191, 192.
ЦА МО, ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 217.
ЦА МО, ф. 48а, оп. 3408, д. 15, л. 426.
ЦА МО, ф. 48а, оп. 3763, д. 96, л. 37.
ЦА МО, ф. 251, оп. 646, д. 465, л. 231–233.
ЦА МО, ф.1068 оп. 1, д. 7, л. 2–3.
ЦА МО, ф. 1068 оп. 1, д. 11, л. 77.
ЦА МО, ф.1068 оп.1, д.15, л. 199.

- *Азаров И.И.* Осажденная Одесса. — М.: Воениздат, 1962.
- Анализ применения береговых войск и морской пехоты в Великой Отечественной войне // Научно-технический отчет о НИР; научн. рук-ль Е.П. Абрамов. Шифр «Штурм». УДК. Инв. № 148. — СПб.: ВМИИ, 2005.
- Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн.1 Воениздат, 1958.

- *Алещенко Н.М.* Они защищали Одессу, М., 1970.
- *Ачкасов В.И., Павлович Н.Б.* Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1973.
- *Багров В.* Морская пехота и морские соединения в летне-осенней кампании 1941 г. Военно-исторический журнал. 1975. № 7. С. 97–101.
- *Басов А.В.* Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945: Опыт оперативно-стратегического применения. — М.: Наука, 1980. 304 с.
- Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941–1945. Г.А. Аммон и др… — М.: Воениздат, 1983. 496 с.
- Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. В. И. Ачкасов, и др… — М.: Воениздат, 1988.
- *Боечин И.* Плацдармы за Дунаем. Журнал «Техника молодежи» № 8/2007.
- *Белоус Н.* Из опыта подготовки и высадки морских десантов // Военно-исторический журнал. 1978. № 9. С. 32
- *Ванеев Г.И.* Черноморцы в Великой Отечественной войне. Воениздат, 1978.
- *Вахмут А*. Первые дни войны на Дунае. Военно-исторический журнал № 9,1970.
- Великая Отечественная война 1941–1945 гг. — Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985.
- *Вещезерский Г.А.* У хладных скал. — М.: Воениздат, 1965.
- Военный энциклопедический словарь. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». Изд. «Рипол классик». Москва. 2001.
- *Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н.* Военные флотилии в Великой Отечественной войне М., 1957.
- *Горшков* С.Г. Морская мощь государства. М.: 1976.
- *Григорьев В.В.* И корабли штурмовали Берлин. М.: Воениздат, 1984.
- *Головко А.Г.* Вместе с флотом. — М.: Финансы и статистика, 1984.
- *Евский Д.* Крепче стали и гранита. Военно-исторический журнал.
- *Евстигнеев В.Н.* 70 героических дней, М., 1964.
- *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 8-е издание. АПН. Москва. 1987.
- *Зефиров М.В., Дегтев Д.М., Баженов Н.Н.* Тени над Заполярьем. Действия Люфтваффе против советского Северного флота и союзных конвоев. АСТ, Москва, 2009.
- *Иванов В.* Десант на дунайский плацдарм. Интерфакс-время 30.04.2003.
- *Камалов Х.Х.* Деятельность Коммунистической партии по созданию и боевому использованию отрядов моряков и частей морской пехоты в защите социалистического Отечества (1917–1945 гг.) //Дисс…. докт. ист. наук. — Иваново, Ивановский гос. универ., 1983. — 428 с.
- *Киселев В.В., Раманичев В.В.* Действия войск Южного фронта в начальном периоде Великой Отечественной войны. Сайт РККА, Военно-исторический журнал.
- *Кисляков В.П.* За Полярным кругом. — М.: Воениздат, 1977.
- *Кузнецов Н.Г.* Курсом к Победе. М., 1975.
- *Кузнецов Н.Г.* На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971.

- Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. И, III. Одесса, 1949.
- *Перечнев Ю.Г.* Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976.
- *Пензин К.В.* Черноморский флот в обороне Одессы (1941 г.). М., 1956
- Пограничные войска в Великой Отечественной войне. Сб. документов. М.: Наука, 1968.
- *Платонов А.В.* Энциклопедия советских надводных кораблей 1941–1945. СПб, Полигон. 2002.
- *Платонов В.И.* Записки адмирала. — М.: Воениздат, 1991.
- *Салагин Я.Т.* Опыт десантных операций в Отечественную войну. — М.: Воениздат, 1957.
- *Локтионов И.И.* Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. М., 1962.
- *Хазанов Д.Б.* 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. — М.: Яуза, Эксмо, 2006.
- *Хорьков Г.И.* Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1981.
- *Хорьков Г.И.* Морские были. — М.: ДОСААФ, 1988.
- *Худалов Х.А.* У кромки континента. — М.: Воениздат, 1974.
- Хроника боевых действий Дунайской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза в 1941 г. (22 июня-1 декабря 1941 г.). М. Управление Военно-морского издательства НК ВМФ СССР.
- Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. С 21 июня по 31 декабря 1941 г. М. — Л; Управление морского издательства НКМВФ СССР, 1945.
- *Усыченко Ю.* Одесса. Страницы героической защиты и освобождения города-героя 1941–1944. М. Политическая литература, 1978.
- *Федечкин А.* Григорьевский десант. Военные Знания, № 9, 1996.
- *Широкорад А.Б.* Битва за Черное море. М.: АСТ. 2005.
- *Череватенко А.Т.* Небо Одессы, 1941-й. — Одесса: Маяк, 1978.
- *Buchner, Alex:* Gebirgsjager an alien Front (Adolf Sponholz Verlag, Hannover, 1954)
- *Hess Wilhelm:* Eismeer front 1941 (Scharnhorst Buchkameradschaft, Heidelberg, 1956),
- *Carell, Paul:* Unternehmen Barbarossa. Der Marsch nach Russland. (Berlin — Frankfurt/M. 1963)
- *Klatt Paul:* Die 3 Gebirsdivision 1939–1945 (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1958).
- *Lanz Hubert:* Gebirgsjager (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1954).
- Также использованы материалы с сайта «Анатомия армии» Ю. Веремеева.

Анатолий Юновидов
Десанты 1941 года
Серия: Великая Отечественная: Неизвестная война
Издательства: Яуза, Эксмо, 2009 г.
Твердый переплет, 416 стр.
ISBN 978-5-699-37934-7
Тираж: 4000 экз.
Формат: 84x108/32 (~130x205 мм)